

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 3, №3

Подписано к публикации: 17.04.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2023

Содержание

Алибекова Д.М. Структурно-семантические и грамматические особенности идиом немецкого языка	6-9
Балакина И.А., Кузина Ю.В. Лексический уровень языковой игры в дискурсе художественного произведения и ее перевод	10-17
Балаклеец Д.А. Взаимосвязь категорий пространства и времени в литературном процессе XX-XXI века	18-22
Билалова Д.Н. Особенности аффиксального способа образования терминов в башкирском, русском и английском языках	23-27
Ергазина А.А. Лингвокультурный аспект моделирования во фразеологии как отражение менталитета народа	28-31
Левина В.А. Лингвокультурологический анализ термина артель, как лингвистического феномена	32-39
Саид Надия Ибрахим Мохамед Абделкадер Национально-культурная специфика жеста в поликодовом тексте	40-44
Ревякина Н.П., Курьянов Н.А. Глубокое обучение как средство достижения цели	45-50
Тупкалова Л.Ю. Смысловая модель туристического текста путеводителя	51-55
Таджибова Р.Р., Махмудова С., Гаджиева А., Магомедова П. К вопросу о способах двуязычного перевода с английского и русского языков	56-59
Тугушева Ф.А., Хамурзова А.Г., Лоова Э.С. Языковые единицы со значением неопределенного количества в старофранцузском языке	60-63
Ван Цзяоцзяо Анализ социального положения женщины в романах "Царь-рыба" В.П. Астафьева и "Правый Берег реги Аргунь" Чи Цзыцзань	64-67
Сюй Яо Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах	68-72
Кутеко Д.А. Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами italiano neostandard	73-78
Прокофьева И.О., Осипова А.М. Художественное своеобразие лирики Юрия Татаренко (на материале поэтического сборника «Новости-Бирск»)	79-82
Романова Л.Г. Применение русской разговорно-просторечной лексики для передачи эмоций персонажей современной англоязычной прозы в переводе	83-88

Сабитова А.М. Модель национально-ориентированного обучения РКИ (на примере обучения иранских студентов)	89-93
Чжао Юаньцзэ Перспективы развития современной русской семьи в сравнении с китайской: по материалам исследований концепта «Семья» в русском и китайском языках	94-100
Буланова В.А. Лингвистические средства реализации суггестии в политической коммуникации Германии (на материале речей федерального канцлера Олафа Шольца „Zeitenwende“)	101-106
Чиркин И.С. Этнические и социальные стереотипы как фактор формирования языковой картины мира военнослужащего на материале словацких военных текстов	107-114
Экономова А.Д. Проблема вербальной манипуляции в правовой сфере: аксиологическое освещение	115-118
Романова Ю.Г., Ду Хуэй Международная коммуникация в сфере бизнеса и права: особенности перевода политического дискурса	119-122
Гришечкина А.М., Фурманова М.И. Латинские морфолого-синтаксические структуры как схема-основа для интерпретации и единого терминообразования структур с инфинитивом в современных языках	123-131
Тугулова О.Д., Хайдапова М.Б.-О. Женский голос поэзии рабочих-мигрантов: тематика и художественные особенности творчества	132-136
Холстинина Т.В., Холстинина А.Н., Поройков А.В. Важность разработки комплексного междисциплинарного подхода к изучению феномена полилингвизма в нейро- и социолингвистическом аспектах	137-141
Шишигина В.Р., Окорокова В.Б. Художественные особенности документального романа Харысхала “Дорогами минувших лет”	142-147
Бородулина Е.С. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи)	148-153
Васильева Н.М. Орфографирование русских заимствований в современной якутоязычной прессе	154-157
Сунь Исюань Анализ китайско-английского синхронного перевода дипломатического дискурса с точки зрения концептуальной метафоры (на примере выступления председателя Си Цзиньпина)	158-161
Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевых стратегий самопрезентации и презентации в англоязычном письменном дискурсе поиска работы	162-168
Рабеев Сафаа Кхалид Бресам, Гриднев Ю.В. Борьба американских женщин против дискриминации и расизма в истории и литературе	169-172

Салихова Э.А., Мурсалимова Ю.Р., Кушнарера А.В. Десакрализация языковой картины мира: на примере библейских элементов идиоматического сектора	173-180
Юдин В.И. Передача сленга при переводе фильма «Кандиша – Демон мести» с французского языка на русский	181-185
Сон Сомиа, Семенова А.Л. Когнитивно-лингвистические аспекты глаголов со значением "надевать" в русском и корейском языках	186-191
Туфанова Ю.В. «Человек соглашающийся» как особый тип коммуникативной личности	192-197
Чжао Мэйцзюань Внутриязыковая лакунарность и ее проявление в словообразовательной системе русского языка	198-202
Гарбави Захра Саад Халлави Реклама в современном медийно-информационном пространстве	203-208
Тимирящева К.Р. Система ценностей «Добро» в антипословицах русского и английского языков	209-212
Валипур Алиреза, Салехи Мохаммади Хабиб Ассимиляция фонем в русском и персидском языках	213-217
Шушунов Н.С. Коммуникативно-дискурсивные характеристики текстов парламентских дебатов (на материале протоколов заседаний Бундестага)	218-223

Алибекова Д.М., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет

Структурно-семантические и грамматические особенности идиом немецкого языка

Аннотация: в статье рассмотрены структурно-грамматические особенности идиом немецкого языка. Отмечено, что данные устойчивые единицы выступают как образный, наглядный вариант в синонимическом ряду того или иного слова, выделяются в синонимическом ряду не только своей образностью, но и стилистической окрашенностью. Определен их структурно-грамматический состав. Идиомы со структурой существительное + глагол являются наиболее широко распространенными в немецком языке. Выявлены семантические группы возникновения немецких идиом. Ряд таких идиом возникли в результате метафорического и метонимического переноса. Установлено, что происхождение значительного количества идиом немецкого языка связано с трудовой деятельностью человека, с различными профессиями, со сферой культуры и искусства, с религиозными обрядами, с жизненной практикой различных социальных групп. Они никогда не могут быть источником для образования новых слов. Все это доказывает то, что идиомы – один из лексических слоев словарного состава немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий язык, идиомы, грамматические отношения, грамматические особенности, метафорическое переосмысление, переносное значение, образность

Для цитирования: Алибекова Д.М. Структурно-семантические и грамматические особенности идиом немецкого языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 6 – 9.

В современном немецком языке идиомы отмечаются как в разговорном языке, так и в научной, художественной, публицистической литературе. В их состав входят слова не только современного немецкого языка, но и уже утраченные в исследуемом языке. Грамматические отношения между идиомами и лексические компоненты достаточно разнообразны.

«В немецком языке встречаются слова-идиомы, возникшие в результате словосложения. Они представлены преимущественно составными существительными, которые с точки зрения смысловой взаимосвязи их компонентов можно сравнить, с одной стороны, с фразеологическими единствами и, с другой стороны, с фразеологическими сочетаниями» [2, с. 167].

Возникновение идиом в немецком языке связано с различными сферами деятельности человека. Так, происхождение значительного количества идиом немецкого языка связано с трудовой деятельностью человека, с различными профессиями, со сферой культуры и искусства, с религиозными обрядами, с жизненной практикой различных социальных групп:

1. Идиомы немецкого языка, связанные трудовой деятельностью человека: Arbeit gewinnt Feuer aus Steinen. «Работа высекает огонь из камней». Das Produkt hat eine bittere Wurzel, aber eine süße Frucht. «У работы корень горький, но плод сладкий». Arbeit ist der Höhepunkt des Lebens. «Работа – вершина жизни» [1].

2. Идиомы немецкого языка, связанные с профессией: ein Meister seines Fachs sein. «Быть мастером своего дела». Demjenigen, der sich selbst nicht gehorchen kann, wird befohlen. «Приказывают, кто сам себе не может повиноваться». Der Ball wird von einem guten Spieler gesehen. «Мяч видит хорошего игрока». Das ist ein Arzt, wie er im Buche steht «Это настоящий врач».

3. Идиомы, связанные со сферой культуры и искусства: Mit (wahrer) Gelehrsamkeit. «Обладающий истинной эрудицией». den Ton angeben. «Задавать тон». Andere saiten aufziehen. «Затягивание других струн» [1]

4. Идиомы, связанные с религиозными обрядами и религиозными представлениями немцев: Ostern und .Pfingsten fallen an einem Tag. «Пасха и Троица приходятся на один день». j-n in Gebet behmen. «Джон пребывает в молитве».

5. Идиомы, связанные с жизненной практикой: Schweigen ist eine große Kunst der Unterhaltung. Молчание – великое искусство развлечения. den Wind in die Nase blasen lassen. «Набираться жизненного опыта». Mit allem Wasser gewaschen werden. «Быть омытым всеми водами» [1].

6. Идиомы, связанные с жизнью различных социальных групп: etwas in schilde fuhren ein fur ein u machen «из обихода рыцарей», ein grosses Tier «занимающий высокое общественное положение», kein grosses Tier sein или keine Nummer haben «мелкая сошка», Den Spiess umdrehen «повернуть оружие противника против него самого».

7. Идиомы, связанные с правом и практикой суда: uber j-m den stab brechen «вынести окончательный приговор», kurzen prozeb Machen «выполнение коротких действий» [1].

Данные идиомы возникли как обозначение конкретных явлений. Однако, целый ряд из них в современном немецком языке отмечаются уже с переосмысленным значением: *die Nase zerreißen*, *wichtig sein* «задирать нос, важничать», *auf einem hohen Pferd sitzen* «сидя на высоком коне», *ein Schwein haben* «иметь свинью» (обозначение везения), *klopfen Sie den Boden am Fass aus* «выбить дно у бочки», *gehen Sie zum letzten Trumpf* «пустить в ход последний козырь» [1].

Процесс переосмысления свободного сочетания слов в идиому можно себе представить таким образом: сначала сочетание используется в прямом значении для обозначения конкретного явления. Такое употребление может более или менее длительным в зависимости от образности словосочетания. Затем сочетание слов начинает употребляться и в случаях, имеющих определенное сходство с его первоначальным употреблением. К примеру, основное значение выражения *ins schleppen nehmen* «буксировать, помогать». Из-за образности, наглядности данного выражения его стали использовать в различных случаях вместо глагола *helfen* «помогать».

Перенос значения по сходству функций и внешнему сходству называется метафорическим переосмыслением. Сочетания слов, первоначально употреблявшиеся в прямом значении для обозначения конкретных явлений становятся идиомами в результате метафорического переосмысления. Однако, не все идиомы современного немецкого языка являются переосмыслением обозначений фактов реальной жизни: *zicken machen*, *ganz Ohr sein*.

Ряд таких идиом возникли в результате метафорического переосмысления, но другого характера, чем выше рассмотренное. В результате такого переноса обозначения функции предмета на другой предмет, в более широком смысле, могли возникнуть сочетания слов, которые благодаря своей наглядности становились устойчивыми, начинали употребляться идиоматически: *aus den Augen verlieren*, *Augen macen*, *im Visier halten*.

Идиомы в немецком языке часто возникают в результате метонимического переноса значения. К примеру, существительное, обозначающее предмет, для которого характерно определенное качество или свойство, выступает для обозначения этого качества или свойства, то есть носитель качества выступает для обозначения самого качества. Так, выражение *zicken Machen* обозначает свойства животных, коз, проказничать. Данное выражение выступает как идиома в значении «шалить, пошаливать». Основанием для идиомы *grillen haben* «капризничать, чудить» стали странные звуки, издаваемые сверчком.

Определенная часть идиом возникла в результате гиперболизации, то есть преувеличенного подчеркивания какого-либо признака данного явления: *ganz Ohr sein* «превратиться в слух» (быть начеку), *sich den Kopf zerbrechen* «ломать себе голову».

В отдельных случаях фонетические трансформации слова становятся началом его употребления в составе идиом. Выражение *sein Schafchen im trockenem* «корабль на суше», получило переосмысление в «овечка на суше» из-за фонетической трансформации слов *Schafchen* и *bsperchen*.

Значения многих идиом немецкого языка кажутся совершенно немотивированными с современной точки зрения, поскольку значения компонентов идиомы не соответствует значению идиомы в целом: *sei vergückt nach jemandem* «быть без ума от кого-нибудь».

В иных случаях противоречия между формой идиомы и ее значением преодолеваются процессами переосмысления. Говорящие на немецком языке ассоциируют с составом идиомы определенное значение также, как они ассоциируют значение слова с его формой. Потеря компонентами идиомы своих конкретных значений и объясняется основной признаком идиомы – ее устойчивостью.

Обобщенностью значения идиомы объясняется ее широкое употребление, в разговорной, литературной, научной и публицистической речи.

В немецком языке идиомы в большинстве случаев образуются посредством метафор, которые берут свои значения из областей общественной жизни, поэтому развитие сфер человеческой деятельности отражается также и в тематических группах фразеологизмов [3, с. 343].

Слова, входящие в состав идиом могут изменять свое значение или совсем выпадать из языка. В отдельных случаях идиомы могут утратить свою образность или получают новые семантические связи и поэтому продолжают бытовать в языке в новом значении: *aus dem stegreif etmas tun* «сделать что-либо без подготовки». В настоящее время элементы слова *stegreif* ассоциируются со словами *stehen* и *greifen*, но этимология их восходит к словам *stegen* и *reifen*.

Помимо семантических свойств, грамматические свойства немецких идиом также представляют большой интерес. Как уже отмечалось, идиомы составляют значительную часть лексики немецкого языка. Относясь к словарному составу немецкого языка, идиомы связаны с развитием основного словарного фонда этого языка. Образование и дифференциация переносных значений слов основного словарного фонда находят свое закрепление в идиомах и других устойчивых выражениях данного языка. Закрепление переносных

значений можно проследить в следующих случаях: er ist ganz Ohr «он весь внимание», sich aufs Ohr ledern «лечь спать», die Ohren spitzen «насторожиться»

Исследуя идиомы немецкого языка, нельзя обойти вопросы их состава и структуры. Наиболее активно встречаются идиомы со структурой:

Существительное + глагол:

Pech haben «быть невезучим»;

Auf den grünen Zweig kommen «получить отказ»;

Unglücklich sein «быть несчастливым».

Предложная группа + глагол:

Zu leibe gehen «браться за неприятное дело»;

Könnte nicht schlimmer sein «хуже некуда».

Прилагательное + существительное + глагол:

Sich aufs hohe Pferd setzen «сесть на высокую лошадь»;

In den sauren Apfel beißen «добавить кислое яблоко» [1].

Существительное + предложная группа + глагол:

Hungrig wie ein Bär «голодный как медведь»;

Auf Kosten des eigenen Fettes, das wie ein Dach lebt «живущий за счет своих запасов»;

Ohren wie ein Esel «уши как у осла» [1].

Идиома, как правило, выступает как образный, наглядный вариант в синонимическом ряду того или иного слова. Они выделяются в синонимическом ряду не только своей образностью, но и стилистической окрашенностью. В основном они выступают в роли стилистических синонимов к различным словам. В редких случаях они выступают как единственный способ выражения для данного понятия. Стилистическая синонимика, характерная для идиом, является одним из показателей того, к какой части словаря принадлежат идиомы. Долгое употребление идиом, устойчивость их формы, сохранение в их составе устаревших слов и грамматических форм может навести на мысль о том, принадлежат ли они к основному словарному фонду. Основным словарным фондом является общенародным словарем, он состоит из слов, выражающих наиболее важные жизненно-необходимые понятия. Большинство идиом в немецком языке выступают как синоним среди слов, выражающих то или иное понятие.

Целая группа идиом в немецком языке отражает различные исторические события или лица, либо являются цитатами из Библии и различных книг. Они все находятся за пределами основного словарного фонда. Идиомы никогда не могут быть источником для образования новых слов. Все это говорит о том, что идиомы – один из лексических слоев словарного состава немецкого языка.

Множество идиом немецкого языка, записанные Мартином Лютером, как наиболее употребительные, в современном немецком языке считаются устаревшими.

Но в то же время немецкий язык, как и любой другой, непрерывно пополняется идиомами, которые возникают с изменениями, происходящими в обществе, экономике и культуре. Вместе с развитием производства, с развитием культуры, науки современный немецкий язык пополняется новыми устойчивыми выражениями.

Литература

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Русский язык, 1975. 656 с.
2. Брискина Е.В. Грамматические особенности немецких фразеологизмов как индикатор их смысловой и структурной целостности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып.8. С. 166 – 173.
3. Гусейнова М.М. Сопоставительный анализ идиом немецкого и русского языков // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2022. № 4. С. 342 – 344.

References

1. Binovich L. Je. Nemecko-russkij frazeologičeskij slovar'. Moskva: Russkij jazyk, 1975. 656 s.
2. Briskina E. V. Grammatičeskie osobennosti nemeckih frazeologizmov kak indikator ih smyslovoj i strukturnoj celostnosti. Filologičeskie nauki. Voprosy teorij i praktiki. Tambov: Gramota, 2020. T. 13. Vol. 8. S. 166 – 173.
3. Gusejnova M. M. Sopotavitel'nyj analiz idiom nemeckogo i russkogo jazykov. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. Gorno-Altajsk, 2022. № 4. S. 342 – 344.

*Alibekova D.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

Structural-semantic and grammatical features of German idioms

Abstract: the article discusses the structural and grammatical features of the idioms of the German language. It is noted that these stable units act as a figurative, visual variant in the synonymic series of a word, stand out in the synonymic series not only by their imagery, but also by their stylistic coloring. Their structural and grammatical composition is determined. Idioms with noun + verb structure are the most widespread in the German language. Semantic groups of occurrence of German idioms are revealed. A number of such idioms have arisen as a result of metaphorical and metonymic transference. It is established that the origin of a significant number of idioms of the German language is associated with human labor activity, with various professions, with the sphere of culture and art, with religious rituals, with the life practice of various social groups. They can never be a source for the formation of new words. All this proves that idioms are one of the lexical layers of the vocabulary of the German language.

Keywords: German, idioms, grammatical relations, grammatical features, metaphorical reinterpretation, figurative meaning, imagery

For citation: Alibekova D.M. Structural-semantic and grammatical features of German idioms. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 6 – 9.

*Балакина И.А., кандидат филологических наук,
Кузина Ю.В., кандидат филологических наук,
Уральский государственный педагогический университет*

Лексический уровень языковой игры в дискурсе художественного произведения и ее перевод

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие языковой игры, ее функции и приемы реализации языковой игры в художественном дискурсе. Описаны стратегии и приемы её перевода на лексическом уровне. Материалом исследования послужили роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" и два его перевода под авторством Р. Пивера и Л. Волохонской и М. Гленни.

Являясь очень действенным механизмом воздействия на реципиента, языковая игра встречается во многих видах дискурса. Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, было выявление особенностей реализации языковой игры в художественном дискурсе и специфики передачи ее элементов на иностранный язык. К задачам исследования относилось обнаружение элементов языковой игры в тексте оригинала романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита", а также комплексный сопоставительный анализ лексем, отвечающих за реализацию языковой игры в оригинале и переводах произведения, включающий в себя дефиниционный, контекстуальный и лингвокультурологический аспекты. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть использованы в лингводидактике, стать иллюстративным материалом в преподавании различных теоретических курсов языковых дисциплин, а также могут применяться переводчиками при осуществлении передачи элементов языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, играма, переводческие приемы, лексические трансформации, художественный дискурс, стратегия перевода

Для цитирования: Балакина И.А., Кузина Ю.В. Лексический уровень языковой игры в дискурсе художественного произведения и ее перевод // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 10 – 17.

Понятие «игра» весьма многогранно, имеет множество трактовок и интерпретаций и на данный момент изучается во многих областях социо-гуманитарного знания – в философии, истории, языкознании, литературоведении.

Что касается непосредственно языковой игры, данный термин был введен ученым Людвигом Витгенштейном в 1953 году и использовался им для описания языка как системы конвенциональных правил, которые соблюдаются в процессе коммуникации. Л. Витгенштейн утверждал, что слово или предложение имеет определенное значение, основанное только на «правилах» текущей «игры» [2, с. 75]. В целом, можно отметить три подхода к определению понятия «языковая игра» в работах Л. Витгенштейна: «Во-первых, это исходные лингвистические формы, с которых начинается обучение языку путем включения обучаемого в определенные виды деятельности. Во-вторых, «игры» рассматриваются как упрощенные, идеализированные модели употребления слов, последовательное усложнение которых демонстрирует динамику языка. И наконец, социокультурный аспект «игр» отражен в понятии «форм жизни» [4].

В отечественную лингвистику термин «языковая игра» был введен Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. В работе их авторства языковая игра рассматривается как явление, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)» [7].

Д.И. Руденко и В.В. Прокопенко определяли языковую игру как «творческое, свободное отношение к форме речи, неканоническое употребление языка, позволяющее говорящему реализовать способности к языковому творчеству и выделить себя как языковую личность из ряда других говорящих личностей» [14, с. 121].

И.В. Цикушева относит языковую игру к частному виду игры, функционирующей в речевой деятельности, содержанием которой выступает закодированная, вербально выраженная информация. В понимании автора языковая игра есть «осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [19, с. 170].

По И.А. Харитоновой, языковая игра – это лингвокреативная деятельность, проявляющаяся в сознательном нарушении языковых норм (в широком смысле) для создания комического эффекта и с целью раскрытия характера героя, отражающая знание языка, мышление говорящего и осознаваемая воспринимающим субъектом (реципиентом) [18].

С нашей точки зрения, наиболее емкой, и потому одной из универсальных можно считать трактовку данного понятия, принадлежащую В.З. Санникову: «Языковая игра понимается как некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим. Исследователь отмечает, что языковая игра может быть основана, с одной стороны, на знании системы единиц языка и нормы их использования, а с другой – на творческой интерпретации этих единиц [15, с. 148].

Исследователи В.В. Котлярова, А.М. Руденко утверждают, что языковые игры могут возникнуть только в определенных условиях. К таковым относятся наличие языкового сообщества, так как язык является имманентно присущим человеку свойством; каждый из участников игры должен придерживаться четко установленных правил; нарушение правил языковой игры должно осуждаться другими членами сообщества, иначе это может привести к отсутствию коммуникации в языке [9].

В англоязычных источниках языковая игра трактуется как игра слов, связанная с преднамеренным игровым использованием языка в менталитете носителей языка, с языковой игрой связывают использование каламбуров, пословиц, юмористических афоризмов. "Language game is associated with deliberate playful use of language in the broadest sense of the word, with multiform flippant misuse of words and sounds, with play based on attaching new unexpected and therefore jocular meanings to words, with all sorts of puns and witty jokes and popular humorous aphorisms" [21, с. 130].

Таким образом, можно утверждать, что языковая игра – это сознательное творческое отклонение от норм языка, создающее неканонические языковые формы, нацеленное на реципиента и достижение определенного стилистического (эстетического, комического) и прагматического эффекта.

Необходимо отметить, что у исследователей на данный момент нет единого мнения относительно границ данного понятия. Так, Д. Делабастиа пишет, что распознать игру слов по структуре и использованным языковым средствам не составляет труда, однако проблема заключается в сложности определения границ поля каламбура [21], поскольку игра слов в целом обусловлена полисемией языковых элементов, и структур.

В.З. Санников выделяет специфические цели употребления языковой игры: заинтриговать, заставить слушать; развивать язык и мышление; развлечь себя и собеседника; самоутвердиться. По мнению данного исследователя, языковая игра несет следующие функции: языкотворческую, лингвопознавательную и маскировочную (эвфемистическую). Языкотворческая функция способствует созданию новых слов, и обогащению русского языка. Лингвопознавательная функция по мнению исследователя способствует отражению и изучению языковой картины мира. Маскировочная функция также задействует использование комическую направленность языковой игры и может передавать скрытый смысл фразы или реплики для читателя [15]. Помимо этого, упоминаются развлекательная и психотерапевтическая функции.

Теперь обратимся к другому ключевому понятию нашего исследования – игре. Согласно Т.А. Гридиной: «Игрема» («игровое слово», «игровая трансформа») понимается как коммуникативная единица, представляющая собой языковую аномалию того или иного уровня языковой системы, функционирующую в ассоциативном игровом поле. Это так называемый «продукт» языковой игры, представление новой интерпретации готового знака или сконструированного вновь знака как элемента игрового пространства (игрового ассоциативного поля)» [3].

Термин «игрема» обычно используется для обозначения единицы речи, которая является результатом лингвистическо-креативной деятельности языковой личности. «Игрема» – это объект с опознаваемыми параметрами прототипа, основная единица игрового поля, возникающая «в результате взаимодействия стимула и аттрактантов, составляющих необходимый для выявления парадокса употребления знака ассоциативный контекст» [3, с. 9-10].

Т.А. Гридина называет «игремой» слово, словосочетание или предложение, являющееся объектом и результатом языковой игры. На основе этого, Ю.О. Коновалова в своей работе «Языковая игра в современной разговорной речи», вводит новый термин «игровой компонент». В своей работе Ю.О. Коновалова пишет: «Под игровым компонентом мы понимаем часть слова, слово, словосочетание, высказывание, в котором реализовалась установка говорящего на языковую игру. Игровой компонент – речевое воплощение языковой игры. Например, в высказывании “терпеть не могу какаво” игровым компонентом является фонетически деформированное слово “какаво”» [8, с. 11].

Важно также отметить, что языковая игра реализуется на разных уровнях языка. Согласно В.З. Санникову, существует несколько уровней языковой игры: грамматический, морфологический, синтаксический, графический и лексический [15].

Классификация Ю.О. Коноваловой также учитывает уровневость и способ создания языковой игры, а также характеризует приемы языковой игры по их частеречной принадлежности – все игровые окказиональные образования разделены на глагольные, субстантивные, адективные [8].

Одной из ключевых целей исследования языковой игры на современном этапе является изучение переводческих аспектов данного явления на различных уровнях языка и в различных дискурсах.

Являясь очень действенным механизмом воздействия на реципиента, языковая игра встречается во многих видах дискурса. В данной статье рассматриваются особенности перевода языковой игры в дискурсе художественного произведения, или, шире, в художественном дискурсе, под которым мы, вслед за В.В. Фещенко, понимаем совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства [17].

В рамках нашей статьи мы имеем дело с художественным дискурсом, литературного произведения. Так, А.С. Полевщикова, обращает особое внимание на языковую игру как игру читателя с текстом, превращение читателя в сообщника автора и соавтора текста [12].

Итак, языковая игра очень часто появляется в литературных произведениях, в виде каламбуров, юмористических фрагментов, а также реализуется с помощью разноуровневых средств художественной выразительности.

С точки зрения теории перевода, языковая игра в силу своей многогранности и относится к явлениям, вызывающим трудности при ее передаче в переводе, а потому требует тщательного анализа текста оригинала и избрания подходящей переводческой стратегии.

Существуют определенные правила и стратегии перевода языковой игры. В данном вопросе мы опираемся на классификацию и терминологию Д. Делабаситы. В своем исследовании он предлагает восемь стратегий перевода языковой игры (ЯИ).

1. ЯИ – ЯИ: Языковая игра исходного текста переводиться языковой игрой в целевом тексте, она может отличаться от оригинальной игры слов с точки зрения формальной и семантической структуры, или текстовых функций.

2. ЯИ не ЯИ: Языковая игра воспроизводится другой фразой, которая может передавать оба смысла языковой игры без ее использования, или передавать только один смысл за счет появления другого. Но в данном случае может случиться и так, что оба компонента языковой игры будут трансформированы до неузнаваемости.

3. ЯИ – другая стилистическая фигура речи: Языковая игра заменяется другой стилистической фигурой, родственной игре слов (ирония, парадокс и т.д.), цель которой – передать эффект каламбура исходного текста.

4. Опущение ЯИ: Часть текста, содержащая языковую игру, опускается.

5. ЯИ исходный текст – ЯИ целевой текст: Переводчик воспроизводит языковую игру исходного текста, и ее естественную среду в первоначальной формулировке, то есть фактически не «переводя» ее.

6. Не ЯИ – ЯИ: Переводчик вводит языковую игру в той позиции текста, где исходный текст ее не содержит, в качестве компенсации языковой игры исходного текста, опущенного в другом месте или по другой причине.

7. Конструирование новой ЯИ: добавляется абсолютно новый текстовый материал, который содержит языковую игру и не имеет видимых прецедентов или проявлений в исходном тексте.

8. Авторский прием: Пояснительные сноски в конце книги или подстрочные сноски, комментарии, содержащиеся в предисловиях переводчиков, антологическое представление различий, предположительно дополняющие друг друга решение одной и той же проблемы с текстом [21].

Итак, рассмотрим применение данных стратегий на материале двух переводов произведения М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский язык авторства Р. Пивера и Л. Волохонской и М. Гленни. Методами исследования послужат дефиниционный и контекстуальный анализ, использованные в сопоставительном аспекте.

Таблица 1

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод М. Гленни
<i>А ну как документы эти липовые?</i>	<i>And suppose his papers are phoney?</i>	<i>And what about those phoney-looking documents of his?</i>

В первом отобранном нами контексте присутствует игра «липовые», основанная на метафорическом словоупотреблении. В обоих вариантах перевода она передана посредством лексемы “phoney”. Обратимся к словарным дефинициям с целью определения реализованной в этом случае стратегии перевода языковой игры.

Рассмотрим русскоязычные толкования данной лексемы.

липовый

- *прост.* Поддельный, фальшивый, ненастоящий [5];
- разг.-сниж. Поддельный, фальшивый (обычно о документах) [6];
- (простореч. вульг., из воровского аргю). Поддельный, фальшивый, являющийся липой [16].

Теперь рассмотрим англоязычные толкования лексемы *phoney*, фигурирующей в переводе.

phoney

- not real or genuine; fake; counterfeit [24].

Следует отметить, что метафорический оттенок значения утрачен при переводе, но сохранен стиль, к которому принадлежит игра оригинала, поскольку лексема “phoney”, согласно этимологическим данным, произошла от сленгового выражения (1895-1900; *perhaps alteration and respelling of fawney (slang) finger ring* [22]) и сохраняют в себе данный стилистический оттенок. Тем не менее, мы можем утверждать, что элемент языковой игры в результате перевода был сохранен лишь частично.

Рассмотрим следующую игру:

Таблица 2

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод М. Гленни
<i>К осени надо было закупать нефть для парового отопления, а на какие шиши – неизвестно.</i>	<i>Fuel had to be bought for the heating system by fall, but who was going to shell out for it – no one knew.</i>	<i>In the autumn they would have to buy oil for the steam heating plant and there was not a kopeck in the till...</i>

В данном случае элемент языковой игры также обеспечивается употреблением ярко стилистически окрашенного просторечного выражения.

на какие шиши

- (жить, покупать, приобретать и т. п.) (*груб. прост.*) – на какие средства [5].

to shell out

- (*adverb*) informal to pay out or hand over (money) [20].

Сопоставив оригинальную игру с вариантом ее передачи на английский язык авторства Р. Пивера и Л. Волохонской, мы можем убедиться, что элемент языковой игры сохраняется в этом переводе: обе единицы метафоричны и стилистически одинаково ярко окрашены.

Несколько иначе дело обстоит с переводом авторства М. Гленни. Во первых, внесены значительные синтаксические изменения, во-вторых введена лексема, относящаяся к лингво-культурным реалиям:

копек

- an aluminum-bronze coin of Russia, the Soviet Union, and its successor states, one 100th of a rouble [24].

No kopeck in the till (то есть «в кассе ни копейки» – перевод *наш.*) – этот вариант перевода изначальной игры, с нашей точки зрения, лишь частично сохраняет элемент языковой игры, поскольку данное выражение метафорично в значительно меньшей степени, стилистически скорее нейтрально и «отягощено» использованием специфичной для представителя англоязычной лингвокультуры лексемы.

Таблица 3

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод М. Гленни
<i>Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча.</i>	<i>The administrator rubbed his eyes and saw that a yellow-bellied storm cloud was creeping low over Moscow.</i>	<i>Varenuvha wiped his eyes and noticed that a yellowish-centred thundercloud was scudding low over Moscow.</i>

Здесь в качестве игры выступает эпитет «желтобрюхая», который благодаря своей семантике «одушевляет» тучу, приравнивая ее к живому существу. Снова присутствует стилистическая окраска лексемы.

Брюхо

- 1) Живот животного;

- 2) а) разг.-сниж. Живот человека. б) Большой, отвислый живот.
3) перен. разг. Нижняя сторона основной части корпуса самолета, машины и т.п. [5].

Англоязычная лексема *belly* обладает схожим семантическим и стилистическим наполнением:

belly

- 1) the lower or front part of the body of a vertebrate, containing the intestines and other abdominal organs; abdomen;
2) the stomach, esp. when regarded as the seat of gluttony;
3) the front or inner part or underside of something [24].

Таким образом, элемент языковой игры удачно передан на английский язык Р. Пивера и Л. Волохонской. Этого, на наш взгляд, совсем нельзя сказать о переводе М. Гленни, поскольку несущая основную нагрузку лексема была им заменена на стилистически и образно нейтральную *centered*.

Таблица 4

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод М. Гленни
...он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую то молитву и, наконец, понес полную околесицу.	<i>Trembling, he made crosses in the air, rushing to the door and back, intoned some prayer, and finally began spouting sheer gibberish.</i>	<i>Trembling, he made the sign of the cross in the air, fled for the door, then back again, intoned a prayer and then relapsed into complete delirium.</i>

Следующая рассматриваемая нами игра основана на стилистически окрашенном идиоматическом выражении «нести околесицу».

Околе(ё)сица

- (обычно в сочетании с глаг.: „нести“, „городить“ и т. п.). Разг. Вздор, бессмыслица [5];
- (разг. фам.). Вздор, бессмыслица. *Нести околесицу* (говорить вздор) [16].

Сопоставим англоязычные лексемы, предложенные авторами в каждом из вариантов перевода произведения.

gibberish

- meaningless or unintelligible talk or writing [20];
- incomprehensible talk; nonsense [24].

delirium

- a state of excitement and mental confusion, often accompanied by hallucinations, caused by high fever, poisoning, brain injury, etc.
- violent excitement or emotion; frenzy [24].

Как видно из приведенных словарных дефиниций, снова удачным можно считать вариант Р. Пивера и Л. Волохонской, поскольку лексема *gibberish* во многих аспектах значения совпадает с выражением в оригинале. В то же время лексема, предложенная М. Гленни, имеет иное, более широкое значение, и описывает не бессмысленное бормотание, а состояние бреда, вызванного психофизиологическими нарушениями. Некоторая логическая связь с оригиналом в результате модуляции сохранена, поскольку такое бормотание может являться симптомом бреда, но элемент языковой игры совершенно утрачивается.

Таблица 5

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод М. Гленни
<i>Вот группа Брокенских гуляк. Они всегда приезжают последними.</i>	<i>Here's the group of revelers from Brocken, they always come last.</i>	<i>Here comes a party of witches from the Brocken, they're always the last to arrive.</i>

Образная лексема «гуляка», произошедшая от метафорических значений глагола «гулять», также функционирует в качестве игры в тексте оригинала произведения.

гулять

- прост. веселиться, развлекаться; кутить Евгеньева
- перен. разг. а) веселиться, развлекаться. б) кутить, предаваться разгулу [6].

гуляка

- человек, который живёт праздно и разгульно [5].
- ведущий веселую, беззаботную и беспечную жизнь [16].

При сопоставлении с соответствующей англоязычной лексемой, представленной в переводе Р. Пивера и Л. Волохонской, мы можем утверждать, что образность и языковая игра сохранены в переводе.

to revel

- to indulge in boisterous festivities;
- to take part in noisy festivities; make merry [24].

reveller

- someone who dances, drinks, sings, etc. at a party or in public, especially in a noisy way [24].

М. Гленни, опираясь на легенды о горе Брокен, якобы служившей местом шабашей для немецких ведьм, употребляет лексику *witches* – «ведьмы», подразумевая, что явившиеся с Брокена ими и являются. Элемент языковой игры снова утрачивается.

Итак, на примере художественного произведения мы увидели, каким образом происходит включению языковой игры в художественный дискурс – посредством сознательного творческого отклонения автора от норм языка, создающее неканонические языковые формы, нацеленное на реципиента и достижение определенного стилистического (эстетического, комического) и прагматического эффекта. Исходя из результатов произведенного анализа, мы считаем возможным утверждать, что в дискурсе художественного произведения языковая игра, в частности, на лексическом уровне, основана на метафорической составляющей структуры и элементов языка. При передаче на другой язык в процессе перевода могут применяться различные стратегии, но в целом успешная передача языковой игры является результатом сохранения метафорической основы, заложенной в оригинале.

Литература

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: ЭКСМО. 2011. 214 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 1994. Ч. 1. С. 75 – 319.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография Екатеринбург, 1996. 129 с.
4. Грязнов А.Ф. Языковые игры // Современная западная философия. М., 1991. 402 с.
5. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2005. URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 19.02.2023)
7. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра. Русская разговорная речь. М., 1983. 237 с.
8. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2008. 196 с.
9. Котлярова В.В. Философский анализ концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна в контексте культуры постмодерна. URL: <http://www.hsosonline.ru/2017/01/03.pdf>. (дата обращения: 10.07.2019)
10. Нухов С.Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления // Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. Т. 17. С. 165 – 170.
11. Пивер Р. The Master and Margarita. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=98638> (дата обращения: 11.11.2022)
12. Полевщикова А.С. Языковая игра в гетерогенном тексте (на примере романа А. Мушга «Der Rote Ritter») // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 10. С. 361 – 368.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1964. 900 с.
14. Руденко Д.И. Философия языка: путь к новой эпистеме. М., 1995. С. 118 – 143.
15. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
16. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Славянский дом книги, 2014. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/409463.html> (дата обращения 11.11.2022)
17. Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 16 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-k-opredeleniyu-termina-v-perspektive-lingvoestetiki> (дата обращения: 20.02.2023)
18. Харитонов И.С. Роль языковой игры в дискурсе современного анимационного фильма // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 267 – 272. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovoy-igry-v-diskurse-sovremennogo-animatsionnogo-filma-1> (дата обращения: 19.02.2023)

19. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 169 – 171.
20. Collins English Dictionary online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american> (дата обращения: 15.02.2023)
21. Delabastita D. Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation // The Translator. Vol. 2. № 2. Manchester: St. Jerome Publishing, 1996. P. 127 – 139.
22. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 15.02.2023)
23. Random House Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения: 15.02.2023)

References

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita. M.: JeKSMO. 2011. 214 s.
2. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovanija. M., 1994. Ch. 1. S. 75 – 319.
3. Gridina T. A. Jazykovaja igra: stereotip i tvorcestvo: monografija Ekaterinburg, 1996. 129 s.
4. Grjaznov A.F. Jazykovye igry. Sovremennaja zapadnaja filosofija. M., 1991. 402 s.
5. Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. RAN, In-t lingvistich. issledovanij; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999.
6. Efremova T.F. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: AST, 2005. URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 19.02.2023)
7. Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.A., Rozanova N.N. Jazykovaja igra. Russkaja razgovornaja rech'. M., 1983. 237 s.
8. Konovalova Ju.O. Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi. Vladivostok: Izdatel'stvo VGU-JeS, 2008. 196 s.
9. KotljaroVA V.V. Filosofskij analiz koncepcii «jazykovyh igr» L. Vitgenshtejna v kontekste kul'tury postmoderna. URL: <http://www.hsesonline.ru/2017/01/03.pdf>. (дата обращения: 10.07.2019)
10. Nuhov S.Zh. Jazykovaja igra: vozmozhnye podhody i traktovki javlenija. Vestnik Bashkirskogo universiteta. Serija: Filologija i iskusstvovedenie. 2012. № 1. T. 17. S. 165 – 170.
11. Piver R. The Master and Margarita. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=98638> (дата обращения: 11.11.2022)
12. Polevshnikova A.S. Jazykovaja igra v geterogennom tekste (na primere romana A. Mushga «Der Rote Ritter»). Russkaja germanistika: ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. T. 10. S. 361 – 368.
13. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 1964. 900 s.
14. Rudenko D.I. Filosofija zyka: put' k novej jepisteme. M., 1995. S. 118 – 143.
15. Sannikov V.Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 552 s.
16. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Slavjanskij dom knigi, 2014. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/409463.html> (дата обращения 11.11.2022)
17. Feshhenko V.V. Hudozhestvennyj diskurs: k opredeleniju termina v perspektive lingvoestetiki. Novyj filologicheskij vestnik. 2021. № 1. S. 16 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyj-diskurs-k-opredeleniju-termina-v-perspektive-lingvoestetiki> (дата обращения: 20.02.2023)
18. Haritonova I.S. Rol' jazykovoj igry v diskurse sovremennogo animacionnogo fil'ma. Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2016. № 2. S. 267 – 272. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovoy-igry-v-diskurse-sovremennogo-animatsionnogo-filma-1> (дата обращения: 19.02.2023)
19. Cikuseva I.V. Fenomen jazykovoj igry kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija. Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2009. № 90. S. 169 – 171.
20. Collins English Dictionary online [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american> (дата обращения: 15.02.2023)
21. Delabastita D. Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation. The Translator. Vol. 2. № 2. Manchester: St. Jerome Publishing, 1996. P. 127 – 139.
22. Online Etymology Dictionary [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 15.02.2023)
23. Random House Dictionary [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения: 15.02.2023)

*Balakina I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kuzina Yu.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Ural State Pedagogical University*

Lexical level of word play in the discourse of a fiction work and its translation

Abstract: this article considers the concept of word play, its functions and the techniques of word play realization in artistic discourse. The strategies and techniques of its translation at the lexical level are described. The research is based on the novel "The Master and Margarita" by M.A. Bulgakov and its two translations by R. Piver and L. Volokhonskaya and M. Glenny.

Being a very effective mechanism of influence on the recipient, word play is found in many types of discourse. The objective of the research, the results of which are presented in this article, was to identify the peculiarities of word play realization in artistic discourse and the specifics of its elements transfer into a foreign language. The tasks of the research were to find the elements of word play in the original text of the novel "Master and Margarita" by M.A. Bulgakov, as well as a complex comparative analysis of the lexemes, responsible for word play in the original and the translations. The analysis includes definitional, contextual and linguocultural aspects. The results obtained in the course of the study can be used in linguistics, become illustrative material in teaching of various linguistic theoretical courses, as well as can be applied in translation of word play.

Keywords: word play, igrema, translation techniques, lexical transformations, artistic discourse, translation strategy

For citation: Balakina I.A., Kuzina Yu.V. Lexical level of word play in the discourse of a fiction work and its translation. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 10 – 17.

**Балаклеец Д.А.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта**

Взаимосвязь категорий пространства и времени в литературном процессе XX-XXI века

Аннотация: система координат, заданная пространством и временем, традиционно осмысливается как одна из важнейших онтологических категорий. Создавая литературное произведение, автор придумывает новую реальность, существующую по заданным им законам и правилам. Художественный мир литературного произведения отражает задумку авторского сознания, согласно которой в заданной им вселенной осуществляются события в рамках определенного времени и пространства. Следовательно, приступая к анализу литературного произведения, необходимо определить, на какие законы опирается картина нового мира. Несмотря на то, что художественное время и художественное пространство принято рассматривать как взаимосвязанные категории, объединенные единым понятием хронотопа, в литературоведении до сих пор ведутся споры, какое из понятий является ведущим и зависит ли это от специфики произведения. Так как связь данных понятий не является полной, на определенном уровне анализа возможно их рассмотрение как самостоятельных элементов поэтики. В статье проанализированы основные подходы к трактованию термина «хронотоп», выделены принципиальные категории хронотопа, формирующие рельеф текстов и являющиеся ключом к анализу произведений, а также рассмотрены важнейшие функциональные особенности художественного пространства и времени.

Ключевые слова: пространство, время, хронотоп, топос, топоним, литературный процесс

Для цитирования: Балаклеец Д.А. Дзаимосвязь категорий пространства и времени в литературном процессе XX-XXI века// Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 18 – 22.

Хронотоп как элемент поэтики представляется важной сюжетообразующей составляющей литературного произведения. Пространственно-временное единство позволяет вводить персонажей в событийный ряд, отражает осязаемость и материальность хода событий, а также позволяет раскрыть специфику картины мира, которую создает автор. М.М. Бахтин, разработавший понятие хронотопа, определяет его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». При этом «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа», поскольку такие элементы художественной структуры текста как образ и язык произведения несут хронотопические черты [2, с. 234, 406].

Согласно определению Н.Д. Тмарченко, хронотоп представляет собой пространственно-временное единство мировидения, только в рамках которого мыслима смена точек зрения или динамика эпизодов; глубинный уровень объектной структуры [12, с. 30]. Соответственно, одним из структурных элементов хронотопа является художественное пространство. В свою очередь данный термин трактуется И.П. Никичиной как связующая характеристика литературного произведения, сообщающая ему определенное внутреннее единство и завершенность и, обеспечивающая придание ему характера эстетического явления [10].

Ю.М. Лотман определяет художественное пространство как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [7, с. 64], подчеркивая, что художественное пространство не всегда представляет собой модель естественного пространства (что особенно необходимо учитывать при анализе произведений модернизма и постмодернизма), именно пространственный модуль создает временные, социальные и этические связи картины мира и представляет собой модель универсума автора, транслируемую на языке его пространственных представлений [8]. В видении Ю.М. Лотмана художественное пространство включает в себя несколько подтипов: «волшебное и бытовое, внешнее или внутреннее». При этом «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам». Также, Ю.М. Лотман выделяет проблематику, связанную с ограниченностью или «отграниченностью» топоса в пространственных искусствах. Локус формируется на основе предметности, так как пространство всегда дано в форме какого-либо конкретного заполнения. Изображение вещей и предметов создает систему пространственных отношений, образующих структуру топоса, что позволяет художественному пространству воплощать моделирующую функцию [6].

Исследователь Т. Соколова подходит к рассмотрению функционального поля художественного пространства в тексте с позиции выделения дихотомических путей. Т. Соколова выделяет две магистральные линии в исследовании пространственно-временного единства, одна из которых опирается на объективную данность текста, а другая рассматривает хронос и топос как предмет субъективной данности текста, высту-

пающий в роли впечатления от сотворчески переживаемого смысла. Опираясь на точку зрения В.А. Маркова, Т. Соколова понимает первый путь исследования как толкование художественного мира произведения через призму особой реальности, которая соотносится с физическим и перцептивным миром. Основываясь на онтологических, гносеологических и логических принципах суждения об объекте, данное мнение приводит к мысли о созависимости «логико-онтологических моделей пространства-времени» (иначе: «литературных модальностей») от точки зрения текста. Второй подход должно рассматривать согласно теории, выдвинутой М.М. Бахтиным, которая провозглашает неоспоримую связь пространства и времени в тексте с координатой авторского мировоззрения. Именно с позиции онтологического взгляда на бытийную структуру, в поэтике становится возможным рассмотреть специфику пространственно-временной структуры и рельефа текста [11, с. 124-125].

Рассмотрим позицию С.В. Кашириной, которая, опираясь на мнения таких литературоведов как Л.Г. Бабенко, А.Б. Есин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, В.Е. Хализев и др., обозначает основные свойства категории пространства: *пространственная топография* (абстрактность, конкретность), *направленность пространственной топографии* (вертикальность, горизонтальность), *пространственная протяженность* (расширение, сжатие, растяжение), *пространственная локализация* (открытость, замкнутость), *дискретность*. Конкретность пространства может придавать топосу значение художественного образа. Качество абстрактности создает в художественном пространстве категорию символического обобщения, отражающую как универсальное содержание, так и национально-историческую конкретность. Наиболее яркой чертой данного типа пространства является отсутствие воздействия на характер и действия персонажей, следовательно, и на конфликт. Оппозиция горизонталь-вертикаль свидетельствует о двунаправленном разворачивании пространства, что также может приводить к выстраиванию таких противопоставлений, как низ-верх, рай-ад и т.п. При этом отметим, что горизонтальный топос, чаще всего, является указателем открытого, обширного пространства, а вертикальный включает моделирующие элементы вертикали, требующие взгляда вверх. Однако заметим, что данная пространственная ориентация не соответствует трехмерной структуре пространственного бытия. Пространство в художественном произведении обладает способностью деформироваться – растягиваться, сжиматься и расширяться, что дает возможность говорить о безграничности и бесконечности мира. Данные качества позволяют всесторонне подойти к раскрытию содержания произведения. Такие категории как открытость и замкнутость пространства, безусловно, формируют пространственную локализацию текста. Сочетание таких топосов, в свою очередь, создает оппозицию свое-чужое, защита-опасность, принимая во внимание тот факт, что закрытые пространства чаще всего ассоциируются с родным домом, своей комнатой, а открытые являются носителями качеств постороннего и неизвестного. Также, закрытость пространства можно рассматривать с позиции ограниченности возможностей, в то время как открытый топос дает больше ресурсов к (со)общению с другими компонентами художественного мира. Свойство дискретности пространства олицетворяет способность автора переносить действие из одного пространства в другое, не описывая детали подробно, а лишь обозначая важное на его взгляд элементы.

Кроме того, С.В. Каширина выделяет некоторые модели художественного пространства, к числу которых относятся реальное, фантастическое, психологическое и виртуальное пространство. Реальный топос наполнен экзистенциальной действительностью. Фантастическое пространство характеризуется непостоянностью и вариативностью физических характеристик, в качестве действующих героев могут выступать абстрактные лица, существа, неживые предметы. Топос психологии раскрывается в художественном произведении как пространство внутреннего мира персонажа, отражающее палитру его эмоций и чувств. Пространство виртуальности представляется преднамеренно вымышленной обстановкой, в которой герои ощущают себя в действительности. Следовательно, специфика пространства влияет не только на сюжетный и композиционный уровень произведения, но также может определять жанровую специфику [4, с. 180-183].

Нередко в литературе встречаются сравнения комнат с мозгом человека, его внутренним миром, жилище предстает отражением души. Чтобы раскрыть суть персонажа иногда достаточно проанализировать его место обитания, обратить внимание на детали интерьера или расположения вещей. Французский исследователь, философ и искусствовед Г. Башляр подходит к анализу художественного пространства с метафизической и феноменологической точки зрения. Для него жилище – ключ к прочтению образа персонажа. Рассматривая «образы счастливого пространства», Г. Башляр выделяет следующие категории: замкнутые и открытые, внутренние и внешние. В качестве своеобразной точки отсчета видится пространство дома. В силу того, что дом является местом концентрации внутренних процессов сознания, данный топос следует трактовать как инструмент для анализа человеческой души. Дом вертикально биполярен: писателем может быть использована оппозиция чердак – подвал, в то время как центр дома – точка излучения силы и самое защищенное место. Помимо пространства дома Г. Башляр исследует иные закрытые места обитания – гнезда и раковины (как вместилища жизни), шкафы, шкатулки, ящики (как вместилища тайн и сокровенного),

углы (пространство одиночества, «зачаток дома»). К открытым пространствам относятся лес, пустыня, равнина. Особое место занимает феномен двери. Она может быть закрыта, распахнута, приоткрыта – положение может свидетельствовать о намерениях персонажа и о его характере. В понимании Г. Башляра пространство геометризуется. Оно может быть круглым и сферическим, представленным в виде спирали, иметь глубину [3, с. 8-108].

Рассмотрим одну из важных составляющих частей художественного пространства – топоним. Исследователи Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин замечают, что именно топонимам принадлежит моделирующая и текстообразующая функция. Употребляя топоним, автор географически конкретизирует события, в том числе устанавливает характеристику героя, дает ключ к разгадке дальнейшего развития сюжета. Кроме того, топоним представляет собой семиотический знак, содержащий в себе глубокий ассоциативный ряд, связанный с культурой и историей, взывая к культурной памяти человека, народа или нации, в некоторых случаях приобретая символическое значение [1, с. 108-109].

Помимо художественного пространства в произведении выделяется художественное время, которое принято считать образом, моделью действительности, сочетающими в себе вымысел и реальное. Как мы рассмотрели ранее, М.М. Бахтин разработал теорию, согласно которой пространство и время в литературе объединены и взаимообусловлены. В связи с этим, выделяются типы художественного времени, соответствующие типам пространства. Историческое время наполнено деталями, указывающими на описываемую эпоху. В основе биографического и автобиографического времени лежит образ человека, проходящего свой жизненный путь. Авантюрное время в романе может указывать на исключительные моменты жизни в противоположность циклическому бытовому времени, почти бессобытийному. Хотя время и пространство взаимосвязаны, в некоторых случаях временная характеристика может выходить на первый план, так в хронотопе встречи преобладает временной оттенок, как и в связанном с ним хронотопе дороги в качестве основного стержня выступает течение времени, поскольку время вливается в пространство и течет по нему [2, с. 392-406].

Как мы определили ранее, категория художественного времени обладает чертами, отличающимися от характеристик, присущих реальному времени. Реальное время течет линейно, тогда как художественное время в произведении может нарушать хронологическую последовательность, ускоряться и замедляться. Использование чередования прошедшего и настоящего времени в произведении, его ускорение и замедление, применение приема ахроничности, нарушение хронологической последовательности позволяет писателю использовать время в качестве смыслового или стилистического приема [15, с. 109-113]. Такой прием направлен на большее эмоциональное взаимодействие с читателем, а также передачу дополнительного смысла.

Некоторые исследователи при определении категории художественного времени опираются на бифункциональную природу текста как единства глубинного (кодowo-мыслительного) и поверхностного (речезыкового) уровня текста. Глубинный уровень текста включает в себе в качестве основного компонента авторский ракурс, которому свойственна прямолинейность, поверхностный – прерывистый, основывается на сюжетной перспективе. В связи с этим, художественное время понимается как сложное бифункциональное явление, а поэтому имеет способность ограничивать смысловую наполняемость и структурную организацию текста [9, с. 13-15]. И.Г. Кошевой и В.А. Макаровой было предложено деление художественного времени на досюжетное, сюжетное, надсюжетное и сверхсюжетное время. Сюжетное время олицетворяет авторский ракурс, оно ограничено темпоральной амплитудой, реализуется в фабуле. Досюжетное время выходит за границы художественного времени и влияет на построение текста, поэтому трактуется в качестве предначальной фазы авторского ракурса. Надсюжетное – разрывает поток сюжетной перспективы, сверхсюжетное – выведено автором за рамки сюжета и не влияет на его развитие [5, с. 14-17].

Исследователь З.Я. Тураева рассматривает художественное время с позиции лингвистики как текстовую категорию, поскольку только в целостном тексте можно определить особенности времени. Художественное время задается смыслом всего повествования и существует в целом тексте, а не в предложении, в котором мысль статична. В отличие от грамматического, художественное время представляет собой сеть отношений, которая участвует в передаче времени, объединена семантикой и связывает языковые элементы, то есть подчиняет себе грамматическое время. Поэтому при создании художественного времени необходимы грамматические и лексические языковые единицы (слова, обозначающие время: «вчера», «сегодня», «позже»; темпоральными союзами «с того времени, как», «с того момента, когда»; формы глагольных времен).

Категорию художественного времени характеризует взаимосвязь свойств нескольких типов времени: реального, индивидуального и перцептуального [13, с. 87-89]. Данные времена служат основой для формирования типов художественного времени. А.Ф. Папина выделяет следующие типы художественного времени: Реальное (физиологическое) – время жизни человека, циклическое, психологическое (время психологиче-

ского мира персонажа), ирреальное (астральное, волшебное, inferнальное, мифологическое и др.) [14, с. 163].

Исключительно важное значение хронотопа в структуре текста обязывает рассмотреть его роль. Говоря о месте хронотопа в литературном произведении, П.Ю. Пovalко выделяет несколько функций художественного пространства и времени. Онтологическая функция позволяет декодировать картину мира, заложенную автором в произведении. Антропоцентрическая функция опирается на антропоцентрическую концепцию хронотопа М.М. Бахтина, что позволяет определить данную функцию как определяющую художественный смысл. Прагматическая функция опирается на лотмановское трактование прагматического аспекта, то есть отдельные категории художественного текста могут быть исследованы с точки зрения парадигматического аспекта. Так как «художественный текст любого типа – это продукт эстетической реализации языка», выделяется эстетическая функция. Сюжетообразующая функция воплощает в себе суждение М.М. Бахтина о том, что основные сюжетные события произведения концентрируются вокруг времени и пространства. Перечисленные функции в совокупности с символической реализуют главную роль хронотопа – смыслообразующую [16].

Таким образом, проанализировав теоретический корпус исследований, нами рассмотрены различные подходы к толкованию термина «хронотоп», выявлены типы классификации художественного пространства и времени. Выделены некоторые функциональные особенности хронотопа в тексте, в числе которых сюжетообразующая и жанрообразующая роль художественного пространства, функция трансляции авторского мировидения. Топос позволяет нравственно оценить персонажей, которые действуют в условиях («рамках») заданного воображением автора пространства.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 108 – 109.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. М., 1975. С. 234 К 407.
3. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства: пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с. (Серия: «Книга света») С. 8 – 108.
4. Каширина С.В. Роль художественного пространства в постижении литературного текста // Вестник ОГУ № 9. Оренбургский государственный педагогический институт. 2006. С. 180 – 183.
5. Кошева И.Г., Макарова В.А. Текст в рамках различных типов художественного времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 14 – 17.
6. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство-СПб», 2004. 703 с.
7. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: «Академический проект», 2002. С. 64.
8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
9. Макарова В.А. Сверхсюжетное время в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 13 – 15.
10. Никитина И.П. Художественное пространство как категория современной эстетики. URL: https://vestnik-vgik.com/2074-0832/article/view/14909/ru_RU#! (дата обращения: 22.02.2023)
11. Соколова Т.К. проблеме изучения художественного пространства и времени в литературном произведении. *Studia Slavica X – Slovanské studie X* // Uniwersytet Opolski. Opole 2006. С. 124 – 125.
12. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тamarченко. Т. 1: Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 30.
13. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учебное пособие. М.: Просвещение, 1986. С. 87 – 88.
14. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 163.
15. Пелевина Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. С. 109 – 113.
16. Povalko П.Ю. Пространство и время как категории художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. 2022. Т. 13. № 4: Современная лингвистическая интерпретация: текст и контекст. С. 106 – 112. URL: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/issue/view/1606> (дата обращения 03.02.2023)

References

1. Babenko L.G., Kazarin Ju.V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika: uchebnik; praktikum. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: Nauka, 2005. S. 108 – 109.
2. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoj pojetike. Voprosy literatury i jestetiki. M.: Hudozhestvennaja literatura. M., 1975. S. 234 K 407.
3. Bashljar G. Izbrannoe: Pojetika prostranstva: per. s franc. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2004. 376 s. (Serija: «Kniga sveta») S. 8 – 108.
4. Kashirina S.V. Rol' hudozhestvennogo prostranstva v postizhenii literaturnogo teksta. Vestnik OGU № 9. Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. 2006. S. 180 – 183.
5. Koshevaja I.G., Makarova V.A. Tekst v ramkah razlichnyh tipov hudozhestvennogo vremeni. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2017. № 3. S. 14 – 17.
6. Lotman Ju.M. Ob iskusstve. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 2004. 703 s.
7. Lotman Ju.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. SPb.: «Akademicheskii proekt», 2002. S. 64.
8. Lotman Ju.M. V shkole pojeticheskogo slova. Pushkin, Lermontov, Gogol'. M.: Prosveshhenie, 1988. 352 s.
9. Makarova V.A. Sverhsjuzhetnoe vremja v hudozhestvennom tekste. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2019. № 3. S. 13 – 15.
10. Nikitina I.P. Hudozhestvennoe prostranstvo kak kategorija sovremennoj jestetiki. URL: https://vestnik-vgik.com/2074-0832/article/view/14909/ru_RU#! (data obrashhenija: 22.02.2023)
11. Sokolova T.K. probleme izuchenija hudozhestvennogo prostranstva i vremeni v literaturnom proizvedenii. Studia Slavica X – Slovanské studie X. Uniwersytet Opolski. Opole 2006. S. 124 – 125.
12. Teorija literatury: ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: v 2 t. Pod red. N.D. Tamarchenko. T. 1: N.D. Tamarchenko, V.I. Tjupa, S.N. Brojtman. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. S. 30.
13. Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta: (Tekst: struktura i semantika): uchebnoe posobie. M.: Prosveshhenie, 1986. S. 87 – 88.
14. Papina A.F. Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii: uchebnik dlja studentov-zhurnalistov i filologov. M.: Editorial URSS, 2002. S. 163.
15. Pelevina N. F. Stilisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. L.: Prosveshhenie, 1980. S. 109 – 113.
16. Povalko P.Ju. Prostranstvo i vremja kak kategorii hudozhestvennogo teksta. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. 2022. T. 13. № 4: Sovremennaja lingvisticheskaja interpretacija: tekst i kontekst. S. 106 – 112. URL: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/issue/view/1606> (data obrashhenija 03.02.2023)

*Balagleets D.A.,
I. Kant Baltic Federal University*

Interrelation of categories of space and time in the literary process of the XX-XXI centuries

Abstract: the coordinate system given by space and time is traditionally understood as one of the most important ontological categories. Creating a literary work, the author comes up with a new reality that exists according to the laws and rules set by him. The artistic world of a literary work reflects the idea of the author's consciousness, according to which events take place in the universe given by him within a certain time and space. Therefore, when starting to analyze a literary work, it is necessary to determine on what laws the picture of the new world is based. Despite the fact that artistic time and artistic space are usually considered as interrelated categories, united by a single concept of the chronotope, there are still disputes in literary criticism which of the concepts is the leading one and whether it depends on the specifics of the work. Since the connection of these concepts is not complete, at a certain level of analysis it is possible to consider them as independent elements of poetics. The article analyzes the main approaches to the interpretation of the term «chronotope», highlights the fundamental categories of the chronotope that form the relief of texts and are the key to the analysis of works, and also considers the most important functional features of artistic space and time.

Keywords: space, time, chronotope, topos, toponym, literary process

For citation: Balagleets D.A. Interrelation of categories of space and time in the literary process of the XX-XXI centuries. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 18 – 22.

**Билалова Д.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Институт нефтепереработки и нефтехимии, филиал
Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Салавате**

Особенности аффиксального способа образования терминов в башкирском, русском и английском языках

Аннотация: актуальность данного сопоставительного исследования технической терминологии обусловлена необходимостью определения ее лингвистических особенностей. Словообразовательный анализ технических терминов разноструктурных языков позволяет нам глубже раскрыть их сущность. Новизна работы заключается в детальном и сравнительном исследовании аффиксального (суффиксального) способа терминообразования башкирского, русского и английского языков. В образовании технических терминов в современном башкирском, русском и английском языках участвует большое количество аффиксов, обладающих различной степенью продуктивности. Проанализированный нами языковой материал наглядно демонстрирует факт наличия суффиксальных морфем в изучаемых нами языках. Если русский и английский языки, помимо своих собственных суффиксов, обладают и заимствованными словообразовательными элементами, то в башкирском языке суффиксы являются только иноязычными, заимствованными из персидского, арабского, русского языков. Кроме того в башкирском языке достаточно активно используются словообразующие и формообразующие аффиксы, которые можно приравнять к суффиксам. Наиболее активными суффиксами как в башкирской и русской, так и в английской терминосистеме являются латинские, греческие и романские суффиксы, являющиеся универсальными для терминологических систем многих специальностей. Термины, образованные данными суффиксами характеризуются системностью и носят регулярный характер.

Ключевые слова: технический термин; башкирский язык; русский язык, английский язык, суффикс, словообразование

Для цитирования: Билалова Д.Н. Особенности аффиксального способа образования терминов в башкирском, русском и английском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 23 – 27.

В словообразовании башкирского, русского и английского языков морфологический способ является наиболее продуктивным способом среди других.

При образовании новых терминов в языке используется те же словообразовательные модели и словообразующие аффиксы, которые характерны для образования общелитературных слов.

Морфологический способ образования технических терминов в сопоставляемых нами языках представлен следующими продуктивными морфемными терминообразовательными типами: аффиксальным (префиксальным, суффиксальным, префиксально-суффиксальным), безаффиксным (сложением, аббревиацией).

В рамках данной работы рассмотрим суффиксальный тип терминообразования башкирского, русского и английского языков.

Анализ терминологической лексики башкирского, русского и английского языков дает основание говорить об использовании суффиксального типа в образовании терминологии технической сферы.

Следует отметить, что в башкирской лингвистике отсутствует деление аффиксальных морфем на суффиксы. Но словообразующих и формообразующих аффиксов можно приравнять суффиксам. В составе башкирских слов присутствуют словообразующие элементы, исследователи-лингвисты их называют иноязычными суффиксами [2, с. 69].

В образовании общелитературных слов башкирского языка активно используются персидские, арабские и русские суффиксы, в анализируемой технической терминологии также встречается примеры с иноязычными суффиксами [3].

С помощью арабского суффикса *-и* образованы прилагательные, которые употребляются в терминологических сочетаниях: *даими һыйышлык* (постоянная ёмкость), *даими һыйышлыклы конденсатор* (конденсатор постоянной ёмкости), *табиги ягыулык* (естественное/природное топливо).

Среди технических терминов встречаются слова, которые сформированы при помощи заимствованных суффиксов из греческого и латинского языков: *-изм*, *-ист*, *-аль*, *-иаль*, *-ив*, *-ик*, *-ист/-ик*, *-он*, *-ион*.

Например, при помощи форманта *-ик* образованы следующие слова, которые используются в составе технических терминов: *акуст+ик типтагы антенна* (антенна акустического типа), *радиотелеметр+ик аппарат* (радиотелеметрический аппарат).

С формантами -аль, -иаль, -онал, -уаль и -ар образованы следующие термины: *рацион+аль файзаланыу* (рациональное использование), *дифференци+аль конденсатор* (конденсатор дифференциальный).

С помощью элемента -ив образованы: *реверс+ив мотор* (реверсивный двигатель), *радиоакт+ив агыулануу* (радиоактивное заражение), *эффект+ив киммэт* (эффективное значение).

С элементом -ион образованы следующие термины: *компенсац+ион козок* (колодец компенсационный), *инерцион һауа тазарткыс* 'инерционный воздухоочиститель', *вибрацион турайткыс* 'вибрационный выпрямитель'.

Как было уже сказано выше, в башкирском языке словообразующих и формообразующих аффиксов можно приравнять суффиксам. Поэтому в рамках данной работы также рассмотрим наиболее продуктивные аффиксы башкирского языка, участвующие в образовании технических терминов.

Аффикс -лык/-лек и его фонетические варианты образуют следующие модели новообразований: *ягыу+лык* (*ягыулык һауыты* – топливный бак), *конструктор+лык* (*конструкторлык бюроһы* – конструкторское бюро), *һауаһыз буш+лык* 'вакуум', *гидрофоб+лык* (*каты есемдәрзең һыуға сыланмау үзенсәлеге* – гидрофобность); *сызам+лык* (*вибрацияға сызамлык, вибросызамлык* – вибропрочность), *йыш+лык* (*юғары йышлык генераторы* – генератор высокой частоты) и т.д.

Среди терминообразующих формантов аффикс *уу/-еу* и его фонетические варианты, образующие словообразовательную модель «глагол + аффикс», считается более продуктивным: *туз+уу*, *ашал+уу* (*күләмле ашалыу* – износ объемный), *сақыр+уу* *индукторы* (*индуктор вызывной*), *тауыш йотол-оу* (*абсорбция звука*), *бор+оу* *валы* (*поворотный вал*), *май кой+оу* (*заливка масла*), *нулгә килтер+еу* (*зануление*), *эйлән+еу* *инерцияһы* (*инерция вращения*).

С помощью продуктивного аффикса -гыс/-гес и его фонетических вариантов образуются термины по модели «глагол + аффикс»: *томала+гыс* (*заглушка*), *йый+гыс* (*заборник*), *ур+гыс* (*жнейка, жатка*), *онта+гыс*, *вакла+гыс* (*машина*) (*дробилка*), *кыу+гыс* (*дистиллятор*), *тупрак һурзыр+гыс* (*грунтосос*), *бысрак айыр+гыс* (*грязеотстойник*) и т.д.

Аффикс -м/-ем/-ом/-өм/-ым – также продуктивный аффикс. Термины образуются с помощью модели «глагол + аффикс»: *бас + ым* *кәмеуе* (*перепад давления*), *энергия аг+ым* *тыгызлығы* (*плотность потока энергии*), *уй+ым* (*проем, прорез*), *сагыштырма сыг+ым* (*расход удельный*).

-лы/-ле/-ло/-лө является весьма продуктивным аффиксом, и образует прилагательные по модели «существительное + аффикс»: *диапазон+лы* *радиоалгыс* (*радиоприемник диапазонный*), *үзәк+ле* *бырау* (*сверло центровое*); *магнит+лы* *иретмә* (*магнитный сплав*); *ирек+ле* *электрон* (*электрон свободный*).

С аффиксом -ш/-ыш/-еш/-ош/-өш также образуются термины лишь одной модели «глагол + аффикс»: *яһалма һугарыл+ыш* (*ирригация*), *кыска ялган+ыш* (*короткозамкнутость*); *сыгар+ыш* *кеүәте* (*мощность выходная*); *аг+ыш* *баһымы* (*напор истечения*); *сыгар+ыш* *пентоды* (*пентод выходной*); *ярымсал+ыш* *күсергес* (*передача полуперекрестная*).

С помощью аффикса -ләштереу/-ләштереу/-лаштырыу/-лаш-тыр-уу образуются следующие термины: *диспетчер+лаштырыу* (*диспетчеризация*), *детал+ләштерәу* (*деталировка*), *нейтрал+ләштерәу* (*нейтрализация*), *үтил+ләштерәу* (*утилизация*), *ион+лаштырыу* (*ионизатор*), *электр+лаштырыу* *коэффициенты* (*коэффициент электрофикации*).

К группе малопродуктивных терминообразующих аффиксов относится аффикс -ык /-ек, который представлен моделью «глагол + аффикс»: *һыз+ык* (*валдар һызыгы* – линия валов), *һын+ык* (*металл һыныгы* – металлический лом), *ян+ык* (*янык яһалык* – нагарообразование), *ас + ык* *тәстәге нефть продукты* (*нефтепродукт светлый*).

Таким образом, в образовании технических терминов в современном башкирском языке участвует большое количество аффиксов, обладающих различной степенью продуктивности. Термины, образованные этим способом, характеризуются системностью и носят регулярный характер.

В создании технических терминов русского языка, образованных суффиксальным способом, используется незначительное число словообразовательных формантов, которые отличает частотность употребления [4, 5]. Наиболее продуктивными в образовании терминов в русскоязычной терминосистеме являются следующие суффиксы:

-аци(я) (по толковому словарю Ефремовой данный суффикс имеет значение процессуальности или результата действия): *десорбция*, *деполимеризация*, *дегидратация*, *кристаллизация*, *концентрация*, *ионизация*;

-ость (понятийные категории свойства, способности, предмета): *гомогенность*, *активность металла*, *выносливость металла*, *электроотрицательность*;

-ант/-ент: *сорбент*, *реагент*, *радиокомпонент*, *гидрант*, *радиант*,

-изм выражает такие значения, как условие или теорию; принцип или метод: *асинхронизм, магнетизм, астигматизм,*

-ит/-ид (понятийная категория «порода, минерал»): *магнетит, магнезит, галалит, бентонит, сульфид* и др.;

-н- (понятийная категория свойства): *электровалентная связь, огнеупорный кирпич, разветвленная цепь, водородная бомба, битумная нефть;*

-щик/-чик (понятийные категории «лицо, профессия», «устройство»): *арматурищик, литейщик, сверловищик; вибродатчик, вагоноразгрузчик,*

-к- (понятийные категории процесса, способности, предмета): *щебенка, цинковка, маркировка, нефтеобработка, очистка, переработка;*

-Ø (понятийные категории процесса, действия, наименования породы): *центр трубки, окись азота, модель атома, механизм мотки;*

-тель продуктивен при образовании существительных со значением неодушевленных предметов (*проявитель, охладитель, двигатель, ускоритель, окислитель*), но малопродуктивен при образовании названий действующих лиц;

-ниж/--ениј/-аниј/--тиј/-'т'ј/-иј/-ј (понятийная категория процесса, действия): *соединение сваркой, уравнение физического состояния, озонирование, азотирование, образование смеси;*

-фикациј(а) (снабжение тем, что названо производящей основой): *телефикация, радификация, газификация, электрификация.* Данный суффикс проявляет активность на почве русского языка, но функционирует при этом преимущественно в кругу нейтрально-книжных заимствованных основ.

В современном английском языке суффиксация как способ словообразования получила широкое употребление в процессе словопроизводства всех основных частей речи. Суффиксы в английском языке в функциональном отношении подразделяются на лексические и грамматические типы [1]. При изучении технических терминов рассмотрим только лексические суффиксы.

Проанализируем наиболее употребительные суффиксы английского языка, которые активно используются в образовании технических терминов.

-ism выражает такие значения, как условие или теорию; принцип или метод: *mechanism (механизм, схема процесса), asynchronism (несинхронный режим), magnetism (магнитные явления; магнитное поле),*

-er, -or обозначают устройство, производящее действие, выраженное глаголом, от которого оно образовано, или лицо, выполняющее это действие, его занятие или должность: *fitter (монтер, сборщик-монтажник), hydrator (гидратор, аппарат для гидратации и других процессов взаимодействия водой), heater (нагреватель, трубчатая печь);*

-ment встречается в именах существительных, образованных от глаголов и обозначает действие и его результат, состояние: *equipment (оборудование), maintainment (техническое обслуживание), refitment (переоборудование), reinforcement (придание жесткости, арматура)* и т.д.

-age (действие, место действия): *lockage (шлюзовые сооружения и механизмы; прохождение (судна) через шлюзы; шлюзовой сбор), meterage (измерение (при помощи измерительного прибора); показания измерительного прибора), sewage (сточные воды, нечистоты);*

-ing (процесс, действие, состояние): *mixing (образование смеси), overcooling (переохлаждение), evaporating (выпаривание, испарение), casting (литье, отливка);*

-ence/--ance (действие, состояние или качество, а также некоторые конкретные существительные): *purveyance (поставка, снабжение; запасы; провиант); conductance (проводимость, электропроводность), covalence (ковалентность);*

-ity/-ty (признак, свойство): *acidity (кислотность), cylindricality (цилиндричность), adaptability (возможность самонастройки; перенастраиваемость (напр., роботов с помощью чувствительных датчиков);*

-ite/-ith/-ide (понятийная категория «порода, минерал»): *magnetite (магнетит), magnesite (магнезит), galalith (галалит) sulphide (сульфид)* и т.д.

-ion, -tion, -ition, -ation -ion, -sion, -fication. Термины, образованные с помощью данных суффиксов, обозначают процесс, действие или результат действия: *atomization (автоматизация), protection hydratation (гидратация), oxidation (окисление), solidification (застывание, отвердевание).*

Суффиксальный способ словообразования в английском языке наиболее характерен для имён прилагательных, которые используются в составе технических терминов. Для большинства прилагательных производящей основой являются существительные, для других – разные части речи. Например:

-ic: *multiatomic* (многоатомный), *barometric* (барометрический), *nucleophilic* (нуклеофильный), *acetic* (уксусный), *acidic* (кислотообразующий), *aliphatic* (алифатический), *aromatic (oil)* (ароматическая (нефть));

-al: *mechanical* (механический), *bacteriological* (бактериологический), *biochemical* (биохимический), *orbital* (орбитальный, движущийся по орбите);

-ous: *fibrous* (волокнистый, фиброзный), *heterogeneous* (гетерогенный, неоднородный'), *homogeneous* (однородный, гомогенный), *luminous* (светлый, ясный), *polymorphous* (полиморфный);

-able/-ible: *meltable* (плавкий), *biocompatible* (биосовместимый), *combustible* (вопламеняемый, горючий), *flammable* (огнеопасный, легковоспламеняющийся);

-less: *odourless* (без запаха, непахнущий), *frictionless* (свободный от трения) и т.д.

Анализ терминологической лексики башкирского, русского и английского языков дает основание говорить о наличии суффиксов в этих языках. Хотя башкирский язык не имеет своих суффиксов, в языке достаточно активно используются словообразующие элементы, которые ученые относят к иноязычным суффиксам.

Наиболее активными суффиксами как в башкирской и русской, так и в английской терминосистеме являются латинские, греческие и романские суффиксы, являющиеся универсальными для терминологических систем многих специальностей.

В словообразовательном плане термины в русском и английском языках чаще всего образуются с помощью суффиксального способа, заключающегося в присоединении суффиксов к корням и основам. По приведенным примерам можно сделать вывод, что свободная сочетаемость суффиксов и основ в данном языке приводит к многочисленным терминообразованиям.

Литература

1. Билалова Д.Н., Абдуллина Г.Р. Морфемное строение слова в башкирском и английском языках. Стерлитамак: ИИЦ СФ БашГУ, 2016. 168 с.
2. Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. Уфа, 2000. 247 с.
3. Ишбаев К.Г., Абдуллина Г.Р., Ишкильдина З.К. Морфемика, словообразование, морфонология башкирского языка: учеб. пособие. Уфа, 2006. 178 с.
4. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.
5. Козлова Л.А. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.

References

1. Bilalova D.N., Abdullina G.R. Morfemnoe stroenie slova v bashkirskom i anglijskom jazykah. Sterlitamak: IC SF BashGU, 2016. 168 s.
2. Ishbaev K.G. Bashkirskij jazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie. Ufa, 2000. 247 s.
3. Ishbaev K.G., Abdullina G.R., Ishkil'dina Z.K. Morfemika, slovoobrazovanie, morfonologija bashkirskogo jazyka: ucheb. posobie. Ufa, 2006. 178 s.
4. Nemchenko V.H. Sovremennij russkij jazyk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie dlja filol. spec. un-tov. M.: Vyssh. shk., 1984. 255 s.
5. Kozlova L.A. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov: uchebnoe posobie. Barnaul: AltGPU, 2019. 180 s.

*Bilalova D.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of Oil Refining and Petrochemistry,
Ufa State Petroleum Technical University in Salavat*

Features of the affixal method of term formation in Bashkir, Russian and English languages

Abstract: the relevance of this comparative study of technical terminology is due to the need to determine its linguistic features. Word-formation analysis of technical terms of different structural languages allows us to reveal their essence more deeply. The novelty of the work lies in a detailed and comparative study of the affixal (suffixal) the method of term formation of Bashkir, Russian and English languages. A large number of affixes with varying degrees of productivity participate in the formation of technical terms in modern Bashkir, Russian and English. The language material analyzed by us clearly demonstrates the presence of suffix morphemes in the languages we study. Russian and English languages, in addition to their own suffixes, have borrowed word-forming elements, but in Bashkir suffixes are only foreign-language, borrowed from Persian, Arabic, Russian languages. The Bashkir language actively uses word-forming and form-forming affixes, which can be equated to suffixes. The most active suffixes in both Bashkir and Russian, as well as in the English terminological system are Latin, Greek and Romance suffixes, which are universal for terminological systems of many specialties. The terms formed by these suffixes are characterized by consistency and are of a regular nature.

Keywords: technical term; the Bashkir language; the Russian language, the English language, suffix, word formation

For citation: Bilalova D.N. Features of the affixal method of term formation in Bashkir, Russian and English languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 23 – 27.

*Ергазина А.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Баишев университет, Республика Казахстан*

Лингвокультурный аспект моделирования во фразеологии как отражение менталитета народа

Аннотация: актуальность данного исследования заключается в том, что при изучении особенностей выявления, анализе и сопоставлении семантики фразеологических единиц делается акцент на лингвокультурный аспект, который, являясь обязательным условием, позволяет смоделировать матрицу концептуального видения окружающей действительности народа. Цель данного исследования – проследить, как культурное наследие народа приобретает свое прочтение в его фразеологическом фонде. Новизна данного исследования состоит в том, что для анализа лингвокультурного аспекта моделирования фразеологических единиц используются паремии нескольких иностранных языков, с целью проследить развитие роли коннотации на общем фоне универсальных концептов.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, концепт, этническая картина мира, менталитет, исторический опыт, коннотация, ассоциация

Для цитирования: Ергазина А.А. Лингвокультурный аспект моделирования во фразеологии как отражение менталитета народа // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 28 – 31.

Концептуальная основа языковой парадигмы

Изучение фразеологии как важного показателя самобытности народа привлекает внимание многих ученых, тем более что основная тенденция развития человечества в целом – стремление к глобализации. Унификация как важный принцип единения противоречит принципу идентичности – показателю ведущего признака отражения народного менталитета. В данной трактовке наиболее удачно звучит определение Г. Хоффштеде: «культура – это коллективное программирование сознания, отличающее одну группу или категорию людей от другой» [9, р. 92]. Концепция культуры – это ментальная голограмма реальности – глобальная как общемировой концепт восприятия бытия, и более узкая, «специфичная», сведенная до мировосприятия окружающей действительности в концептосфере отдельной народности.

Лингвокультурология как раздел языкознания, изучает отношения между культурными концептами и языком. Важная роль культурной лингвистики заключается в том, что она, вбирая в себя такие необходимые дисциплины, как антропология, лингвоконцептология, аналитический и теоретический аспекты когнитивистики, дает возможность определить истоки, особенности развития и составить предположительные сценарии развития культурологического вектора языка. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [8, с. 82]. Пласт фразеологии, проектирующий уникальное видение мира, можно считать своеобразной «визитной карточкой» этноса. То, что ближе к пониманию жизни, определяет его каждодневный уклад, выявляя априори ценности, нормы, порядки – все заложено в модели фразеологического фонда. Таким образом, фразеологизмы – это стереотип или эталон «обыденного менталитета, знаковых микротекстов, основного источника знаний о ментальности культуры народа [5, с. 153]. Фразеологию можно рассматривать как матрицу существования и функционирования единиц ментальности, заключенных в прецедентных, образных и емких формах – «файлах» программу существования нации. Принимая данную точку зрения, мы принимаем и положение о том, что фразеология – это вербальный памятник культуры, духовная жизни нации, например, элементарное представление о таких, казалось бы избитых понятиях, как добро и зло, жизнь и смерть, любовь и ненависть, заложено в основу быта народа, его этикет, традиции и обычаи, т.е. представляет собой не только фундамент, но и строительный материал уникального мироощущения. Но лингвокультурный аспект предполагает не только общие представления о предписываемой нормами современности, здесь же мы говорим и об «оттисках» культуры – мифах и архетипах, положенных в основу лингвоконцептуальной модели нации. В.Н. Телия подчеркивает, что именно тесная связь с национально-культурными стереотипами рождает уникальные для каждого отдельно взятого народа образы, маркеры его индивидуальности, эталоны мирозерцания и мировосприятия, которые ложатся в основу фразеологических единиц. Но также необходимо принять во внимание и положение В.В. Виноградова о том, что обобщенно-целостное значение фразеологизмов не может выбираться из отдельных его компонентов, т.е. историческая составляющая фразеологического фонда, заложенная в культурном достоянии не зависит от современного состояния лексики. В.В. Виноградов определяет фразеологизм как «семантически цельное выражение или высказывание, функционирующее как отдельная лексическая единицы» [6, с. 171-173].

Ментальная голограмма народной фразеологии

Особенностям множественности и своеобразия этнических фразеологизмов (даже внутри одной языковой концептосферы) посвящены работы Л.А. Ивашко, И.А. Подюкова, Л.И. Федорова, Е.В. Брысиной, Т.Г. Никитиной. Как утверждает Е.В. Брысина, особое внимание к этнопластам обусловлено, в первую очередь, повышением значимости изучения истории отдельных народов, включая внутренние устои их существования, где фразеология является одним из наиболее ярких показателей. Такие разрозненные элементы – народы и народности – создают общую, целостную картину культурного достояния нации как хранителя своеобразной языковой картины мира [2].

Итак, утверждение о том, что нет двух одинаковых людей, абсолютно верно отражает несхожесть этнических картин. Мы можем говорить об общих представлениях народов лишь до определенной степени, даже географические факторы в пределах проживания одной народности может кардинально влиять на этническую картину мира и этническое самосознание. Это отражено в уже сформированных и рождающихся новых стереотипах, запечатленных в сознании носителей, что отражается в появлении эмоционально маркированных этнонимов и фразеологизмов, связанных с различными этническими группами. «Это происходит по причине того, что различия в быту, жизненном укладе, вкусах, традициях, менталитете часто порождают непонимание и неодобрение между этносами, что неизбежно выражается в появлении отрицательно маркированных языковых единиц» [1, с. 272].

Таким образом, фразеологический состав – это ценное лингвистическое наследие, заключающее в себе мировоззрение народа, его культуры и обычаев. А фразеологизмы – отражение его менталитета, запечатленного в культуре и передаваемого от поколения к поколению. Однако, выполняя номинативную функцию, диалектные фразеологизмы часто содержат в себе «обороты, которые употребляются для оценочной характеристики человека, предметов и явлений» [4, с. 117] Часто топонимы внутри фразеологизмов (название области, края или даже отдельного населенного пункта) имеют региональный характер, что может служить примером нелицеприятного характера в отношении географических соседей, например, *кедра вятская* (о глупом, недалеком человеке), *вятский слепень* (о не понимающем человеке), *Рязань косопузая*, хотя коннотативное значение слова косопузый используется только по незнанию. На самом деле, Рязань была известна своими знаменитыми на всю Россию плотниками, которых часто можно было видеть с топором за поясом. Фразеология – пласт языка, активно участвующая в определении национально-специфического колорита. Приведем несколько примеров концептуальной обозначенности. С одной стороны, речь идет о языковых единицах с общим концептом, приближенным к общепринятому пониманию и видению его роли в культурном восприятии самобытности народа с точки зрения его идентификации. Но реализация подобных концептов в языковом пласте народа приводит к неоднозначным выводам с точки зрения моделирования действительности:

1) национальность:

to take French leave vs partir en anglais ou обе фразы появились одновременно, подоплека их появления также одинакова как в английском, так и во французском языках. В период Семилетней войны 1756-1763 годов основными противниками были Англия и Франция. Участвовавшие случаи дезертирства во французской армии англичане называли «*to take French leave*» (уйти по-французски), а французы заимствовали шутку, внося туда свои коррективы, так появилось крылатое выражение «уйти по-английски». Обе сохранили свое значение до настоящего времени и используются для обозначения тех, кто незаметно удалился или не мог больше оставаться из-за количества выпитого или ушел из-за срочного дела.

Еще одним примером лингвокультурного моделирования фразеологических единиц является образ, заимствованный из прошлого, такой концепт сохранен в исторической памяти народа. И даже по прошествии времени коннотативный его характер остается ярко выраженным (опасность, беда, угнетение, неволя), а именно ассоциация национальности с врагом: *незванный гость хуже татарина; неволей только татары берут; бей сполох, татарин идет*. В основе данных паремий лежит концепт *война*, который для народа-автора данных фразеологизмов связан с многолетними набегами татаро-монгольских племен на Русь.

Таким образом, приведенные выше фразеологические единицы являются примерами проявления в лингвокультурном концепте ассоциативной природы – связи социума с символическими феноменами, а имя концепта – «репрезентирует концепт в конкретно-исторической форме языка» [3, с. 5-12].

2) концепт еда

Наличие данной парадигмы присуще всем нациям, его можно определить как универсальный. Это мыслительный конструкт, единица теоретического знания, представляющая собой коллективный опыт познания мира, восходящее своими корнями к Библии *Хлеб наш насущный дай нам днесь. (От Матфея 6:11)*

Хлеб да вода – здоровая еда;

Tendre comme du pain frais (фр.нежный как свежий хлеб);

Triste comme un jour sans pain (фр.грустный как день без хлеба);

Bread is the staff of life. (англ. хлеб – опора жизни);

Mit Wasser und Brot kommt man durch alle Not. (нем. с хлебом и водой выйдешь из нужды).

Но помимо универсальной природы концепт еда может быть представлен семантически целостное ментальное образование, «растворенное» в культурно-языковой среде. Таким образом, с позиции лингвокогнитологии концепт – это единица «ментального лексикона, с помощью которой обрабатывается образующая определенную картину мира информация» [7, с. 81-93]:

- *что русскому хорошо, то немцу смерть*
- *one man's meat is another man's poison* – нейтральное проявление концепта, содержащего в себе коннотацию;
- *the frenchman's poisson is the englishman's poison*

Иногда можно встретить переработанный, пропущенный сквозь призму национальной «нетерпимости» двух наций вариант данной фразы, т.е. акцент делается на противостоянии англичан и французов. Но в последнем примере стоит обратить внимание еще и на написание слов. Практически идентичны *poisson* (фр. рыба) и *poison* (англ. яд).

Несмотря на разнообразие подходов к интерпретации понятия «концепт», во всех определениях отмечается сложность и многомерность этой важнейшей категории, объединяющей ментальный опыт человека с внешним миром. Лингвокультурный аспект моделирования фразеологии, а в частности фразеологии локальной, в значительной степени обозначен местными традициями культурных составляющих нации. Фразеология как часть ментальности является одним из ярчайших примеров широкого ареала картины мира, с налетом спектра народно нравственных оценок, особенностей человеческих отношений и поведения, концептуальных истолкований, что в целом можно определить как полиморфизм народной культуры.

Заключение

Одним из выражений культурного фонда нации является система концептуальных представлений об окружающей его действительности. Понятие «концепт» – многогранная, сложная категория, в которой соединяются внутренний ментальный опыт человека с внешним миром. При этом мы можем сделать вывод, что эта память реализуется в множестве проявлений. Язык как средство хранения культурного, исторического и духовного опыта использует поговорки, к которым мы относим и фразеологические единицы. Сравнив примеры фразеологизмов русского, английского, французского и немецкого языков, мы пришли к выводу, что, опираясь на универсальные представления о действительности или, иначе, общезначимые концепты, каждый народ в силу собственного представления о денотативной природе и коннотациях, основанных на историческом опыте, преобразует и моделирует концептуальный план фразеологизмов согласно особенностям менталитета своей нации.

Литература

1. Боляк Д. А. Этнические стереотипы во фразеологизмах с этнонимами // Вестник СНО ДонНУ, 2021. Вып. 13. Т. 2: Социально-гуманитарные науки. Ч. 2. С. 269 – 273.
2. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 23 с.
3. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. 2003. Вып. 24. С. 5 – 12.
4. Воробьева Л.Б. Лингвокультурный аспект региональной фразеологии Материалы международной научной конференции: Язык и межкультурная коммуникация. Псков, 21-23 мая 2019 года. Издательство: Псковский государственный университет (Псков), С. 113 – 117.
5. Нью Юйфэн Фразеология в аспекте коннотативного и лингвокультурного потенциала // Международный сборник научных статей: Проблемы лингвистики и лингводидактики. Выпуск VI / под ред. Л.Г. Петровой. Белгород, 2018. С. 149 – 153.
6. Потапова О.Е. Фразеологизм как средство репрезентации концепта // Современное педагогическое образование. 2019. № 10. С. 171 – 173.
7. Северина Е.М. Культурный концепт в когнитивном измерении // Человек и культура. 2020. № 6. С. 81 – 93.
8. Телия В.Н. Что такое фразеология. М., 1966.
9. Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories // International Management Behavior / Eds. H.W. Lane, J.J. DiStefano, M.L. Maznevski. 4th ed. Cambridge, MA: Blackwell, 2000. P. 82 – 95.

References

1. Boljak D. A. Jetnicheskie stereotipy vo frazeologizmah s jetnonimami. Vestnik SNO DonNU, 2021. Vyp. 13. T. 2: Social'no-gumanitarnye nauki. Ch. 2. S. 269 – 273.
2. Brysina E.V. Jetnolingvokul'turologicheskie osnovy dialektnoj frazemiki Dona: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2003. 23 s.
3. Vorkachev S.G. Koncept kak «zontikovyj termin». Jazyk, soznanie, kommunikacija. 2003. Vyp. 24. S. 5 – 12.
4. Vorob'eva L.B. Lingvokul'turnyj aspekt regional'noj frazeologii Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. Pskov, 21-23 maja 2019 goda. Izdatel'stvo: Pskovskij gosudarstvennyj universitet (Pskov), S. 113 – 117.
5. Nju Jujfjen Frazeologija v aspekte konnotativnogo i lingvokul'turnogo potenciala. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej: Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Vypusk VI. pod red. L.G. Petrovoj. Belgorod, 2018. S. 149 – 153.
6. Potapova O.E. Frazeologizm kak sredstvo reprezentacii koncepta. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2019. № 10. S. 171 – 173.
7. Severina E.M. Kul'turnyj koncept v kognitivnom izmerenii. Chelovek i kul'tura. 2020. № 6. S. 81 – 93.
8. Telija V.N. Chto takoe frazeologija. M., 1966.
9. Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories. International Management Behavior. Eds. H.W. Lane, J.J. DiStefano, M.L. Maznevski. 4th ed. Cambridge, MA: Blackwell, 2000. P. 82 – 95.

*Ergazina A.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Baishev University, Republic of Kazakhstan*

The linguistic and cultural aspect of modeling in phraseology as a reflection of the mentality of the people

Abstract: the relevance of this study lies in the fact that when studying the features of identifying, analyzing and comparing the semantics of phraseological units, emphasis is placed on the linguistic and cultural aspect, which, as a prerequisite, allows you to model the matrix of the conceptual vision of the surrounding reality of the people. The purpose of this study is to trace how the cultural heritage of the people acquires its reading in its phraseological fund. The novelty of this study is that to analyze the linguistic and cultural aspect of modeling phraseological units, paroemias of several foreign languages are used, in order to trace the development of the role of connotation against the general background of universal concepts.

Keywords phraseology, phraseological unit, concept, ethnic picture of the world, mentality, historical experience, connotation, association

For citation: Ergazina A.A. The linguistic and cultural aspect of modeling in phraseology as a reflection of the mentality of the people. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 28 – 31.

*Левина В.А.,
Московский международный университет*

Лингвокультурологический анализ термина артель, как лингвистического феномена

Аннотация: статья посвящена изучению такого лингвистического феномена как термин «Артель». Очевидно, что добровольное объединение людей для решения более сложных задач, чем те задачи, которые по силам одному человеку, возникло еще в праславянский период. Некоторые формы подобных отношений существуют вплоть до наших дней в первозданном виде. Логико-понятийные основы взаимодействия людей на добровольной основе вошли в ряд более современных понятий о акционерных обществах, кооперативах, действующих на основе законодательства. Терминология артельной деятельности, которая возникла еще в дописьменный, догосударственный период, и в этой связи можно говорить о том, что именно она является генуинной терминологией в области социально-экономических отношений которая возникла в период родоплеменных отношений славянских племен. Очевидно, что понятие «артель» не только включает в себя наименование такого явления как трудовая бригада (группа) людей, но и культурно-психологическое явление более сложного и глубокого порядка, которое подлежит изучению с позиций этнопсихолингвистики и культурологии, концептологии. Эти методы позволяют составить достаточно точное представление о культурно-исторических и ментальных представлениях восточных славян о таких базовых концептах в жизни народа как: достоинство, справедливость, добро, зло, свобода, ответственность. В статье рассмотрены как внутренние так и внешние факторы которые составляют ядерные и периферийные области термина-концепта «Артель». В работе использованы материалы этимологических словарей, лингвистические, сравнительно-сопоставительные, диахронические методы анализа, а также труды отечественных ученых в области изучения национально-этнических особенностей народов Европейской части нашей страны. Статья позволяет получить представление о современном подходе в антропоцентрической парадигме к изучению сложных лингвистических явлений.

Ключевые слова: термин, этнопсихолингвистика, концепт, ментальность, социализация

Для цитирования: Левина В.А. Лингвокультурологический анализ термина артель, как лингвистического феномена // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 32 – 39.

Существуют различные подходы к датировке образования человеческих сообществ и возникновению в них древних социальных отношений. Некоторые ученые полагают, что подобные отношения возникают в период неолитической революции, т. е. переходом людей к оседлому образу жизни, началу организованного земледелия и скотоводства. Другие ученые поддерживают идею начала социализации еще у высших приматов, которые способны вести организованную охоту, точно понимать распределение ролей в этом процессе, быть адекватным членом своей группы, защищать ее интересы и территории, в том числе с использованием различных предметов. Действительно методы групповой охоты отмечены и у других животных: львов, гиен, волков, диких собак, некоторых морских обитателей: акул, китов, дельфинов и т.д. Очевидно, что при такой тактике существует некая система взаимного оповещения между участниками, которая может состоять не только из звуков, которые они изучают, но и различных движений или их комбинаций которые ученым еще только предстоит понять. Наблюдение за охотой группы касаток с квадрокоптера показало, что животные в своей тактике используют такие факторы как выравнивание скоростей движения между животными для создания эффекта «нагонной волны», явного осознания разницы в плотности воздуха и воды, использования физических свойств воды (веса, инерции) для успешной охоты.

Современные средства видеонаблюдения позволили выявить много подобных фактов поведения животных, которые ранее приписывались исключительно человеку. Таким образом можно сделать вывод о том, что некоторые способности к социализации, образованию сообществ, распределению ролей между участниками этих сообществ свойственны не только человеку как биологическому виду, но и многим другим видам в природе, и направлены на выживание своего вида, и приспособление к текущим условиям жизни. Эти условия были очень различными в прошедшие исторические эпохи, в разных регионах, и в других климатических условиях.

К ключевым особенностям именно человека, относятся прежде всего возникновение языка как устойчивой звуковой системы, которая позволяет опредмечивать осознанные объекты или явления, закрепляя за ними определенный набор звуков. Это стало важным фактором накопления знаний и возможности передачи их молодому поколению.

Неолитическая революция с одной стороны позволила древним людям более гарантированно обеспечивать себя продуктами питания, а с другой создала серьезные проблемы в связи с необходимостью производства большого объема тяжелой физической работы (расчистки участков леса, вспашка земли, строительство домов) которая одному человеку была не под силу. Очевидно, что объединение в группу нескольких человек позволило достигать цели намного проще. Историческая наука полагает, что подобные явления возникали в силу необходимости почти везде одинаково, за исключением технологии и методов земледелия, или строительства жилищ.

Процесс объединения людей для достижения общей цели в период неолита говорит о возникновении этого явления как объективного психологического факта перехода общества на новую ступень развития. Таким образом, появилась необходимость закрепить это явление в языке. Однако следует обратить внимание на то, что речь уже не идет о возникновении (номинации), гемуинных терминов орудий труда, одежды, т.е. материальных объектов, а понимания наименования социальных явлений интеллектуально-мыслительного характера. Этимологический анализ показывает что термин «артель» появился в русском языке с XVII века, и является заимствованным из: тюркского (орта – община), турецкое (oktaklik – товарищество), татарско-казанского (уртаклык) – общность, или итальянского (artiere) ремесленник. До этого момента, иногда «шайки», «дружины».

В этих терминах мы видим соотносительность понятия «артель» с уже известными терминами кровного родства, дружбы, братства, духовной близости т.е. ассоциации по аналогии. Для подобного рода вторичной номинации существует объективная причина – патриархальное устройство родовой общины у восточных славян, существовавших до 19 века [1, с. 87, 207].

В основе всей картины мира восточные славяне видели такое понятие как мир, означающее на церковнославянском языке – человеческое общество, в отличие от современного – мир, как значение противоположное войне.

Практически до 1917 г. сельские территории России во многом сохранили черты патриархальной общины. Крестьянин осознавал себя членом общества, прежде всего как член конкретной общины, конкретного мира [2, с. 262]

«Общность, как идеология русских выражается в стремлении к совместной работе, отдыху, что отражено вербально. Большое количество сложных слов с основой общее со значением собирательности, объединения. Это в основном сложные прилагательные со значением «общий для чего-либо»: общенародный, общегородской, общественный, общепринятый [3, с. 79-85].

Именно в среде сельской общины много столетий формировалось культурное пространство восточных славян в поселениях, которые часто находились далеко друг от друга, и требовали не только тяжелого общего труда, но и защиты от других племен и недружественных соседей. Расселение на большой территории приводило и к некоторому языковому обособлению в качестве диалектов, которые мы видим и сегодня. «В этой среде образуются и такие важные понятия как языковая картина мира и языковая личность, как способы отражения структурно-языковой сложности» [4, с. 22].

«Познакомившись с новым прецедентом или явлением, человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков, выбирает только какой-нибудь один, кажущийся ему характерным признак, уже имеющий в данном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета» [5, с. 51]

Телия В.Н. пишет: «В языке закрепляются и фразиологизируются именно те образные выражения, которые при употреблении в речи ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.д., и которые в речи воспроизводят характерный для той или другой лингвокультурной общности менталитет [6, с. 223].

Таким образом наиболее целесообразно рассматривать термин «артель» именно как лингвокультурологический концепт. Лингвокультурология становится самостоятельной дисциплиной именно в антропоцентрической научной парадигме. Она использует приемы и методы социо-лингвистики, культурологии, культурной антропологии. «Объектом лингвокультурологии является взаимодействие языка как проводника информации и культуры как исторической памяти народа. Предметом лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобретают символическое или эталонное, или образно-метафорическое значение в культуре, и результаты деятельности человеческого сознания, закреплённого в мифах, легендах, ритуалах, образах, фольклорных текстах и т.д. [7, с. 35-38].

Лингвокультурология позволяет выявить в составе концепта эмоционально-психологическую составляющую, которая в свою очередь соотносится с повседневными стереотипами нации. Именно эта составляющая делает объем концепта значительно шире, чем объем понятия. Анализ концепта «Артель» позволяет выявить не только хозяйственную сторону этого явления, но и увидеть его место в более многомерных свя-

зях, например с образными, ценностными, поведенческими сферами самосознания народа. Менталитет народа представляет собой глубокий уровень иногда даже бессознательных представлений людей о формах национального бытия и может быть реальным побуждающим фактором различных поведенческих поступков: от союзов до столкновений с другими людьми или народами.

В нашей стране функционируют 4 основных направления в лингвокультурологии: школа В.Н. Телия, Степанова Ю.С., Арутюновой А.Д., Воробьева В.А. К основной задаче лингвокультурологии относят описание языковой картины мира, т.е. понимание совокупности зафиксированных в языке знаний народа о действительности, языковое членение мира.

Производственные	Оказание услуг	Торговля, снижение затрат
Строительство домов	Точильщики	Розничная торговля
Охота	Лодчаны	Музыканты
Рыболовство	Балластные	Харчевые
Земледелие	Скотобойные	Ссудно-сберегательные
Бортничество	Выделка мехов	Совместная эксплуатация мастерских
Добыча соли	Вязальные	местная закупка материалов
Добыча угля	Содержание тракторов	Шкуйники (разбойники)
Добыча золота	Монопольно-таможенный	Воинские отряды
Обработка камня	Биржевые артели	Купеческие артели
Сыроварение	Крючники	Артели полоумников по святым местам
Плотничество	Бурлацкие	
Столярное дело	Извозчики	
Бочарный	Лодочники	
Конопатчики	Пильщики	
Каменщики (печи) церкви	Землекопы	
Клиночно-строительный	Дровосеки	
Малярный	Грузчики	
Кузнечный	Перевозчики грузов	
Слесарный	служивание почтовых станций	
Сапожники	Женская артель переводчиц	
Ткачи		
Шерстобитный		
Строительство железных дорог		
Строительство мостов		
Строительство крепостей		
Канатно-веревочный		

Рис. 1. Распределение видов деятельности русских артелей.

Ист. Автор по мат. Рыбаков. Ремесла древней Руси

В условиях реальности различий в жизни регионов можно привести в качестве примера различия в видах деятельности территорий, которые попали в сферу интересов торговцев по пути из Варягов в Греки, и глубинных, лесных районов Руси. Этот путь проходил по маршруту: Южная Балтика, сеть Русских рек – Днепр-Черное море. Это был опасный путь, и он требовал подготовки. В местах такой подготовки возникали большие поселения и новые виды деятельности, например в Гнездово, Новгороде, Пскове позже в Киеве. Однако в коллективной деятельности по-прежнему использовались древние термины, в основе которых лежали переосмысленные формы от исходного слова «брат». Очевидно, это также можно трактовать и как «братство в религии», а не только кровное родство. Таким образом возникал дополнительный смысл в сфе-

ре уже духовного родства. В старославянском это звучало как «братига». Ниже в схеме 1 мы приводим все известные виды деятельности артелей.

В.В. Воробьев предлагает изучать объекты лингвокультурологии с помощью системного метода, который заключается в единстве семантики, сигматики, синтактики и прагматики и позволяющего получить целостное представление о них как единицах, в которых диалектически связаны собственно языковые и внеязыковые содержания [8, с. 43].

Синхрологический метод в лингвокультурологии позволяет выявить разницу в картинах мира людей в один и тот же период, но в различных регионах и обстоятельствах. Археологический метод показывает, что Гнездово в IX-Xвв. возник город площадью до 16-га, т. е. сопоставимый размером с Европейскими городами того времени. Таким образом там сложились и экономические условия для возникновения братин, или групп работников для подготовки длительных путешествий, погрузке товаров, охране в пути, строительства кораблей, организации волоков и т.д.

Артельные объединения людей происходили и в Европе. С.Н. Прокопович приводил пример аналогичных явлений в Германии (Gruppenakkord) англ. (Working in pocket), которые применялись на шахтах, металлургических предприятиях, на сельскохозяйственных работах, на канатных фабриках и т.д. Существуют факты использования артелей в Италии, Швейцарии, Испании, США, Австралии [9, с. 53-55].

В Европе артельная деятельность в основном регулировалась либо феодалами, либо позже Государством. В России подобное регулирование также существовало, но главным образом только в случаях использования государственных средств. В основном артели создавались на основе добровольного объединения людей на местах их проживания либо, например, для строительных работ в более крупных населенных пунктах. Все члены артели, включая руководителя (атамана) должны были работать. Наградой за труд атамана была выплата «на сапоги» в конце работы. Ниже мы приводим перечень известных сегодня терминов артельного дела, включая старейшие правовые понятия, такие как: «круговая порука».

Братчина

Складчане (дохристианский период)

Пиры (законные обеды)

Помочь

Толоки (малорусское)

Одиначество

Носники

Кормщики

Ярыжники

Загребники

Лоцманы

} на кораблях

Договорные семьи (семейные артели)

Отхожие промыслы

Ватага

Дружина

Наймиты (наемные люди)

Вкуп (вступительный взнос)

Ватаман (атаман) руководитель

Пай – часть похода, добычи

Покрута (хозяин дает капитал, артели труд)

Котляна – соединение нескольких артелей

Смашная котляна – объединение артелей для одного случая

Чередники – пастухи для выпаса общественных стад

Граборы – землекопы

Бочкари – изготовление бочек

Картомщики

Гуртова

Дрягили

Бендюжники

} арендаторы земли, покоев

} носильщики

Гвоздари

Бурлаки

Мальчики (ученики, молодые люди)

Особого внимания заслуживают термины добровольного правового регулирования между членами общины. Очевидно, что эти правила сложились без какого-либо внешнего давления, и являются естественным развитием народной мысли, представлений людей о порядочности, взаимодействии, ответственности, т.е. фактически являются логико – лингвистическим феноменом. Истоки этих понятий изучал А.Н. Энгельгард. Он приводит пример из реальной жизни артельников (1900-е годы): «Это люди более гуманные, способные сдерживать свои эгоистические инстинкты, уступать другим, уступать общему духу, общим потребностям общему благу». Артельные «союзные» люди – это дружинные, солидарные люди. Артельные союзные деревни – это дружные деревни» [10, с. 305-318]. Сочетание таких факторов как артельность и общинность, как и соборность, многие специалисты считают важнейшими культурно-психологическим архетипом России. Важнейшим фактором взаимодействия членов артели является уважение к личности. Т.е. все важные вопросы в артели решались на сходе, с учетом мнения всех артельников. Это относится к древнейшим традициям восточных славян, общинному устройству жизни большинства населения, как важнейшей части картины мира.

Анализ дошедших до нас древнейших правовых документов Государственной власти на Руси, начиная с Русской Правды, показал, что именно общинное, соборное устройство общественной жизни в стране, лежит в основе этих юридических документов. В этой связи можно говорить о том, что в Российской реальности существовало 2 смыслообразующих реальности.

Первая, древняя, общинная, народная, и вторая реальность, близкая к княжеской системе законов, церковных правил и обычаев. А.Н. Леонтьев писал: «Образование смысловых связей заключено в практической деятельности субъекта на пути к реализации тех или иных потребностей. Различные явления и предметы обретают свое место в жизни субъекта» [11, с. 136-142].

Первая попытка государства регулировать деятельность артелей по ремонту мостов появилось как «Урок мостникам» в составе «краткой правды» в 1054г. Диахронический анализ Российского законодательства свидетельствуют о том, что законы, регулирующие деятельность артелей появились лишь в XVIII веке: Устав о цехах 1799 г. глава XIV параграф 1.

В торговом Уставе существовало 12 статей с 2409 по 2420 о биржевых артелях. Статья 2409 дает определение биржевым артелям и образует из них самостоятельную группу. Остальные статьи регулируют некоторые особенности внутренней жизни артелей и отношения последних к хозяйственным [12, с. 124-125].

Далее в 1895 г. было создано Общество содействия артельному делу в России. В 1902г. принят закон «о трудовых артелях». В 1915г. министерство торговли и промышленности Российской империи фиксировало 26 портновских, 20 столярных, 15 сапожных, 12 слесарно-механических артелей, всего 507. В начале XX века артели возвели в Москве отель «Метрополь», 893км. Каналов 1317 км. шлюзовых каналов рек, 90000 км. железных дорог. Трансб – 7500км. строили 8000 артельников. В 1911 г. в Москве за один сезон артелями было построено 3 тысячи пятиэтажных домов. Жили артельники в «балаганах, бараках, землянках». Очевидно, что и ранее артели участвовали в строительстве таких объектов как Китайгородская стена, Кремлевские укрепления другие крупные сооружения. С XVIIIв. В Москве складывается большая старообрядческая община, в которой доминировали старинные представления о религии, месте человека в мире, о богатстве, его значении. Все свои предприятия они организовывали по образцу артелей. Эти купцы-предприниматели полагали что деньги (оплата) принадлежат Богу, а они призваны ими только управлять. Старообрядческие семьи стали наиболее существенными благотворителями в истории Москвы: К.Г. Солдатенков, Степан, Павел, Николай, Владимир, Дмитрий Рябушинские, А.М. Гучков. В других городах также возводились больницы, школы, приюты для бездомных, на деньги купцов, которые делали это добровольно и считали это своим христианским долгом.

В XVIII-XIX веках артели широко применялись на заводах и фабриках, что позволило в 1730-х годах по объему производства железа обогнать Англию, Швецию, Францию и Америку. Россия начала экспортировать железо Европу. Однако по-прежнему работая, даже на заводах артели выбирали своих старост сами, что говорит о большом значении для них соблюдения традиционных старинных (отцовских) традиций. Сами артели наказывали своих членов. Если артель принимала участие в выполнении Государственных заказов, то Устав артели утверждало правительство. Право артели как «юридического лица» было признано только в 1904 г. в ст. 7. «Положения о трудовых артелях». Кроме того ст. 2 этого положения делила артели на 2 группы: уставные и договорные. Это позволяло приблизить правовые отношения в артелях к общеправовой системе государства. Официальное определение понятия артель сформировано только в 1902 г. в ст. 2 Положения об артелях: «Товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников, за общий счет и круговую их порукою» [13, с. 665].

Анализ Соборного уложения 1649, и Таможенного Устава 1653, Новоторгового Устава 1657, показывает, что эти документы направлены в основе на организацию торговли и таможенного дела для взимания налогов в пользу государства. В период правления Петра I финансово-хозяйственная деятельность в России была существенно преобразована с целью активизации предпринимательской деятельности. Появились также новые формы деятельности, такие как «товарищества на вере». Однако деятельность артелей, не подвергались корректировке. Только в 1778 г. было запрещено крестьянам заниматься торговлей, что давало преимущество купцам и несколько изменило направленность деятельности артелей. Закон 1910 года «О изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», позволил крестьянину выделить свой надел из общинного, но недра оставляет за общиной, что говорит, что община по-прежнему остается основой территориального управления, и имеет свою общинную собственность и значимость в жизни людей.

Таким образом, существование артелей не противоречило становлению ни правовой, ни финансовой систем в стране. Особого внимания заслуживает анализ термина «круговая порука». Подобные формы ответственности между членами артели возникли еще в древности, но сохранили содержание понятия, которое фактически перешло в современное понятие «общество с ограниченной ответственностью». В случае недостатка товара, убытков, некачественно выполненной работы, артель отвечала всем своим имуществом, а члены артелей после погашения претензий заказчика, определяли виновных в соответствии с их взносом в артель, и перераспределяли прибыль среди невиновных членов. Фактически закон 1902г. создал правовую основу для современных представлений о формах товарищеских объединений, а с другой безусловно учитывал многовековые традиции существования артелей в России. Кроме того, ст. 2198 обязывала Уставные артели иметь Уставы определенного образца, с подлинными подписями участников (не менее 5-ти человек). Компенсация за уплаченные штрафы или убытки перераспределялись между членами уже на основании «Реверсного иска» [14, с. 162].

Из приведенной выше схемы №1 мы видим, что деятельность артелей охватывала практически все возможные виды инициативно-предпринимательской деятельности на протяжении многовекового исторического периода существования России от повседневных житейско-хозяйственных проблем сельской общины до решения крупных государственных задач. Безусловно, эта деятельность, ее нормативно-этическая сторона составляют существенный лингво – культурный пласт больших групп населения страны. Многие исследователи полагают, что речь идет о возникновении лингвокультурного концепта. В этой сфере важно высказывание С.Х. Ляпина: «Лингвокультурный подход представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента. Имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры. Ценности, высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Ценности существуют в культуре не изолированно, а взаимосвязано и составляют ценностную картину мира (как часть языковой картины мира). Лингвистически они могут быть описаны в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, определенных в той или иной языковой форме [15, с. 11-35].

Выводы

Изучение термина «Артель» показывает, что некоторые понятия, которые существуют и современной языковой картине мира, являются более устойчивыми к переменам в общей картине мира общества, т.к. они в своем глубинном смысле связаны с культурными, психологическими, религиозными устоями народа, а не политическими или экономическими процессами. Развитие общинных традиций является естественным ходом становления социальных отношений с древнейших времен, начиная с периода «первобытного коммунизма». Очевидно, на первое место в подобных процессах выходит некоторый баланс между интересами отдельной личности и интересами коллектива (общины). Терминология социальных процессов, не смотря на свою древность, все же оязыковляет не конкретные материальные объекты (инструменты, материалы, продукты питания), а ментально-психологические отношения между людьми в процессе индивидуальной или коллективной деятельности. Очевидно, что на различных территориях и у различных народов возникали характерные для них концептосферы, т.е. можно говорить о социально-этническом самосознании народа. Артель как форма самосознания народа позволяла совмещать склонность славянского менталитета к обособленности человека и коллективного вида труда. Речь шла только о равноправном сотрудничестве. Широкие полномочия получал только атаман. Известны случаи, когда в артель входили и бояре, священники, знатные люди – главное было признавать правила артели, который были, по сути, общественным договором. Клятва происходила у иконы по христианскому обычаю. Сделки с иностранными купцами помимо договора, так же сопровождалась «Целованием креста».

Широкий охват артельных видов деятельности, говорит о большом количестве людей, владеющих артельной терминологией. В т.ч. и среди народов, вошедших в Российскую империю за многие столетия. Кроме того, артельные объединения людей очевидно помогали многократно восстанавливать деревни и города после войн, пожаров, набегов кочевников и сформировали в народном сознании образ артели как народного символа взаимопомощи и братства. Реальными руководителями сельских территорий были именно старшины и сельские старосты, а не представители княжеской власти. Понятие высшего закона существовало для крестьян (большинства населения) именно в связи с мнением своей общины или мира: «Глас народа-глас Божий, Где мир да люди – там Божья благодать, мир – велик человек, что мир породил, то Бог рассудил», можно сказать это стало главным в понимании национального менталитета. Объединение общин в волость, также очень долго являлось естественной административной единицей территориального управления в России. Крестьянские сходы на много столетий сохранили древние традиции народа и именно эти традиции стали основой некоторых важнейших правовых актов в России, и, таким образом, стали еще и частью правой культуры в стране.

Изучение терминологии артельной деятельности интересно и важно не только с позиции лингвистики. Именно методы лингвокультурологии позволяют раскрыть всю полноту понятий и социокультурных явлений в терминообразовании с древних времен до наших дней, и использовать эти знания во многих практических направлениях в т.ч. в компьютерной лингвистике, составлении специализированных учебных программ и словарей, программах автоматического перевода, в интерпритации важных факторов формирования национальных Российских особенностей.

Литература

1. Трубачев О.Н. Этимологический словарь русского языка. М.: Изд. Прогресс, 1986. Т. 1. С. 576.
2. Чешко Л.А. словарь синонимов русского языка. М.: Изд. Русский язык. 5-е изд.1986.
3. Евсюкова Т.В. Эволюция концепта «община/мир» в русской лингвокультуре // Вестник АГУ. 2017. № 4. С. 207.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Либрком, 2014. С. 261.
5. Серебрянников Б.А. Языковая номинация. М.: Изд. Наука, 1977. С. 360.
6. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Изд. Языки русской культуры, 1996. С. 288.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. Академия, 2001. С. 208.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: Изд. Университета дружбы народов, 1997. С. 331.
9. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М.: Изд. тов. Мамонтова, 1918. С. 385.
10. Энгельгард А.Н. Письма из деревни. М.: Изд. Алгоритм, 2020. 1872-87гг. С. 560.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Изд. Смысл, 2019. С. 438.
12. Исаев А.А. О мерах по развитию артельного производства. Спб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. С. 174.
13. Положение об артелях трудовых. СПб. ПСЗРИ. №21550 ст. 1. собр. 3-е, Т. XXII. Отд.1, от. 2 № 49 12.19.04 ст. 655.
14. Свод законов Российской империи Т.Х. СПб., 1912. С. 604.
15. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центоконцепта. Архангельск изд. Поморского Университета 1997. С. 11 – 35.

References

1. Trubachev O.N. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. M.: Izd. Progress, 1986. T. 1. S. 576.
2. Cheshko L.A. slovar' sinonimov russkogo jazyka. M.: Izd. Russkij jazyk. 5-e izd.1986.
3. Evsjukova T.V. Jevoljucija koncepta «obshhina/mir» v russkoj lingvokul'ture. Vestnik AGU. 2017. № 4. S. 207.
4. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Librkom, 2014. S. 261.
5. Serebrjannikov B.A. Jazykovaja nominacija. M.: Izd. Nauka, 1977. S. 360.
6. Telija V.N. Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Izd. Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 288.
7. Maslova V.A. Lingvokul'turologija. M.: Izd. Akademija, 2001. S. 208.
8. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologija: Teorija i metody. M.: Izd. Universiteta druzhby narodov, 1997. S. 331.
9. Prokopovich S.N. Kooperativnoe dvizhenie v Rossii, ego teorija i praktika. M.: Izd. tov. Mamontova, 1918. S. 385.

10. Jengel'tgard A.N. Pis'ma iz derevni. M.: Izd. Algoritm, 2020. 1872-87gg. S. 560.
11. Leont'ev D.A. Psihologija smysla. M.: Izd. Smysl, 2019. S. 438.
12. Isaev A.A. O merah po razvitiju artel'nogo proizvodstva. Spb.: Izd. A.S. Suvorina, 1882. S. 174.
13. Polozhenie ob artelijah trudovyh. SPB. PSZRI. №21550 st. 1. sobr. 3-e, T. XXII. Otd.1, ot. 2 № 49 12.19.04 st. 655.
14. Svod zakonov Rossijskoj imperii T.H. SPB., 1912. S. 604.
15. Ljapin S.H. Konceptologija: k stanovleniju podhoda. Koncepty. Nauchnye trudy Centokoncepta. Arhangel'sk izd. Pomorskogo Universiteta 1997. S. 11 – 35.

*Levina V.A.,
Moscow International University*

Linguo-culturological analysis of the term artel as a linguistic phenomenon

Abstract: the article is devoted to the study of such a linguistic phenomenon as the term "Artel". It is obvious that the voluntary association of people to solve more complex problems than those tasks that one person can do, arose back in the Proto-Slavic period. Some forms of such relations exist up to our days in their original form. The logical and conceptual foundations of the interaction of people on a voluntary basis are included in a number of more modern concepts of joint-stock companies, cooperatives operating on the basis of legislation. The terminology of artel activity that arose in the pre-literate, pre-state period, and in this regard, we can say that it is the Genuine terminology in the field of social and economic relations that arose during the tribal relations of the Slavic tribes. It is obvious that the concept of "Artel" not only includes the name of such a phenomenon as a labor brigade (group) of people, but also a cultural and psychological phenomenon of a more complex and deep order, which is subject to study from the standpoint of ethno-psycholinguistics and cultural studies, as well as conceptology. These methods make it possible to get a fairly accurate idea of the cultural, historical and mental ideas of the Eastern Slavs about such basic concepts in the life of the people as: dignity, justice, good, evil, freedom, responsibility. The article considers both internal and external factors that make up the nuclear and peripheral areas of the term - the concept of "Artel". The work uses materials from etymological dictionaries, linguistic, comparative, diachronic methods of analysis, as well as the works of domestic scientists in the field of studying the national and ethnic characteristics of the peoples of European part of our country. The article allows to get an idea of the modern approach in the anthropocentric paradigm to the study of complex linguistic phenomena.

Keywords: term, ethnopsycholinguistics, concept, mentality, socialization

For citation: Levina V.A. Linguo-culturological analysis of the term artel as a linguistic phenomenon. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 32 – 39.

*Саид Надиа Ибрахим Мохамед Абделкадер, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Национально-культурная специфика жеста в поликодовом тексте

Аннотация: цель исследования состоит в анализе особенностей функционирования эмблематических жестов в поликодовом тексте. Выбор темы исследования обусловлена тем, что невербальная коммуникация, одним из видов которой является жестовая, относится к основным формам невербального общения. В статье рассматриваются особенности организации жестовой коммуникации, приводятся значения, реализуемые разными жестами, выделяются их сходства и различия в восприятии представителями разных лингвокультур. Предметом исследования выступают жесты-эмблемы. Научная новизна работы заключается в предпринятом сопоставительном анализе семантического содержания жестов в русской и арабской лингвокультурах. Автор указывает на существование трех основных типов отклонений от правильной трактовки кинетического текста в условиях межкультурной коммуникации: 1) неправильная интерпретация, 2) неполная интерпретация и 3) избыточная интерпретация. В работе представлены разновидности жестов-эмблем, выделяемые при составлении разных лингвокультур. Автор приходит к выводу о том, что для правильной интерпретации жестов в условиях межкультурной коммуникации с участием носителей разных лингвокультур, необходимо учитывать совокупность жестов и конгруэнтность вербальных и невербальных сигналов. Знание языка жестов и его учет обеспечивает достижение коммуникативного успеха.

Ключевые слова: жесты-эмблемы, жесты, невербальные средства общения, национальная специфика, лингвокультура, жестовая коммуникация, конгруэнтность вербальных и невербальных сигналов

Для цитирования: Саид Надиа Ибрахим Мохамед Абделкадер Национально-культурная специфика жеста в поликодовом тексте // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 40 – 44.

Введение

Нынешний этап развития человеческого общества характеризуется активными процессами глобализационного характера, что находит свое выражение в активном взаимодействии представителей разных лингвокультур. Все большее значение в современных условиях приобретает диалог культур, реализующийся в межкультурной коммуникации различных формах. В поликодовом тексте кодируется сообщение семиотически разными средствами: вербальными и невербальными компонентами.

Межкультурная коммуникация предполагает установление и / или достижение взаимопонимания между партнерами по коммуникации, которые являются представителями разных культур и систем ценностей. Иными словами, в ходе осуществления межкультурной коммуникации происходит взаимодействие культур, вступающих в диалог с учетом имеющихся у них общих и специфических (национально-культурных) черт и характеристик [2, с. 18].

Компонентами, которые задействованы в процессе межкультурной коммуникации, выступают следующие:

- язык как средство репрезентации культуры и форма культурного речевого поведения;
- культура как отражение общественно-исторических условий и специфики жизни носителей конкретного языка;
- субъект, то есть участник коммуникативного процесса, выступающий как носитель языка и представитель конкретной культуры [2, с. 19].

Носителями национальной культуры выступает индивид, обладающий качествами сознания, сформированными в результате осознанного овладения социокультурным потенциалом данной культуры. Этими качествами являются «образы сознания, ассоциированные со словами, которые используются коммуникантами для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений» [11]. Следовательно, можно предположить, что реальный диалог культур может протекать только в сознании индивида, который смог постичь и усвоить образы сознания чужой культуры.

Проблема может возникнуть в том случае, если при осуществлении коммуникации представители разных лингвокультур прибегают к использованию жестов как средству усиления вербального компонента, упуская при этом тот факт, что жесты в разных культурах могут соотноситься с разными, порой диаметрально противоположными значениями. Следует признать тот факт, что несмотря на значимость невербального коммуникативного компонента в межличностной коммуникации, данная составляющая не получила достаточного освещения в научной литературе.

В связи с этим актуальность обращения к проблематике национально-культурной специфики жестов обусловлена реальной существующей необходимостью правильно интерпретировать вербальную и невербальную информацию. Во всех культурах имеется определённый набор жестов со своей национально-культурной спецификой.

Постоянно усиливающиеся в нынешних реалиях активные межкультурные контакты ведут к все более тесному взаимодействию и даже взаимопроникновению разных лингвокультур. В этих условиях жесты в коммуникации начинают играть все большую роль. В связи с этим нам видится необходимость создать словарь невербального языка.

Предметом предпринятого исследования выступают жесты-эмблемы в русской и арабской лингвокультурах.

Достижение сформулированной цели исследования потребовало решения следующих задач: во-первых, необходимо обозначить важность невербального общения в коммуникации разных лингвокультур; во-вторых, рассмотреть проблему универсализма жестов; в-третьих, зафиксировать характеристику жестов-эмблем; в-четвёртых, провести анализ жестов-эмблем; в-пятых, выявить ключ к правильной интерпретации жестов.

Цель и задачи исследования обусловили выбор методов исследования. В работе используются общенаучные методы описания: метод анализа научной литературы, научная классификация, научная интерпретация, метод обобщения, метод научного сравнения.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам лингвистики текста и межкультурной коммуникации (Е.Е. Анисимова [1]; Л.И. Дмитриева, Л.Н. Клокова [3]; Е.А. Зуева [4]; Г.Е. Крейдлин [5]; А.А. Мельник [6]; З.З. Чанышева, 1984 [10]; Р.А. Ekman, W. Friesen [12]; D. Efron [13] и др.).

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов исследования в вузах гуманитарного направления при изучении таких дисциплин, как «Общее языкознание», «Введение в теорию межкультурной коммуникации», дисциплины по выбору «Культура невербального поведения переводчика».

Основная часть

Жестовая коммуникация является одной из основных форм невербального общения. Знание языка жестов позволяет лучше понимать собеседника и, как результат, достичь успеха в коммуникации.

Сегодня ученые утверждают, что невербальное общение несёт в себе больше смысловой нагрузки, чем вербальное. Американский антрополог Рэй Бердвистелл пришёл к выводу, что в структуре человеческого общения невербальным средствам принадлежит не менее 60-70%. Дело в том, что невербальные средства общения помогают наладить психологический контакт между партнёрами.

Рэй Л. Бердвистелл развивал теорию о том, что человеческое общение использует все чувства. Он утверждал, что информация, передаваемая человеческими жестами и движениями, кодируется и структурируется по-разному в разных культурах, и что эти коды могут быть обнаружены путем тщательного изучения конкретных движений в социальном контексте.

Жесты изучаются кинестетикой, поскольку способствуют восприятию человеком окружающего мира через движения. «Считывая» значения разного рода движений собеседника, участник межличностной получает большой объем информации. В данной статье под жестом будет пониматься «телодвижение, преимущественно движения рукой, сопровождающее речь» и имеющее своей прагматической задачей усиление выразительности вербального компонента общения или передающее значение сигнала, знака [8].

В работе Е.Ф. Тарасова и Ю.А. Сорокина указывается на наличие у ряда жестов национально-культурной специфики. Исследователи отмечают, что «вся национальная специфика «гнездится» в операциях – в способах совершения действий, которые зависят от условий (окружающей среды, норм социального взаимодействия)» [9]. В связи с этим остро встает проблема межкультурного соответствия жестов, которая соотносится с интерпретацией этого вида телодвижений представителями разных лингвокультур.

Исследователи выделяют три основных типа отклонений от правильной трактовки кинетического текста в условиях межкультурной коммуникации: 1) неправильная интерпретация, 2) неполная интерпретация и 3) избыточная интерпретация [5, с. 131].

Некорректное толкование жестов может стать причиной вызывать конфликтные ситуации, которые можно было бы избежать. Необходимо делать сопоставительный анализ жестовой коммуникации, особенно когда идёт речь об ошибочной интерпретации жеста.

В данной работе остановимся более подробно на жестах-эмблемах. Данный термин был введен в научный обиход в 1941 году антропологом Д. Эфроном для обозначения жестов, имеющих прямой вербальный аналог [12].

Более подробное рассмотрение жестов-эмблем представлено в исследовании невербального поведения П. Экмана и В. Фризена, которые трактуют этот вид жестов как невербальные акты, обладающие прямым соответствием в вербальном коде. Значение жестов-эмблем может быть известно либо большинству конкретного лингвосообщества, либо представителям одной группы, класса, субкультуры или культуры. При этом, как отмечают исследователи, «личность, которая воспринимает эмблему, как правило, не только понимает послание, но и знает, что оно послано ей. А отправитель несёт ответственность за своё послание» [12].

В результате проведенного анализа определений жестов-эмблем, представленных в работах П. Экмана, В. Фризена, Г.Е. Крейдлина, Г.Л. Кириленко, были сформулированы следующие выводы:

– жесты-эмблемы коммуникативны по своей природе. Они содержат информацию и значение, которые участник коммуникации намеренно передает собеседнику-адресату;

– благодаря присущей им коммуникативности жесты-эмблемы могут быть автономны и функционировать отдельно, самостоятельно от речи. С другой стороны, будучи употребленными в сочетании с вербально оформленным сообщением, они способствуют усилению его выразительности;

– большинство жестов-эмблем имеют вербальный эквивалент / аналог;

– жесты-эмблемы могут быть восприняты на большем по сравнению со звучащей речью расстоянии;

– значение жестов-эмблем однозначно трактуется всеми представителями одной культуры или субкультуры.

Ориентируясь на классификации А.А. Мельник [6], а также на критерии сопоставления жестов-эмблем разных культур Е.Ю. Мощанской [7], представляется возможным выделить четыре разновидности жестов-эмблем:

– жесты-реалии, существующие в системе коммуникации одной лингвокультуры;

– жесты-ареалии, совпадающие по исполнению и значению в разных лингвокультурах;

– жесты, совпадающие в разных лингвокультурах по значению, но различающиеся по исполнению;

– жесты, совпадающие или близкие по исполнению, но различающиеся по значению в разных лингвокультурах.

Человек использует выделенные типы жестов в своем ежедневном общении. Жесты-ареалии совпадают и в плане содержания, и в плане выражения в разных культурах. Примером может служить прижатый к губам указательный палец, как в арабской лингвокультуре, так и в русской призывает к тишине. Важное место отводится объятиям и дружеским поцелуям. Таким образом, демонстрируется доброжелательность к собеседнику.

Конкретный смысл отдельных жестов будет отличаться в русской и арабской лингвокультуре. Примером жеста данной группы может выступать поднятый вверх большой палец: в русской культуре он воспринимается как жест, выражающий положительную оценку («отлично» или «хорошо»). В арабской же культуре этот жест считается оскорбительным. При прощании представители русской культуры машут рукой, совершая движение ладонью сверху вниз, тогда как представители арабской культуры воспримут этот жест как приглашение.

При анализе жестов необходимо упомянуть про конгруэнтность, под которой понимается соответствие смысла вербальных и невербальных компонентов процесса коммуникации. Как свидетельствуют выводы исследователей [5, 6, 7, 12, 13], невербальные сигналы содержат до пяти раз больше информации по сравнению с вербальными. Если сигналы неконгруэнтны, именно невербальная информация воспринимается как первостепенная, а потому ей отдается предпочтение. Следовательно, чтобы правильно интерпретировать жесты, нужно учитывать конгруэнтность этих сигналов.

Заключение

В результате проведенного исследования все поставленные задачи были решены. Был сделан вывод о том, что невербальная коммуникация в целом и жестовое поведение, в частности, играют важную роль в достижении коммуникативного успеха в условиях межкультурной коммуникации. Ввиду наличия у ряда жестов национально-культурной специфики, важное значение приобретает вопрос универсальности используемых жестов и / или владение коммуникантами знаний об особенностях их применения в разных лингвосообществах. Разновидностью жестов, используемых в общении, является жест-эмблема, который представляет собой невербальный знак, использование которого основывается на принятой в конкретном лингвосообществе договорённости. Игнорирование важности учета национально-культурной семантики жеста может привести к неверной интерпретации всей ситуации общения. В связи с этим ключом правильной интерпретации жестов выступает наличие у участников межкультурной коммуникации социокультурных знаний относительно иной культуры, с представителями которой они вступают в диалог.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 8 с.
2. Бабинская П.К., Мирский А.А. Коммуникативно-когнитивный подход к овладению иностранным языком как средством межкультурной коммуникации // Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь. 2001. № 1. С. 4 – 7.
3. Дмитриева Л.И., Клокова Л.Н. Словарь языка жестов. М.: АСТ, 2003. 4с.
4. Зуева Е.А. Типология невербальных средств коммуникации // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. / Моск. пед. гос. ун-т; отв. ред. В.В. Калиновская. М., 2006. Вып. 2. 63с.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002. 131 с.
6. Мельник А.А. Язык жестов. М.: Terra-Книжный клуб, 2003.
7. Мощанская Е.Ю. Национально-культурное своеобразие невербального поведения в устной межкультурной коммуникации // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь, 2000. 20 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А Темп», 1997. 944 с.
9. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения / отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1977. 89 с.
10. Чанышева З.З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения: уч. пособие. Уфа, 1984. 36 с.
11. Языковое межкультурное образование. Вып. 2. Международный сборник научных трудов / под ред. П.В. Сыроева. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. 165 с.
12. Ekman P.A., Friesen W. Handbewegungen // Scherer K. R., Wallbott H.G. Nonverbale Kommunikation: Forschungsberichte zum Interaktionsverhalten. Weinheim – Basel, 1979. 271с.
13. Efron D. Gesture and Environment. N.Y., 1941. 35 с.

References

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov). M.: Akademija, 2003. 8 s.
2. Babinskaja P.K., Mirskij A.A. Kommunikativno-kognitivnyj podhod k ovladeniju inostrannym jazykom kak sredstvom mezhkul'turnoj kommunikacii. Zamezhnyja movy ў Rjespublicy Belarus'. 2001. № 1. S. 4 – 7.
3. Dmitrieva L.I., Klokova L.N. Slovar' jazyka zhestov. M.: AST, 2003. 4s.
4. Zueva E.A. Tipologija neverbal'nyh sredstv kommunikacii. Filologija i problemy prepodavanija inostrannyh jazykov: sb. nauch. tr. Mosk. ped. gos. un-t; отв. red. V.V. Kalinovskaja. M., 2006. Vyp. 2. 63s.
5. Krejdlin G.E. Neverbal'naja semiotika. M., 2002. 131 s.
6. Mel'nik A.A. Jazyk zhestov. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2003.
7. Moshhanskaja E.Ju. Nacional'no-kul'turnoe svoeobrazie neverbal'nogo povedenija v ustnoj mezhkul'turnoj kommunikacii. Mir slavjanskih, germanskih i romanskih kul'tur: ih vzaimosvjazi i vzaimodejstvie v jazyke i literature. Perm', 2000. 20 s.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskijh vyrazhenij. M.: ООО «А Темп», 1997. 944 s.
9. Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo i nerechevogo povedenija. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija.отв. red. A.A. Leont'ev. M.: Nauka, 1977. 89 s.
10. Chanysheva Z.Z. Vzaimodejstvie jazykovykh i nejazykovykh faktorov v processe rechevogo obshhenija: uch. posobie. Ufa, 1984. 36 s.
11. Jazykovoje mezhkul'turnoe obrazovanie. Vyp. 2. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov.pod red. P.V. Sysoeva. Tambov: Izd-vo TGU, 2008. 165 s.
12. Ekman P.A., Friesen W. Handbewegungen. Scherer K. R., Wallbott H.G. Nonverbale Kommunikation: Forschungsberichte zum Interaktionsverhalten. Weinheim – Basel, 1979. 271с.
13. Efron D. Gesture and Environment. N.Y., 1941. 35 s.

*Said Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader, Postgraduate,
St. Petersburg State University*

The national-cultural specifics of the gesture in the polycode text

Abstract: the purpose of the study is to analyze the features of the functioning of emblematic gestures in a polycode text. The choice of the research topic is due to the fact that nonverbal communication, one of the types of which is gestural, refers to the main forms of nonverbal communication. The article examines the features of the organization of sign communication, provides the meanings realized by different gestures, highlights their similarities and differences in perception by representatives of different linguistic cultures. The subject of the study are gestures-emblems. The scientific novelty of the work lies in the undertaken comparative analysis of the semantic content of gestures in Russian and Arabic linguistic cultures. The author points out the existence of three main types of deviations from the correct interpretation of the kinetic text in the conditions of intercultural communication: 1) incorrect interpretation, 2) incomplete interpretation and 3) redundant interpretation. The paper presents the varieties of gestures-emblems that are distinguished when composing different linguistic cultures. The author comes to the conclusion that for the correct interpretation of gestures in the conditions of intercultural communication with the participation of speakers of different linguistic cultures, it is necessary to take into account the totality of gestures and the congruence of verbal and nonverbal signals. Knowledge of sign language and its accounting ensures the achievement of communicative success.

Keywords: gestures-emblems, gestures, nonverbal means of communication, national specifics, linguoculture, sign communication, congruence of verbal and nonverbal signals

For citation: Said Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader The national-cultural specifics of the gesture in the polycode text. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 40 – 44.

*Ревакина Н.П., кандидат филологических наук, доцент,
Курьянов Н.А., кандидат экономических наук, доцент,
Донской государственный технический университет*

Глубокое обучение как средство достижения цели

Аннотация: целью данной статьи является рассмотрение перспектив использования прикладной лингвистики (ПЛ) в такой важной сфере, как обучение студентов ВУЗа. В статье рассматриваются актуальные проблемы прикладной лингвистики, которые не могут быть решены без предварительных теоретических выкладок. Ведь именно теория приводит к формулировке общих принципов, которыми непосредственно занимается прикладная наука. Практические результаты могут затем использоваться в качестве исходной базы для нового теоретического исследования. Авторы полагают, что для дальнейшего успешного развития многих отраслей производства, необходимы новые подходы к обучению будущих специалистов. Рассматриваются методики глубокого обучения будущих специалистов таких направлений прикладной лингвистики, как переводоведение, лингводидактика, освоение иностранных языков. Приводится фактологический материал применения в обучении студентов иностранному языку методов искусственного интеллекта (нейронной сети). Прикладная лингвистика рассматривается как область изучения языка с определенной практической целью, подчиненной непосредственно и специально решению определенной задачи. Приводятся данные достижения практических результатов в данном направлении. Обосновывается высокий интерес к современным разработкам методов машинного обучения. Он не требует доступа к большим библиометрическим архивам и позволяет сравнительно быстро получать количественные оценки динамических показателей.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, искусственный интеллект, глубокое обучение, объяснимое машинное обучение, нейронные сети, эффективность, иностранный язык

Для цитирования: Ревакина Н.П., Курьянов Н.А. Глубокое обучение как средство достижения цели // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 45 – 50.

Введение

Для успешного развития нашего общества практически во всех сферах жизнедеятельности необходимы обоснованное развитие традиционных и новых производств, увеличение объемов и качества производимых товаров и услуг, новые технологии и новые подходы к работе. Неоценимую помощь оказывает в этом контексте обработка и анализ данных, сопровождающих эти процессы. Существенную роль в анализе и обработке данных таких исследований играет прикладная лингвистика (ПЛ). Прикладная лингвистика рассматривается как область изучения языка с определенной практической целью, подчиненной непосредственно и специально решению определенной задачи. Для дальнейшего успешного развития многих отраслей производства необходимы новые подходы и к обучению будущих специалистов. Одним из самых перспективных инструментов в этой области является глубокое обучение специалистов. Использование искусственного интеллекта (ИИ), нейронных сетей в образовательном процессе уже приносит значительные экономические выгоды в некоторых отраслях, например, в здравоохранении, торговле, развитии транспортных систем, логистике, автоматизированном производстве, банковском деле и т.д. Многие страны разрабатывают или приняли свои стратегии использования и развития ИИ. На пути к широкому использованию ИИ существуют многообещающие перспективы, но возникают и некоторые препятствия, преодоление которых означает новый виток технологического развития и расширение сферы применения ИИ.

Эволюция каждого научного направления, в том числе и ИИ, сопровождается повышением или снижением интереса исследователей. Выявление «горячих» направлений, в которых эти показатели более важны, позволяет лучше понять ситуацию в науке и по возможности сосредоточить усилия на прорывных направлениях. Дифференциальные метрики позволяют оценить динамику изменения употребления выбранных ключевых терминов авторами научных публикаций, что косвенно свидетельствует о росте или снижении интереса исследователей к научному направлению, обозначаемому этим термином.

Перед учеными, занимающимися проблемами прикладного характера в лингвистике, встает ряд вопросов в сфере применения результатов, глубоком обучении студентов с использованием методов ИИ (нейронной сети). Машинное обучение значительно реализует потенциал, заложенный в идею ИИ. Основное ожидание, связанное с внедрением различных обучающих программ нейронной сети, это реализация гибких, адаптивных, «обучающих» алгоритмов и вычислительных методов. В результате обеспечиваются новые функции систем и программ. Машинное обучение – это подмножество методов искусственного ин-

теллекта, которые позволяют компьютерным системам учиться на предыдущем опыте (то есть на наблюдениях за данными) и улучшать свою эффективность для выполнения конкретной задачи. Машинное обучение включает ряд инновационных методов, таких, например, как: опорные векторы, деревья решений, кластеризация средних показателей, ассоциативные связи, регрессия, нейронные сети и многое другое [2, с. 36].

Нейронные сети (НС) или искусственные НС представляют собой подмножество методов машинного обучения, имеющее некоторое косвенное отношение к биологическим нейронным сетям. Их обычно описывают как набор связанных элементов, называемых искусственными нейронами, в организованных слоях. Все эти методы, как правило, относятся к так называемому глубокому обучению, суть которого сводится к разработке и внедрению определенного подмножества данных, которое обеспечивает вычисления для многоуровневого комплекса с определенной «архитектурой». Типичными архитектурами для прикладных лингвистических исследований являются глубокие нейронные сети, сверточные нейронные сети, рекуррентные нейронные сети, генерирующие состязательные сети и другие. В настоящее время машинное обучение успешно применяется для решения задач в медицине, биологии, робототехнике, городском хозяйстве и промышленности, сельском хозяйстве, моделировании окружающей среды, экологических процессах, создании системы связи нового типа, астрономии, геологоразведке, обработке естественного языка и др.

Анализ научных публикаций показал, что существует пять основных типов моделей машинного обучения:

- 1) неконтролируемое обучение или кластерный анализ [1, с. 78];
- 2) обучение под наблюдением преподавателя;
- 3) полуконтролируемое обучение;
- 4) обучение с подкреплением;
- 5) глубокое обучение [3, с. 35].

Методы

Методы машинного обучения решают задачи регрессии, классификации, кластеризации и уменьшения размерности данных. Они, как правило, решаются классификационно-распределительными методами [4, с. 87]. Эти методы заключаются в том, что множество неразмеченных объектов автоматически разбивается на группы, исходя из свойств этих объектов. Среди методов кластеризации можно перечислить нахождение средних величин, изометрическое отображение, локальное линейное вложение, распределенное соседнее вложение, ядерный анализ главных компонент и многомерное шкалирование [5, с. 121].

Применение этих методов позволяет выявить скрытые закономерности в данных, аномалии и дисбалансы. В конечном счете, однако, настройка этих алгоритмов по-прежнему требует экспертной оценки.

Проблема классификации может возникнуть, когда в потенциально бесконечном множестве объектов выделяются конечные группы некоторых обозначаемых объектов. Обычно формированием групп занимается эксперт. Алгоритм классификации, используя эту начальную классификацию как шаблон, должен отнести следующие немаркированные объекты к той или иной группе, исходя из свойств этих объектов.

К таким методам классификации относятся:

- а) логистическая регрессия;
- б) дерево решений;
- в) классификатор опорных векторов [7, с. 93].
- г) искусственные нейронные сети с прямой связью [9, с. 67].
- д) композиции алгоритмов [6, с. 112].

Существует также отдельная группа сетей глубокого обучения, таких как долговременная память и др. Глубокое обучение – это термин, объединяющий методы, основанные на использовании глубоких нейронных сетей. Искусственная нейронная сеть с более чем одним скрытым слоем считается глубокой нейронной сетью [10, с. 56]. Сеть с менее, чем двумя скрытыми слоями, считается мелкой нейронной сетью. Преимущество глубоких нейронных сетей проявляется при обработке больших объемов данных. Интересно отметить, что качество традиционных алгоритмов, достигнув определенного предела, уже не увеличивается с объемом доступных данных. В то же время глубокие нейронные сети могут извлекать признаки, обеспечивающие решение задачи, так что чем больше данных, тем более тонкие зависимости может использовать нейронная сеть для улучшения качества решения [8, с. 89].

Использование глубоких нейронных сетей обеспечивает переход к сквозному решению задач. Рассмотрим одну из таких сетей «End-to-End» [11, с. 88]. Ее использование означает, что исследователь гораздо меньше внимания уделяет извлечению признаков или свойств во входных данных, например, извлечению инвариантных черт лица при распознавании лиц или извлечению отдельных фонем при распознавании речи и т.д. Вместо этого, он просто подает вектор входных параметров, таких как вектор изображения, на вход

сети и ожидает предполагаемый результат классификации на выходе. На практике это означает, что, выбрав подходящую сетевую архитектуру, исследователь позволяет самой сети извлекать из входных данных те признаки, которые обеспечивают наилучшее решение, задачи классификации. Чем больше данных, тем точнее будет сеть. Этот феномен глубоких нейронных сетей предопределил их успех в решении задач классификации и дальнейшего анализа [12, с. 76].

Рекуррентные нейронные сети используются в сложных задачах классификации, когда результат зависит от последовательности входных сигналов или данных, а длина такой последовательности, как правило, не фиксирована [13, с. 113]. Данные и сигналы, полученные на предыдущих этапах обработки, сохраняются в том или ином виде во внутреннем состоянии сети, что позволяет учитывать их влияние на итоговые результаты. Примерами задач с такими последовательностями являются результаты использования машинного перевода, когда переводимое слово может зависеть от контекста, т.е. предыдущего или следующего слова текста. Интересным методом является методика распознавания речи, где значения фонем зависят от их сочетания.

Нейронная сеть также способствует классификации эмоциональной окраски текста или тона (сентимент-анализ [14, с. 87]). Тон текста определяется не только конкретными словами, но и их сочетаниями. Не менее интересен и метод распознавания именных сущностей, то есть имен собственных, дней недели и месяцев, мест, дат и т.д. Еще одним примером применения рекуррентных сетей являются задачи, в которых относительно небольшая последовательность входных данных вызывает генерацию длинных последовательностей данных или сигналов, например, генерация музыки, когда созданное музыкальное произведение может быть определено с точки зрения стиля. Подобным образом можно исследовать и генерацию текста и др.

На заре развития информационных технологий исследователи пытались научить компьютер выделять характерные области изображения. Широко использовались фильтры Калмана, Собеля, Лапласа и др. [15, с. 64]. Ручная настройка алгоритма выделения характерных свойств изображений позволила добиться хороших результатов в частных случаях, например, когда изображения лиц были стандартизированы по размеру и качеству фотографий. Однако при изменении ракурса, освещенности и масштаба изображений качество распознавания резко ухудшалось. Сверточные нейронные сети в значительной степени решили эту проблему. Применение сверточных сетей позволяет выделить в представленных данных сложные закономерности, инвариантные к их расположению во входном векторе. Например, для выделения вертикальных или горизонтальных линий, точек и более сложных фигур и объектов (глаз, носа и т.д.).

Обработка изображений включает задачи идентификации, верификации, распознавания и определения характеристик видимого объекта (скорость, размер, расстояние и т. д.). Гибридные архитектуры: проблема часто решается с использованием сиамских сетей, где два изображения обрабатываются двумя идентичными предварительно обученными сетями

Результаты

Преподаватели образованной недавно на факультете Прикладной лингвистики ДГТУ кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика» очень хорошо понимают поставленные перед ними задачи обучения и воспитания современных специалистов в области прикладной лингвистики. Речь идет о глубоком обучении основам лингвистики, лингводидактики, особенностям перевода и иностранным языкам. Эти задачи очень непросты, поскольку пока еще проходит процесс становления самой кафедры, особенно в контексте материально-технического обеспечения. Однако коллектив полон сил и энергии претворять задачи в жизнь и добиваться поставленных целей.

Практические занятия проводятся в компьютерных классах ДГТУ с использованием специализированных программ для анализа филологических данных (Microsoft Access, Rubrix, Copernic Summarizer и др.) и привлечением лингвистически-ориентированных интернет-ресурсов (gramoty.ru, wordnet.princeton.edu и др.). Созданный недавно кабинет по использованию нейросети позволяет студентам и магистрантам на практике увидеть результаты своей работы. Студентам также предоставляется материал, включающий схемы, графики и др. средства наглядного рассматривания понятий и концепций. Используются кейс-технологии (проведение локальных исследований).

Сообщение в лекциях нового материала по проблемам прикладной лингвистики ориентировано на максимальное привлечение знаний, полученных студентами на предшествующих курсах, на активное восприятие обучающимися новых сведений и обязательную обратную связь в ходе изложения материала (диалоги с лектором, ответы на его вопросы, решение предлагаемых им задач, сопоставление, оценка различных ответов).

Для самостоятельного изучения проблем прикладной лингвистики предлагается использование интернет-ресурсов и создаваемых в университете лингвистических корпусов (база данных Ассоциативного сло-

варя). В рамках практической подготовки, осуществляющейся на базе учебных лабораторий прикладной лингвистики, студенты приобретают профессиональные навыки по отбору и структурированию научных материалов.

Основной корпус фундаментальных исследований, проводимых в рамках прикладной лингвистики, составляют описание и моделирование фонетической, грамматической, семантической и статистической структуры научных, технических и организационно-распорядительных устно-речевых и письменных документов, создание словарей и семантических представлений, глубокое обучение студентов и магистрантов иностранным языкам.

Исследование словаря предполагает систематизацию, приводящую к выявлению общих принципов и построению теорий структурирования слов в языке. Проведение исследований компаративного порядка, результатом которых является установление взаимовлияния и связи языков (проблемы лексических заимствований и происхождения слов), или типологические констатации относительно некоторых универсалий языка, также служат примерами глубокого обучения студентов и магистрантов. Некоторые исследования в сфере лексического состава языков направлены на составление словарей, на достижение прикладных целей. Этими целями, как правило, являются: установление значений, этимологий, формальных вариантов слов для удовлетворения практических интересов читателей различных категорий – от школьников до взрослых, от обычного читателя до специалиста-лингвиста.

В целом акцент делается на прикладные аспекты глубокого обучения специалистов для лингвистического обеспечения разных сфер человеческой деятельности. Они сводятся, прежде всего, к одной общей проблеме – проблеме обработки информации, функционирующей в обществе. Полученные оценки, несмотря на некоторые ограничения применяемого подхода, соответствуют эмпирическим наблюдениям, связанным с ростом применения моделей глубокого обучения, построением объяснимых систем искусственного интеллекта, увеличением количества и разнообразия наборов данных для многих приложений машинного обучения. В частности, уже разработаны и в ряде случаев успешно применяются методы генерации наборов данных, объяснения результатов систем машинного обучения, ускорения обучения. Однако для преодоления некоторых ограничений для большинства приложений ИИ необходимы новые решения.

Выводы

Мир ИИ велик. Самая быстрорастущая область исследований – машинное обучение, а в его рамках – модели глубокого обучения. Новые результаты, а также приложения ранее предложенных сетей появляются регулярно. Эта область исследований и приложений включает большой кластер сетей для распознавания текста, речи и рукописного ввода, сетей для преобразования и стилизации изображений, а также сетей для обработки временных последовательностей. Нейронные сети – это относительно новое направление применения глубоких методов обучения, которые показывают высокие результаты в задачах распознавания, сетей для идентификации объектов, обеспечивающих уверенную идентификацию объектов, моделей-трансформеров, решающих задачи распознавания и генерации текста и др.

Литература

1. Альтман Н.С. Введение в ядро и непараметрическую регрессию с ближайшим соседом // Стат. 1992. № 46. С. 175 – 185.
2. Амиргалиев Э.А, Исабаев З.И., Исакаев С.В. Распознавание результатов обученности с использованием некоторых методов машинного обучения. В *Soft Computing в машинном обучении*; Springer: Чам, Швейцария, 2014. С. 33 – 40.
3. Богданов Д.Аю, Бенжин А.Ю. Нейронный машинный перевод путем совместного обучения выравниванию и переводу. arXiv 2014, arXiv: 1409.0473
4. Дебакер К.С., Гленцель В.И. Использование библиометрического подхода для поддержки разработки исследовательской политики // *Наукометрия*. 2014. № 59. С. 253 – 276.
5. Журавский Д.В. Обработка речи и языка; Pearson Education India: Andhra Pradesh, India, 2000.
6. Карцев Д.С. Независимые от шкалы показатели и оценка исследований. *Науч // Государственная политика*. 2000. № 27. С. 23 – 36.
7. Кучин Ю.И., Мухамедиев Р.И., Якунин, К.О. Метод генерации данных для оценки производительности алгоритмов машинного обучения // *Когент инж*. 2020. № 7. С. 1718821.
8. Машинное обучение и пять векторов прогресса. Доступно в Интернете: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/signals-for-strategists/machine-learning-technology-five-vectors-of-progress.html>
9. Молина Д.Р. Объяснимый искусственный интеллект: концепции, таксономии, возможности и проблемы на пути к ответственному ИИ // *Инф. Фьюжн*. 2022. № 58. С. 82 – 115.

10. Мухамедов Р.И., Алигулиев Р.М., Шокишалов З.М., Мустакаев Р.Р. Новые библиометрические показатели для оценки перспективности направлений исследований // Анна. Либр. Инф. Стад. 2018. № 65. С. 62 – 69.
11. Мухамедьев Р. Методы машинного обучения: обзор. вычисл. // Модель. Новая технология. 2015. № 19. С. 14 – 29.
12. Нейронная сеть и глубокое обучение. Доступно в Интернете. <https://www.coursera.org/learn/neural-networks-deep-learning?specialization=deep->
13. Николенко С.И. Синтетические данные для глубокого обучения. Архив 2019.
14. Фридман Д.Х. Аппроксимационная функция: способ повышения градиента. Стат. 2021. С. 1189 – 1232.
15. Шмидхубер ДА. Глубокое обучение в нейронных сетях: обзор // Нейронная сеть. 2015. № 61. С. 85 – 117.

References

1. Al'tman N.S. Vvedenie v jadro i neparametricheskiju regressiju s blizhajshim sosedom. Stat. 1992. № 46. S. 175 – 185.
2. Amirgaliev Je.A., Isabaev Z.I., Iskakov S.V. Raspoznavanie rezul'tatov obuchennosti s ispol'zovaniem nekotoryh metodov mashinnogo obucheniya. V Soft Computing v mashinnom obuchenii; Springer: Cham, Shvejcarija, 2014. S. 33 – 40.
3. Bogdanov D.Aju, Benzhin A.Ju. Nejrornyj mashinnyj perevod putem sovmestnogo obucheniya vy-ravnivaniyu i perevodu. arXiv 2014, arXiv: 1409.0473
4. Debaker K.S., Glencel' V.I. Ispol'zovanie bibliometricheskogo podhoda dlja podderzhki razrabotki issle-dovatel'skoj politiki. Naukometrija. 2014. № 59. S. 253 – 276.
5. Zhuravskij D.V. Obrabotka rechi i jazyka; Pearson Education India: Andhra Pradesh, India, 2000.
6. Karcev D.S. Nezavisimye ot shkaly pokazateli i ocenka issledovanij. Nauch. Gosudarstvennaja politika. 2000. № 27. S. 23 – 36.
7. Kuchin Ju.I., Muhamediev R.I., Jakunin, K.O. Metod generacii dannyh dlja ocenki proizvoditel'nosti algorit-mov mashinnogo obucheniya. Kogent inzh. 2020. № 7. С. 1718821.
8. Mashinnoe obuchenie i pjat' vektorov progressa. Dostupno v Internetе: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/signals-for-strategists/machine-learning-technology-five-vectors-of-progress.html>
9. Molina, D.R. Ob#jasnimyj iskusstvennyj intellekt: koncepcii, taksonomii, vozmozhnosti i problemy na puti k otvetstvennomu II. Inf. F'juzhn. 2022. № 58. S. 82 – 115.
10. Muhamedev R.I., Aliguliev R.M., Shokishalov Z.M., Mustakaev R.R. Novye bibliometricheskie pokazateli dlja ocenki perspektivnosti napravlenij issledovanij. Anna. Libr. Inf. Stad. 2018. № 65. S. 62 – 69.
11. Muhamed'ev R. Metody mashinnogo obucheniya: obzor. vychisl. Model'. Novaja tehnologija. 2015. № 19. S. 14 – 29.
12. Nejronnaja set' i glubokoe obuchenie. Dostupno v Internetе. <https://www.coursera.org/learn/neural-networks-deep-learning?specialization=deep->
13. Nikolenko S.I. Sinteticheskie dannye dlja glubokogo obucheniya. Arhiv 2019.
14. Fridman D.H. Approksimacionnaja funkcija: sposob povysheniya gradienta. Stat. 2021. S. 1189 – 1232.
15. Shmidhuber DA. Glubokoe obuchenie v nejrornyh setjah: obzor. Nejronnaja set'. 2015. № 61. S. 85 – 117.

*Revyakina N.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuryanov N.A., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Don State Technical University*

Deep teaching as a means of achieving the goal

Abstract: the purpose of the article is to consider the prospects for the use of applied linguistics in such an important area as teaching university students. The article deals with topical problems of applied linguistics, which cannot be solved without preliminary theoretical calculations. After all, it is the theory that leads to the formulation of general principles that are directly involved in applied science. The authors believe that practical results can then be used as an initial basis for a new theoretical study. The factual material of application in teaching students a foreign language using the methods of artificial intelligence (neural network) is given. Applied linguistics is considered as a field of language study with a specific practical goal, subordinated directly and specifically to the solution of a specific problem. The data on practical results achieved in this direction are given. Interest in modern developments of machine learning methods is substantiated. It does not require access to large bibliometric archives and makes it possible to obtain quantitative estimates of dynamic indicators relatively quickly.

Keywords: applied linguistics, artificial intelligence; machine learning; deep learning; explainable machine learning; neural networks

For citation: Revyakina N.P., Kuryanov N.A. Deep teaching as a means of achieving the goal. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 45 – 50.

*Тупкалова Л.Ю., кандидат филологических наук,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет*

Смысловая модель туристического текста путеводителя

Аннотация: основной целью данной статьи является анализ компонентов, задействованы в «навигации» по тексту туристического путеводителя. Задачи данной работы представлены в виде рассмотрения каждого из компонентов смысловой модели, а также в описании ключевой роли каждого из приведенных компонентов роль в тексте. В работе приводятся некоторые определения понятия «текст», а также описаны некоторые характеристики туристического текста путеводителя. Русские и английские тексты туристических путеводителей представляют особый интерес для изучения и анализа функционирования в них каждого из компонентов смысловой модели в качестве отдельного инструмента так называемой «навигации». В статье представлена авторская смысловая модель «текста-навигатора» и определен функционал каждого из элементов, входящих в данную модель на примерах различных частей текста туристического путеводителя. Примечательно, что сравнительный анализ русских и английских туристических текстов путеводителя показал идентичную структуру смысловой модели, разработанную автором. Говоря о тексте как о сложном монолитном образовании, следует упомянуть его первостепенную задачу, а именно передачу смысловой нагрузки адресату. Для достижения вышеуказанной цели текста автор использует множество инструментов, таких как языковые средство, идиостиль адресанта, структурирование и др. Специфичность функциональной направленности туристических текстов путеводителя определена его основной задачей – поиском информации. Разработанная авторская смысловая модель текста подтверждает идею о том, что данный вид текста осуществляет «навигацию» в общем потоке материала, облегчая вычленение необходимой информации.

Ключевые слова: туристический текст путеводителя, текст, смысловое содержание текста, смысловая модель

Для цитирования: Тупкалова Л.Ю. Смысловая модель туристического текста путеводителя // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 51 – 55.

Изучению и пониманию текста были посвящены множество работ отечественных и зарубежных исследователей. Определение понятия «текст» можно найти в трудах М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, Н.С. Валгиной, Р. Барта, М. Фуко, Ю.М. Лотмана и многих других [5].

Широкое количество интерпретаций текста обусловлено его полисемичностью, то есть его способностью текста к разночтению. Некоторые ученые считали текст динамической и трансцендентной единицей, выходящей за рамки классической типизации [2]. Другие описывали текст как «замкнутое образование», как «застывшую» единицу в аспекте конкретного исторического среза [13]. Многие исследователи обращали внимание на такую характеристику как диалогичность, характеризующуюся способностью текста к созданию двустороннего диалога или коммуникативного акта между адресатом и адресантом [1]. Этому аспекту были посвящены исследования литературоведа Л. Розенблатт, утверждавшей, что между автором и читателем совершается «транзакция» или контакт.

Несомненно, первостепенной целью текста является выражение его смыслового содержания. Данная цель, как правило, обусловлена определенными коммуникативными аспектами, а также взаимодействием языковых и мыслительных процессов [9]. Интерпретировать текст не представляется возможным без обладания минимальными фоновыми знаниями, поскольку текст представляет собой сложное целостное образование, созданное посредством опыта и субъективной картины мира, совокупностью духовных культур и исторических эпох и др. [3]. На основании вышесказанного, следует отметить, что текст – это продукт интерпретации мира человеком. Следовательно, текст способен оказывать влияние на адресата посредством своего наполнения для достижения первостепенной цели и поставленных автором коммуникативных задач. Такое влияние достигается за счет специфических авторских приемов: языковых единиц, авторского идиостиля и др. [7]. В данной работе рассматривается особая смысловая модель в аспекте туристического текста путеводителя, являющаяся одной из таких приемов или тактик для достижения прагматической цели текста.

Нужно сказать, что туристический текст путеводителя сочетает в себе черты нескольких стилей: художественного, публицистического, рекламного (как разновидности публицистического), а также научного стилей [11].

Еще со времен античности туристический текст путеводителя создавался для того, чтобы служить помощником читателю в его желании туриста путешествовать. Развитие туристической индустрии в мире обусловило появление у туристического текста дополнительных функций, таких как рекламная (привлечение и побуждение туриста к покупке турпродукта), прагматическая, коммерческая и др. функций в дополнение к основной – информативной [10]. Мотивация к путешествию посредством текста является воздействием на адресата с помощью определенных экспрессивно-окрашенных речевых средств в тексте [12]. Такими средствами, как правило, являются эмоционально-окрашенная лексика, использование неverified средств (мифов, легенд и пр.), средства визуализации (карты маршрутов, яркие изображения, фото и др.), вступительное слово автора во введении путеводителя способствует установлению диалога между адресантом и адресатом и др. [8]. Например: *Курорты Болгарии любимы туристами за теплое море, песчаные пляжи, жизнерадостную атмосферу прибрежных городков, за славянский дух и общение с местными жителями на русском языке. Болгария предлагает лучшее и самое ценное: нежаркий климат, отличный европейский сервис и настоящее гостеприимство. Здесь всегда есть чем заняться: экскурсии, аквапарки, яхт-туры и гольф. А еще сюда нужно отправиться за здоровьем. В Болгарии более 2000 минеральных источников, на их основе работают как недорогие термы, так и роскошные, профессионально оборудованные спа-центры. Бальнеологические отели в Поморие, специализирующиеся на грязелечении, принимают тысячи гостей. В Болгарии будет интересно любознательным путешественникам всех возрастов. Их ждут круизы вдоль побережья и уникальные природные заповедники, античные памятники и древние монастыри (буклет Болгария, 2020).*

Нужно сказать, что туристическому тексту путеводителя свойственно описание, поскольку одной из основных его функций является «навигация» или указание пути читателю, предоставление точной информации, описание туристической дестинации (исторических памятников, мест, красочных пейзажей и др.). Следовательно, описание является еще одним средством воздействия на реципиента посредством пространственного отображения реальности в тексте путеводителя. Например: *Обзорная экскурсия по городу Несебр. Один из древнейших городов Европы занимает красивый полуостров на южном черноморском побережье. Город известен самобытной архитектурой болгарского Возрождения, узкими, вымощенными булыжником улочками, а также археологическими находками разных эпох и цивилизаций – фракийцев, эллинических греков, римлян, византийцев, болгар. Экскурсия знакомит туристов с архитектурой старинных не-сербских домов и христианских храмов VI, X, XI, XIV веков (буклет Болгария, 2021).* Данный фрагмент является привлекательным за счет большого количества эпитетов, а также метафорических и эллиптических конструкций, придающих тексту экспрессивность и выразительность. Например: *Ваш отдых – это наша профессия! Ваши желания – руководство к действию! Наша цель – сделать Ваше путешествие приятным и удобным! (путеводитель по Болгарии, 2019).*

Следует обратить внимание и на культурологический компонент туристического текста, посредством которого происходит налаживание коммуникативного акта между текстом и потенциальным туристом – адресантом, а именно постепенное погружение читателя в лингвокультурное пространство путем постижения иной культуры (культурных особенностей страны, познание обычаев и традиций народа, исторических фактов, менталитета, картины мира и др.) [10].

Эклектизм различных стилей в туристическом тексте путеводителя также объясняет и большое количество числительных, характерных научному стилю. Плотность данных языковых средств сосредоточена в определенных разделах путеводителя (информационной, справочной частях) для придания тексту лаконичности, четкости и сжатости. Например: *Трансфер на автобусе до пристани, с 10:00 до 11:00 – панорамная прогулка вдоль курортов Св. Константин и Елена и Золотые Пески с несколькими остановками для купания. С 11:00 до 13:30 – обед, рыбалка, игры и анимация на борту прогулочного корабля.*

Говоря о средствах, способствующих достижению поставленной коммуникативной цели туристического путеводителя нужно перечислить следующие компоненты, входящие в текст и составляющие разработанную нами авторскую смысловую модель:

1. навигация – заключается в структурном делении текста путеводителя;
2. адресность – направленность на адресанта;

Love is in the air at Discover Britain. We're all a bunch of old romantics around here, so we thought we would share some of our favourite love stories in this issue. If the feeling is mutual and you want to share the love in return, remember you can subscribe to Discover Britain online/Любовь витает в воздухе в Discover Britain. Мы все здесь кучка старых романтиков, поэтому мы решили поделиться некоторыми из наших любимых историями любви в этом выпуске. Если чувство взаимно и вы хотите поделиться любовью в ответ, помните, что вы можете подписаться на Discover Britain онлайн (Discover Britain, 2021). Данный пример

наглядно иллюстрирует адресность – устанавливается контакт, поскольку автор напрямую обращается к читателю (*вы хотите поделиться любовью в ответ, помните, что вы можете подписаться*).

3. доверие – достигается за счет объективной и достоверной информации;

At this time of year, however, it is the 500 acres of gardens and surrounding grounds that will truly hold your attention. The large lake is fed by the River Len, so the entire estate is home to interesting wildlife, from peacocks and kingfisher to great spotted woodpecker. The crowning glory is the moat that surrounds this former royal residence, where one can find the famous Black Swans/В это время года, однако, именно 500 акров садов и прилегающих территорий будут по-настоящему приковывать ваше внимание. Большое озеро питается рекой Лен, поэтому на всей территории поместья обитают интересные дикие животные, от павлинов и зимородков до большого пестрого дятла. Венцом всего этого является ров, окружающий бывшую королевскую резиденцию, где можно встретить знаменитых черных лебедей (Discover Britain, 2021). Доверие читателя формируется за счет включение в туристический текст путеводителя достоверных фактов: *500 acres of gardens, one can find the famous Black Swans.*

4. эргономичность – удобство в использовании;

5. детализация – лаконизм и четкость материала содержания;

THE BRITISH LIBRARY. The world's largest library. Harry Potter: A History of Magic: Rare books, manuscripts and magical objects celebrating the 20th anniversary of JK Rowling's first Harry Potter book. Check for times. Admission free; charges for tours, some events and exhibitions. 96 Euston Rd, NW1 2DB. T: 0330-333 1144. www.bl.uk. Station: King's Cross. C7/ БРИТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Крупнейшая в мире библиотека "Гарри Поттер: История магии: Редкие книги, манускрипты и магические редкие книги, рукописи и магические предметы, посвященные 20-летию выхода первой книги Дж. Роулинг первой книги о Гарри Поттере. Время работы уточняйте. Вход бесплатный; экскурсии, некоторые мероприятия и выставки. 96 Euston Rd, NW1 2DB. T: 0330- 333 1144. www.bl.uk. Вокзал: Кингс-Кросс. C7. В приведенном примере из текста путеводителя преобладает большое количество числительных, а также тексту характерна четкость изложения информации, что помогает быстрой и легкой навигации по тексту.

6. визуализация – наличие фото, карт, ярких иллюстраций в тексте;

7. своевременность – релевантность и оперативность информации;

8. интерактивность – рефлексия и диалоговость.

Don't be a tourist. Be an explorer!/Не будь туристом. Будь исследователем!(London planner, 2017).

Ваш отдых – это наша профессия!

Ваши желания – руководства к действию!

Наша цель – сделать ваше путешествие приятным и удобным! (Экскурсионный буклет Родос). Экспрессивность рекламного текста путеводителя достигается за счет неполных предложений, способствующих быстрому восприятию и запоминанию адресатом. Неполность данных конструкций восполняется из контекста [3].

Использование различных приемов, создающих эмфатическую интонацию в тексте, такие как риторические вопросы, императивные конструкции, эллипсы, инверсии, антитеза, неполные предложения и др. способствуют диалогизации и интерактивности монологической речи, налаживанию двустороннего общения между автором и реципиентом.

Исходя из данных компонентов, можно сказать, что текст путеводителя является «текстом-навигатором», при помощи которого читатель способен найти путь или дорогу. Навигация в общем понимании в данном случае обладает теми же схожими чертами в туристическом тексте, а именно помогает ориентироваться на местности. Этому всецело должно соответствовать и структурное наполнение путеводителя. Нами была создана авторская смысловая модель «текста-навигатора», представленная ниже в рис.

1.

Модель смысловой составляющей «текста-навигатора»

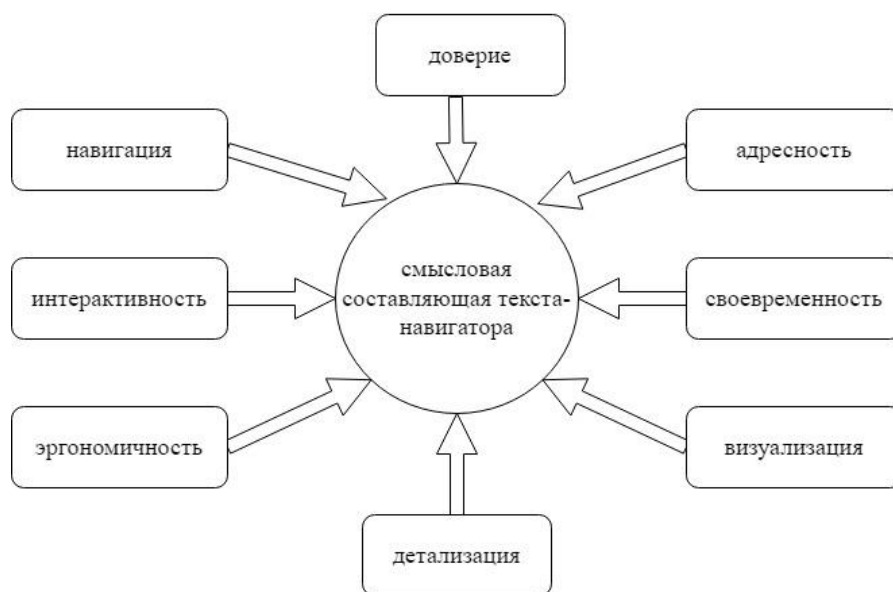

Рис. 1. Модель «текста-навигатора»

Элементы смысловой модели оказывают помощь в легкой навигации по тексту за счет своих особых свойств. Итак, каждый из компонентов смысловой модели выполняет определенную функциональную задачу в тексте, совокупности которых приводит к достижению основных функций туристического путеводителя.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 134 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
3. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2004. 12 с.
4. Выгодский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 297 с.
5. Клемёнова Е.Н. Квантор. Смысл. Текст. Интерпретация Ростов-на-Дону: Флинта, 2018. 112 с.
6. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста: психосемиотический подход. М.: Ленанд, 2016. 100 с.
7. Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
8. Розанова Ю.Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. Сер.: Языкознание. 2014. № 5 (27). С. 98 – 112.
9. Тупкалова Л.Ю. Кванторные детерминанты со значением включения, исключения, замещения и выделения в тексте путеводителя по монастырям // Russian Linguistic Bulletin. Екатеринбург, 2021. № 2 (26). С. 2 – 3.
10. Тупкалова Л.Ю. «Текст-навигатор» как особый вид туристического текста // Журнал «Научный лидер». март 2022. Выпуск 13 (58). Тюмень: Изд-во «World Sci Publ», 2022. С. 44 – 47.
11. Тюленева Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 13 с.
12. Филатова Н.В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2012. № 2. С. 76 – 82.
13. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук: пер. с фр. В.П. Визгина. СПб.: А-сид, 1994. 200 с.

References

1. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. 134 s.
2. Bart R. Ot proizvedenija k tekstu. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika: per. s fr. sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. S. 413–423.
3. Valgina N.S. Teorija teksta: ucheb. posobie. M.: Logos, 2004. 12 s.

4. Vygodskij L.S. Myshlenie i rech': psihologicheskie issledovanija. M.; L.: Socjkgiz, 1934. 297 s.
5. Klemjonova E.N. Kvantor. Smysl. Tekst. Interpretacija Rostov-na-Donu: Flinta, 2018. 112 s.
6. Nikitina E.S. Smyslovoj analiz teksta: psihosemioticheskij podhod. M.: Lenand, 2016. 100 s.
7. Popova E.S. Reklamnyj tekst i problemy manipuljacii: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2005. 27 s.
8. Rozanova Ju.N. Putevoditel' kak zhanr turisticheskogo diskursa: diahronicheskij aspect. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. Ser.: Jazykoznanie. 2014. № 5 (27). S. 98 – 112.
9. Tupkalova L.Ju. Kvantornye determinanty so znacheniem vključenija, isključenija, zameshenija i vydelenija v tekste putevoditelja po monastyryam. Russian Linguistic Bulletin. Ekaterinburg, 2021. № 2 (26). S. 2 – 3.
10. Tupkalova L.Ju. «Tekst-navigators» kak osobyj vid turisticheskogo teksta. Zhurnal «Nauchnyj lider», mart 2022. Vyp. 13 (58). Tjumen': Izd-vo «World Sci Publ», 2022. S. 44 – 47.
11. Tjuleneva N.A. Lingvokognitivnye strategii pozicionirovanija i prodvizhenija turisticheskikh uslug v rossijskoj i anglo-amerikanskoj reklame: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 13 s.
12. Filatova N.V. Zhanrovoe prostranstvo turisticheskogo diskursa. Vestnik MGGU im. M.A. Sholohova. Ser.: Filologicheskie nauki. 2012. № 2. S. 76 – 82.
13. Fuko M. Slova i veshhi: arheologija gumanitarnyh nauk: per. s fr. V.P. Vizgina. SPb.: A-cad, 1994. 200 s.

*Tupkalova L.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute of Philology of Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University*

The semantic model of the tourist guidebook text

Abstract: the main purpose of this paper is to analyse the components involved in 'navigating' the text of a tourist guide. The objectives of this paper are presented by reviewing each of the components of the semantic model, as well as by describing the key role of each of the given components in the text. The paper provides some definitions of the concept of "text" and describes some characteristics of the tourist guidebook text. Russian and English texts of tourist guides are of particular interest for the study and analysis of the functioning of each of the components of the semantic model in them as a separate tool of the so-called "navigation". The article presents the author's semantic model of the "text-navigator" and defines the functionality of each of the elements included in this model, using different parts of a tourist guidebook text as examples. It is noteworthy that a comparative analysis of Russian and English tourist guide texts has shown an identical structure of the semantic model developed by the author. Speaking of the text as a complex monolithic entity, it is necessary to mention its primary task, namely, transferring the semantic load to the addressee. In order to achieve the above-mentioned purpose of the text the author uses many tools, such as linguistic means, idiostyle of the addressee, structuring, etc. The specificity of the functional orientation of tourist guide texts is determined by its main task - information retrieval. The developed author's semantic model of the text confirms the idea that this type of text performs "navigation" in the general flow of material, facilitating the extraction of necessary information.

Keywords: tourist guide text, text, the semantic content of the text, the semantic model

For citation: Tupkalova L.Yu. The semantic model of the tourist guidebook text. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 51 – 55.

Таджибова Р.Р., кандидат филологических наук, доцент,
Махмудова С.,
Гаджиева А.,
Магомедова П.,
Дагестанский государственный университет

К вопросу о способах двуязычного перевода с английского и русского языков

Аннотация: данная статья посвящена особенностям адекватного перевода и стратегиям передачи лингвокультурных реалий с английского языка на русский, или наоборот. В качестве примеров взяты малоизвестные произведения или кинодубляж сериалов различной жанровой направленности. Это классическая литература, комедийный сериал и документальный сериал. Перевод эмоционально-оценочной лексики обычно зависит от контекста, а в случае с аудиовизуальными произведениями осложняется наличием нескольких уровней информации. Таким образом, аудиовизуальный переводчик должен обладать рядом компетенций на стыке нескольких дисциплин и уметь соотносить вербальные и невербальные компоненты аудиовизуального произведения.

Главной задачей каждого переводчика является осуществление адекватного и эквивалентного перевода. Для обеспечения этой цели переводчику, работающему с аудиовизуальными текстами, приходится учитывать особенности и ограничения данного вида перевода, а также прибегать к разнообразным переводческим трансформациям.

Ключевые слова: стратегии перевода, лингвокультурный компонент, адекватный перевод, вербальные и невербальные компоненты перевода

Для цитирования: Таджибова Р.Р., Махмудова С., Гаджиева А., Магомедова П. К вопросу о способах двуязычного перевода с английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 56 – 59.

Вопросы адекватного перевода художественных произведений достаточно давно поднимаются в отечественном и зарубежном переводоведении. Известно, что на правильность передачи мысли при переводе влияют такие важные факторы, как лингвокультурные особенности, страноведческие знания, стилистические приемы и пр. Несмотря на наличие ряда работ, посвященных решению вышеперечисленных задач, на сегодняшний день проблема адекватности перевода все еще не решена. Особенно это относится к произведениям, не имеющих профессиональной интерпретации на английском языке, или наоборот [2].

В качестве примеров рассмотрим способы перевода русскоязычного романа И.С. Шмелева «Солнце Мертвых» (пер. Ч.Дж. Хогарт), а также – аудиовизуальный перевод или дубляж кинофильмов с английского языка на русский.

Сравним синтаксические трансформации при переводе отрывка из романа И.С. Шмелева «Солнце мертвых»:

Это опять Тамарка напирает на мой забор, красавица симменталка, белая, в рыжих пятнах, – опора семьи, что живет повыше меня, на горке (с. 33).

It is Tamarka again! Yes, Tamarka is stretching herself over my fence; Tamarka, the beautiful white and red-spotted cow which used to be the sole support of the family on the hill above us.

В данном отрывке переводчик разбивает одно сложное предложение на два простых. Использует анафору, выносит в первое предложение «Тамарка», привлекая внимание читателей к ней, делает это также при помощи восклицательного знака в конце предложения. Переводчик выражает как будто бы злость и плохое отношение героя к Тамарке, однако автор же рассказывает о ней с некой привязанностью, описывает её и её действия очень мягко и с любовью. В следующем предложении переводчик поясняет, что сделала Тамарка, чем именно привлекла внимание.

Следует также упомянуть временной план повествования. Автор в своем произведении использует настоящее время, но переводчик меняет его на прошедшее, меняя читательское восприятие описываемого. Настоящее повествовательное, которое использует автор и в данном примере, и в следующих, свидетельствует о том, что недавнее не стало и не могло стать (в силу трагедийности пережитого) для повествователя прошлым.

Не надо думать о таких пустяках – чего они лезут в голову! (с. 56)

But I must not think of such things. What has made me do it?

Автор использует в своем предложении тире, дополняя, поясняя смысл первой части предложения. Опять же, выражая эмоции героя, ведь он не желает «думать о таких пустяках», выражает непонимание, протест. А переводчик разделяет предложение на два. Он задает вопрос – от чего у героя такие мысли возникли, почему он это делает.

Все эти месяцы снятся мне пышные сны. С чего? Явь моя так убога... Дворцы, сады... Тысячи комнат – не комнат, а зал роскошный из сказок Шехерезады – с люстрами в голубых огнях – огнях нездешних, с серебряными столами, на которых груды цветов – нездешних (с. 60).

But how come I to have been dreaming a dream so gorgeous in its setting, a dream in which I see suites of thousands of luxurious rooms? – though not of rooms, really, so much as of halls taken from the Arabian Nights, halls wherein lustres of an unearthly blue glimmer upon tables heaped with unearthly flowers.

В данном случае переводчик снова упрощает синтаксис, и даже опускает очень важное уточнение автора «Явь моя так убога...». Автор использует тире, повторяя «огнях нездешних», «груды цветов – нездешних», указывая на то, что все, увиденное героем во сне, было ему чуждо. Это полностью утрачивается в переводе.

Таким образом, мы видим, как синтаксические нарушения при переводе могут привести к тому, что у читателя возникнет вопрос, что автор имел в виду под этим? Ведь многие выражения теряют свою чувственную и эмоциональную окраску, превращаясь в сухую констатацию фактов.

Другим интересным случаем является передача кинодискурса комического жанра. Интерес к изучению особенностей перевода комических текстов в сериалах с каждым годом возрастает, о чем свидетельствуют новые научные исследования в данной области.

Основной проблемой в современной лингвистике, посвященной вопросам изучения особенностей передачи комического эффекта при переводе кинодиалогов, можно считать недостаточное количество исследований, посвященных структурному анализу лингвостилистических приемов.

Рассмотрим особенности передачи комического эффекта при переводе кинодиалогов в сериале «The Office».

Особенность аудиовизуального перевода заключается в том, что он объединяет в себе специфику устного и письменного перевода, при этом в полной мере его нельзя отнести ни к одному из этих видов. О.Ю. Кустова в своих исследованиях делает акцент на том, что характерной чертой кинотекста является то, что он представляет результат деятельности целой команды авторов. И сложность его перевода заключается в том, чтобы понять позицию всей команды и корректно ее передать в русскоговорящем обществе [4, с. 123].

Перевод аудиовизуального юмористического текста является одной из самых сложных задач для переводчика. В связи с этим требуется изучение особенностей передачи английского комического диалога на русский язык, с целью изыскания наиболее оптимальных путей перевода аудиовизуального юмористического текста [3].

Фразеологический каламбур при переводе проявляется как разрушение первоначальной формы фразеологической единицы. Благодаря такому стилистическому приему, у зрителя создается двойственное восприятие действительности.

Оригинал: **Jim:** *I think it's time for you to bury the hatchet.*

Кубик в кубе: **Джим:** *Я думаю, тебе пора зарыть топор войны.*

Студия 2x2: **Джим:** *Я думаю, тебе пора зарыть топор войны.*

Dwight: *Waste of a good hatchet.*

Дуайт: *Пустая трата хорошего топора.*

To bury the hatchet переводится как «зарыть топор войны», но в представленном диалоге происходит подмена понятий и его конкретизация.

Отметим, что в сериале, каламбур строится не только на фразеологических единицах, но и на других средствах выразительности, например, каламбур может быть создан с помощью гиперболы:

Оригинал: **Michael:** *Now, a lot of people say that Kelly is one in a million. And that's true, but it's also not true. Because, frankly, there are literally billions of people just like Kelly in the world.*

Кубик в Кубе: **Майкл:** *Так вот, многие люди говорят, что Келли – одна на миллион. И это правда, но это также и неправда. Потому что, честно говоря, в мире буквально миллиарды таких же людей, как Келли.*

Студия 2x2: **Майкл:** *Так вот, многие люди говорят, что Келли – одна на миллион. Это одновременно правда и неправда. Потому что, честно говоря, в мире буквально миллиарды таких же людей, как Келли.*

One in a million переводится как «одна на миллион», но в контексте рассуждений Майкла, это выражение начинает носить юмористический характер.

При анализе переводов были отмечены ситуации, в которых применялся такой стилистический прием, как фонетический каламбур. Сложность анализа данного вида каламбуров также заключалась в том, что они имеют большое сходство с графикой и семантикой. Ср.:

Оригинал: *If you could just rehydrate those raisins that would be grapes.*

Кубик в Кубе: *Если бы вы могли просто увлажнить этот изюм, это был бы виноград.*

Студия 2x2: *Если бы тебе нравился изюм, то для тебя это был бы виноград.*

Как видим, при переводе ситуационного комедийного телевизионного сериала компаниями «Кубик в Кубе» и «2x2» применялись различные стратегии перевода. Первая компания выбрала стратегию адаптации аудиовизуального текста к российским реалиям. В связи с этим, при переводе они в основном использовали такие приемы как культурная адекватность и компенсация.

Переводчики компании «2x2» придерживались в своей работе иной стратегии и стремились сохранить американские реалии и донести их до отечественного зрителя. В связи с этим, в большинстве случаев перевода они использовали такой прием, как транскрипция. Каждая стратегия имеет свои преимущества и недостатки. Отношение к качеству перевода зависит от предпочтений целевой аудитории и их восприятия комических ситуаций.

Напомним, что англоязычный кинодискурс является устной трансформацией письменного дискурса и обладает всеми остальными особенностями, присущими кинодискурсу в целом. Он выбран нами в качестве модели кинодискурса в связи с огромным влиянием, которое именно англоязычный кинодискурс оказывает на мировой кинематограф и на его зрителей. Так как большинство фильмов сегодня снимается на английском языке, они служат образцом для подражания, в том числе и для отечественных режиссеров и продюсеров. Вслед за многими исследователями данной проблемы, в частности И.А. Зарецкой, мы считаем англоязычный кинодискурс типической моделью, по особенностям которой можно судить и об остальных кинодискурсах [2].

Англоязычный кинодискурс, как и любой кинодискурс, представляет собой сложную систему, содержащую разные коды, из которых лингвистов в большей степени интересует вербальный компонент, или кинодиалог.

При работе с аудиовизуальным материалом переводчик получает преимущество, поскольку имеет возможность видеть жесты и мимику, а также слышать интонации говорящего. Получатель перевода тоже видит и слышит говорящего, что облегчает для него понимание коммуникативной ситуации и выражаемых эмоций.

С другой стороны, аудиовизуальный текст требует от переводчика соблюдения особых норм. Так, перевод с помощью субтитров предполагает ряд внешних технических ограничений: текст перевода ограничен количеством знаков и строк, а субтитры должны меняться вместе со сменой кадра. При переводе для дублирования существует схожее ограничение по длительности звучания реплики. В работе участвует укладчик, главной задачей которого является синхронизация текста перевода в соответствии с артикуляцией актеров озвучивания. Переводчику необходимо учитывать «удобопроизносимость» текста, в противном случае, в процессе такой адаптации текст может быть сильно изменен [1].

Например, в переводах английского фильма *The Crown* встречается много фраз, значение которых можно переводить с точностью до наоборот, типа:

It's not quite what I had in mind (Это не совсем то, что я имел (а) в виду), перевод в фильме: «Да что это такое?! Возмутительно!»

You look like you had fun last night (Возможно, прошлой ночью вы действительно повеселились), перевод в фильме: Сегодня вы выглядите откровенно ужасно.

I might pop along tonight. I'll see how I feel (Возможно, я приду, посмотрю по настроению), в фильме: Нет, конечно же, нет, и не собираюсь даже приходить.

It's totally fine if you can't make it (Ничего страшного, если у тебя не получится прийти), в фильме: «Не появишься – я тебя возненавижу».

В речи персонажей фильма также используются необычные для слуха слова типа

Mollycoddle – чрезмерно опекать или баловать.

Gung-ho – восторженный, полный энтузиазма, безрассудный.

Poisoned chalice – русский эквивалент «медвежья услуга».

Twit – забавный или глупый человек.

Namby-pamby – слабохарактерный, нерешительный.

Другими словами, вслед за отечественными и зарубежными исследователями, мы склонны рассматривать фильм как устную трансформацию письменного дискурса, который по своей природе не может быть абсолютно идентичен спонтанному диалогу, что объясняет многочисленные отличия кинодиалога от реальных диалогов.

Литература

1. Баранова О.Т. Перевод английского юмора и иронии // Вестник науки. 2019. № 5 (14). С. 59 – 62.
2. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 180 с.
3. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб., 2006. 224 с.
4. Кустова О.Ю. Концептуальные модели исследования киноперевода // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 123 – 130
5. Ухина Е.А. Жанровая специфика прозы И.С. Шмелева: 1918-1950: дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 2011. 164 с.
6. KubikHD.ru [сайт]. URL: https://www.kubikhd.ru/catalog/kubik3/ofis_005/1-1-0-138 (дата обращения: 15.04.2022)
7. Learn English with English films: [сайт]. URL: <https://eng-film.site/serialy-na-angliyskom/9304-ofis-sezon-1-the-office-season-1-2005-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 05.02.2022)

References

1. Baranova O.T. Perevod anglijskogo jumora i ironii. Vestnik nauki. 2019. № 5 (14). S. 59 – 62.
2. Zareckaja A.N. Osobennosti realizacii podteksta v kinodiskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2010. 180 s.
3. Kazakova T.A. Hudozhestvennyj perevod: v poiskah istiny. SPb., 2006. 224 s.
4. Kustova O.Ju. Konceptual'nye modeli issledovanija kinoperevoda. Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2019. № 192. S. 123 – 130
5. Uhina E.A. Zhanrovaja specifika prozy I.S. Shmeleva: 1918-1950: dis. ... kand. filolog. nauk. Sankt-Peterburg, 2011. 164 s.
6. KubikHD.ru [sajt]. URL: https://www.kubikhd.ru/catalog/kubik3/ofis_005/1-1-0-138 (data obrashhenija: 15.04.2022)
7. Learn English with English films: [sajt]. URL: <https://eng-film.site/serialy-na-angliyskom/9304-ofis-sezon-1-the-office-season-1-2005-hd-720-ru-eng.html> (data obrashhenija: 05.02.2022)

*Tadzhibova R.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Makhmudova S.,
Gadzhieva A.,
Magomedova P.,
Daghestan State University*

On the question of the methods of bilingual translation from English and Russian

Abstract: the given article is devoted to the question of peculiarities of adequate translation and strategies of transferring linguo-cultural realities from English into Russian, or vice versa. As the material for examples not very famous literary works and movies (dubbing) are taken. Those are the samples of different genres: classic literature, comedian serial and documentary. Usually the interpretation of emotional and evaluative vocabulary depends on the context, and in case of audio-visual works it is complicated by the fact of several levels of information. Thus, the interpreter of audio-visual works should gain a number of competences mixed within a few subjects and be able to measure verbal and non-verbal components of the audio-visual work. The main task of any interpreter is realization of adequate and equivalent translation. To achieve this, the interpreter has to consider peculiarities and limitations of audio-visual translation, as well as to perform different transformations while interpreting the works.

Keywords: strategies of translation, linguo-cultural component, adequate translation, verbal and non-verbal components of interpretation

For citation: Tadzhibova R.R., Makhmudova S., Gadzhieva A., Magomedova P. On the question of methods of bilingual translation from English and Russian. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 56 – 59.

*Тугушева Ф.А., кандидат филологических наук,
Хамурзова А.Г., кандидат педагогических наук,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Лоова Э.С., кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова*

Языковые единицы со значением неопределенного количества в старофранцузском языке

Аннотация: целью данного исследования является историко-концептуальный анализ лексем, которые относятся к различным частям речи, составляющих лексико-семантическое поле «неопределенное количество» в старофранцузском языке. Язык в ходе своей эволюции развивает средства для выражения количественной оценки объектов реальной действительности двух основных типов - без уточнения или с уточнением в виде конкретного количества или единицы измерения. Первый тип количественной характеристики представляет оценку множества или части целого путем их сравнения с условно принятой шкалой неопределенного количества, существующей в сознании человека. Слова, обозначающие неопределенное количество, выделяется как система специальных слов, общее значение которых «неопределенное, неточное количество». Во французском языке сформировано функционально-семантическое поле неопределенного количества, представленное языковыми единицами, принадлежащими к различным частям речи. К таким единицам относятся количественные наречия французского языка. Группа лексем, обозначающих неопределенное количество, относится к весьма употребительному слою средств выражения и занимает важное место в системе языка. Концепт «неопределенное количество» рассматривается в историческом плане и относится к области активно разрабатываемой исторической концептологии. Неопределенное количество понимается как разновидность собирательной множественности, составной части общей категории количества и реализуется в языке при помощи различных лексических средств. К ним относятся наречия-квантификаторы, существительные и прилагательные, в которых имплицитно присутствует понятие «количество», которые могут благодаря метафорическому переносу передавать вторичное значение неопределенного количества, приобретая различные образные коннотации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать данный материал при чтении курса по истории французского языка.

Ключевые слова: количество, категория, количественное наречие, французский язык

Для цитирования: Тугушева Ф.А., Хамурзова А.Г., Лоова Э.С. Языковые единицы со значением неопределенного количества в старофранцузском языке // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 60 – 63.

Категория количества – одна из наиболее абстрактных категорий мышления современного человека, и ее обусловленность объективной действительностью носит наиболее опосредованный характер. История развития языковых явлений, которые являются средством выражения категории количества в языке и, прежде всего, лексических обозначений количественных понятий и категории грамматического числа, показывает, что решающую роль в их развитии играет развитие мыслительной категории количества, как отражения некоторых основных свойств самой объективной действительности [7]. В современной лингвистике проблема выражения категории неопределенного количества нашла достаточное освещение на материале различных языков, в сопоставительном плане, на различных уровнях языка. Рассматриваются также проблемы классификации неопределенного количества. Так, А.К. Корюкова представляет языковые единицы, выражающие неопределенно большое количество, как микрополе в рамках макрополя общей категории количества [5]. В работе Л.А. Запеваловой, С.М. Платыгиной неопределенность количества понимается как квантитативный смысл, обусловленный двумя факторами: неопределенностью границ объекта, не поддающегося точному исчислению и объективной оценкой количества, факультативно соотносимой с определенной нормой [4]. Е.В. Высторопец, исследуя категорию неопределенного количества на уровне фразеологических единиц, образующих числовой культурный код, реализующих значения «много», «мало», «полное отсутствие», приходит к выводу, что фразеологическое значение не отражает точного количества [2]. В работах Е.Ю. Дубовицкой [3], С.Р. Маджидова [6] рассматриваются проблемы аппроксимации, то есть языкового выражения категории «приближенное количество», выделяемого из общего понятия «количество», наряду с точным и неопределенным. На материале старофранцузского периода развития французского языка помимо классических работ можно выделить исследования квантитативных наречий и наречий степени

признака или степени сравнения наречий И.Ф. Бейн [1], количественных наречий в старофранцузском и среднефранцузском периодах развития языка Г.В. Федоровой [9].

В нашем исследовании приводится историко-концептуальный анализ лексем, относящихся к различным частям речи, составляющих лексико-семантическое поле «неопределенное количество» в старофранцузском языке. Лексические средства неточной количественной оценки относятся, прежде всего, к особому классу квантитативных наречий. Их функциональное своеобразие заключается в том, что с помощью подобных знаков носители языка: а) соотносят данное количество субстанции с определенным «делением» понятийной «квантитативной шкалы», выраженной наречиями неопределенного, неточного количества – *assez – beaucoup – peu / достаточно – много – мало*; б) характеризуют неопределенное количество или множество одновременно с количественной и качественной стороной – *espes /много, густо/, desmesurement /безмерно много/*; в) могут давать экспрессивно-образную характеристику данному количеству или множеству и выражать отношение, оценку говорящих к обозначаемому количеству субстанции – *bien*, выражающее положительное отношение к неопределенно большому количеству; – *merveilles*, отражающее удивление перед большим количеством; *grant force* – выражение удивления перед силой/«силища». Таким образом, квантитативные лексические средства выражения неопределенного количества подразделяются на: 1) нейтральные, то есть дающие объективную оценку, 2) экспрессивно-эмоциональные, несущие дополнительные коннотации, выражающие субъективную оценку.

Рассматривая концепт «неопределенное количество» с исторической точки зрения, необходимо провести этимологический анализ и анализ внутренней формы его составляющих. В центре исследуемого исторического концепта лежат количественные наречия, унаследованные старофранцузским языком из латыни: *bien*<*bene*; *molt*<*multum*; *poi*<*paucum*; *asez*<*ad satis* и др. [8].

Околоядерную зону составляют адвербиализированные качественные прилагательные, в которых подспудно присутствует сема «количество», лежащая в основе формирования количественной оценки субстанции. Например: адвербиализированные прилагательные *grant / большой>много*, *petit / маленький> мало*, *tout plein / весь полный> полным-полно* и т.д.

Изучение наречий и наречных словосочетаний на предмет их принадлежности к лексико-семантической группе неопределенного количества проводится и на синтагматическом уровне. На основе теории валентности, одним из положений которой является способность сочетания определенного слова с другими единицами языка на лексическом и синтаксическом уровнях, лексемы, выражающие неопределенное количество, соотносятся с двумя планами – мыслительно-ассоциативным и вербальным. Лексемы, выражающие неопределенное количество, во французском языке относятся к классу наречий и прилагательных. Поэтому однокоренные слова, которые относятся к разным грамматическим классам, потенциально обладают субстантивной и глагольной валентностью, что влияет на их употребление в речи. Во французском языке наблюдается использование прилагательного в роли количественного наречия с последующей адвербиализацией. Например, прилагательное *grant / большой, великий* уже содержит сему «количество, размер». На языковом уровне прилагательное имеет субстантивную валентность. Но данная валентность на уровне сочетания, обозначающего нерасчлененное понятие, «расщепляется» на дополнительную глагольную валентность: 1) *ot grant joie / испытал большую радость*; *prist grant viande / взял обильное, большое продовольствие*. Эти же выражения можно перевести при помощи наречий: *испытал много радости* и *взял много продовольствия*. Мыслительно-ассоциативный план, получивший выражение на вербальном уровне, наблюдается при переводе качественных наречий в разряд квантификаторов неопределенного количества. К ним относят наречие *bien* и наречия, образованные по формуле *основа производящего слова + ment*. Качественные наречия реализуют глагольную валентность: *manger durement / плотно поест* [9].

Старофранцузский период характеризуется наличием двух бинарных оппозиций *много – мало*: *grant – petit*; *molt – poi*. Слова в составе обеих оппозиций в старофранцузский период выполняют функции прилагательных и количественных наречий. Транспонировавшись в разряд количественных наречий качественное прилагательное *petit*, основным признаком которого заключен в семе «малость», лежит в основе внутренней формы производных лексических единиц, также развивающих значение неопределенно малого количества *un petit / немного*; *un seul petit / немножко*; *un petitet / чуть-чуть*.

Качественные наречия, такие как *bien*, *durement*, *espesement*, *largement*, используемые с переходными глаголами, в которых имплицитно присутствует объект действия, характеризуются двойной валентностью – явной глагольной и подразумеваемой потенциальной субстантивной. Благодаря семе «интенсивность действия» качественные наречия приобретают значение неопределенного количества.

Третий источник появления квантитативных наречий, образующих периферию исторического концепта «неопределенное количество», представлен некоторыми существительными. Их конверсия в разряд наречий-квантификаторов осуществляется на основе метафорического переноса. Ю.А. Ухина пишет, что мета-

форическое обозначение неточного количества относится к номинативным универсалиям, а стремление от образной предметности к абстрактной количественной семантике называет основным путем развитие семантики имен с количественным значением [10]. В старофранцузском языке квантитативная метафора возникает на основе главного количественного признака собирательности, множественности и второстепенного признака, при помощи которого можно создать образ изобилия в статике – *plente / обильное количество неподвижной субстанции*, множества в динамике – *foison / течение, множество движущихся лиц и предметов*, плотности, невозможности вычленения – *fais / охапка хвороста*.

В выводах следует указать, что в старофранцузский период концепт «неопределенное количество» имеет три основных слоя. Ядро представлено количественными наречиями, обозначающими неточное количество. Околоядерную зону составляют наречия и прилагательные в роли количественного наречия, обладающие субстантивной и глагольной валентностью. Третья зона периферии концепта представлена существительными, которые вследствие метафорического переноса переходят в разряд наречий-квантификаторов.

Литература

1. Бейн Е.И. Формирование класса наречий в истории французского языка: автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Ленинград, 1983. 20 с.
2. Высторопец Е.В. Фразеологизация числового кода в английском языке // Молодой ученый. 2020. № 32(320). С. 173 – 175.
3. Дубовицкая Е.Ю. Категория аппроксимации в современном английском языке: автореф. ... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 18 с.
4. Запевалова Л.А., Платыгина С.М. Неопределенное количество в системе квантитативных смыслов (на материале английского и русского языков) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1 (15). С. 499 – 510.
5. Корюкова А.К. опыт исследования семантики категории неопределено большого количества (на материале русского и английского языков). С. 146 – 150. [elar, urfu.ru/bistream/10995/25311/1/avfin_2013_31.pdf](http://elar.ufrj.br/bistream/10995/25311/1/avfin_2013_31.pdf)
6. Маджидов С.Р. Приблизительное количество как языковая категория и способность его выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1995. 20 с.
7. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 257 с.
8. Тугушева Ф.А., Хараева Л.Х., Хамурзова А.Г. Образование количественных наречий в старофранцузском языке. Казанская наука. 2019. № 7. С. 108 – 110.
9. Федорова Г.В. Лексико-семантическая группа количественных наречий во французском языке XI-XVI вв.: автореф. дис. .... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Ленинград, 1979. 20 с.
10. Ухина Ю.А. Субстантивы с вторичным метафорическим значением в русском и английском языках. автореф. дис. ... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Казань, 2005. 30 с.

References

1. Bejn E.I. Formirovanie klassa narechij v istorii francuzskogo jazyka: avtoref. na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Leningrad, 1983. 20 s.
2. Vystoropets E.V. Frazeologizacija chislovogo koda v anglijskom jazyke. Molodoy uchenyj. 2020. № 32(320). S. 173 – 175.
3. Dubovickaja E.Ju. Kategorija approksimacii v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. ... na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Tambov, 2006. 18 s.
4. Zapavalova L.A., Platygina S.M. Neopredelennoe kolichestvo v sisteme kvantitativnyh smyslov (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov). Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2015. № 1 (15). S. 499 – 510.
5. Korjukova A.K. opyt issledovaniya semantiki kategorii neopredeleno bol'shogo kolichestva (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). S. 146 – 150. [elar, urfu.ru/bistream/10995/25311/1/avfin_2013_31.pdf](http://elar.ufrj.br/bistream/10995/25311/1/avfin_2013_31.pdf)
6. Madzhidov S.R. Priblizitel'noe kolichestvo kak jazykovaja kategorija i sposobnost' ego vyrazhenija v sovremennom russkom jazyke: avtoref. dis. ... na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 1995. 20 s.
7. Panfilov V.Z. Gnoseologicheskie aspekty filosofskih problem jazykoznanija. M.: Nauka, 1982. 257 s.
8. Tugusheva F.A., Haraeva L.H., Hamurzova A.G. Obrazovanie kolichestvennyh narechij v starofrancuzskom jazyke. Kazanskaja nauka. 2019. № 7. S. 108 – 110.
9. Fedorova G.V. Leksiko-semanticheskaja gruppa kolichestvennyh narechij vo francuzskom jazyke XI-XVI vv.: avtoref. dis. .... na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Leningrad, 1979. 20 s.
10. Uхина Ju.A. Substantivy s vtorichnym metaforicheskim znacheniem v russkom i anglijskom jazykah. avtoref. dis. ... na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Kazan', 2005. 30 s.

*Tugusheva F.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Khamurzova A.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Loova E.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov*

Language units with the meaning of an indefinite quantity in Old French

Abstract: the purpose of this study is a historical and conceptual analysis of lexemes that relate to various parts of speech that make up the lexico-semantic field "indefinite quantity" in the Old French language. In the course of its evolution, language develops means for expressing a quantitative assessment of objects of real reality of two main types – without clarification or with clarification in the form of a specific quantity or unit of measurement. The first type of quantitative characteristic is an assessment of a set or part of a whole by comparing them with a conventionally accepted scale of indefinite quantity existing in a person's mind. Words denoting an indefinite quantity are distinguished as a system of special words, the general meaning of which is "an indefinite, inaccurate quantity". In the French language, a functional-semantic field of indefinite quantity has been formed, represented by linguistic units belonging to different parts of speech. Such units include quantitative adverbs of the French language. A group of lexemes denoting an indefinite number belongs to a very common layer of means of expression and occupies an important place in the language system. The concept of "indefinite quantity" is considered in historical terms and belongs to the field of actively developed historical conceptology. Indefinite quantity is understood as a kind of collective multiplicity, an integral part of the general category of quantity and is implemented in the language using various lexical means. These include adverbs-quantifiers, nouns and adjectives, in which the concept of "quantity" is implicitly present, which can, thanks to metaphorical transfer, convey the secondary meaning of an indefinite quantity, acquiring various figurative connotations.

The practical significance of the study lies in the possibility of using this material when reading a course on the history of the French language.

Keywords: quantity, category, quantitative adverb, French

For citation: Tugusheva F.A., Khamurzova A.G., Loova E.S. Language units with the meaning of an indefinite quantity in Old French. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 60 – 63.

*Ван Цзяоцзяо, аспирант,
Московский педагогический государственный университет*

**Анализ социального положения женщины в романах "Царь-рыба"
В.П. Астафьева и "Правый Берег реки Аргунь" Чи Цзыцзань**

Аннотация: в начале 1980-х годов В.П. Астафьев оказал существенное влияние на ряд значительных молодых писателей новой эпохи в Китае...» [3, с. 77]. Среди них на китайскую литературу наибольшее влияние оказал роман "Царь-рыба".

Современная писательница из Северо-Восточного Китая Чи Цзыцзань упомянула, что когда ей было 20 лет, «было два великих советских произведения, которые я считаю волшебными светильниками: одно – "Царь-рыба" Астафьева, а другое – "Доктор Живаго" Пастернака» (перевод автора данной статьи) [5]. Ее произведение "Правый берег реки Аргунь" получило 7-ю литературную премию имени Мао Дуня. В этом романе четко прослеживаются следы российского культурного влияния. Будучи писательницей, Чи изобразила ряд женских персонажей с уникальной точки зрения.

Рассматривается социальное положение женщины в романах «Царь-рыба» В.П. Астафьева и «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзань. В своем произведении В.П. Астафьев осуждал «маскулинно-центризм» в традиционной культуре. А в романе «Правый берег реки Аргунь» воплощены равноправные гендерные отношения, в которых женщинам предоставляется больше самостоятельности.

Русский писатель В.П. Астафьев и китайский писатель Чи Цзыцзань изображают образ женщины с разных сторон, все они воплощают взгляды писателя на отстаивание равенства между мужчинами и женщинами, заботу о природе и построение гармоничного общества. Анализ этих двух произведений помогает нам понять образы женщин в китайской и русской литературе, что необходимо для развития культурного взаимопонимания между Китаем и Россией.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, Чи Цзыцзань, «Царь-рыба», «Правый берег реки Аргунь», социальное положение женщины, «маскулинно-центризм», равноправные гендерные отношения

Для цитирования: Ван Цзяоцзяо Анализ социального положения женщины в романах "Царь-рыба" В.П. Астафьева и "Правый Берег реки Аргунь" Чи Цзыцзань // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 64 – 67.

В романе «Царь-рыба» В.П. Астафьев делает акцент на оскорбленных женских образах, деконструирует культурные традиции и ценности «маскулинно-центризма» и мужественности в традиционной культуре, обращает внимание на кризис человеческого существования, проповедует любовь и уважение к женщинам. Как писатель, Астафьев всегда беспокоился о сибирской земле, на которой он вырос, а также об экологическом балансе между природным и духовным миром, а также о равенстве мужчин и женщин. В «Царь-рыбе» люди и природа, мужчины и женщины находятся в дихотомическом мышлении, женщины занимают позицию подчинения, и гендерная экология всегда находится в противоречивом дисбалансе. С точки зрения гармоничного единства отношений между мужчиной и женщиной Астафьев глубоко проанализировал иерархический статус мужчин и женщин, дал мощную критику патриархального господства и призвал к глубокой заботе об природе и женщинах.

В патриархальной модели женщины считаются низшими существами, как и природа. Природа обычно рассматривается как объект, который должен удовлетворять потребности человека и быть поработанным человеком. Женщины рассматриваются как инструменты для продолжения мужской линии, по своей природе неполноценные. Они должны находиться в милости у мужчин. Тема критики преследования женщин отражена в «Царь-рыбе» Астафьева.

Наиболее типичным образом униженной женщины является Граха, которая, по воспоминаниям Игнатьича, изначально является той самой невинной девушкой. Когда армия была расквартирована в этом районе, лейтенант лишил ее девственности. Она становится нарушительницей традиционных общественных нравов, и ее судьба меняется в результате этого нарушения женского целомудрия. На этом уровне Граха - это «изменщица», «грешная женщина». Еще более болезненным для нее было второе оскорбление. Игнатьич считал девственность Грахи своей собственной, и когда он узнал, что Граха «изменила» себе, ему пришла в голову мысль, что «хотелось изображать из себя ухаря, познавшего грех» [1, с. 112], и он жестоко отомстил Грахе.

Астафьев сравнивает обиженную Граху с борющейся «рыбой», которую, с женской точки зрения, угнетает Игнатьич, символ мужского сообщества. «Она одновременно и объект насилия Игнатьича как мужчи-

на, и откровение, пробуждающее его внутреннюю совесть. В то же время она является символом природных существ, подверженных власти человека, и за метафорой уязвимости «Граха-рыба-природа» скрывается сострадание Астафьева к природе и женщинам» [4, с. 32]. Образ Граха имеет решающее значение для спасения героя Игнатъича. Именно раскаяние Граха приводит к его возрождению.

Глава «Сон о белых горах» – это полное отражение человеческого добра и зла и доминирования мужчин над женщинами. В.П. Астафьев резко критикует неуважительное отношение мужчин к женщинам. В этой главе писатель изображает героя Герцева, который попирает природу и женщин по своему желанию.

В дневнике Герцева показывает свое истинное лицо эгоизма. Он считает, что счастье человека – это «я хочу». Он обманывает женщин и безжалостно бросает их. Простые Илья и Людочка обмануты его чувствами. Герцев живет только для себя, считая, что женщины должны подчиняться потребностям мужчин. Это презрение к женщинам. Автор придает Герцеву очень трагический конец, чтобы показать, что те, кто не уважает женщин и природу, будут жестоко наказаны.

Как писательница Чи Цыцзянь также ненавидит несправедливость мужской власти по отношению к женщинам, она лучше понимает, что мужчины и женщины должны быть взаимозависимыми и нести одни и те же несчастья и удачу. Подобно тому, как люди и природа должны зависеть друг от друга и процветать вместе, равенство, независимость и гармоничное сосуществование являются идеальными способами для мужчин и женщин. Описание Чи Цыцзянь отношений между полами позволяет нам увидеть возможность того, что мужчины и женщины живут в гармонии. Это заставляет ее работы содержать гораздо более широкие коннотации, чем радикальная феминистская литература.

Роман «Правый берег реки Аргунь» уходит корнями в традиционную культуру народа эвенки. Большинство этнических меньшинств севера, представленных эвенками, развили концепцию «единства неба и человека и гармонии между двумя полами» в своих производственных и жизненных практиках, где мужчины и женщины не находятся в прямой оппозиции друг к другу. Жизнь женщин переплетается с жизнью мужчин. В романе «Правый берег реки Аргунь» Дамара – мать рассказчика «я» и архетип прекрасной жены в романе. Повествование о матери Дамары всегда сопровождается рассказом о ее муже, Линке. В семье Дамара всегда на равных с Линком. Бесплодная Мария убеждает своего мужа жениться после ее смерти на здоровой женщине, но он неизменно предан ей. Они отдают свои жизни, чтобы проиллюстрировать, что такое любовь для современных людей в индустриальном цивилизованном обществе.

«Повествование о браке и любви в романе «Правый берег реки Аргунь» творчески выходит за рамки мужского повествования, характерного для традиционных текстов, и выносит на поверхность истории женский взгляд»(Переведено автором этой статьи) [2, с. 152].

Помимо изображения относительно равных отношений между мужчинами и женщинами, Чи Цыцзянь также предоставляет женщинам больше прав в своих романах. Она возлагает надежду на спасение жизни на женщин, оказывая им больше уважения и внимания. В «Правом берегу реки Аргунь» Ниho – женщина-шаман из народа эвенки. Воплощенный в ней дух спасения и жертвенности – вот что составляет основную часть эпоса шамана.

Создавая образ шамана Ниhao, Чи не только опирается на жанр шамана, спасающего людей в мифологии меньшинств, но и сознательно возвращает шамана из священного царства на землю.

В романе «Правый берег реки Аргунь» для спасения мира шаману приходится пожертвовать собственным ребенком. За каждого спасенного человека Ниho должна потерять собственного ребенка. Шаман Ниho явно является «Великой матерью» клана, защищающей клан всем сердцем и душой и поддерживающей верования и нормы кланового общества. Прежде чем стать шаманом, Ниho должна стать человеком, «маленькой матерью» в семье, с нежностью и добротой относящейся к своему мужу и каждому ребенку, которого она рождает, выполняя основные обязанности матери по зачатию, рождению, воспитанию и образованию. Находясь между богом и человеком, Ниho разорван, потерян и беспомощен, испытывая физическую и духовную боль и страдания.

Образ шамана Ниho полон человечности и основан на воображении автора. Автор восстанавливает радость и печаль шамана на земле. Женщины не просто занимают подчиненное положение в обществе, на них возложена великая миссия по спасению жизней.

Обе работы воплощают стремление автора к социальной экологии равенства мужчин и женщин и межличностной гармонии.

Работа В.П. Астафьева достигла новой высоты и уровня в анализе природы и людей, мужчин и женщин, наглядно показывая, что чрезмерное разграбление природы человечеством и вред, причиняемый мужчинами женщинам, являются не только проблемой естественного экологического кризиса, но и Также это еще и духовный экологический кризис. Это драгоценное озарение, которое Астафьев оставил человечеству.

Роман «Правый берег реки Аргун» Ци Цзыцзянь не оказал радикального сопротивления патриархальному обществу. Она не согласна с тем, что женщины должны свергнуть традиционное патриархальное общество, если они хотят по-настоящему освободиться. Только прижимаясь друг к другу, мы можем поддерживать порядок в мире. Ее работы преодолевают ограничения феминизма. С нежным отношением и открытым и терпимым сердцем, которое отличается от феминистских писателей, Ци Цзыцзянь позволила нам увидеть гармоничную гендерную экологию взаимной поддержки и равной заботы между мужчинами и женщинами.

В этих двух произведениях показана не только гармония между человеком и природой, но также гармония между человеком и человеком, а также между человеком и обществом, раскрывающая, что отношения между полами являются основой всех социальных отношений. Таким образом, мы не только хотим достичь гармонии между полами, но и активно продвигать социальную справедливость. Это имеет важное эталонное значение для нас, чтобы найти наш духовный дом и улучшить гуманистический дух.

Литература

1. Астафьев В.П. Царь-рыба // АСТ. 1976. 246с.
2. 任毅.鄂温克民族文学《额尔古纳河右岸》中的女性形象.黑龙江民族丛刊 [Образ женщины в эвенкийской национальной литературе "Правый берег реки Аргунь" // Хэйлунцзянская этническая серия. 2020. № (06). С. 150 – 155.
3. 杨正.阿斯塔菲耶夫与中国 – 纪念俄罗斯作家维·阿斯塔菲耶夫诞辰 90 周年.俄罗斯文艺 [Ян Чжэн. Астафьев и Китай – в честь 90-летия со дня рождения русского писателя В.П. Астафьева // Русская литература и искусство. 2014. № (02). С. 77 – 83.
4. 周夏影.《鱼王》生态整体观中的宗教精神.新纪实 [Чжоу Сяин. Религиозный дух в экологическом холистическом представлении "Царь-рыбы" // Новая хроника. 2021. № (04). С. 30 – 32].
5. URL:<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1697529898204600844&wfr=spider&for=pc>. html (дата обращения: 10. 03. 2022)

References

1. Astaf'ev V.P. Car'-ryba // AST. 1976. 246s.
2. 任毅.鄂温克民族文学《额尔古纳河右岸》中的女性形象.黑龙江民族丛刊 [Obraz zhenshhiny v jevenkijskoj nacional'noj literature "Pravyj bereg reki Argun"]. Hjejunczjanskaja jetnicheskaja serija. 2020. № (06). С. 150 – 155.
3. 杨正.阿斯塔菲耶夫与中国 –纪念俄罗斯作家维·阿斯塔菲耶夫诞辰 90 周年.俄罗斯文艺 [Jan Chzhjen. Astaf'ev i Kitaj – v chest' 90-letija so dnja rozhdenija russkogo pisatelja V.P. Astaf'eva. Russkaja literatura i iskusstvo. 2014. № (02). S. 77 – 83.
4. 周夏影.《鱼王》生态整体观中的宗教精神.新纪实 [Chzhou Sjain. Religioznyj duh v jekologicheskom ho-listicheskom predstavlennii "Car'-ryby". Novaja hronika. 2021. № (04). С. 30 – 32].
5. URL:<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1697529898204600844&wfr=spider&for=pc>. html (data ob-rashhenija: 10. 03. 2022)

*Wang Jiaojiao, Postgraduate,
Moscow Pedagogical State University*

**Analysis of the social status of women in "Tsar-fish" by V.P. Astafyev
and "The Right Bank of the Ergun River" by Chi Zijian**

Abstract: in the early 1980s, V.P.Astafyev had a significant influence on a number of significant young writers of the new era in China..." [3, p. 77]. Among them, the novel "Tsar-fish" has had the greatest influence on the Chinese literature. Chi Zijian, a contemporary writer in Northeast China, mentioned that when she was 20 years old, "there were two great Soviet works that I regard as magic luminaries: one was Astafyev's "Tsar-fish" and the other was Pasternak's Doctor Zhivago" (translation by the author of this article). Her work "The Right Bank of the Ergun River" won the 7th Mao Dun Literary Prize. There are clear traces of Russian cultural influence in this novel. As a female writer, Chi has portrayed a number of female characters from a unique perspective.

The social position of women in the novels "Tsar-fish" by V. P. Astafyev and "The Right Bank of the Ergun River" by Chi Zijian is examined. In his work, V. P. Astafyev denounced "masculine-centrism" in traditional culture. And the novel "The Right Bank of the Ergun River" embodies equal gender relations in which women are given more autonomy.

The Russian writer V.P. Astafyev and the Chinese writer Chi Zijian depict the image of women from different sides, all of them embody the writer's views on advocating equality between men and women, caring for nature and building a harmonious society. The analysis of these two works helps us understand the images of women in Chinese and Russian literature, which is necessary for developing cultural mutual understanding between China and Russia.

Keywords: Astafyev, Chi Zijian, "Tsar-fish", "The Right Bank of the Ergun River", the position of women in society, "masculine-centrism", equal gender relations

For citation: Wang Jiaojiao Analysis of the social status of women in "Tsar-fish" by V.P. Astafyev and "The Right Bank of the Ergun River" by Chi Zijian. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 64 – 67.

*Сюй Яо, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах

Аннотация: речь как один из самых важных видов речевой деятельности представлена в паремиологической картине мира весьма разносторонне. Это ёмкое понятие, охватывающее восприятие речи и ее продуцирование, речевое взаимодействие, языковое сознание и т.д. Актуальность данной работы определяется тем, что, во-первых, анализ паремиологических единиц проводится нами с использованием методов семантического и лингвокультурологического анализа; во-вторых, тем, что пословица – одна из наиболее культуроносных единиц любого языка и изучение паремий, вербализующих восприятие речи носителями культуры, позволяет выявить широкий спектр народных представлений о ней и вербализуемых в ПЕ установок. В статье проводится анализ пословичных единиц в рамках отдельных разрядов – первый составляют те выражения, что характеризуют манеру речи и восприятие ее внешней стороны; второй разряд – это изречения, в которых отражается взгляд на содержательную сторону речи. Третий – меньший – разряд составляют паремии, связанные с выбором адресата, собеседника. В результате анализа формулируются наиболее часто вербализуемые стереотипные представления – как об отрицательных сторонах речи (торопливости, бесцельности, «пустоте», опасной неосмотрительности в словах и др.), так и о положительных (продуманности, воздержанности и др.). Паремии содержат целый спектр рекомендаций относительно разумного и достойного речевого поведения.

Ключевые слова: русские пословицы, речь, лингвокультурологический аспект, стереотипные представления, внешнее оформление, содержание речи

Для цитирования: Сюй Яо Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 68 – 72.

Идея взаимосвязи языка и культуры, взятая современными исследователями на вооружение, сейчас определилась в основных позициях, определениях, терминах, методах изучения. В развитие лингвокультурологии, открывающей широкие перспективы для научных изысканий, внесли свой вклад В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, А.А. Потебня, Н.И. Жинкин, Н.И. Толстой, Ю. Лотман, Анна Вежбицкая и др. В основу этого направления положена ориентация «на комплексное исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена», а человек находится в центре этого изучаемого объекта [1, с. 31].

По мнению В.В. Воробьева, лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц для «понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [2, с. 84]. Лингвокультурология исходит из культуры, воплощаемой в языке, а ее задача – не обучить владению языком, а дать знание культуры носителей данного языка, обучить культуре через язык [3, с. 15].

Для изучения особенностей взаимодействия языка и культуры Е.И. Зиновьева и Пи Цзянькунь предлагают алгоритм лингвокультурологического анализа русских паремий на фоне китайских, включающий ряд этапов: определение значения паремии, выделение в ней ментальной установки лингвокультуры, описание ситуации употребления выражения, выявление образа, лежащего в основе единицы и т.д. [4, с. 19].

Пословичные единицы (ПЕ) активно привлекаются в качестве объекта анализа при выявлении лингвокультурных установок, стереотипных представлений, типичных для определённого этноса – в трудах [5], [6, 7, 8, 9, 10] и др. Ценность фразеологических единиц как обладающих культурно-национальной коннотацией подчёркивается в работе В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты». Она указывает на культурно-человеческий фактор как воздействующий на формирование фразеологизмов, отмечает проявление в них эталонов и стереотипов национальной культуры [11, с. 271].

Пословичная картина мира (ПКМ) особенно отмечена богатством стереотипных представлений народа о мире, отражением его социокультурного опыта. Она представляет собой «компактное вместилище опыта, своего рода упаковку этого опыта [12, с. 119]. Обращение к ПКМ помогает извлечению из языковых единиц культурно значимой информации, показывает особенности менталитета народа и его ценностные ориентиры.

Важность стереотипов в формировании и отражении наивной картины мира, в описании языковых и культурных явлений в настоящее время не подвергается сомнению. *Стереотипом* является «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные призна-

ки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [13, с. 48].

Паремии существуют в любом языке и – при наличии универсальных черт – отмечены в нём национально-культурным своеобразием. Различными могут быть образные средства языка, лексическое наполнение паремий, выражаемая идея, т.е. установка культуры, и ее трактовка, различны причины появления тех или иных единиц паремии. По мнению В.М. Мокиенко, пословицы и поговорки являются ядром национально-го сознания и постепенно становятся «мерилом духовности народа» [14, с. 251].

В данной работе мы обращаемся к ментальным стереотипам в их вербальном воплощении как проявлению языковой картины мира, обобщению наблюдений, получившему достаточно устойчивую вербальную реализацию.

Способность говорить, общаться и выражать свои мысли с помощью языка в паремике представлена достаточно широко – см., например, работы [15, 16, 17] и др., и интерес исследователей к концептуализации средствами языка речевых процессов и их особенностей неслучаен. ПЕ о языке и речи хранят знания о специфике речевого общения, дают ему оценку, предлагают рекомендации относительно правильного речевого поведения – например, *Не спеши языком, торопись делом; Говорил бы много, да сосед у порога*. Пословицы «обобщают знания о коммуникативном поведении, выражая одновременно его разноаспектную оценку» [18, с. 98]. Изучение паремий, вербализующих восприятие речи носителями культуры – как важнейшего вида человеческой деятельности, – позволяет выявить широкий спектр народных представлений и вербализуемых в ПЕ установок.

Отобранные нами из словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля [19] паремии (198 ПЕ) касаются параметров, связанных со способом осуществления речи и с ее содержательными характеристиками. Обратимся к отдельным разрядам ПЕ, связанных общим стереотипным представлением.

1. Значителен разряд ПЕ, характеризующих **внешнюю сторону речи**. Здесь одной из наиболее важных является лингвокультурная установка на **краткость** (*Слова хороши, если они коротки; Много слов – кладь для ослов, а короткое слово – украшение мира; Хороша верёвка длинная, а речь короткая*) и **немногословность**: *Во многих словах нет спасения; Доброму слушателю (Умному) немного слов; Много говорить – голова заболит; Знай больше, а говори меньше* и др.

Важно уметь слушать других, а не только говорить самому: *Слушай больше, а говори меньше; Говори с другом поменьше, а с собой – побольше (с другом – т.е. с другим); Мало говоря, больше услышишь*. Паремии указывают на **предпочтительность сдержанности, нечастого участия в беседе**: *Зажми рот и не говори год; Говори меньше, умнее будет; Меньше говорить, меньше согрешить (меньше греха) (меньше – т.е. ‘реже’)*. Прислушиваются к словам того, кто говорит мало, редко: *Где слова редки, там они вес имеют*.

Положительно оценивается **умение вовремя промолчать**: *Не говори, когда нужно молчать; Смолчать, что хорошее слово сказать*. Метафорическую вербализацию этого представления демонстрирует ПЕ *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое; Сказанное слово – серебро, а молчание – золото*. Любитель поговорить нередко может наговорить лишнего и поплатиться за это, о чём предупреждают ПЕ *Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Говоря не ошибешься, а молча не обмолвишься*.

Идея о **пользе слушания, противопоставляемого речам**, реализуется в паремике самыми разными способами: *Кто говорит, тот сеет, кто слушает, собирает; Красна речь слушаньем*;

Продолжительным разговорам лучше предпочесть полезное дело: *Кто мало говорит, тот больше делает; Поменьше бы слов, да побольше дела*.

Идея отрицания торопливости в разговоре представлена в ПЕ *Языком не торопись, торопись делом*; ирон. *Говорить – не работать, торопиться не надо*.

Отрицательно расценивается в ПЕ и **медлительность говорящего**, когда его трудно слушать: *Рот откроешь, а слово не приготовишь*. Этот мотив весьма разнообразно представлен в русских поговорках: *Слово по слову, что на лопате подает; Молоко скиснет, пока он слово вымолвит*.

2. Второй разряд составляют паремии, выражающие стереотипные представления относительно **содержания речи, беседы, разговора**. Так, в ПЕ выражена установка о необходимости **к содержанию разговора подходить с умом**: *Говори подумавши, садись осмотревшись; Умей сказать много в немногих словах*.

В беседе следует проявлять осмотрительность, внимание к содержанию: *Не все говори, что знаешь (т.е. ‘не всякой информацией следует делиться’); С ним говори, а в запас словечко покидай*. В ПЕ *Говорил бы много, да сосед у порога; Говори, да назад оглядывайся!* акцент делается на нежелательную возможность услышать разговор постороннему человеку.

Значительный ряд ПЕ говорит о необходимости **избегать поспешности в разговоре**, чтобы не пришлось жалеть о сказанном: *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Слово не воробей: вылетит – жди*

беды; Слово не воробей, не поймает за хвост, т.е. сказать что-то можно быстро, а исправить ситуацию порой невозможно; за сказанное приходится отвечать (ср. Давши слово – держись, а не давши – крепись!).

Особенно часто ПЕ **предупреждают о возможности сказать по неосмотрительности, невдержанности лишнее**: Бога благодари, а лишнего не говори; Говори да не заговаривайся (не проговаривайся!) и др. Это может навредить говорящему: Лишнее говорить – себе вредить (болячку беречь); Лишнее говорить – только делу навредить. Любитель поговорить нередко может наговорить лишнего и поплатиться за это, о чём предупреждают ПЕ *Говоря всего договоришься; Говоря не ошибешься, а молча не обмолвишься*. Паремиями отмечены и некоторые последствия словоохотливости: *Многая гóвóря всегда до стыда доводит; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Лишняя гóвóря сорома доводит; сором – ‘срам, позор’*.

Порицается в ПЕ **бессодержательность речи и бестолковость говорящего**: *Говорит много, а слушать нечего; Пустые слова – что орехи без ядра; Пустыми словами и оскомину можно набить; Много всего говорится, да не все в дело годится* (‘из сказанного лишь немного содержит полезную информацию’); ирон. *Долго не говорит – ум копит, а вымолвит (молвит, скажет) – слушать нечего* – «За многозначительным молчанием нет ожидаемой глубокой мысли». И, наоборот, позитивно оцениваются разумные речь и мысль: *Слово толковое стоит целкового*.

В ПЕ **отрицательно оцениваются необязательные, праздные беседы**: *Не с ветра говорится, что болтать зря не годится; Дело знай, а попусту не бай*.

Непродуманная речь воспринимается как **проявление глупости**, чреватое нежелательными последствиями: *Кто не подумав говорит, тот вечно вздор творит* ПЕ *Говорит – сам себя веселит* допускает различные трактовки: с одной стороны, ‘Человек говорит глупости – и самому смешно’, а с другой – ‘Характеризуется красноречием, которому важен сам факт речи; это проявление желания покрасоваться’.

Противопоставлены разговорчивым люди молчаливые: *Говорить беда, а молчать другая* – паремия, как кажется, допускает разные прочтения: «Болтун утомителен (‘это беда’), но и молчун не лучше». С другой стороны, ПЕ может указывать на ‘человека, у которого проблемы с речью, в тоя время как молчание нежелательно’.

По свидетельству ПЕ, расчет на разумного собеседника **исключает необходимость повторения уже сказанного**: *Про одни дрожжи не говорят трожды (трижды); Заладила сорока Якова одно про всякого и др.*

3. Отмечена в паремике и **необходимость выбирать собеседников**: *Говори с одними поменьше, а с другими побольше* – ‘научиться хорошему можно в разговоре с умным; с ним и следует беседовать’. Отмечено и восприятие речи умным человеком: *Умному немного слов; Умнога пошли – одно слово скажи; дурака пошли – три скажи, да и сам следом иди*.

Итак, даже небольшой фрагмент паремиологической картины мира, связанный с осуществлением в социуме речевой деятельности, позволяет увидеть, как воспринимается носителями русской культуры речь и ее разные аспекты.

Во-первых, совершенно очевидна важность участия в коммуникации – при этом спектр заключенных в паремиях рекомендаций достаточно широк.

Во-вторых, в пословицах используется достаточно широкая парадигма активных в паремиологическом пространстве компонентов – лексических средств русского языка, участвующих в репрезентации представлений о речи: *речь, болтать, молоть, говорить, толковать, сказать, баять, язык, слово, гóвóря* и др.

В-третьих, в проанализированных ПЕ выделяется несколько групп в зависимости от того, какие именно параметры речи характеризуются говорящими: форма изложения мысли – поспешность, медлительность и др., содержание сказанного, выбор собеседника и условий осуществления речи.

Так, негативно оцениваются бессодержательность и непродуманность речи, многословие и торопливость говорящего, подмена реальной деятельности пустыми разговорами. Позитивны беседы с умным человеком, разумный подход к речи, краткость, ясная передача мысли, воздержанность и неспешность беседы, хотя и чрезмерная медлительность также порицается. Паремии предупреждают о необходимости проявления в высказываниях осмотрительности.

Пословицы, таким образом, дают рекомендации относительно разумного и достойного речевого поведения – одного из важнейших в жизни человека.

Литература

1. Ковшова М.Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования // Славянские языки и культура: Материалы Межд. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. Знание. Язык. Культура / Отв. ред. В.Т. Бондаренко. Тула: ТПГУ им. Л.Н. Толстого, 2007. С. 30 – 33.
2. Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении // Слово и текст в диалоге культур. М., 2000. С. 84.
3. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. С. 182.
4. Зиновьева Е.И., Пи Цзянькунь Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 18 – 24.
5. Зиновьева Е.И., Цао Цзяци. Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки НовГУ. 2020. № 2 (27). С. 14 – 18.
6. Красных В.В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость // Матер. IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Докл. И сообщ. российских ученых. М., 1999. С. 266 – 271.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекции. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Матевосян Л.Б. Стереотипный пласт лингвокультурного сознания – основа продуцирования речи // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 49 – 55.
9. Огаркова А., Харитоновна И. Стереотипные представления об обучении в паремиях разных языков // Альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». 2018. № 1 (55). С. 145 – 150.
10. Селиверстова Е. И., Шан Вэньцин. Временная характеристика действия в русских и китайских пословицах сквозь призму понятия «слишком» // Известия Волгоградского гос. пед. университета. 2021. № 9 (162). С. 157 – 164.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 288.
12. Бредис М.А., Ломакина О.В. Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2018. № 4. С. 118 – 129.
13. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 48.
14. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л., 1986. 278 с.
15. Гутовская М.С. Концепт «Речь» в русской языковой картине мира и его место среди других понятий «народной лингвистики» // Вестник БДУ. Сер. 4. 2007. № 2. С. 63 – 70.
16. Селиверстова Е.И. О некоторых константах в паремике // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 66 – 70.
17. Суюнова Г.С., Татиева А.Б. Концепт «Речь» в русской паремиологии // Актуальные проблемы лингвистики. Сб. тр. конф. Павлодар: Павлодарский гос. пед. ин-т, 2015. С. 323 – 328.
18. Шумарина М. Р. Народная лингвистика в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2014. № 77. С. 98 – 101.
19. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1879. С. 42.

References

1. Kovshova M.L. «Kul'turnyj kod» kak jelement kul'turnoj interpretacii frazeologizmov v lingvokul'turologicheskoj paradigme issledovanija. Slavjanskije jazyki i kul'tura: Materialy Mezhd. nauch. konf.: v 2 t. T. 1. Znanie. Jazyk. Kul'tura. Otv. red. V.T. Bondarenko. Tula: TPGU im. L.N. Tolstogo, 2007. S. 30 – 33.
2. Vorob'ev V.V. Obshhee i specificheskoe v lingvostranovedenii i lingvokul'turovedenii. Slovo i tekst v dialoge kul'tur. M., 2000. S. 84.
3. Zinov'eva E.I. Lingvokul'turologija: ot teorii k praktike: uchebnik. SPb.: SPbGU; Nestor-Istorija, 2016. S. 182.
4. Zinov'eva E.I., Pi Czjan'kun' Parametry lingvokul'turologicheskogo analiza paremij odnogo jazyka na fone drugogo (na materiale russkih i kitajskih edinic. Kommunikativnye issledovanija. 2016. № 1 (7). S. 18 – 24.
5. Zinov'eva E.I., Cao Czjaci. Lingvokul'turograficheskoe opisanie russkih poslovic s komponentom-nazvaniem nasekomogo (na fone kitajskogo jazyka). Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 2 (27). S. 14 – 18.
6. Krasnyh V.V. Stereotipy: neobhodimaja real'nost' ili mnimaja neobhodimost'. Mater. IX Kongressa MAPR-JaL. Bratislava, 1999 g.: Dokl. I soobshh. rossijskih uchenyh. M., 1999. S. 266 – 271.

7. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: kurs lekcii. M.: Gnozis, 2002. 284 s.
8. Matevosjan L.B. Stereotipnyj plast lingvokul'turnogo soznanija – osnova producirovanija rechi. Mir russkogo slova. 2016. № 1. S. 49 – 55.
9. Ogarkova A., Haritonova I. Stereotipnye predstavlenija ob obuchenii v paremijah raznyh jazykov. Al'manah «JeTNODIALOGI». 2018. № 1 (55). S. 145 – 150.
10. Seliverstova E. I., Shan Vjen'cin. Vremennaja karakteristika dejstvija v russkij i kitajskih poslovicah skvoz' prizmu ponjatija «slishkom». Izvestija Volgogradskogo gos. ped. universiteta. 2021. № 9 (162). S. 157 – 164.
11. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M., 1996. S. 288.
12. Bredis M.A., Lomakina O.V. Toponim kak komponent poslovicey: k probleme semanticheskij jekvivalentnosti (na materiale russkij, latyshskih, litovskih, pol'skih, nemeckih, francuzskih, anglijskih, finskih i tadzhikskih paremij). Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Sla-vjanskij) universitet). 2018. № 4. S. 118 – 129.
13. Bartmin'skij E. Jazykovoju obraz mira: ocherki po jetnolingvistike. M., 2005. S. 48.
14. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi. L., 1986. 278 s.
15. Gutovskaja M.S. Koncept «Rech'» v russkoj jazykovoju kartine mira i ego mesto sredi drugih ponjatij «narodnoj lingvistiki». Vestnik BDU. Ser. 4. 2007. № 2. S. 63 – 70.
16. Seliverstova E.I. O nekotoryh konstantah v paremike. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 54. S. 66 – 70.
17. Sujunova G.S., Tatieva A.B. Koncept «Rech'» v russkoj paremiologii. Aktual'nye problemy lingvistiki. Sb. tr. konf. Pavlodar: Pavlodarskij gos. ped. in-t, 2015. S. 323 – 328.
18. Shumarina M. R. Narodnaja lingvistika v russkij poslovicah i pogovorkah. Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta. 2014. № 77. S. 98 – 101.
19. Dal'. V.I. Poslovicey i pogovorki russkogo naroda. M., 1879. S. 42.

*Xu Yao, Postgraduate,
Saint Petersburg State University*

Stereotypical ideas of speech reflected in Russian proverbs

Abstract: speech as one of the most important types of speech activity is presented in the paremiological picture of the world in a very versatile way. This is a capacious concept that covers the perception of speech and its production, speech interaction, linguistic consciousness, etc. The relevance of this work is determined by the fact that, firstly, the paremiological units are analyzed by the methods of semantic and linguoculturological analysis; secondly, the proverb is one of the most cultural-bearing units of any language, and the study of proverbs that verbalize the perception of speech by the bearers of culture makes it possible to identify a wide range of the popular ideas about it and the attitudes that verbalized in Proverbial units. The article analyzes proverbial units in separate categories - the first one contains those expressions that characterize the manner of speech and the perception of its external side; the second one contains the sayings that reflect a point of view of the content side of speech. The third- smaller category is made up of proverbs associated with the choice of the addressee, the interlocutor. As a result of the analysis, the most frequently verbalized stereotypical ideas are the ones about the negative aspects of speech (hurriedness, aimlessness, "emptiness", dangerous indiscretion in words, etc.), and the ones about the positive ones (thoughtfulness, restraint, etc.). Paroemias contain a whole range of recommendations regarding reasonable and dignified speech behavior.

Keywords: Russian proverbs, speech, linguoculturological aspect, stereotypical representations, external design, speech content

For citation: Xu Yao Stereotypical ideas of speech reflected in Russian proverbs. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 68 – 72.

*Кутеко Д.А., аспирант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами italiano neostandard

Аннотация: в статье рассматривается функционирование дискурсивных маркеров в комедиях итальянских авторов XVI века с опорой на классификацию дискурсивов К. Бодзанеллы. Задачей исследования является дать обоснованный ответ на вопрос, является ли использование дискурсивных маркеров инновативным феноменом, характерным для современной стадии развития итальянского языка – italiano neostandard. Новизна работы заключается в материале исследования: итальянские комедии XVI века ранее не становились предметом лингвистического анализа, однако представляются ценным источником, поскольку имитируют спонтанную устную речь. Это позволяет сравнить неформальный регистр итальянского языка XVI века и современной стадии развития, изучение феноменов и истоков которой является неизменно актуальным. Проанализированные дискурсивные маркеры (poi, dunque, adunque, allora, ecco, appunto и др.) используются в текстах комедий довольно активно, однако преимущественно в речи малообразованных персонажей – слуг, кормилиц, служанок. То, что они прочно вошли в новую норму итальянского языка (italiano neostandard), свидетельствует о процессе рестандартизации идиома, в результате которого прескриптивная норма становится дескриптивной и описывает явления, характерные для живого устуса. Материалы и выводы исследования могут применяться в теоретических и практических курсах итальянского языка.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, italiano neostandard, итальянский язык XVI века, рестандартизация, итальянский комический театр, дискурсивы в комическом театре

Для цитирования: Кутеко Д.А. Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами italiano neostandard // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 73 – 78.

Введение

Дискурсивные маркеры являются полифункциональными прагматическими единицами (словами или целыми выражениями), которые разграничивают и структурируют отдельные части дискурса, вводят дополнительную информацию, выражают отношение говорящего и способствуют обеспечению логической внутритекстовой связи [1, с. 160; 3, с. 11; 5, с. 1]. Широкое употребление дискурсивов является важнейшей характеристикой организации сообщения любого речевого регистра, однако особенно активно подобные маркеры используются в ситуациях неформальной коммуникации [9, сс. 80].

Выделение дискурсивных слов происходит не по лексическому или морфологическому принципу, но в зависимости от их семантики и функций [12, с. 122]. Трудности классификации возникают преимущественно из-за полифункциональности и очень размытого значения (а сложность анализа функционирования дискурсивных слов в диахронном аспекте связана ещё и с недостаточностью материалов, поскольку исключительно по письменным источникам невозможно составить полное впечатление о дискурсе [4, с. 90], а также в связи с десемантизацией, в результате которой значение маркера практически сливается с контекстом. Эти два признака – полифункциональность и десемантизация – в большинстве работ и относят к основным критериям выделения дискурсивов [1, с. 160].

В итальянском языке присутствие таких дискурсивных маркеров, как «diciamo» (скажем), «sì» (да), «bene» (хорошо, ладно), «ecco» (вот), «per esempio» (например), «cioè» (то есть), «guarda» (смотри), «ascolta», «senti» (слушай, послушай), «dico» (говорю) и т.п. связывают с феноменом italiano neostandard. Данным термином называют кодифицированную, наддиалектную, полифункциональную форму языка, обладающую стилистической дифференциацией и большей степенью вариативности по сравнению с italiano standard [6, с. 32; 7, с. 10].

Этот новый виток в развитии идиома связан с тем, что до объединения Италии языком первичной коммуникации всех жителей будущего итальянского государства были многочисленные диалекты родных регионов [8, с. 155]. Политическая унификация страны была сопряжена с правительственными мерами, направленными на распространение и популяризацию единого национального языка. Так, на всей территории страны стало обязательным школьное образование на итальянском языке, была введена военная служба в отдаленных от родного регионов, распространялись средства массовой информации [6, с. 33].

Всё вышеперечисленное действительно способствовало расширению спектра функций итальянского языка и постепенному вытеснению диалектов, однако в силу прескриптивного характера нормы идиом раз-

вивался согласно собственным законам, постепенно трансформируясь под влиянием региональных вариантов. В настоящий момент *italiano neostandard* характеризуется инновативными явлениями в области морфологии, синтаксиса, фонетики и прагматики. Использование дискурсивных маркеров относят к прагматическим инновациям, отмечая, что в нормированном варианте *italiano standard* их употребление было довольно ограниченным и не поощрялось [7, с. 26].

В связи с этим представляется парадоксальным наличие широкого ряда дискурсивных маркеров, распространённых на современной стадии развития языка, в текстах комедий итальянских авторов XVI века. Возникает вопрос, можно ли считать тенденции *italiano neostandard* инновативными или же происходит процесс рестандартизации, при котором черты сниженного узуса кодифицируются и норма становится дескриптивной? Целью данной работы является дать обоснованный ответ на этот вопрос, проанализировав употребление и функции дискурсивных слов в комедиях итальянских авторов XVI века.

Методы и принципы исследования

Временная дистанцированность в диахроническом исследовании не позволяет осуществлять личные опросы информантов и работать с какими-либо источниками, кроме письменных. В связи с этим ценным материалом для исследования представляются тексты комедий итальянских авторов XVI века. Для создания комического эффекта они имитируют спонтанную устную речь (такой феномен получил название «*parlato-recitato*» [13, с. 129]), поэтому дают возможность проанализировать неформальный регистр речи.

Для полноты и достоверности анализа были рассмотрены комедии уроженцев северных, центральных и южных регионов Италии. Таким образом в исследовании учитывается крайне важная для итальянского государства диалектная география. Центральные регионы представлены комедиями кардинала Бернардо Довици Биббиены «Каландрия» («*La Calandria*», 1513), уроженца Лукки Агостино Рикки «Три тирана» («*I tre tiranni*», 1530) и римлянина Франческо Бело «Педант» («*Il Pedante*», 1538), северные – пьесами венецианца Джироламо Парабоско «Ночь» («*La Notte*», 1546) и аретинца, получившего образование и творившего на севере Италии, Пьетро Аретина «Таланта» («*La Talanta*», 1588), южные – произведениями неаполитанских авторов Джордано Бруно «Подсвечник» («*Il Candelaio*», 1582) и Джамбаттиста делла Порта «Служанка» («*La Fantesca*», 1598). Речевая характеристика персонажей в этих творениях является одним из главных способов создания комического эффекта. Кроме того, все они принадлежат к жанру учёной комедии, на основе которой впоследствии развилась популярная и по сей день комедия дель арте.

Существует множество классификаций дискурсивных маркеров, выполненных в различные периоды и применительно к разным языкам. Поскольку в данном исследовании проводится анализ источников на итальянском языке, в качестве методологической базы была выбрана классификация дискурсивных маркеров итальянского филолога Карлы Бадзанеллы [10, с. 455], в которой маркеры разделены на три группы: дискурсивы взаимодействия (*funzione interazionale*), метатекстовые дискурсивы (*funzione metatestuale*) и когнитивные дискурсивы (*funzione cognitiva*). В рамках каждой из групп можно выделить дополнительные подгруппы в зависимости от функции и оттенка значения дискурсива, о чём пойдёт речь дальше.

Анализ материала

Дискурсивные маркеры первой группы, которую выделяет Бадзанелла (а именно – дискурсивы взаимодействия), подчёркивают дейктическую привязку высказывания к месту, времени или субъектам, связанным с высказыванием. Так, например, собеседник может прерывать говорящего или же пояснять сообщения дискурсивами вроде «*cioè*» (то есть), повторно представляя мысль другими словами: “*Prudenzio. Dite pur, ché ve promettemo una bona bibalia. Repetitore. Cioè, una buona mancia*” [15, с. 158].

Ответом на дискурсивы говорящего (“*Fulvia. O il cielo o il peccato mio o la malignità dello spirito che stato si sia, non so...*” [18, с. 62]) являются сигналы обратной связи (*back-channels*) со стороны собеседника. Они служат для того, чтобы подчеркнуть вовлечённость собеседника в процесс коммуникации и подтвердить сохранение внимания. Дискурсивы-фатизмы (то есть те, которые связаны с установлением или поддержанием контакта) из уст как говорящего, так и собеседника нередко подчёркивают общие (или же считающиеся таковыми) знания участников коммуникации: “*Sanguino. <...> Li errori bisogna che si castigino, sai tu?*” [16, с. 130], “*Lidio femina. <...> per ciò che, credendosi Perillo, come sapete, che io maschio sia, me ama tanto che vuol darmi per moglie Verginia...*” [18, с. 25].

Отдельно в этой группе следует выделить дискурсивы, выражающие согласие или подтверждение: “*Bonifacio. Eh, messer Scaramurè, vedete dove sono io?*” [16, с. 123], “*Samia. Eh! Lidio, tu vuoi straziarmi, sí?*” [18, с. 26], “*Samia. Discretamente fai, certo*” [18, с. 26]. Как правило, они включают в себя дополнительный оценочный элемент эмоционального наполнения (например, выражают поощрение или надежду).

Метатекстовые дискурсивные маркеры можно разделить на три подгруппы. Во-первых, демаркативы, служащие для разграничения частей текста и отступлений (“*Marta. <...> Poi, non so che si borbottasse, guardando le casce e voltando il viso ascrigni*” [16, с. 39]), “*Pontio. <...> a proposito del tuo padrone, che disse:*

aspettami, Scrocca” [14, с. 23]), а также заключения и подведения итога (“*Manfurio. Dunque, poca stima fate di mio Marte e di mia Minerva*” [16, с. 45], “*Luzio. Guarda pur che tu non me dichi le bugie, che il mastro me voglia e poi non sia lo vero*” [15, с. 145], “*Pitio. <...> insomma la indole de la sua mansuetudine*” [14, с. 25]).

Во-вторых, фокализаторы, с помощью которых выделяется тот или иной элемент: “*Malfatto. Ecco, io vengo*” [15, с. 116], “*Orfinio. <...> ella è proprio soggetto da punire le mie colpe*” [14, с. 30]. Причем в комедиях частица «ессо» особенно часто используется для отсылки к новому персонажу [2, с. 198]: “*Panurgo. Ecco il servo, che ho mandato per esse*” [17, с. 27] и нередко употребляется вместе с объектным местоимением: “*Fessenio. <...> Ed eccolo che già torna*” [18, с. 31], “*Cornacchia. <...> ma eccolo a punto che vien fuor di casa*” [19, с. 33], “*Pontio. Eccovi il templum pacis*” [14, с. 11].

В-третьих, различные индикаторы перефразирования: “*Ceca serva. <...> E sai che molte fiate me ne ha parlato quel suo servitore di questa cosa, cioè de l'onor mio*” [15, с. 97], “*Prudenzio. <...> Altrimenti, pensati che quolibet die io te nne darò uno*” [15, с. 115]).

В рамках когнитивных дискурсивных маркеров также можно выделить три подгруппы: процессуальные дискурсивы, эпистемические маркеры, выражающие большую или меньшую степень уверенности говорящего (“*Calandro. Certo, no, ch'io non la veggo*” [18, с. 44]), и дискурсивы-усилители (“*Prudenzio. Dite pur, ché ve promettemo una buona bibalia*” [15, с. 86]). Особенно частотными оказываются процессуальные маркеры, в их функции нередко оказывается полифункциональное слово «allora»: “*Marta. <...> Allora giocavamo a gamba a collo, alla strettola, a infilare, a spaccafico, al sorecillo...*” [16, с. 91]. Впрочем, основной его функцией является хезитативная – этот дискурсив употребляется для заполнения пауз в речи, выражения нерешительности и раздумья: “*Calonide. Io te lo dissi, allora, che non s'è fatto nulla di Filocrate né s'è per far...*” [20, с. 260].

С точки зрения порядка слов позиция дискурсивов свободная: они могут находиться как в начале (“*Adunque, io sarò la serva*” [18, с. 57]), так и в середине (“*O camina, adunque; e torna tosto*” [15, с. 122]) или конце высказывания (“*Ché non lo dici, adunque?*” [15, с. 127]).

Как в italiano neostandard, так и в текстах комедий итальянских авторов XVI века дискурсивные маркеры могут быть выражены союзами (“*Ma che ce di' tu?*” [18, с. 27]), междометиями (“*Ah lingue viperee, defloratore de l'onor nostro!*” [15, с. 122]), наречиями (“*Va', poi, impacciati con pazzi, tu!*” [18, с. 42], “*ch'è più d'un mese ch'io veggio, appunto come or veggio te, una gran fame*” [20, с. 305]), глагольными формами (“*Ma guarda che tu non lo dica, poi?*” [18, с. 56]) и целыми выражениями (“*A dirvi il vero, per ingannare la brigata*” [18, с. 42]).

Этот класс слов не вносит существенного вклада в информационную ценность и смысловую нагрузку высказывания и всегда соотнесен с коммуникативной ситуацией, что особенно ярко проявляется в тех случаях, когда в роли дискурсивных маркеров выступают глаголы в форме настоящего времени: “*Fora. Pigliate i vostri denari, pigliategli, dico*” [14, с. 52], “*Narticoforo. Ascolta, che non so come puoi tu vivere senza saper questo*” [17, с. 51]. Впрочем, эта группа дискурсивных маркеров в текстах итальянских комедий XVI века пока ещё является самой немногочисленной.

Заключение

Дискурсивные маркеры имеют длительную историю и широко употреблялись в ситуациях неформальной коммуникации уже в XVI веке. Их присутствие в равной степени характерно для всей территории Италии, независимо от региона. Вероятнее всего выбор тех или иных дискурсивов обусловлен стилистическими предпочтениями автора текста. Так, даже в пределах Тосканы дискурсив «*appunto*» встречается (и причём довольно часто) только в комедии Агостино Рикки, несмотря на одно и то же десятилетие написания всех проанализированных пьес, принадлежащих авторам из этого региона. Аналогичным образом практически не используется наречие «*altrimenti*».

Конечно, на современной стадии развития итальянского количество лексем, употребляемых в роли дискурсивов, увеличилось (так, стало гораздо больше отглагольных дискурсивных маркеров вроде «*carisci*», «*dici*» или «*guarda*»), расширилось значение некоторых дискурсивов (например, *allora* может употребляться в каждой из функций, выделенных Карлой Бадзанеллой), но в целом в текстах комедий XVI века уже прослеживаются все тенденции, получившие развитие в italiano neostandard: и на текущем этапе, и пять веков назад дискурсивные маркеры обладают высокой степенью полифункциональности; выражаются союзами, междометиями, наречиями, глаголами и словосочетаниями; употребляются в предложении независимо от позиции: в начале, в середине или в конце.

Отдельного внимания заслуживают производные от глаголов речи дискурсивные слова (i segnali del dire). Как правило, они имеют функцию усилителя, маркера возврата к затронутой ранее теме или же фокализатора. В исследованиях, посвящённых функционированию подобных дискурсивов, принято считать, что «*dico*» не употребляется в данной роли ранее XVII века и форма впервые встречается в качестве дискурсива

в протокольных записях спонтанной речи [9, с. 90]. Однако, на наш взгляд, в комедиях XVI века уже наблюдается это явление (хотя пока ещё действительно не очень активно) – таким образом, едва ли может считаться инновативным.

Причём в комическом театре обилие дискурсивных слов характерно скорее для речи героев более низкого социального происхождения (слуг, кормилиц, паразитов), являясь, таким образом, ярким средством речевой характеристики персонажей. Это наблюдение очень важно, поскольку позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе в норму входят явления, изначально очень далёкие от нормативных. Соответственно, итальянский язык претерпевает процесс рестандартизации, при котором прескриптивный характер нормы меняется на дескриптивный, и правила языка наконец начинают соответствовать узусу носителей живого разговорного итальянского языка, а истоки считающихся инновативными тенденций можно найти и на более ранних этапах развития идиома.

Литература

1. Жолудева Л.И. Дискурсивный маркер *disco* в итальянском языке XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 159 – 169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-marker-dicov-italyanskom-yazyke-xvi-veka/viewer> (дата обращения: 10.03.2023)
2. Марченко Е.Г. Имитация спонтанной устной речи в пьесах сиенских комедиографов XVI века // *Stephanos*. 2019. № 4. С. 197 – 203.
3. Хачатурян Е.В. Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке: дис. ... канд. филолог. наук. М., 2000.
4. Школьникова О.Ю. Дискурсивное слово *donc/dunque* как функциональный преемник латинских дискурсивов (на примере французских и итальянских средневековых переводов «Солилоквиий бл. Августина») // *Stephanos*. 2015. № 6 (14). С. 89 – 96. URL: http://www.stephanos.ru/izd/2015/2015_14_4.pdf (дата обращения: 10.03.2023)
5. Шугаева А.С. Дискурсивные маркеры как механизм текстопостроения [Электронный ресурс] // *Огарёв-Online*. 2020. № 6. С. 3. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroeniya> (дата обращения: 10.03.2023)
6. Berruto G. What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical*. 2017. P. 31– 60.
7. D’Achille P. *L’italiano contemporaneo*. Bologna: Mulino, 2018.
8. D’Onghia L. *Drammaturgia // Storia dell’italiano scritto*. A cura di G. Antonelli, M. Motolese, L. Tomasin. Roma: Carocci, 2014. Vol. 2 Prosa letteraria. P. 153 – 202.
9. Bazzanella C., Dardano M. et al. *Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto // Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti*. Roma: Casa editrice Aracne. 2001. P. 79 – 97.
10. Bazzanella C. Discourse markers in Italian: towards a “compositional” meaning, in *Approaches to discourse particles*, edited by K. Fischer, Amsterdam, Elsevier, 2006. P. 449 – 464.
11. Migliorini B. *Storia della lingua italiana, introduzione di Ghino Ghinassi, Bompiani*. 2019.
12. Molinelli P. Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica // *Linguistica e Filologia*. 2017. Vol. 37. P. 121 – 155.
13. Nencioni G. *Parlato-parlato, parlato-scritto, parlato-recitato // Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici*. Bologna: Zanichelli, 1983. P. 126 – 179.
14. Aretino P. *La Talanta*. Rizzoli, 1956. URL: <https://docplayer.it/364825-Pietro-aretino-la-talanta.html> (дата обращения: 10.03.2023)
15. Belo F. *Il Pedante // Commedie del Cinquecento / A cura di I. Sanesi*. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. P. 83 – 163.
16. Bruno G. *Il Candelaio*. G. Daelli e Comp., Milano, 1863. – URL: (дата обращения: 10.03.2023)
17. Della Porta G. *La Fantasca*. Sessa, Venezia, 1597. URL: https://books.google.ru/books?id=19dgAAAACAAJ&pg=PA2&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.03.2023)
18. Dovizi B. (Bibbiena) *La Calandria // Commedie del Cinquecento / A cura di I. Sanesi*. Bari: Laterza, 1912. Vol. I. P. 1 – 82.

19. Parabosco G. La Notte. Tomaso Botietta, Venetia, 1546. URL: https://books.google.ru/books?id=IL1dAAAACAAJ&pg=PA2&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.03.2023)

20. Ricchi A. I tre tiranni // *Commedie del Cinquecento* / A cura di I. Sanesi. Bari: Laterza, 1912. Vol. I. P. 163 – 311.

References

1. Zholudeva L.I. Diskursivnyj marker dico v ital'janskom jazyke XVI veka. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2019. T. 18. № 1. S. 159 – 169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-marker-dicov-italyanskom-yazyke-xvi-veka/viewer> (data obrashhenija: 10.03.2023)

2. Marchenko E.G. Imitacija spontannoj ustnoj rechi v p'esah sienskih komediografv XVI veka. Stephanos. 2019. № 4. S. 197 – 203.

3. Nachaturjan E.V. Semantika i sintaktika diskursivnyh slov glagol'nogo proishozhdenija v sovremennom ital'janskom jazyke: dis. ... kand. filolog. nauk. M., 2000.

4. Shkol'nikova O.Ju. Diskursivnoe slovo donc/dunque kak funkcional'nyj preemnik latinskih diskursivov (na primere francuzskih i ital'janskih srednevekovyh perevodov «Solilokvij bl. Avgustina»). Stephanos. 2015. № 6 (14). S. 89 – 96. URL: http://www.stephanos.ru/izd/2015/2015_14_4.pdf (data obrashhenija: 10.03.2023)

5. Shugaeva A.S. Diskursivnye markery kak mehanizm tekstopostroeniya [Jelektronnyj resurs]. Ogarjov-Online. 2020. № 6. S. 3. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroeniya> (data obrashhenija: 10.03.2023)

6. Berruto G. What is changing in Italian toady? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical*. 2017. P. 31– 60.

7. D'Achille P. *L'italiano contemporaneo*. Bologna: Mulino, 2018.

8. D'Onghia L. *Drammaturgia. Storia dell'italiano scritto*. A cura di G. Antonelli, M. Motolese, L. Tomasin. Roma: Carocci, 2014. Vol. 2 Prosa letteraria. P. 153 – 202.

9. Bazzanella C., Dardano M. et al. Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto. *Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti*. Roma: Casa editrice Aracne. 2001. P. 79 – 97.

10. Bazzanella C. Discourse markers in Italian: towards a “compositional” meaning, in *Approaches to discourse particles*, edited by K. Fischer, Amsterdam, Elsevier, 2006. P. 449 – 464.

11. Migliorini B. *Storia della lingua italiana, introduzione di Ghino Ghinassi, Bompiani*. 2019.

12. Molinelli P. Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica. *Linguistica e Filologia*. 2017. Vol. 37. P. 121 – 155.

13. Nencioni G. *Parlato-parlato, parlato-scritto, parlato-recitato. Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici*. Bologna: Zanichelli, 1983. P. 126 – 179.

14. Aretino P. *La Talanta*. Rizzoli, 1956. URL: <https://docplayer.it/364825-Pietro-aretino-la-talanta.html> (data obrashhenija: 10.03.2023)

15. Belo F. *Il Pedante. Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. P. 83 – 163.

16. Bruno G. *Il Candelaio*. G. Daelli e Comp., Milano, 1863. – URL: (data obrashhenija: 10.03.2023)

17. Della Porta G. *La Fantesca*. Sessa, Venezia, 1597. URL: https://books.google.ru/books?id=19dgAAAACAAJ&pg=PA2&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (data obrashhenija: 10.03.2023)

18. Dovizi B. (Bibbiena) *La Calandria*// *Sommedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Bari: Laterza, 1912. Vol. I. P. 1 – 82.

19. Parabosco G. La Notte. Tomaso Botietta, Venetia, 1546. URL: https://books.google.ru/books?id=IL1dAAAACAAJ&pg=PA2&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (data obrashhenija: 10.03.2023)

20. Ricchi A. I tre tiranni. *Commedie del Cinquecento*. A cura di I. Sanesi. Bari: Laterza, 1912. Vol. I. P. 163 – 311.

*Kuteko D.A., Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University*

**Discursive markers in comedies of Italian authors of the XVI century
in comparison with the phenomena of italiano neostandard**

Abstract: the article examines the functioning of discursive markers in comedies of Italian authors of the XVI century based on the classification of discursives by K. Bodzanella. The aim of the study is to give a reasonable answer to the question whether the use of discursive markers is an innovative phenomenon characteristic of the modern stage of development of the Italian language – italiano neostandard. The novelty of the work is represented by the research material: Italian comedies of the XVI century had not previously become the subject of linguistic analysis, but they are a valuable source as they imitate spontaneous oral speech. It allows to compare the informal register of the Italian language of the XVI century and the modern stage of development. The analyzed discursive markers (*poi, dunque, adunque, allora, ecco, appunto, etc.*) are widely used in the texts of comedies, but mainly in the speech of poorly educated characters – servants, nurses, maids. The fact that they have firmly entered the new norm of the Italian language (italiano neostandard) indicates the process of restandardization of the idiom, as a result of which the prescriptive norm becomes descriptive and describes the phenomena characteristic of the living usage. The conclusions of the article can be used in theoretical and practical courses of the Italian language.

Keywords: discursive markers, italiano neostandard, the Italian language of the XVI century, restandardization, Italian comic theater, discourses in the comic theater

For citation: Kuteko D.A. Discursive markers in comedies of Italian authors of the XVI century in comparison with the phenomena of italiano neostandard. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 73 – 78.

*Прокофьева И.О., кандидат филологических наук, доцент,
Осипова А.М.,
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы*

**Художественное своеобразие лирики Юрия Татаренко
(на материале поэтического сборника «Новости-Бирск»)**

Аннотация: в данной статье раскрывается художественное своеобразие лирики новосибирского поэта Юрия Татаренко на материале его поэтического сборника «Новости-бирск», в котором явно сохраняются художественные черты его предыдущих сборников и формируются новые тенденции творчества современного художника. Проблема самоидентификации лирического героя, его постоянная рефлексия на тему своего места в поэзии – одна из центральных в сборнике «Новости-бирск». Рефлексия лирического героя связана и с критическим осмыслением своих поступков, мыслей и всевозможных жизненных ситуаций, описанных в стихах. Темы любви, философских размышлений о бытии и творчестве, Крыма и времен года, встреч и расставаний; мотивы движения, странничества, путешествия, дороги – доминирующие темы и мотивы сборника «Новости-бирск». Ю.А. Татаренко – поэт-изобретатель, склонный к каламбурам, языковой игре, созданию ярких авторских неологизмов, остроумно использующий интертекстуальные связи (прямые и скрытые цитаты, аллюзии, сопряжённые с историческими, литературными, общекультурными реалиями современности), которые реализуют игровое начало в лирике поэта. Парадоксальность и афористичность, оригинальные словесные новации, изощрённая игра смыслов, созвучий – важная черта поэтики лирики новосибирского автора. Всё это позволяет отнести творчество Ю. Татаренко к постмодернизму и к метапоэтической школе. Стихи поэта рождаются из стихов, это в свою очередь формирует главную внутреннюю установку лирики автора: чтобы больше писать, необходимо больше читать и весь мир – повод для написания стихов. Ещё одним качеством метапоэтики Ю. Татаренко является отсутствие прозрачности смысла его стихов, их внешняя «нелогичность», так как автору удаётся говорить о предмете зачастую языком самого предмета.

Ключевые слова: современная поэзия, индивидуальный лирический голос, интертекстуальность, метапоэтика, проблема самоидентификации лирического героя, новые формы поэтического самовыражения, каламбур, языковая игра

Для цитирования: Прокофьева И.О., Осипова А.М. Художественное своеобразие лирики Юрия Татаренко (на материале поэтического сборника «Новости-Бирск») // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 79 – 82.

Сборник стихов Ю. Татаренко 2020 года «Новости-бирск» вобрал в себя и новые стихи, созданные автором за двухлетний период и те лучшие тенденции поиска своего поэтического языка, которые уже обозначились в предыдущих его сборниках («Чтонаторительный падеж» 2012 г., «Грусть винограда» 2014 г., «Две рифмы» 2017 г., «В 7-70 утра» 2018 г.).

Критик Константин Комаров в рецензии на сборник «Новости-бирск» относит Ю. Татаренко к типу поэтов-изобретателей, о чем свидетельствует склонность к языковой игре, каламбурам, созданию неологизмов. По мнению рецензента, это самая яркая черта художественного языка данного поэта. В сборнике отмечается присутствие большого количества остроумных словесных новаций, изощрённой игры смыслов, созвучий. Но эти приемы не самодостаточны, игра слов для Ю. Татаренко – способ раскрытия лирического начала. Такова же роль и парадоксальности художественного мышления поэта, она не самоцель, а средство для реализации принципа «сопряжения далековатых идей». Кроме того, языковые находки – это повод для проявления детского начала, детского видения мира, стихийной радости, да и многие неологизмы и каламбуры напоминают детское словотворчество [2].

Одновременно с детским мироощущением критик отмечает интонации зрелого эгизма, ощущения маэты, неприкаянности, печали. На пересечении этих двух потоков, детского и эгического, и формируется индивидуальный лирический голос Ю. Татаренко по мнению Константина Комарова.

Важнейшим мотивом сборника является мотив дороги, путешествия, в котором как раз эти векторы и сходятся – «перемещаясь в пространстве, лирический герой рефлексировал над впечатлениями без отрыва от их непосредственного накопления». Тем самым поэзия соединяет конкретику с абстракцией в «единую динамическую ткань художественных образов».

В сборнике исторические, литературные, общекультурные аллюзии насыщены реалиями современности, упоминаются названия футбольных клубов, имена популярных исполнителей и прочие. И одновременно

эта поэзия не впадает в публицистичность, «журнализм» проявляется за счет того, что сиюминутное «подсвечивается» вечным. Главное для автора – вечные темы, вневременное переживание – смены времён года, встреч и расставаний – «всего того «вороха», который и составляет жизнь, смысл которой придаёт поэзия» [2].

Дмитрий Артис в начале своей рецензии о книге «Новости-бирск» высказывает удивление по поводу того, что данный сборник действительно стихотворный, в нем собраны не тексты для нот, а стихи изначально музыкальные [1].

Определяя «место» этих стихов на поэтической карте современной отечественной поэзии, критик относит их к метапоэтической школе, «где обречённость и личностные трагедии рассматриваются через призму самоиронии» [1]. В сборнике отсутствует «природа насмешки» над окружающей действительностью, а также «пафос средней полосы», в нем много сибирских мотивов, «сибирской ухмылки, обращённой к себе».

Поэтику Юрия Татаренко критик делит на две части: «я» – автора и «я» – текста, лирику автора и лирику поэзии как таковую. Эти два «я», по мнению Д. Артиса, постоянно полемизируют, конфликтуют, но являются частью единого целого, как тень человека и сам человек.

Лирический герой, которого критик намеренно называет автором, сознательно запутывает себя, мучается в безысходности, чтобы затем получить возможность рефлексии, возможность оценить свои действия, поступки, мысли в критической ситуации.

Другой творческой особенностью поэзии Ю. Татаренко Д. Артис считает постмодернизм, когда стихи рождаются из стихов. Действительно, в сборнике много поэтических цитат, которые сами становятся стихами. Отсюда вырастает и внутренняя установка творчества: чтобы больше писать, необходимо больше читать. Одновременно с чтением лирический герой слушает мир, в сборнике много сиюминутных мелочей, а весь мир превращается в повод для написания стихов.

Еще одним качеством метапоэтики критик считает затемнение смысла стихотворений, отсутствие прозрачности в процессе организации смысла. Объясняет он эту внешнюю «нелогичность» тем, что автор говорит о предмете языком самого предмета.

Основной мотив сборника – движение, стихи пишутся по ходу движения, они вырастают из движения. Соответственно, лирический герой всегда на вокзале, в поезде, самолете, он записывает стихи и идет дальше. Отсюда, по мнению исследователя, торопливость, ритм бега, прыжки от темы к теме. Половину книги критик относит к экспромтам, стихам по случаю, своеобразной «летописи времени». И ещё одна проблема сборника – проблема самоидентификации лирического героя, который постоянно рефлексировал на тему своего места в поэзии.

Слишком много места, по мнению Д. Артиса, в сборнике уделяется «подростковой» теме «как пишутся стихи», неуместному панибратству. Внешний шум, звуки эпохи «приземляют» тематику поэтического сборника. «Но что делать?» – спрашивает критик, и сам же отвечает – «нынешнее время звучит именно так» [1].

Поэт и критик «Литературной газеты» Лилия Газизова была менее критична в отзыве на книгу стихов «Новости-бирск» Ю. Татаренко. Она считает, что в стихах сборника автор вырисовывается как человек думающий и глубоко чувствующий. За его незамысловатыми стихами она увидела любовь к бытию, к обычному земному проживанию своего срока [4, 4].

Стихи поэта запоминаются не только своей парадоксальностью и афористичностью, за ними чувствуется жизненная боль и сердечный опыт. Почти каждый вслед за автором может воскликнуть: «Я человек, контуженный тревогой». Наше время, по мысли Лилии Газизовой, и вправду не располагает к покою, а тем более к благодати. Современные коллизии наполняют наши дни не только тревогой, но и страхами и беспокойством за себя и за близких. Поэтому сердце отзывается стихам Ю. Татаренко.

Сергей Алиханов увидел в сборнике преодоление расстояния между поэзией и жизнью, стихами и обстоятельствами, послужившими их написанию, поэтом и читателем. И поэтому для рецензента «пушкинский стеб» в стихах Ю.А. Татаренко смешон – «смешон с горя, понятен собственной шкуркой, и ни в коем разе не оскорбителен и не обиден» [4, 6].

Ольга Никиенко отмечает, как и многие другие критики, обилие словотворчества, языковой игры. Скорее всего, эти находки так и останутся «жителями» книги, изданной тиражом 500 экземпляров. «Но ведь придумал же слово «самолет» поэт Василий Каменский, а слово «летчик» Велемир Хлебников!» – восклицает критик. По ее мнению, естественными выглядят у Ю. Татаренко новые для русской поэзии слова – *фейсбук, лайки, заряд батареи, комменты, спойлер, курсор, пин-код* и т.д. Все это признаки стихов XXI века. А самое главное, по её мнению, это то, что стихи Юрия Татаренко оставляют у читателя ощущение радости. Действительно, праздничное настроение дарит сама Поэзия, живущая в этой книге [3].

Обобщая всё сказанное, хочется отметить, что в сборнике «Новости-бирск» критики увидели и продолжение предыдущих сборников, и новые тенденции поэзии современного поэта. Ю. Татаренко проявил себя как автор-изобретатель, склонный к каламбурам, языковой игре, неологизмам, но вновь сквозь эту игру просвечивает интонация зрелого элегизма. В стихах сборника, проявился особый накал эмоций, при чем это эмоции нормального земного человека, а не небожителя.

Автор обращается к вечным темам, темам времен года, встреч и расставаний, любви, творчества. Часто возникает в сборнике проблема самоидентификации лирического героя, его постоянная рефлексия на тему своего места в поэзии. Сохранились в «Новости-бирске», как в предыдущих книгах поэта, парадоксальность и склонность к языковой игре. В целом практически все исследователи поэзии Ю. Татаренко отмечают динамическое развитие поэтического мира новосибирского автора, который не стоит на месте и интенсивно, и продуктивно ищет новые формы поэтического самовыражения.

Литература

1. Артис Д. Стихи этого времени [Электронный ресурс] // Южное сияние 2020. № 3 (35). Режим доступа: <http://lit-web.net/dmitrij-artis-stihi-etogo-vremeni/> (дата обращения: 28.01.2023)
2. Комаров К. «Поэт-изобретатель» Юрий Татаренко. Новости-бирск. Стихи 2018-2020 [Электронный ресурс] // Плавающий мост. 2020. № 2 (26). Режим доступа: <http://www.plavmost.org/?p=16032> (дата обращения: 28.01.2023)
3. Никиенко О. Поэт нашего времени в литературном клубе «Автограф» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lib.tomsk.ru/page/30189/> (дата обращения: 28.01.2023)
4. Татаренко Ю.А. Новости-бирск. Стихи 2018-2020. Новосибирск: ООО «Манускрипт», 2020. 120 с.

References

1. Artis D. Stihy jetogo vremeni [Jelektronnyj resurs]. Juzhnoe sijanie 2020. № 3 (35). Rezhim dostupa: <http://lit-web.net/dmitrij-artis-stihi-etogo-vremeni/> (data obrashhenija: 28.01.2023)
2. Komarov K. «Pojet-izobretatel'» Jurij Tatarenko. Novostibirsk. Stihy 2018-2020 [Jelektronnyj resurs]. Plavuchij most. 2020. № 2 (26). Rezhim dostupa: <http://www.plavmost.org/?p=16032> (data obrashhenija: 28.01.2023)
3. Nikienko O. Pojet nashego vremeni v literaturnom klube «Avtograf» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.lib.tomsk.ru/page/30189/> (data obrashhenija: 28.01.2023)
4. Tatarenko Ju.A. Novosti-birsk. Stihy 2018-2020. Novosibirsk: ООО «Манускрипт», 2020. 120 s.

*Prokofieva I.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Osipova A.M.,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University*

Artistic originality of Yuri Tatarenko's lyrics (by the material of the poetry collection "News-Birsk")

Abstract: this article reveals the artistic originality of the lyrics of the Novosibirsk poet Yuri Tatarenko on the material of his poetry collection News-birsk, which clearly preserves the artistic features of his previous collections and forms new trends in the work of the modern artist. The problem of self-identification of the lyrical hero, his constant reflection on the theme of his place in poetry is one of the central ones in the News-birsk collection. The reflection of the lyrical hero is also connected with a critical understanding of his actions, thoughts and all kinds of life situations described in poetry. Themes of love; philosophical reflections on being and creativity; Crimea and seasons; meetings and partings; motives of movement, wandering, travel, roads are the dominant themes and motives of the collection "News-Birsk".

Yu.A. Tatarenko is a poet-inventor, prone to the language game, puns, and creating of bright authorial neologisms. This artist cleverly uses intertextual connections (explicit and implicit quotes, allusions associated with the historical, literary, general cultural realities of our time), realizing the game start in the poet's lyrics. Paradoxical and aphoristic, original verbal innovations, a sophisticated game of meanings, consonances are an important feature of the poetics of the Novosibirsk author's lyrics. All this allows to attribute the work of Yu. Tatarenko to postmodernism, to the metapoetic school. The poet's poems are born from poetry, which in turn forms the main internal setting of the author's lyrics: in order to write more, one needs to read more and the whole world is a reason for writing poetry. Another quality of Y. Tatarenko's metapoetics is the lack of transparency of the meaning of his poems, their external "illogicality", since the author manages to speak about the subject often in the language of the subject itself.

Keywords: modern poetry, individual lyrical voice, intertextuality, metapoetics, the problem of self-identification of a lyrical hero, new forms of poetic self-expression, pun, language game

For citation: Prokofieva I.O., Osipova A.M. Artistic originality of Yuri Tatarenko's lyrics (by the material of the poetry collection "News-Birsk"). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 79 – 82.

*Романова Л.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный педагогический университет*

Применение русской разговорно-просторечной лексики для передачи эмоций персонажей современной англоязычной прозы в переводе

Аннотация: настоящая статья представляет собой часть исследования проблем семантико-стилистической репрезентации текстовых субцельностей современной англоязычной художественной прозы в переводе на русский язык. Данная работа посвящена проблеме семантико-стилистической репрезентации эмоционального состояния героев оригинального произведения в переводе посредством применения русской разговорно-просторечной лексики. Репрезентация эмоций и чувств персонажей представляет собой значимую часть их портретного описания, а значит, могут рассматриваться в качестве субцельностей текста как симультанно-сукцессивного конструкта. Степень адекватности передачи эмоций персонажей в переводе позволяет судить об уровне эквивалентности перевода литературного произведения в целом. Понимание чувств и эмоций героев текста реципиентом влияет его эмоционально-эстетическую реакцию на оригинальное произведение в целом, то есть, на его восприятие и интерпретацию данного текста. Особый исследовательский интерес представляют собой контексты, не описывающие эмоции героев прямо, но дающие опосредованное представление их эмоционального состояния. Применение русской разговорно-просторечной лексики для репрезентации чувств и эмоций героев оригинального произведения в переводе дает реципиенту перевода представление не только об отношении персонажей к окружающей их действительности, но и об авторских интенциях в целом, то есть, значительным образом влияет на интерпретацию произведения.

Ключевые слова: адекватность перевода, эквивалентность перевода, разговорно-просторечная лексика, перевод художественного текста, текст как целостный симультанно-сукцессивный конструкт, текстовая субцельность, портретирование персонажей, репрезентация эмоций персонажей

Для цитирования: Романова Л.Г. Применение русской разговорно-просторечной лексики для передачи эмоций персонажей современной англоязычной прозы в переводе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 83 – 88.

Перевод художественного текста представляет собой одну из самых сложных задач современного переводоведения. Основными показателями качества перевода представляются эквивалентность и адекватность репрезентации текста как целостного объекта, при этом исследователи придают большое значение семантическому, стилистическому и эмоционально-эстетическому соответствию текстов перевода и оригинала [4, 6, 7, 9, 16].

Оценка качества перевода художественного произведения предполагает выявление степени тождественности, то есть, максимального соответствия текста перевода тексту подлинника, или переводческой эквивалентности. Абсолютная переводческая эквивалентность представляет собой недостижимую цель, поскольку невозможно передать в полной мере все многообразие смыслов, заложенных в оригинальном художественном произведении, с учетом всех его семантико-стилистических нюансов. Еще более трудновыполнимой задачей является достижение соответствия эмоционально-эстетической реакции получателя оригинала и перевода, однако именно этот фактор, в конечном счете, является решающим для оценки качества перевода текста в целом, поскольку эмоционально-эстетическая реакция читателя на переводной текст определяет верность его интерпретации и понимания авторских интенций.

Оценка уровня эквивалентности перевода оригинального литературного произведения предполагает также и оценку степени целесообразности подбора тех или иных переводческих стратегий при работе с отдельными частями текста. Успешность применения переводческих приемов и стратегий во многом зависит от подхода к членению текста.

В современном переводоведении оригинальный литературный текст как объект перевода рассматривается как симультанно-сукцессивный конструкт. Он воспринимается реципиентом целостно и создает общее эмоционально-эстетическое впечатление, в которое входит понимание всех авторских интенций, отношения автора к персонажам и событийной картине произведения в целом. Симультанность литературного произведения предполагает его интерпретацию как целостного объекта.

В то же самое время текст воспринимается реципиентом линейно, от частного к общему, что определяется сукцессивностью данного конструкта, то есть, его протяженностью в пространстве и времени.

В художественном произведении «содержание как целое превалирует над частями» [7, с. 66], поэтому ряд исследователей отмечают важность достижения эквивалентности перевода текста подлинника как целостного объекта [2, с. 15, 17, с. 94]. Структурная организация любого конструкта предполагает его членение и деление на части [4, с. 50], поэтому целостность текста понимается как «интеграция и общность его частей» [4, с. 51]. Следовательно, оценка уровня переводческой эквивалентности неотделима от оценки качества перевода отдельных частей произведения, то есть, от выбора тех или иных переводческих приемов и стратегий при работе с каждым текстовым отрезком, что определяется адекватностью.

Оригинальное литературное произведение представляет собой «древовидную иерархию смысловых компонентов», или субцельностей, между которыми устанавливаются тема-рематические отношения [9, с. 7]. Портретные характеристики персонажей произведения могут быть рассмотрены как текстовые субцельности. Портретные характеристики героев – это «целостная система взаимодействующих друг с другом компонентов» [11, с. 7], которая отличается «внутренним смысловым единством» [5, с. 342].

Одной из важнейших портретных характеристик является репрезентация эмоционального состояния героя художественного текста. Она влияет на восприятие и интерпретацию текста в целом, на общее понимание авторских интенций и отношения к описываемым событиям.

Действительно, литературный текст отражает «авторское субъективное отражение объективного мира» [3, с. 311], а репрезентация эмоций героев является «текстово-языковой реализацией художественного образа» [11, с. 26]. Семантико-стилистическая реализация эмоционального состояния персонажа в тексте предполагает «эстетическое, морально-этическое, духовное своеобразие человека, проявление его внешних и внутренних качеств» [10, с. 94-98]. Она «состоит из множества компонентов, специфичность которых обусловлена индивидуально-художественным стилем писателя и эстетической задачей» [12, с. 6]. Данная реализация отражает «отношение к изображаемому» автора [3, с. 294], «авторскую художественную оценку» [8, с. 6; 14, с. 28] и является «средством, материалом, через который и с помощью которого автор выражает себя» [14, с. 28].

Верное понимание эмоционального состояния персонажа влияет на восприятие авторского отношения к описываемой действительности и к персонажам в частности [1, с. 353, 18, с. 166-172, 19, с. 57, 20, с. 229-249, 21, 22, с. 1-6, 23, 24, с. 7-25, 25, с. 9-26], поскольку «персонаж является средством для классификации и упорядочения отдельных мотивов» [15, с. 199], он «стоит в центре образной системы художественного произведения и составляет его содержание» [13, с. 174-190], то есть, репрезентация эмоций героев произведения неотделима от его сюжета и замысла [3, 14].

Следовательно, степень адекватности семантико-стилистической репрезентации эмоционального состояния героев оригинального художественного текста в переводе имеет важное значение для достижения эквивалентности перевода текста как целостного симультанно-сукцессивного объекта.

Одним из наиболее эффективных приемов при переводе стилистически нейтральных контекстов, репрезентирующих эмоциональное состояние персонажей англоязычных произведений, является применение русских разговорно-просторечных лексических единиц.

Материалом для данного исследования послужил оригинальный текст рассказа американского писателя-фантаста Р. Шекли «The Necessary Thing» («Необходимая вещь») и текст его перевода на русский язык. Произведение повествует о двух космонавтах, которые, отправляясь в далекое космическое путешествие, вместо многочисленного оборудования и огромного количества необходимых вещей взяли с собой лишь так называемый «Конфигуратор» – машину, способную создать любую вещь, будь то запасная часть для космического корабля, предмет одежды или продукт питания.

В данном произведении практически отсутствует прямое описание эмоционального состояния персонажей – оно репрезентировано опосредовано в репликах самих героев, либо в авторских описаниях событийной картины.

Целью исследования является анализ семантико-стилистической репрезентации эмоционального состояния героев произведения в переводе посредством применения разговорно-просторечной лексики. Оценка степени целесообразности применения подобных лексических единиц при работе со стилистически нейтральными контекстами позволяет оценить степень эмоционально-эстетического восприятия реципиентов текстов оригинала и перевода в целом, то есть, о семантико-стилистической эквивалентности текста как целостного конструкта.

Из текстов подлинника и перевода методом сплошной выборки выделялись параллельные контексты, прямо или косвенно репрезентирующие эмоциональное состояние персонажей. Таким образом, из обоих текстов было выделено 45 контекстов. Далее было подсчитано число параллельных фраз, имеющих практически полное семантико-стилистическое соответствие (всего 11 контекстов). Таким образом, число переводящих контекстов, стилистически соответствующих оригинальным, составляют примерно 4,95% от об-

щей выборки. Остальные 94,5% от общего числа контекстов рассматриваемой выборки имеют значительные семантико-стилистические различия.

Gregor was trying to remember what, if anything, he had left out.

Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Оригинальный контекст не содержит стилистически маркированных лексем. Эмоциональное состояние главного героя передано за счет вводного *if anything* (досл. – *если что-то*). Данное вводное предложение обращает внимание на сосредоточенность персонажа, его внимание к каждой мелочи. Он составлял список необходимых для полета в космос вещей, и от этой работы в дальнейшем зависела его жизнь, а также жизнь его друга и напарника. Состояние сосредоточенности также передано за счет применения времени Past Continuous, обозначающего длительное действие в прошлом.

В соответствующем русском контексте применяется разговорная усилительная частица *же*, придающая высказыванию семантику напряженного размышления. Просторечное причастие *упущено* в рассматриваемом высказывании имеет значение серьезной оплошности, которую главный герой не может себе позволить совершить.

If you run out of beans on Dementia II, there is no store where you could buy more.

Если на Дементии IV у тебя кончатся бобы, ты там не отпавишься в лавку.

Рассматриваемый контекст представляет собой часть внутреннего монолога героя произведения. Он размышляет о том, насколько важно предусмотреть каждую мелочь при подготовке к полету.

Стилистически нейтральная лексема *store* (*магазин*) позволяет передать авторскую иронию над людьми, которые привыкли к удобствам современной жизни и воспринимают их как должное. Однако на далекой планете такое простое действие, как поход в магазин за бобами, для главных героев станет недостижимой мечтой.

В переводящем контексте авторская ирония репрезентирована за счет использования устаревшей просторечной лексемы *лавка*, то есть, маленький магазин, где в старину продавались товары первой необходимости. В данном контексте лексема *лавка* имеет семантику доступного магазина, куда всегда можно зайти и купить все необходимое.

No Coast Guard hurries out to replace the burned-out lining on your main drive.

А если, не дай Бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее.

В оригинальной фразе словосочетание *Coast Guard* (*здесь – представитель береговой охраны*) придает высказыванию ироничность, подчеркивая легкую возможность получить помощь при аварии на Земле и абсолютную невозможность получить ее в открытом космосе.

Просторечное выражение *не дай Бог* в переводящем контексте имеет семантику безысходности. При аварии в космосе герои окажутся в отчаянном положении, в котором от них ничего зависеть не будет.

'Oh, no,' Gregor sighed. 'What have you done?'

'Бог ты мой,' – вздохнул Грегор. – 'Что ты еще натворил?'

Оригинальное высказывание *Oh, no* репрезентирует протест одного из персонажей. Значение протеста и негодования реализовано и за счет использования просторечного выражения *Бог ты мой* в переводящем контексте.

Оригинальная лексема *done* (*сделал*) стилистически нейтральна. Она переводится за счет разговорной лексемы *натворил*, репрезентирующей отношение Грегора к поступку своего друга как к нелепому и глупому действию. Разговорная частица *еще*, которая употребляется в значении «не в первый раз» и усиливает семантику возмущения.

'Do you mean it'll turn out anything?'

'Ты хочешь сказать – она может сострять все что угодно?'

Стилистически нейтральное выражение *turn out* (*производить, делать*) переводится русской разговорной лексемой *сострять*, имеющей оттенок пренебрежения и недоверия. Семантика недоверия усиливается и за счет использования разговорного выражения *что угодно*. Герой произведения сомневается в том, что Конфигуратор способен изготовить любую нужную им вещь во время их путешествия в космос, и в конечном итоге оказывается прав.

'I conned it out of him for a song.'

'Я выудил ее практически за бесценок.'

Разговорное выражение *conned out* (*выманить обманом, сжульничать*) имеет семантику нечестного действия. Простодушный герой по имени Арнольд пытается убедить друга в том, что купленная им машина представляет собой большую ценность. Авторская гипербола *for a song* (*очень дешево, за бесценок*) в данном контексте передает оттенок хвастовства – персонаж старается доказать своему другу правильность принятого им решения и преувеличивает низкую стоимость машины.

Разговорная лексема *выудил* имеет семантику хитрости и мошенничества и подчеркивает желание персонажа придать особую значимость своей покупке.

'I should have told it to peel them,' Arnold said. 'Oh well.'

'Дал маху, – следовало заказать очищенные,' – заметил Арнольд. – 'Ну да ладно.'

Когда волшебная машина-Конфигуратор, которую друзья взяли с собой в космос, надеясь, что она сотворит им все необходимые вещи и продукты, приготовила им креветки, они почувствовали легкое разочарование, потому что им пришлось чистить креветки самим.

Авторская ирония передается за счет модальной конструкции *should have told it (надо было сказать ему)*. Значение иронии имеет и переводящая лексема *заказать*, имеющая значение приказа и распоряжения.

Значение насмешки над собственной оплошностью передано за счет применения просторечных выражений *дал маху* и *ну да ладно*. Герои еще не осознали, что допустили гораздо большую оплошность, – они взяли с собой машину, принципы работы которой они не знали до конца, и в дальнейшем им придется обходиться совсем без пищи.

'I was afraid of this,' Arnold said.

'Вот этого-то я как раз и боялся,' – ответил Арнольд.

В оригинальном контексте применяются стилистически немаркированные лексемы. Ирония высказывания заключается в том, что персонаж по имени Арнольд давно догадывался о том, что Конфигуратор способен производить предметы только в единственном экземпляре и не повторяет их никогда в дальнейшем. Именно Арнольд убедил напарника в том, чтобы взять в космос эту машину, и именно он говорит о своих страхах, когда уже поздно что-либо изменить.

Эмоциональность высказывания в тексте перевода усиливается за счет применения разговорной частицы *вот*, выделительной частицы *–то* и разговорного выражения *как раз*. Зная о том, что работа машины не проверена и что, взяв ее с собой, друзья обрекают себя на риск, Арнольд все-таки настоял на своем.

Данное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- в репрезентации эмоционального состояния персонажей произведения Р. Шекли «The Necessary Thing» («Необходимая вещь») и тексте его перевода на русский язык задействовано 45 контекстов, 4,95% которых переведены без значимых семантико-стилистических различий;
- примерно 95% рассматриваемых контекстов имеют важные семантико-стилистические различия;
- большая часть рассмотренных переводящих контекстов передает чувства и эмоции персонажей за счет использования разговорных и просторечных лексем и выражений;
- применение просторечных и разговорных выражений при репрезентации эмоций главных героев рассказа в переводе позволяет в полной мере передать авторскую иронию.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 335 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
5. Горшков А.И. Русская стилистика. М.: Астрель; АСТ, 2001. 367 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. М.: Смысл, 2005. 288 с.
7. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2005. 560 с.
8. Подковырин Ю.В. Внешность литературного героя как художественная ценность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 21 с.
9. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.
10. Седова Н.А. Речевой жанр – «портрет человека»: коммуникативно-прагматическая интерпретация // Вестн. Омского ун-та. 1999. Вып. 4. С. 94 – 98.
11. Серикова Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 146 с.
12. Сизова К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 16 с.

13. Сорокина И.Г. Речевая характеристика как средство создания художественного образа и проблема исполнения текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 174. М., 1981. С. 174 – 190.
14. Титова С.В. Лингвопоэтическая значимость словосочетания в описаниях внешности персонажей (на материале английской прозы XVIII-XX веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 182 с.
15. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
16. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. 2-е изд., доп. М.: Либроком, 2009. 144 с.
17. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М.: Либроком, 2009. 216 с.
18. Barthes R. From Word to Text // Modern Literary Theory: A Reader / Ed. Ph. Rice and P. Waugh. London; New York: Edward Arnold; A Division of Hodder and Stoughton, 1989. P. 166 – 172.
19. Carter R., Nash W. Seeing Through Language: A guide to Styles of English Writing. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. 267 p.
20. Culler Ch. The Future of Theory: Saving the Readers // The Future of Literary Theory. New York: Routledge, 1989. P. 229 – 249.
21. Eco U. The Role of the Reader (Explorations in the semiotics of Texts). Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1979. 273 p.
22. Gibson W. Authors, Speakers, Readers and Mock Readers // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism / Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London The John Hopkins Univ. Press, 1980. P. 1 – 6.
23. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore; London The John Hopkins Univ. Press, 1978. 239 p.
24. Prince G. Introduction to the Study of the Narratee // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism / Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London: The John Hopkins Univ. Press, 1980. P. 7 – 25.
25. Tompkins J. Introduction to the Reader-Response Criticism // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism / Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London: The John Hopkins Univ. Press, 1980. P. 9 – 26.

References

1. Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. st. nauch. red. P.E. Buharkin. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 444 s.
2. Barhudarov L.S. Jazyk i perevod. (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda). M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1975. 240 s.
3. Bahtin M. Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 335 s.
4. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: KomKniga, 2007. 144 s.
5. Gorshkov A.I. Russkaja stilistika. M.: Astrel'; AST, 2001. 367 s.
6. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 4-e izd., ispr. M.: Smysl, 2005. 288 s.
7. Lukin V.A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskij minimum. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Os'-89, 2005. 560 s.
8. Podkovyrin Ju.V. Vneshnost' literaturnogo geroja kak hudozhestvennaja cennost': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2007. 21 s.
9. Saharnyj L.V. Vvedenie v psiholingvistiku: kurs lekcij. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. 184 s.
10. Sedova N.A. Rechevoj zhanr – «portret cheloveka»: kommunikativno-pragmaticheskaja interpretacija. Vestn. Omskogo un-ta. 1999. Vyp. 4. S. 94 – 98.
11. Serikova L.V. Portret personazha v proze V.M. Shukshina: sistemnoe leksiko-semanticheskoe modelirovanie: dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2004. 146 s.
12. Sizova K.L. Tipologija portreta geroja (na materiale hudozhestvennoj prozy I.S. Turgeneva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1995. 16 s.
13. Sorokina I.G. Rechevaja harakteristika kak sredstvo sozdanija hudozhestvennogo obraza i problema ispolnenija teksta. Sb. nauch. tr. MGPIIJa im. Morisa Toreza. Vyp. 174. M., 1981. S. 174 – 190.
14. Titova S.V. Lingvopojeticheskaja znachimost' slovosochetanija v opisanijah vneshnosti personazhej (na materiale anglijskoj prozy XVIII-XX vekov): dis. ... kand. filol. nauk. M., 1990. 182 s.
15. Tomashevskij B.V. Teorija literatury. Pojetika. M.: Aspekt Press, 1999. 334 s.
16. Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta. Tekst. Struktura i semantika. 2-e izd., dop. M.: Librokom, 2009. 144 s.
17. Shvejcer A.D. Teorija perevoda: status, problemy, aspekty. 2-e izd. M.: Librokom, 2009. 216 s.
18. Barthes R. From Word to Text. Modern Literary Theory: A Reader. Ed. Ph. Rice and P. Waugh. London; New York: Edward Arnold; A Division of Hodder and Stoughton, 1989. R. 166 – 172.

19. Carter R., Nash W. *Seeing Through Language: A guide to Styles of English Writing*. Oxford: Black-well Publishers, 1997. 267 p.
20. Culler Ch. *The Future of Theory: Saving the Readers*. *The Future of Literary Theory*. New York: Routledge, 1989. R. 229 – 249.
21. Eco U. *The Role of the Reader (Explorations in the semiotics of Texts)*. Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1979. 273 p.
22. Gibson W. *Authors, Speakers, Readers and Mock Readers*. *Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism*. Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London The John Hopkins Univ. Press, 1980. R. 1 – 6.
23. Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore; London The John Hopkins Univ. Press, 1978. 239 p.
24. Prince G. *Introduction to the Study of the Narratee*. *Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism*. Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London: The John Hopkins Univ. Press, 1980. R. 7 – 25.
25. Tompkins J. *Introduction to the Reader-Response Criticism*. *Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism*. Ed. J.P. Tompkins. Baltimore; London: The John Hopkins Univ. Press, 1980. R. 9 – 26.

*Romanova L.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Pedagogical University*

The use of Russian colloquial and vernacular lexics in representation of emotions of characters of contemporary English prose in translation

Abstract: the article is a part of the research of the problem of semantic-stylistic representation of text subunits of contemporary English prose in translation into English. The work is devoted to the problem of semantic-stylistic realization of the emotional state of characters of an original text in translation by means of colloquial and vernacular lexical units. The representation of emotions and feelings of characters is an important part of their portrait description, which means that they can be viewed as subunits of a text as a whole simultaneous-successive construct. The level of adequacy of representation of emotions of heroes in translation allows evaluating the level of equivalence of translation of a literary work in general. Understanding of feelings and emotions of text characters by the recipient influences the emotional-aesthetic reaction to the original piece of literature in general, which means, to the perceiving and interpretation of this text. Special attention is drawn to the contexts which do not describe the emotions of the characters not directly but which give mediate representation of their emotional state. The use of Russian colloquial and vernacular lexical units for representation of the heroes' feelings and emotions give the recipient of the translation not only the understanding of the relation of the characters to the reality, but also about the author's intentions in general, which means its great influence of the interpretation of the fiction text.

Keywords: adequacy of translation, equivalence of translation, colloquial and vernacular lexical units, translation of a fiction text, text as a simultaneous-successive construct, a text sub-whole, the portrait of a character, representation of emotions of the characters

For citation: Romanova L.G. The use of Russian colloquial and vernacular lexics in representation of emotions of characters of contemporary English prose in translation. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 83 – 88.

*Сабитова А.М., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Модель национально-ориентированного обучения РКИ (на примере обучения иранских студентов)

Аннотация: начало нового тысячелетия ознаменовалось расширением и высокой интенсивностью интеграционных процессов, изменивших коммуникативно-образовательное пространство и вызвавших, в свою очередь, сдвиги – более или менее существенные – и в лингводидактической парадигме, и в национально ориентированной методике обучения иностранным языкам.

В статье рассмотрены преобладающие в настоящее время тенденции в понимании национально-ориентированного обучения иностранному языку в аспекте взаимодействия общих и национально специфических особенностей обучения иноязычной речи представителей неродственных языков. Отслежены взгляды на базовый принцип – учет родного языка в связи с изменением конечной цели обучения – обучения именно общению на иностранном языке. Отдельное внимание уделено определению трудностей в усвоении особенностей русского языка. Определена актуальность создания учебных материалов для представителей разнотипных языков и различных культур; повышения квалификации преподавателей РКИ.

Ключевые слова: национально-ориентированное обучение, методика, зоны интерференции, сопоставительно-типологический анализ, русский язык как иностранный

Для цитирования: Сабитова А.М. Модель национально-ориентированного обучения РКИ (на примере обучения иранских студентов) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 89 – 93.

Введение

Предоставление образовательных услуг иностранным гражданам – одно из актуальных направлений деятельности российских учреждений высшего образования (вузов). Указанный вид работы вузов требует разработки новых эффективных методических систем преподавания всех учебных дисциплин, так как уровень качества профессиональной подготовки иностранных студентов зависит от правильно выбранных педагогических подходов, принципов, методов, приемов, технологий, форм и средств обучения.

Особую роль в образовательном процессе инокоммуникантов играет овладение ими общением на русском языке, поскольку от умения общаться на русском зависит продолжительность процесса адаптации и вхождения иностранцев в русскоязычное общество. В связи с чем идет активный поиск путей совершенствования и модернизации процесса преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в высшей школе. Преподаватели учреждений высшего образования должны изучать и внедрять в учебную практику самые эффективные методики и современные инновационные технологии, сочетать традиционные и инновационные методы в обучении, творчески развивать накопленный практический и теоретический опыт преподавания дисциплины.

Поэтому основной задачей методистов и преподавателей этой дисциплины является отбор наиболее эффективных моделей обучения языку как способу достижения образовательных целей, одной из которых является национально-ориентированная модель обучения иностранному языку.

Внимание лингводидактов, как об этом свидетельствуют публикации последних десятилетий, приковано к таким аспектам национально-ориентированной парадигмы обучения иностранным языкам:

1. Возможность и целесообразность применения принципа учета родного языка при обучении русскому языку носителей неродственных языков, в частности, типологически отличных в лингвальном и культурном планах [4].

2. Конкретизация общепринятого в лингводидактике понятия «национально-ориентированная методика обучения» (далее – НОМО) в контексте современных исследований по когнитологии, этнопсихологии, этнопедагогике, культурологии, межкультурной коммуникации и соответствующего терминологического уточнения атрибутивного компонента «национально ориентированный» [10].

3. Дидактико-методическая проработка результатов сопоставительно-типологического анализа отдельных систем, подсистем контактирующих языков по направлению от родного языка к изучаемому языку и наоборот; создание на этой основе учебных материалов – учебников, пособий, сопроводительных курсов по отдельным аспектам языка или видов иноязычной (русской) речи [1].

Такая многоаспектность лингводидактических исследований свидетельствует об устойчивом интересе к проблемам, связанным с темой нашего исследования. Следует, однако, заметить, что затронутые вопросы НОМО студентов-иностранцев русскому языку в учреждениях высшего образования (вузах) требуют более

глубокого осмысления, учитывая их практическое применение и необходимость определенной методической коррекции изучения русского языка в национально однородных и национально неоднородных группах.

Актуальность темы статьи определяется, следовательно, важностью национально-ориентированного обучения как одной из признанных стратегий овладения иностранными студентами русским языком, а также необходимостью выяснить возможности практического использования рассматриваемой модели в ее новейших интерпретациях в процессе обучения представителей типологически отличных языков и культур в российских вузах.

Цель исследования – выяснить и охарактеризовать возможность использования модели национально-ориентированного обучения (далее – МНОО) русскому языку при обучении иностранных (иранских) студентов РКИ.

Для достижения цели определены следующие **задачи**:

1. Проследить эволюцию взглядов на основной принцип рассматриваемой модели - учет родного языка в обучении целевому.
2. Выяснить возможность применения указанной модели в практическом обучении русскому языку различных контингентов студентов-иностранцев в российских университетах.
3. Обосновать дидактико-методическую целесообразность описания русского языка на основе универсальных смысловых категорий и семантико-синтаксических отношений.
4. Охарактеризовать некоторые особенности работы с иранскими студентами в условиях межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Изложение результатов исследования

Понятие НОМО, войдя в 60-70-х годах прошлого века в научно-методический и практический оборот, претерпело со временем закономерные модификации в соответствии с доминирующими в тот или иной период лингводидактическими ориентирами, сменой научных лингвистических парадигм [8].

Особый этап в эволюции взглядов на содержание проанализированной модели и практическое применение ее главного принципа – учета родного языка в обучении иностранному – связан с активизацией исследований культурологического, а в дальнейшем и межкультурного плана по взаимосвязи и взаимоотношению понятий «язык и культура», «язык в культуре» и «культура в языке» [7, 9].

Культурно-ориентированная направленность обучения РКИ стала особенно заметной уже в 90-е годы прошлого века в связи с изменением коммуникативно-образовательного пространства. Уместно отметить в этом контексте, что внимание преподавательского сообщества было привлечено к основным положениям методологического и методического характера, учет которых должен стать важным средством преодоления культурной зависимости, этноцентризма и прокладки путей к взаимопониманию, а именно:

- изучение других языков не делает человека автоматически терпимым по отношению к другим культурам, если не учитываются субъективная ценность культурологической информации для каждого, кто изучает культуру (язык);

- обучение иноязычному общению не достигает цели, если оно не происходит в органическом единстве с другими компонентами этничности (территориальными, экономическими, религиозными и культурными проявлениями) [3].

Указанные положения не только не потеряли актуальности в XXI веке, но и стали важными принципами коммуникативно-межкультурной концепции обучения, как стандарта современного лингвистического образования в ее национально специфических вариантах [5]. Все большее распространение в лингводидактике получают инновационные стратегии и тактики приоритетного межкультурно-ориентированного обучения, формирования «межкультурной лингводидактики».

Как справедливо замечает Е.А. Осинцева-Раевская, современная лингводидактическая парадигма отмечается плюралистичностью и господством коммуникативно-деятельностного и межкультурного подходов [6].

Междисциплинарный статус лингводидактики обуславливает необходимость четкого понимания преподавателем характера взаимодействия всех ее составляющих в процессе формирования навыков общения на иностранном языке – лингвистического, психолингвистического, собственно методического. Коммуникативная методика обучения РКИ для части иностранных студентов является настоящей *terra incognita*, поскольку они опираются на совершенно другой опыт, сформированный системой национального образования.

В более широком контексте учета адресата обучения заслуживает внимание мнение И. Бобрышевой, изложенное в ее докторской диссертации, о возможности формирования национально-ориентированных моделей обучения иностранных студентов с учетом особенностей учебно-познавательной деятельности не

отдельных этнических групп, а их совокупности – представителей разных метаэтносов. Сравнивая особенности обучения студентов двух регионов – «европейского» (Великобритания, Германия, Франция и некоторые другие) и «азиатского» (Китай, Южная Корея, Япония), она пришла к выводу о целесообразности оперирования в методике обучения РКИ понятием «культурные стили учебно-познавательной деятельности». Выделение таких стилей осуществляется в процессе этнокультурного моделирования, практической целью которого является умение преподавателя структурировать и осуществлять процесс обучения национальных групп учащихся с учетом выявленных культурно-типологических стилей учебно-познавательной деятельности [2].

Такой подход является, бесспорно, интересным и для практики обучения иранских студентов в Елабужском институте КФУ, из которых были сформированы две группы обучавшихся по программе РКИ с октября 2017 по июнь 2018 гг.

Отдавая должное необходимости учитывать в практике обучения особенности учебно-познавательной деятельности иностранных студентов, отметим, однако, приоритетность смыслового компонента в модели обучения – безотносительно к ее универсальной или национально специфической (в методическом плане) реализации. Имеем в виду кардинальные различия системно-структурного характера типологически различных персидского и русского языков, которые в значительной мере вызывают трудности в усвоении определенных участков целевого языка и вызывают типичные для этого контингента иноязычных студентов ошибки.

Наличие многочисленных публикаций, в которых рассматриваются методически существенные различия между контактирующими языками, выявленные на основе сопоставительно-типологического анализа, избавляет нас от необходимости подробно освещать эти, бесспорно, важные вопросы. Излишне доказывать, что специфичность той или иной этномы становится очевидной только при сопоставлении. Наличие в каждом языке не только своего набора средств выражения, но и системы смыслов, которые отражают действительность и которые способны передаваться присущими определенному языку формальными и лексическими средствами, определяют необходимость выявления и описания – с целью преподавания этих семантических систем на основе закрепленных за ними в языке формальных средств их выражения [11].

Нельзя не согласиться с тем, что одной из задач преподавателя является умение определить на основании знания принципов и способов выражения аналогичных смыслов на русском языке и языке учащихся, чем вызваны грамматические и другие (лингвострановедческие и шире – культурологические) ошибки и каковы механизмы их предупреждения.

Проиллюстрируем приведенную мысль несколькими наблюдениями из опыта преподавания РКИ студентам-первокурсникам из Ирана. Типичные ошибки студенты-иностранцы допускали чаще всего на словообразовательном, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях.

1. Примером интерферентных проявлений на уровне словообразования являются систематические ошибки в речи наподобие *иранский* вместо суффиксальных существительных *иранец*. На подготовительных отделениях студенты заучивают определенное количество лексических единиц с различными суффиксами для выражения значения наименования человека по месту жительства или проживания – этнохоронимов. По словам одного из обучающихся (Ариан Ш.), для них не составило большого труда заучить список таких слов.

Однако, возможно, и из-за недостаточного количества речевых упражнений, у студентов не произошла перестройка мысленной структуры родного языка относительно целевого. В отличие от русского языка, где суффиксальные субстантивы представляют собой свернутое суждение «человек, проживающий в конкретной стране», в родном языке оно выражается прилагательным.

2. Одним из специфических семантических элементов для инофонов является универсальное понятие локума – пространства, которое характеризуется эгоцентричной направленностью от субъекта познания, демонстрирующего его представления о мире. Общеизвестно, что значительные трудности студенты-иностранцы испытывают в выражении пространственных отношений, в частности, со значением общей статической локализации, вербализованной в русском языке предлогами *в*, *на* и местным падежом существительного. По свидетельству студентов (Шахрияр Ш., Садек Ф.), особенности пространственного восприятия носителями персидского и русского языков в значительной мере совпадают.

Выводы

Модель национально-ориентированного обучения РКИ со времени своего становления претерпела определенные модификации всех ее компонентов: лингвистического, психолингвистического, психолого-педагогического и собственно методического (процессуального и операционного).

Особенно заметной является эволюция взглядов на основополагающий методический принцип этой модели - учет родного языка и культуры студентов: от его абсолютизации или полного отрицания до совре-

менного понимания родного языка и культуры иноязычных студентов как организующего фактора формирования концепции межкультурно-ориентированного обучения.

Сдвиги в теоретическом осмыслении и практическом применении этой целостной лингводидактической модели обусловлены изменениями в коммуникативно-образовательном пространстве, необходимостью учета этнических особенностей национальных групп иностранных студентов – носителей разнотипных языков и типологически отличных культур, для оптимизации их обучения в монокультурной или поликультурной образовательной среде российских вузов.

Ведущей тенденцией в этом плане является постоянно возрастающее внимание к учету особенностей когнитивно-мыслительной и учебно-познавательной деятельности носителей языка и соответствующей этнометодической коррекции для интенсификации процесса формирования устойчивых навыков российской речи, преодоление интерферентного влияния родного языка и культуры. Это, в свою очередь, требует обеспечения на междуниверситетском уровне повышения этнометодической и этнопедагогической квалификации преподавателей.

Перспективными для дальнейшего исследования являются культуроведческие аспекты сопоставимого описания русского и родного языков студентов - носителей разнотипных языков с целью выявления потенциальных зон «культурной интерференции» и создания на этой основе национально ориентированных учебных материалов и лингвометодических рекомендаций для преподавателей.

Литература

1. Акимова И.И. О соотношении методики и лингводидактики и необходимости ориентированных грамматических описаний русского языка как иностранного // *Международный научно-исследовательский журнал*. Серия: Филологические науки 2018. № 7 (73). С. 135 – 138.
2. Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 46 с.
3. Быкова О.П. Средства обучения РКИ: национально-ориентированные методические рекомендации для преподавателей // *Вестник ЧитГУ*. 2010. № 3 (60). С. 84 – 89.
4. Дёпонян К.А. Национально-ориентированный подход к преподаванию русского языка как иностранного за рубежом (на примере корейских университетов) // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 4. С. 140 – 142.
5. Краснокутская Н.В. Реализация принципа учета родного языка в учебниках русского языка для иностранцев // *Русистика*. 2020. Т. 18. № 3. С. 342 – 358.
6. Осинцева-Раевская Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного // *Вестник БФУ им. И. Канта*. 2014. Вып. 5. С. 96 – 102.
7. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 224 с.
8. Пугачев И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам. М.: РУДН, 2011. 284 с.
9. Ременцов А.Н., Кожевникова М.Н., Кузнецов А.Л. Национально-ориентированный подход к обучению граждан Вьетнама в российских вузах: традиции и перспективы // *Русский язык за рубежом*. 2014. № 5. С. 110 – 116.
10. Цыренова М.И. Особенности национально-ориентированной модели обучения для заданного контингента учащихся // *Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. 2012. № 3. С. 49 – 54.
11. Шоджаи М. Преподавание русского языка в Иране (на примере подготовительного курса) // *Русский язык за рубежом*. 2007. № 4 (203). С. 92 – 96.

References

1. Akimova I.I. O sootnoshenii metodiki i lingvodidaktiki i neobhodimosti orientirovannykh grammaticheskikh opisaniy russkogo jazyka kak inostrannogo. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. Serija: Filologicheskie nauki 2018. № 7 (73). S. 135 – 138.
2. Bobrysheva I.E. Kul'turno-tipologicheskie stili uchebno-poznavatel'noj dejatel'nosti inostrannykh uchashhihsja v metodike obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2004. 46 s.
3. Bykova O.P. Sredstva obuchenija RKI: nacional'no-orientirovannye metodicheskie rekomendacii dlja prepodavatelej. *Vestnik ChitGU*. 2010. № 3 (60). S. 84 – 89.

4. Deponjan K.A. Nacional'no-orientirovannyj podhod k prepodavaniju russkogo jazyka kak inostrannogo za rubezhom (na primere korejskih universitetov). Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 4. S. 140 – 142.
5. Krasnokutskaja N.V. Realizacija principa ucheta rodnogo jazyka v uchebnikah russkogo jazyka dlja inostrancev. Rusistika. 2020. T. 18. № 3. S. 342 – 358.
6. Osinceva-Raevskaja E.A. Rol' i mesto rodnogo jazyka pri izuchenii russkogo jazyka kak inostrannogo. Vestnik BFU im. I. Kanta. 2014. Vyp. 5. S. 96 – 102.
7. Prohorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev. 5-e izd. M.: LKI, 2008. 224 s.
8. Pugachev I.A. Jetnoorientirovannaja metodika v polikul'turnom prepodavanii russkogo jazyka inostrancam. M.: RUDN, 2011. 284 s.
9. Remencov A.N., Kozhevnikova M.N., Kuznecov A.L. Nacional'no-orientirovannyj podhod k obucheniju grazhdan V'etnama v rossijskih vuzah: tradicii i perspektivy. Russkij jazyk za rubezhom. 2014. № 5. S. 110 – 116.
10. Cyrenova M.I. Osobennosti nacional'no-orientirovannoj modeli obuchenija dlja zadannogo kontingenta uchashhihsja. Vestnik CMO MGU. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. 2012. № 3. S. 49 – 54.
11. Shodzhai M. Prepodavanie russkogo jazyka v Irane (na primere podgotovitel'nogo kursa). Russkij jazyk za rubezhom. 2007. № 4 (203). S. 92 – 96.

*Sabitova A.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University*

The model of nationally oriented RFL education (based on the example of teaching Iranian students)

Abstract: the beginning of the new millennium was marked by the expansion and high intensity of integration processes that changed the communicative and educational space and caused, in turn, more or less significant shifts both in the linguodidactic paradigm and in the nationally oriented methodology of teaching foreign languages.

The article examines the prevailing trends in the understanding of nationally-oriented foreign language teaching in the aspect of the interaction of general and nationally specific features of teaching foreign language speech to representatives of unrelated languages. The views on the basic principle – taking into account the native language in connection with the change in the ultimate goal of learning – learning to communicate in a foreign language are tracked. Special attention is paid to the definition of difficulties in mastering the peculiarities of the Russian language. The relevance of creating educational materials for representatives of different structural languages and different cultures; professional development of teachers of the RFL is determined.

Keywords: nationally oriented teaching, methodology, interference zones, comparative typological analysis, Russian as a foreign language

For citation: Sabitova A.M. The model of nationally oriented RFL education (on the example of teaching Iranian students). Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 89 – 93.

Чжао Юаньцзэ,
Ганьнаньский педагогический университет, Китай

Перспективы развития современной русской семьи в сравнении с китайской: по материалам исследований концепта «Семья» в русском и китайском языках

Данная статья является результатом проекта "Сопоставительное исследование образа "家" (Семья) в русско-китайском языковом мире с лингвокультурной точки зрения" (№. УУ22211), исследовательского проекта вузов по гуманитарным и социальным наукам в провинции Цзянси, КНР

Аннотация: используя материалы исследований, связанных с концептом «Семья» в русском и китайском языках на современном этапе, а также материал базового, исторически сложившегося содержания данного концепта в двух лингвосистемах, автор статьи обосновывает прогнозы развития феномена семьи в русле российской культуры в сравнении с китайской. Среди целей данного сравнения следует выделить социально актуальную цель верификации кризиса российской семьи на современном этапе и, соответственно, более детальное прогнозирование возможностей его преодоления с учетом правильного определения методологии. Результатом исследования стал вывод о современных тенденциях развития концепта «Семья», связанных с психологизацией образа, более эмоционально-личностным его наполнением – как в России, так и в Китае. При этом образ семьи в современном Китае более широко и глубоко коррелирует с мощными традициями; прогноз развития семьи и общества в Китае на основе этого положительный. В России же, с учетом более европейского ее пути, традиции меняются более активно, в том числе с этим связан кризис семьи; при этом исторически, культурологически, в других аспектах обосновывается возможность положительного прогноза преодоления кризиса российской семьи, что должно обеспечиваться определенными социальными мерами.

Ключевые слова: семья, Китай, Россия, история, современность, кризис, духовное развитие

Для цитирования: Чжао Юаньцзэ Перспективы развития современной русской семьи в сравнении с китайской: по материалам исследований концепта «Семья» в русском и китайском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 94 – 100.

Введение

Известно, что русская семья, отражая менталитет нашего народа, долгое время тяготела к традиционности, размеренности, разделению мужских и женских обязанностей, в рамках которых мужчина должен быть защитником, кормильцем, женщина – истинной хранительницей домашнего очага [1]. Можно сказать, что в русле культуры нашей страны акцент на защитнике и кормильце существует в связи со сложными историческими обстоятельствами жизни социума. С другой стороны, женская роль хранительницы домашнего очага, наполненной любовью и пониманием, также связана с необходимостью обеспечения тыла в борьбе за жизнь. Можно сказать, что подобные семейные ценности характерны для многих традиционных сообществ, однако здесь наблюдаются некоторые особенности. Русская семья, в силу национальной специфики, тяготела к идеально-дружеским отношениям, способности к максимальной взаимопомощи, терпению как к идеалам, высоким моральным ценностям. Надо сказать, что эти ценности в нашем обществе по сути остаются идеалом семейных взаимоотношений и сейчас. Хотя на современном этапе наша страна, как и многие другие страны, переживает кризис семьи [2, с. 113-317].

Методы

Исследователи, в частности обратившиеся к материалу современной женской прозы, описывают кризис российской семьи в лингвокультурологическом аспекте, на уровне концепта семьи [3]. Конечно, обращаясь к произведениям Л. Улицкой и Л. Петрушеской, нельзя не учитывать «упаднических» тенденций современной литературы, ее «массовый» облик даже в неплохих по художественному уровню произведениях. При этом в целом исследователи, выявляющие на подобном материале тенденции русского концепта семьи на современном этапе, верно отмечают конкретные кризисные явления, на основе которых можно так или иначе прогнозировать изменение русского социума, преодоление кризиса семьи.

В диссертации Т.В. Пьянковой, к которой мы обратились, чтобы выявить современные черты концепта семьи у русских (чтобы впоследствии адекватно сопоставить эти черты с китайскими тенденциями изменения концепта «Семья»), выделяются макрополя, условно названные «Состав семьи», «Взаимоотношения в семье», «Пространство семьи», «Время семьи». Ясно, что ассоциативно-семантическое поле «Семья» как языковое воплощение концепта в сознании языковой личности представлено в русском языке прежде всего

именем поля – существительным «семья», помимо этого – лексемами, синтагматически, парадигматически, ассоциативно, деривационно связанными с базовым словом. В указанной работе это исследуется с учетом материалов соответствующих словарей, «Национального корпуса русского языка» [4]. Результат исследования фиксирует немалое отличие ассоциативно-семантических полей текстовых от общеязыковых, что и показывает современные тенденции.

Если общий концепт «Семья» в качестве ядерного компонента имеет компонент состава семьи, то в текстах современных писательниц самыми актуальными, как бы то ни было, оказались макрополя, которые условно можно назвать «Пространство семьи, домашний очаг» (Л. Улицкая) и «Любовь-ненависть в семье» (Л. Петрушевская). Налицо психологизация образа семьи, большой акцент на отношениях, эмоциях, атмосфере. При этом у Л. Улицкой вторым по значимости макрополем стал «Состав семьи» (данный автор более традиционен в восприятии, художественном воплощении жизни, семьи), третьим – «Взаимоотношения в семье», далее идет «Время семьи» с семами «традиции семьи», «род», «наследственность». Надо заметить, что у Л. Петрушевской на периферии первого, весьма монолитного поля оказались семы «противоестественность любви», «одинокость, разъединенность»; после ядерного макрополя у Л. Петрушевской идут макрополя «Родственные взаимоотношения», «Пространство семьи», «Время семьи». Думается, данный результат подтверждает утрированность современной прозы (по сравнению с общекультурным восприятием феномена семьи), с одной стороны, и определенное психологическое, пространственное расширение понятия «Семья» для современных людей. С другой стороны, подобный результат, отражающий негативные отношения в семье, закономерен в силу развивающейся демократизации, социальной динамики, стремления чувствовать и разбираться в значимых проблемах «здесь и сейчас». Здесь немалую роль играет усиление психологизации отношений, тяги к широкому осмыслению явлений жизни. Следует отметить, что лексический состав АСП в данном случае в целом совпал с таковым в общеязыковом аспекте, при этом есть различия в том числе в распределении лексем по полям. У писательниц, разумеется, встречаются авторские номинации, в частности образные: «маменькин сынок», «бывший муж», «придавленный», «бог жизни» и т.д. Надо отметить саму разницу стиля Л. Улицкой и Л. Петрушевской (стиль первой можно охарактеризовать как более «ровно-реалистический»), что находит отражение в структуре концепта на основе текстов.

Поле «Взаимоотношения в семье» в прозе Л. Улицкой, поле «Любовь – ненависть в семье» в прозе Л. Петрушевской частично совпадают с лексемами и словосочетаниями, входящими в макрополе «Взаимоотношения в семье» в языке: «единство», «общение», «совместная жизнь», «любовь», «молчание», «обожать», «жертвовать», «процветать», «ценить» и др. Л. Улицкая добавляет сюда множество положительных номинаций: «один организм», «музыка», «ширококрылые ангелы», «груз непереносимого счастья» и др. Л. Петрушевская более негативна: «безотцовщина», «семейный недочет», «быть лишним в жизни», «великий скандал» и др. Во-первых, это может быть связано с тем, что Л. Улицкая в своей прозе отразила общество более позднего периода, когда люди уже поняли губительность семейных раздоров, характерных для индустриальной эпохи; во-вторых, проза указанного автора, по-видимому, «легче» – в том смысле, что она соотносится в эпоху постмодернистической «смерти» литературы (и не только русской) с массовой культурой [5, с. 213-216; 6, с. 72-84]. Отметим намеренные «канцеляризмы» в ряду Л. Петрушевской, также призванные показать негативные оттенки.

Макрополе «Пространство семьи, домашний очаг» Л. Улицкой имеет расширенное название по причине акцента на положительной оценочности: помимо слов типа «изба», «дача», «коммуналка», «столовая», «кухня», здесь присутствуют номинации вроде «утепленный», «великий», «чудесный». Чего не скажешь об отрицательно-оценочном поле Л. Петрушевской: «казарама», «конура», «убогая», «темный-темный коридорчик», «пустой дом». Заметим, что макрополе «Время семьи» зачастую содержит переосмысленные лексемы, относящиеся к понятию «Время». Подобная тенденция показывает возможности формирования ассоциативного поля в художественном тексте, экспериментальность современной литературы, культуры. Разумеется, АСП художественного текста формируется и за счет образных слов, выражений – также подчеркивая тенденции изменения образа семьи на современном этапе. Вообще, надо заметить, что образное мышление, образные средства в определенном смысле необходимы для осмысления таких важных феноменов, как семья, во многом основанных на чувственном восприятии. В любом случае, чем сложнее феномен, тем более многогранно он должен быть осмыслен, безусловно, с учетом эмоционально-чувственного восприятия [7; 8, с. 15-26; 9, с. 281-285].

Обсуждение

Станут ли моменты, отразившиеся в АСП Улицкой и Петрушевской новыми тенденциями концепта «Семья»? Думается, лишь в той степени, в какой произведения указанных писательниц глубинно реалистичны, жизненно взвешенны, что представляет собой проблему в период глубокого кризиса культуры, от-

развившейся на развитии русской литературы. При этом заметим, что на образное восприятие семьи в рамках определенной культуры литературные произведения влияют (как, разумеется, и наоборот). В том-то и дело, что наше эмоциональное восприятие (связанное с образом) представляет собой важную подструктуру восприятия мира, давая свои результаты познания, что в необычной атмосфере современного общества может приводить к большим диссонансам, дисбалансу по отношению к интеллектуальным оценкам (и на уровне всего социума в целом). Задача общества – уравновесить, углубить, усовершенствовать знание по сравнению с предыдущим этапом. В той степени, в какой это происходит – вместе с развитием самого социума – и меняются концепты. Заметим, что в динамичнейшую информационную эпоху и эмоциональное воздействие посредством, например, литературы, искусства (в том числе через Интернет) может быть очень большим. Пока этим «с успехом» пользуется массовая культура, в то время как позитивная современная культура (которую на данном этапе следует создавать) должна и может очень серьезно влиять на людей подобным образом – влияя и на формирование, восприятие концепта семьи.

Добавим, что традиционное семантическое наполнение концепта «Семья» в русской культуре, уточненное Пьянковой, актуальное на современном этапе выглядит следующим образом. В русле русской культуры можно говорить о семье как об «основанном на любви и заботе брачном союзе людей, связанных родственными отношениями, проживающих в определенном пространстве и занимающихся воспитанием детей, для которого характерны единство, эмоциональная близость; у семьи есть свой «жизненный цикл»; в семье, рядом с близкими, человек отдыхает, с одной стороны, и строит отношения, работает над ними – с другой; однако в семье могут быть ссоры, конфликты, приводящие к ее распаду» [3]. Развитие жизни, в том числе такого важного ее компонента, как семья, неизбежно. Поэтому концептуальные изменения здесь возможны и закономерны – в русле нашей эпохи, которую в определенном смысле можно назвать беспрецедентной. В любом случае тот или иной позитивный облик обновленного концепта «Семья» в русской лингвокультуре напрямую зависит от наших культурных, нравственных усилий.

Интересно, что Китай, как очень древнее государство, культура, имеет глубокие корни традиционного общества (как у любой культуры восточного типа это проявляется вплоть до настоящего времени достаточно большим, искренним уважением к традициям). Один из важнейших концептов данной культуры – концепт семьи – имеет специфическую базовую сему «свинья». Аграрное общество с акцентом на животноводстве мотивировало разведение свиней, которых держали дома, во избежание краж последних людьми или животными, легко размножавшимися в теплом климате [10].

«Семья в китайской лингвокультуре обладает специфическими особенностями, которые включают в себя долговременность и общность социально-экономических интересов членов семьи, живущих вместе. Еще с древних времен потребности семьи обладали первостепенным значением в отличие от личных интересов, они сохранились и по сей день, продолжая оказывать существенное влияние на современную семейную жизнь китайцев» [11, с. 111]. Более того, можно сказать, что понятие семьи распространялось и распространяется для китайцев очень широко, захватывая соседей, друзей, различные организации, государство. Если для русских, можно сказать, друзья, государство – как семья (это подлежит сравнению по каким-то важным основаниям, в то время как существует все же отдельно), то для китайцев семья, можно сказать, распространяется на макросоциум.

Авторы исследования [12, с. 191-193], показывающего изменения концепта семьи в Китае, провели концепт-анализ через ассоциативный эксперимент – изучив форумы, интернет-блоги «Duwenzhang» «Zybang», участники которых высказали мнение о концепте семьи (результаты представлены на рис. 1) [13, 14].

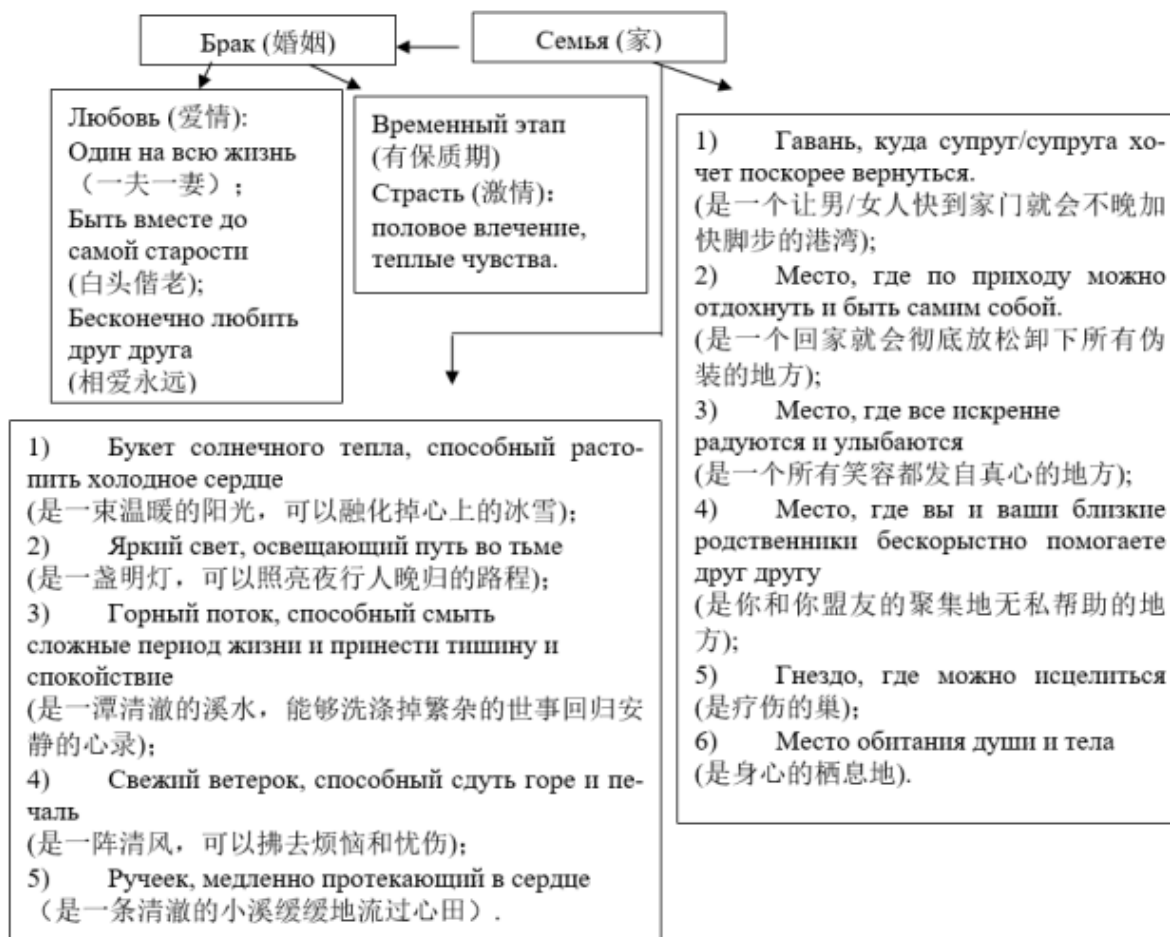

Рис. 1. Результаты концепт-анализа

Пользователями, участниками указанных ресурсов в Китае являются в основном молодые люди 20–29 лет [15], демонстрирующие современные тенденции восприятия образа семьи. С учетом видимых больших социокультурных изменений в Китае, связанных с молодежью, ролью семьи, данное исследование весьма показательно. Оно демонстрирует традиционную, обаятельную для субъектов культуры европейского типа восточную образность (в том числе в силу недостатка этого качества на Западе на современном этапе), кроме того – положительное отношение к семье молодых китайцев. Последнее, вероятно, связано и с молодым возрастом, романтическим восприятием любви, семьи (понятие любви в качестве одного из базовых фигурирует в схеме, где оно «подчиняется» понятию брака). Другие направления трактовки связаны со стремлением к гармонии, истинно благополучному существованию в семье и в жизни, с пониманием семьи как убежища (например: «гнездо, где можно исцелиться»). Подобное особое, очень позитивное восприятие пространства семьи определяется, пожалуй, «вековым деспотизмом» традиционного общества, где семья становилась, как можно понять, пространством свободы, душевного комфорта, к которому стремились люди, всячески оберегая ценности данного микросоциума, его благотворную атмосферу. Видно, что молодые китайцы, согласно исследованию, высказываются о семье в очень позитивном ключе (например: «свежий ветерок, способный сдуть горе и печаль»). Респонденты в целом разделяют традиционные и очень привлекательные духовные ценности своей страны, связанные в частности с гармонией (более зрелая часть населения Китая, поэтому, вероятно, может не беспокоиться, по большому счету, о духовном состоянии молодых представителей социума, чего не скажешь о России).

Выводы

В связи с этим напрашивается вывод, что не только настоящее положение Китая, но и его будущее может не вызывать опасений, тем более что речь идет о таком важном концепте, как семья. В отличие от деструктивных, вероятно, несколько поверхностных ориентиров в восприятии семьи в современной России (по крайней мере, в соответствии с литературными произведениями, продемонстрировавшими необходимость, согласно теме, образность), в Китае семью продолжают глубоко ценить во всех отношениях (относительно Китая с учетом особенностей культуры в плане образности можно удовлетвориться экспрессивностью высказываний молодежи на уровне социальных сетей).

Новизна тенденций восприятия образа семьи в Поднебесной, вероятно, выражается в демонстрируемом повышенном романтизме. Заметим, что респонденты в рамках указанного исследования в Китае не состояли в браке и отвечали, базируясь на опыте своих родителей, других людей, на своих ожиданиях. «Психологизация» образа семьи, его более эмоциональное (при этом, как и прежде, положительное) восприятие, безусловно, осуществляются здесь на глубокой почве традиций. Эти моменты отражают современные тенденции внимания к личности, личностного развития, что проявляет себя и в Китае – повторим, на почве глубоких традиций. Теперь образ семьи в Поднебесной меньше отражает чувство долга, осознание тягот (что есть, например и в русском слове «супруг», предполагающем жизнь «в одной упряжке», необходимость совместно «впрягаться» в проблемы). Соединение традиций, уважения к ним, к семье как к таковой и современных тенденций, без которых невозможно представить весьма необычную, динамичную (пусть и очень контрастную) нашу эпоху, дает возможность предполагать не только позитивное развитие китайской семьи на современном этапе, но и дальнейшее прогрессивное развитие Китая в истории. Время больших изменений может дать огромный рывок вперед. Что касается России, то ее кризисное, в том числе в духовном смысле, состояние вызывает большее опасение, закономерно подтверждающееся кризисом семьи. Однако, помимо необходимости влияния на духовное развитие россиян, молодых россиян [16, с. 225-234; 17, с. 286-293], здесь следует отметить, что Россия, как страна более европейского типа социально более свободна, следовательно, более динамична – в том числе в плане развития семьи. Тяжелый исторический путь демонстрирует нашу контрастность, не только традиционность, но и способность меняться, наши огромные возможности, которые порой (конечно, включая духовный уровень) проявляются, на взгляд со стороны, «мгновенно» [18, с. 77-81; 19; 20, с. 282-284; 21, с. 15-20]. Есть надежда, что на современном этапе и российская семья, и российский социум в целом испытают на себе воздействие именно этой закономерности. Конечно, здесь требуется глубокое осознание проблемы, выбор методов решения; с учетом того что наше государство, можно сказать по нашей воле, перестало быть авторитарным, следовательно, так или иначе прежнюю роль (которая часто была позитивной) в воспитании духовной личности оно более играть не может. Теперь это в гораздо большей степени дело гражданского общества.

Литература

1. Гурджиян М.В. Традиционная семья в современном российском обществе // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 41 – 43. <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-semya-v-sovremennom-rossijskom-obschestve/viewer>
2. Репина Т.А. Кризис современной семьи: причины, особенности, последствия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008, вып. 6 (62). С. 313 – 317.
3. Пьянкова Т.В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дис. ... канд. филолог. наук. СПб, 2012.
4. Национальный корпус русского языка. www.ruscorgo.ru
5. Панеш У.М. Изучение истории литературы сегодня: традиционные ориентиры, новые тенденции, базисные концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006, № 1. С. 213 – 216.
6. Крижовецкая О.М. Литература, беллетристика, массовая литература: проблема дифференциации // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 72 – 84.
7. Ван С. Языковые средства выражения чувственного восприятия и их роль в семантической организации художественного текста: на материале рассказов А.П. Чехова: дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 2014.
8. Волков А.В. О значимости чувственно-эмоционального начала в научном познании // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. С. 15 – 26.
9. Кулик А.И., Непомнящий А.В. О чувственном восприятии в развитии личности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2007. № 1 (73). С. 281 – 285.
10. 个人图书馆. 2019. http://www.360doc.com/content/17/1031/09/41444550_699637882.shtml
11. У Синьют. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 105. С. 111.
12. Баяндина И.В. Концепт «Семья» в китайской лингвокультуре // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 191 – 193.
13. Duwenzhang. 2019. <http://www.duwenzhang.com/wenzhang/aiqingwenzhang/ganwu/20160807/357150.html>

14. Zybang. 2019. <https://www.zybang.com/question/9bd76a2ffc3b01e5ed261fad525f0d73.html>
15. 199IT. 2019. <http://www.199it.com/archives/762915.html>
16. Ткачева Н.А., Белоношко Л.Н. Влияние духовно-нравственных ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 2. С. 225 – 234.
17. Красноруцкий П.П. Духовное самоопределение молодежи и духовная безопасность России: основные риски и угрозы // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 286 – 293.
18. Морохин А.В., Бушуева С.В. Ополчение 1611-1612 гг. как феномен общественного договора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 77 – 81.
19. Борисов Н.С. Воздействие Куликовской битвы на русскую культуру конца XIV – XV вв. // <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st012.shtml>
20. Крейс В.В. Сталинградская битва как коренной перелом в отношении духовного фактора победы // Вестник университета. 2014. № 7. С. 282 – 284.
21. Кусмарцев Н.Б. Патриотическое воспитание на духовном наследии Сталинградской битвы // Образовательные ресурсы и технологии. 2012. № 1. С. 15 – 20.

References

1. Gurdzhijan M.V. Tradicionnaja sem'ja v sovremennom rossijskom obshhestve. Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2016. № 4. S. 41 – 43. <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-semya-v-sovremennom-rossijskom-obshchestve/viewer>
2. Repina T.A. Krizis sovremennoj sem'i: prichiny, osobennosti, posledstviya. Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2008, vyp. 6 (62). S. 313 – 317.
3. P'jankova T.V. Leksicheskoe predstavlenie associativno-semanticheskogo polja «Sem'ja» v sovremennoj zhenskoy proze (na materiale proizvedenij L. Ulickoj i L. Petrushevskoj): dis. ... kand. filolog. nauk. SPb, 2012.
4. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. www.ruscorpora.ru
5. Panesh U.M. Izuchenie istorii literatury segodnja: tradicionnyye orientiry, novye tendencii, bazisnye koncepcii. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006, № 1. S. 213 – 216.
6. Krizhoveckaja O.M. Literatura, belletristika, massovaja literatura: problema differenciacii. Mir russkogo slova. 2009. № 2. S. 72 – 84.
7. Van S. Jazykovye sredstva vyrazhenija chuvstvennogo vosprijatija i ih rol' v semanticheskoy organizacii hudozhestvennogo teksta: na materiale rasskazov A.P. Chehova: dis. ... kand. filolog. nauk. Tomsk, 2014.
8. Volkov A.V. O znachimosti chuvstvenno-jemocional'nogo nachala v nauchnom poznanii. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155, kn. S. 15 – 26.
9. Kulik A.I., Nepomnjashnij A.V. O chuvstvennom vosprijatii v razvitii lichnosti. Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Tehnicheskie nauki. 2007. № 1 (73). S. 281 – 285.
10. 个人图书馆. 2019. http://www.360doc.com/content/17/1031/09/41444550_699637882.shtml
11. U Sin'juj. Lingvokul'turologicheskaja specifika koncepta «sem'ja» v russkoj i kitajskoj kul'turah. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 2009. № 105. S. 111.
12. Bajandina I.V. Koncept «Sem'ja» v kitajskoj lingvokul'ture. Molodoj uchenyj. 2020. № 16 (306). S. 191 – 193.
13. Duwenzhang. 2019. <http://www.duwenzhang.com/wenzhang/aiqingwenzhang/ganwu/20160807/357150.html>
14. Zybang. 2019. <https://www.zybang.com/question/9bd76a2ffc3b01e5ed261fad525f0d73.html>
15. 199IT. 2019. <http://www.199it.com/archives/762915.html>
16. Tkacheva N.A., Belonozhko L.N. Vlijanie duhovno-nravstvennyh cennostej molodezhi na formirovanie grazhdanskoj kul'tury rossijskogo obshhestva. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2017. T. 17. № 2. S. 225 – 234.
17. Krasnoruckij P.P. Duhovnoe samoopredelenie molodezhi i duhovnaja bezopasnost' Rossii: osnovnye riski i ugrozy. Social'no-gumanitarnye znaniya. 2013. № 7. S. 286 – 293.
18. Morohin A.V., Bushueva S.V. Opolchenie 1611-1612 gg. kak fenomen obshhestvennogo dogovora. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (3). S. 77 – 81.
19. Borisov N.S. Vozdejstvie Kulikovskoj bitvy na russkuju kul'turu konca XIV – XV vv. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st012.shtml>

20. Krejs V.V. Stalingradskaja bitva kak korennoj perelom v otnoshenii duhovnogo faktora pobedy. Vestnik universiteta. 2014. № 7. S. 282 – 284.

21. Kusmarcev N.B. Patrioticheskoe vospitanie na duhovnom nasledii Stalingradskoj bitvy. Obrazovatel'nye resursy i tehnologii. 2012. № 1. S. 15 – 20.

*Zhao Yuanze,
Gannan Normal University, China*

Russian family development prospects in comparison with Chinese one: based on the materials of research on the concept of "Family" in Russian and Chinese

Abstract: using the materials of research related to the concept of "Family" in the Russian and Chinese languages at the present stage, as well as the material of the basic, historically developed content of this concept in two linguistic systems, the author of the article justifies the forecasts of the development of the family phenomenon in the mainstream of Russian culture in comparison with Chinese. Among the goals of this comparison, it is necessary to highlight the socially relevant goal of verifying the crisis of the Russian family at the present stage and, accordingly, a more detailed prediction of the possibilities of overcoming it, taking into account the correct definition of the methodology. The result of the study was the conclusion about the current trends in the development of the concept of "Family", associated with the psychologization of the image, its more emotional and personal content—both in Russia and in China. At the same time, the image of the family in modern China is more widely and deeply correlated with powerful traditions; the forecast of the development of the family and society in China on the basis of this is positive. In Russia, taking into account its more European path, traditions are changing more actively, including the family crisis associated with this; at the same time, historically, culturologically, and in other aspects, the possibility of a positive forecast of overcoming the crisis of the Russian family is justified, which should be provided by certain social measures.

Keywords: family, China, Russia, history, modernity, crisis, spiritual development

For citation: Zhao Yuanze Russian family development prospects in comparison with Chinese one: based on the materials of research on the concept of "Family" in Russian and Chinese. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 94 – 100.

Буланова В.А.,
Военный университет Министерства обороны РФ

Лингвистические средства реализации суггестии в политической коммуникации Германии (на материале речей федерального канцлера Олафа Шольца „Zeitenwende“)

Аннотация: «Кто владеет информацией – тот владеет миром» – нельзя не согласиться со словами Наташа Ротшильда, всемирно известного немецкого банкира. Язык является не только средством общения, но и главной системой хранения и передачи информации. Поэтому в настоящее время, в условиях развития современного информационного общества, крайне важную роль играет умение грамотно пользоваться информацией и управлять обществом словом, оказывая на него языковое (речевое) воздействие. Различают суггестивное и персуазивное речевое воздействие. Цель данной статьи заключается в описании лингвистических средств реализации суггестии (внушения) в политической коммуникации Германии. Автор рассматривает суггестивные средства и приемы на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, иллюстрируя их примерами из текстов выступлений канцлера Германии Олафа Шольца.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, речевое воздействие, суггестия, персуазия, суггестивный потенциал текста

Для цитирования: Буланова В.А. Лингвистические средства реализации суггестии в политической коммуникации Германии (на материале речей федерального канцлера Олафа Шольца „Zeitenwende“) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 101 – 106.

Речевое воздействие как таковое встречается в нашей жизни практически повсеместно. Некоторые лингвисты трактуют речевое воздействие как любое речевое общение, рассматриваемое в контексте его целенаправленности [11, с. 30]. В широком смысле речевое воздействие понимается как воздействие на сознание и поведение адресата или адресатов посредством сообщений на естественном языке и паралингвистических средств [8]. В узком смысле речевое воздействие определяется как «конкретные примеры целенаправленного использования возможностей естественного языка, а также других знаковых систем, позволяющих адресанту влиять на изменения в сознании и поведении реципиента, защитные барьеры которого ослабляются текстом (совокупностью языковых единиц) с сильным воздействующим потенциалом» [5, с. 10].

Исследователи речевого воздействия различают и противопоставляют друг другу такие понятия, как суггестия (суггестивность) и персуазия (персуазивность). Под персуазией или убеждением понимается такой способ речевого воздействия, при котором автор сообщения приводит доводы, факты и логические выводы в защиту своей позиции, а реципиент, в свою очередь, проанализировав эти аргументы, осознанно принимает сторону говорящего. Персуазия сочетает в себе и рациональное убеждение, и элементы эмоционального воздействия [1, с. 3]. В.Е. Чернявская выделяет две главные цели персуазии: 1) влияние языковыми средствами на сознание, мнение и оценки адресата; 2) побуждение адресата к определенным действиям, к изменению поведения [10, с. 26].

Суггестия же – скрытое, «сознательное и неаргументированное воздействие» [9, с. 30], «воздействие на подсознание, эмоции, чувства человека» [11, с. 48]. Восприятие сообщения в данном случае происходит без критической оценки реципиента, информация принимается им на веру. Суггестию или внушение характеризуют отсутствие контроля (или пониженный контроль) со стороны сознания адресата [10, с. 26], снижение сознательности и критичности при восприятии речи адресанта [11, с. 48]. Внушение как способ языкового воздействия реализуется через собственно языковые средства: как вербальные, так и невербальные, а также через психологические приемы воздействия. В коммуникативных актах внушение может быть применено как целенаправленно и осознанно, так и интуитивно и помимо воли говорящего (внушение посредством личного обаяния, внешней красоты) [7, с. 16].

Суггестия распространена в различных сферах и ситуациях человеческого общения: в педагогике, в психологии, в медицине (в том числе прямое внушение на сеансах гипноза), в средствах массовой информации, в рекламе и маркетинге, в социологии, в политике и политологии.

Наибольший интерес для изучения, на наш взгляд, представляет именно суггестия ввиду своего скрытого, замаскированного характера и из-за неосознанности и произвольности восприятия информации при таком виде воздействия.

В настоящей статье рассматривается проявление суггестии в политическом дискурсе. Е.Т. Юданова предлагает выделить отдельный термин – «политическая суггестия». По мнению автора, политическая суггестия – «это исторически сложившаяся, закрепленная в общественно-политической, коммуникативной

практике особая форма речевого воздействия, осуществляемая на базе определенных типов текста и реализующая попытку адресанта (суггестора) корректировать, установку адресатов (суггерендов) путем подачи информации, восприятие которой происходит без критической оценки, бессознательно [12, с. 4].

В политическом дискурсе роль суггестора чаще всего играет профессиональный политик, например, президент, министр, канцлер, глава партии. Особенность политической коммуникации заключается в факторе адресата – как правило, это массовый или групповой адресат. Внушение направлено на граждан всей страны, депутатов, избирателей – суггерендов. Суггестору необходимо учитывать специфику и характеристики аудитории, строить свое выступление так, чтобы оно было понятно всем и оказало воздействие, внушение на как можно большее количество реципиентов.

Важную роль в процессе внушения играет межличностный компонент – авторитет, волевое и интеллектуальное превосходство говорящего в глазах адресата и доверие адресата субъекту внушения. Успешность суггестии зависит и от суггестабельности реципиента – степени его восприимчивости и индивидуальной подверженности к внушению [2, с. 36].

Далее рассмотрим языковые средства реализации суггестии в политической коммуникации Германии на материале двух речей федерального канцлера Олафа Шольца в бундестаге, которые получили название „Zeitenwende“ («поворотный момент», «начало новой эры», «смена эпох», «переход в новую эпоху»). Первое выступление состоялось 27 февраля 2022 года и было приурочено к началу проведения специальной военной операции России на территории Украины и к переориентации политики безопасности Германии, второе – спустя почти год, 2 марта 2023 года. Само слово *Zeitenwende* было выбрано словом года в Германии [13], многократно употреблялось и активно употребляется в политическом дискурсе на немецком языке.

Внушение проявляется на разных уровнях языка: фонетическом, лексическом и синтаксическом.

1. Фонетический уровень

Одним из распространенных приемов суггестии на этом уровне является *фонетический повтор* гласных (*ассонанс*) или согласных звуков (*аллитерация*):

- *Ja, wir wollen und wir werden unsere Freiheit, unsere Demokratie und unseren Wohlstand sichern* [14]. - *Alles andere halte ich für unverantwortlich* [14]. - *Und wir werden umsteuern - umsteuern, um unsere Importabhängigkeit von einzelnen Energielieferanten zu überwinden* [14]. - *Wir brauchen Flugzeuge, die fliegen, Schiffe, die in See stechen, und Soldatinnen und Soldaten, die für ihre Einsätze optimal ausgerüstet sind* [14]. - *„Nie wieder Krieg“* [15].

Фонетический повтор гласных или согласных звуков в приведенных примерах обеспечивает ритмичность высказывания, помогает более легкому его восприятию на слух.

Рифма также способствует ритмичности речи, делает высказывание более запоминающимся, акцентирует внимание слушателя на рифмующихся элементах, выделяет их: - *Ich bin voller Zuversicht, dass uns das gelingt* [14]. - *Jetzt aber sind diese Aufgaben noch wichtiger, noch dringlicher* [15].

2. Лексический уровень

В суггестивных текстах часто встречается экспрессивная, эмоционально-окрашенная лексика, лексика, вызывающая стереотипные и культурные ассоциации.

Эпитеты используются для создания более точного, яркого представления об объекте речи, нередко для «сгущения» красок, преувеличения. В исследуемых текстах нам встретилось огромное количество эпитетов, оказывающих сильное эмоциональное воздействие на адресата: *die himmelschreiende Ungerechtigkeit, ein infamer Völkerrechtsbruch, eine verantwortungsvolle, vorausschauende Energiepolitik, in dieser extremen Lage* [14]; *unfassbares Leid, furchtbarste Kriegsverbrechen, brutalste Repressionen, seine imperialistischen Ziele, eine enorme Hilfe* [15].

Синекдоха – прием, заключающийся в названии частного вместо общего и, в некоторых случаях, наоборот: - *Auf absehbare Zeit aber gefährdet Putin diese Sicherheit* [14]. - *Am Donnerstag hat Präsident Putin mit seinem Überfall auf die Ukraine eine neue Realität geschaffen* [14]. - *Dieser Krieg ist Putins Krieg* [14].

В приведенных предложениях фамилия президента России Владимира Путина употреблена для обозначения всей России, однако сделано это преднамеренно для того, чтобы акцентировать внимание именно на личности Путина, повесить на него одного «ярлык» виновного в сложившейся ситуации.

В следующих двух примерах вместо указания страны, Украины, приводятся частные названия городов. Адресант тем самым, вероятно, пытался показать свою осведомленность в событиях, происходящих на территории Украины, продемонстрировать знание названий украинских городов. Однако у реципиентов может сложиться обратное впечатление из-за того, что в обоих примерах перечислены одни и те же города в одинаковой последовательности: - *In Kiew, Charkiw, Odessa und Mariupol verteidigen die Menschen nicht nur ihre Heimat* [14]. - *Die schrecklichen Bilder aus Kiew, Charkiw, Odessa und Mariupol zeigen die ganze Skrupellosigkeit Putins* [14].

Примерами синекдохи являются и такие словосочетания как „ukrainische Stimmen“ [15] («украинские голоса» вместо Украины) и „kalten Wohnungen“ [15] («холодные квартиры» для обозначения проблемы с отоплением).

Часто встречаются и **синонимы**, применяемые для того, чтобы подчеркнуть важность обозначаемых ими понятий. Так, например, для названия стран-партнеров Германии использовались целые синонимические ряды: *Freunde, Partner und Gleichgesinnte; Bündnisse und Allianzen; Freunde und Alliierte* [14].

Интересен такой языковой и психологический прием как «**навешивание ярлыков**», заключающийся в необъективной и неаргументированной негативной характеристике «для создания и закрепления в сознании аудитории чьего-либо дискредитирующего образа» [4, с. 87]. Для реализации этого приема употребляют лексику и устойчивые выражения с негативной коннотацией. Следующие примеры демонстрируют навешивание ярлыков на президента России, чтобы вызвать у реципиентов чувство ненависти к нему, беспокойство за безопасность Германии и Европы: - *Die schrecklichen Bilder aus Kiew, Charkiw, Odessa und Mariupol zeigen die ganze Skrupellosigkeit Putins* [14]. - *Im Kern geht es um die Frage, <...> ob wir die Kraft aufbringen, Kriegstreibern wie Putin Grenzen zu setzen* [14]. - *Unser „Nie-wieder!“ bedeutet, dass sich Putins Imperialismus nicht durchsetzen darf* [15].

Обращение к **прецедентным феноменам** также является эффективным средством оказания суггестивного воздействия на адресата. Прецедентные феномены – это вербальные и невербальные единицы «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [3, с. 216]. Упоминание в выступлении прецедентных текстов, высказываний, событий, произведений, названий и имен вызывает в памяти народа конкретные ассоциации, отсылает к важным событиям в прошлом, напоминает об исторической судьбе государства. Прецедентные феномены передают когнитивно-значимую информацию, выполняя в речи прагматическую функцию: - *Man schafft auch keinen Frieden, wenn man hier in Berlin „Nie wieder Krieg“ <...>* [15].

В приведенном примере употреблено прецедентное название произведения искусства – один из самых известных антивоенных плакатов немецкой художницы Кете Кольвиц „*Nie wieder Krieg*“ («Никогда больше войны»), который напоминает реципиентам о событиях Первой мировой войны.

В следующем отрывке встречается сразу несколько прецедентных феноменов. Политика президента Путина противопоставляется политике разрядки международной напряженности *Вилли Брандта и Гельмута Шмидта*, действия Москвы обозначаются как противоречащие *Хельсинским соглашениям и Парижской хартии*. Более того, Хельсинский процесс не раз упоминается в выступлении канцлера: - *Damit legt er die Axt an die vielleicht wichtigste Errungenschaft der Entspannungspolitik von Willy Brandt und Helmut Schmidt: das gemeinsame Bekenntnis in der Schlussakte von Helsinki, Grenzen in Europa nicht gewaltsam zu verschieben. Ja, und nach dem Fall des Eisernen Vorhangs haben sich die Staaten Nordamerikas und Europas – auch Russland – in der Charta von Paris zu Demokratie, Pluralismus, Rechtsstaatlichkeit und zur freien Bündniswahl bekannt* [15].

3. Синтаксический уровень

Синтаксические средства реализации суггестии способны придавать речи более тонкие и незаметные эмоционально-выразительные, образные и смысловые оттенки.

Так, при помощи **антитезы** в выступлении достигается яркое противопоставление понятий. Такой контраст между сравниваемыми явлениями делает речь более яркой и запоминающейся: - *Welche Fähigkeiten besitzt Putins Russland, und welche Fähigkeiten brauchen wir <...>* [14] - *Und auch darin stecken Herausforderung und Chance zugleich* [14]. - *Die einen haben ihre Solidarität mit der Ukraine ausgedrückt und weitere Unterstützung gefordert. Andere haben gegen Waffenlieferungen demonstriert und sofortige Friedensverhandlungen mit Russland verlangt* [15]. - *<...>, wo Putins Soldaten ukrainischen Zivilisten unfassbares Leid angetan und furchtbarste Kriegsverbrechen begangen haben* [15].

Синтаксический параллелизм и анафора (единоначатие) добавляют речи структурность и ритмичность, делают выступление более легким для понимания на слух, более запоминающимся из-за повторяющихся конструкций: - *Unser „Nie-wieder!“ bedeutet, dass der Angriffskrieg niemals zurückkehrt als Mittel der Politik. Unser „Nie-wieder!“ bedeutet, dass sich Putins Imperialismus nicht durchsetzen darf* [15]. - *Das ist menschenverachtend. Das ist völkerrechtswidrig. Das ist durch nichts und niemanden zu rechtfertigen* [14]. - *Ich danke allen, die in diesen Tagen Zeichen setzen gegen Putins Krieg <...>. Und ich danke allen, die in diesen Zeiten mit uns einstehen für ein freies und offenes, gerechtes und friedliches Europa* [14]. - *Deshalb stehen wir so fest an der Seite der Ukraine <...>. Deshalb leisten wir humanitäre, wirtschaftliche und militärische Hilfe für die Ukraine <...>* [15].

Еще одним приемом, часто применяющимся политиками для реализации суггестивного воздействия, является **повтор (лексический, фразовый)**. Повтор подразумевает использование «средств языка с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении» [6, с. 83]. Этот прием заключается в многократном повторении определенных лексических единиц как в рамках сверхфразового единства, так и на протяжении всего текста. Повтор способствует эффективности запоминания важных моментов выступления, автоматизации, делает акцент на ключевых словах, которые тянутся по тексту выступления красной нитью: - *Der Krieg ist eine Katastrophe für die Ukraine. Aber der Krieg wird sich auch als Katastrophe für Russland erweisen [14]. - Unser „Nie-wieder!“ bedeutet, dass der Angriffskrieg niemals zurückkehrt als Mittel der Politik. Unser „Nie-wieder!“ bedeutet, dass sich Putins Imperialismus nicht durchsetzen darf [15].*

Отметим, что в рассмотренных выступлениях на всем их протяжении наиболее частотными являются такие лексемы, как *Ukraine* (в текстах двух выступлений 61 раз), *Krieg* (42 раза), *Europa* (41 раз), *Putin* (38 раз), *Bundeswehr* (13 раз), *Energie* (12 раз), *Zeitenwende* (10 раз). Так, наиболее употребительные ключевые слова позволяют сделать вывод о том, что основной акцент в выступлениях был сосредоточен на обсуждении специальной военной операции на Украине и действий президента России Владимира Путина. Внимание уделялось и проблеме перехода на возобновляемые источники энергии, а также необходимости модернизации вооруженных сил Германии, рациональности создания специального фонда бундесвера. Слово *Zeitenwende*, о котором речь уже шла выше, подводит черту всем рассматриваемым вопросам, знаменуя начало новой эпохи не только во всем мире, но и внутри Германии.

Риторические вопросы и восклицания имеют своей целью привлечь внимание публики, выделить центральные моменты выступления. Риторические фигуры добавляют в речь экспрессию, усиливают ее напряженность: - *Welche Fähigkeiten besitzt Putins Russland <...> [14]? - Was ist die beste Entscheidung für die Union [14]? - Was heißt das für die Zukunft [14]?*

Часто после риторического вопроса в суггестивных текстах дается ответ, готовый алгоритм действий, реципиенту предлагается просто бессознательно принять его и согласиться с ним: - *Was trifft die Verantwortlichen am härtesten? Die, um die es geht, und nicht das russische Volk [14]!*

Приведенные ниже риторические восклицания выражают восхищение автора (второй пример) и возмущение оратора (первый пример, является видом риторического восклицания – аганактезисом): - *Was für eine Schande [14]! - Wie recht sie hat [15]!*

Вводные конструкции по ходу всего выступления применяются для плавности речи, для обозначения незаметных переходов с одной темы на другую, структурируют и оформляют текст выступления по пунктам: *eines, erstens, zweitens*; многократные обращения к публике со словами *Meine Damen und Herren*.

При помощи приема **инверсии** суггестор привлекает внимание слушателей. Для немецкого языка характерен определенный порядок слов в предложении, если же он нарушается – это сразу становится заметно для аудитории, заставляет ее отвлечься и направить фокус внимания на выступающего. Таким образом, инверсия в суггестивном тексте выполняет эмфатическую функцию. Приведем в пример предложение с препозицией сказуемого, нарушением так называемой рамочной конструкции (по правилам немецкой грамматики глагол *fortsetzen* должен был занять последнее место в предложении): - *Wir stehen keineswegs allein in unserem Einsatz für den Frieden. Wir werden ihn fortsetzen mit aller Kraft [14].*

Для суггестивного текста характерны **простые предложения**, поскольку они более кратки, лаконичны и динамичны, лучше запоминаются, содержат в себе главную мысль без «воды». **Побудительные предложения (императив)** также обладают высоким суггестивным потенциалом. Они напрямую призывают реципиентов к действиям, однако звучат не как жесткая команда, а как настоятельная рекомендация, аргументированный совет, которому адресат подчиняется на бессознательном уровне: - *Geben Sie nicht auf [14]! - Ziehen Sie Ihre Truppen zurück [15]! - Nutzen Sie Ihren Einfluss in Moskau, um auf den Rückzug russischer Truppen zu drängen! Und liefern Sie keine Waffen an den Aggressor Russland [15]!*

В сложных предложениях воздействующую функцию принимают на себя **средства когезии**. Они служат для связи предложений, для плавных и логичных переходов от темы к теме, для последовательного перечисления фактов: - *Ich habe dieses Zitat ausgewählt, weil ich es wichtig finde, dass wir ukrainische Stimmen hören, wenn wir über Russlands Krieg in der Ukraine diskutieren [14].*

Наряду с этим в выступлениях нам встретилось большое количество сложных бессоюзных предложений (**бессоюзи**). Главное предложение соединяется с придаточным с помощью двоеточия или запятой, таким образом порядок слов в придаточном предложении остается прямым. Для адресата это создает комфортные условия для понимания и запоминания услышанного: - *Ich weiß: Diese Art der Unterstützung <...> ist*

ungewohnt in unserem Land [15]. - Für die Bundesregierung ist klar: Wir werden der Ukraine helfen <...> [15]. - Klar ist: Wir müssen deutlich mehr in die Sicherheit unseres Landes investieren <...> [14].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что суггестивный потенциал политического дискурса и конкретного политического текста (выступления) зависит от примененных лингвистических средств и приемов реализации суггестии.

Средства фонетического уровня (фонетический повтор, рифма) придают тексту ритмичность, плавность, акцентируют внимание реципиента на важных моментах, способствуют более легкому восприятию речи на слух.

Суггестивность на лексическом уровне обеспечивают эмоционально-оценочные средства, лексика, вызывающая стереотипные ассоциации. Лингвистические средства и приемы этого уровня (эпитет, прием «наवेशивания ярлыков», синекдоха, прецедентные феномены) делают речь выразительной, яркой, интересной для реципиента. За счет образности этих средств достигается неясность, скрытость воздействия, происходит косвенное внушение на подсознательном уровне.

На уровне синтаксиса суггестивную функцию выполняют такие средства, как риторический вопрос и восклицание, инверсия, повтор, вводные конструкции, простые и сложные (союзные и бессоюзные) предложения, повелительные предложения. Лингвистические средства синтаксического уровня обеспечивают ритмичность текста, служат для лучшего запоминания услышанного, выделения главного. На этом уровне достигается плавность речи, логичность и последовательность повествования, комфорт и легкость восприятия текста на слух.

Эффектное выступление оратора, имеющее своей целью оказать суггестивное влияние на реципиентов, сочетает в себе как набор лингвистических средств и приемов всех уровней языка, так и невербальные компоненты (жесты, мимика, фото- или видеоряд, презентация, внешний вид оратора и др.).

Литература

1. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия тектообразования в риторическом метододискурсе (на материале немецкого языка): автореферат дис. ... д-ра фил. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2011. 41 с.
2. Гончаров Г. Суггестия: теория и практика. М.: «КСП», 1995. 320 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
4. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2007. 176 с.
5. Кулова Л.З. Особенности речевого воздействия в различных типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2016. 168 с.
6. Москвин В.П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81 – 85.
7. Павлова А.В. Вербальные и невербальные способы манипулирования в дискурсе и возможности их классификаций по различным основаниям // Acta linguistica. Sofia. 2014. Vol. 8. (1). P. 16 – 45.
8. Паршин П.Б., Пирогова Ю.К. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 63 – 71.
9. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.
10. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
11. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск, 2008. 232 с.
12. Юданова Е.Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.
13. GfdS wählt »Zeitenwende« zum Wort des Jahres 2022. URL: <https://gfdS.de/wort-des-jahres-2022/> (дата обращения: 12.02.2023)
14. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (дата обращения: 24.02.2023)
15. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz zu einem Jahr Zeitenwende vor dem Deutschen Bundestag. URL: <https://germania.diplo.de/ru-de/aktuelles/-/2585838> (дата обращения: 24.02.2023)

References

1. Golodnov A.V. Persuazivnost' kak universal'naja strategija tektoobrazovanija v ritoricheskom metododiskurse (na materiale nemeckogo jazyka): avtoreferat dis. ... d-ra fil. nauk. SPb.: Izd-vo RGPU im. Gercena, 2011. 41 s.
2. Goncharov G. Suggestija: teorija i praktika. M.: «KSP», 1995. 320 s.

3. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 1987. 363 s.
4. Koptina G.A. Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie. M.: Nauka: Flinta, 2007. 176 s.
5. Kulova L.Z. Osobennosti rechevogo vozdejstvija v razlichnyh tipah diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. Nal'chik, 2016. 168 s.
6. Moskvina V.P. Tipologija povtorov kak stilisticheskoy figury. Russkij jazyk v shkole. 2000. № 5. S. 81 – 85.
7. Pavlova A.V. Verbal'nye i neverbal'nye sposoby manipulirovanija v diskurse i vozmozhnosti ih klassifikacij po razlichnym osnovanijam. Acta linguistica. Sofia. 2014. Vol. 8. (1). P. 16 – 45.
8. Parshin P.B., Pirogova Ju.K. Rechevoe vozdejstvie: osnovnye sfery i raznovidnosti. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika. M., 2000. S. 63 – 71.
9. Sidorenko E.V. Trening vlijaniya i protivostojaniya vlijaniyu. SPb.: Rech', 2004. 256 s.
10. Chernjavskaja V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstvija. M.: Flinta: Nauka, 2006. 136 s.
11. Shelestjuk E.V. Rechevoe vozdejstvie: ontologija i metodologija issledovanija. Cheljabinsk, 2008. 232 s.
12. Judanova E.T. Suggestivnaja funkcija jazykovyh sredstv anglojazychnogo politicheskogo diskursa: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. SPb., 2004. 20 s.
13. GfdS wählt »Zeitenwende« zum Wort des Jahres 2022. URL: <https://gfdS.de/wort-des-jahres-2022/> (data obrashhenija: 12.02.2023)
14. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (data obrashhenija: 24.02.2023)
15. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz zu einem Jahr Zeitenwende vor dem Deutschen Bundestag. URL: <https://germania.diplo.de/ru-de/aktuelles/-/2585838> (data obrashhenija: 24.02.2023)

*Bulanova V.A.,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

**Linguistic means of suggestion realization in German political communication
(based on the speeches of the Federal Chancellor Olaf Scholz "Zeitenwende")**

Abstract: "Whoever owns information – owns the world" – one cannot disagree with the words of Nathan Rothschild, the world-famous German banker. Language is not only a means of communication, but also the main system for storing and transmitting information. Therefore, at present, in the conditions of the development of the modern information society, the ability to use information competently and manage society with a word, exerting linguistic (speech) influence on it, plays an extremely important role. There are suggestive and persistent speech effects. The purpose of this article is to describe the linguistic means of realization of suggestion in German political communication. The author examines suggestive means and techniques at the phonetic, lexical and syntactic levels, illustrating them with examples from the texts of speeches by German Chancellor Olaf Scholz.

Keywords: political communication, political discourse, speech impact, suggestion, persuasion, suggestive potential of the text

For citation: Bulanova V.A. Linguistic means of suggestion realization in German political communication (based on the speeches of the Federal Chancellor Olaf Scholz "Zeitenwende"). Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 101 – 106.

**Чиркин И.С., преподаватель,
Военный университет имени Князя Александра Невского Министерства Обороны РФ**

Этнические и социальные стереотипы как фактор формирования языковой картины мира военнослужащего на материале словацких военных текстов

Аннотация: в статье рассмотрены этнические и социальные стереотипы как фактор формирования языковой картины мира военнослужащего на материале словацких военных текстов. Использовались подходы таких ученых, как Ю.Д. Апресяна, О.В. Беловой, В.В. Красных, Е.А. Степанова и других исследователей. В данной статье автором одним из первых предпринята попытка анализа языковой картины мира словацкого этноса в рамках военного подязыка на материале словацких военных текстов различных жанров. Автором представлены различные определения понятия «Языковая картина мира», особенности картины мира военнослужащих, а также лингвистическая составляющая языковой картины мира военнослужащих, которая обнаруживает ее «терминологическую направленность», «отсутствие оценочной составляющей» и личного отношения индивида к воспринимаемым явлениям действительности. В качестве примера приведены некоторые выдержки из учебников общевойсковой тактики словацкого и российского издания. По мнению автора, одни и те же реалии войны могут быть увидены представителями различных этнических культур как одинаково, так и по-разному, замечены в одной культуре и вовсе не замечены в другой.

Результатом проведенного исследования стало обобщение и описание характерных отличительных особенностей языковой картины мира военнослужащих в целом, а также их последующий анализ в процессе вербализации ключевых стереотипов военной субкультуры в военном подязыке. Полученные результаты могут быть использованы при повышении качества письменного и устного перевода, совершенствовании подготовки военных переводчиков с учетом современных лингвострановедческих, этносоциолингвистических особенностей военной субкультуры Словакии, а также в ходе изучения дисциплин «Теория перевода», «Стилистика», «Практический курс военного перевода».

Ключевые слова: языковая картина мира, военная субкультура, этнические и социальные стереотипы, военный подязык, словацкий язык

Для цитирования: Чиркин И.С. Этнические и социальные стереотипы как фактор формирования языковой картины мира военнослужащего на материале словацких военных текстов // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 107 – 114.

Введение

Объект настоящего исследования образует языковая картина мира военной субкультуры, **предмет** – этнические и социальные стереотипы языковой картины мира военнослужащих ВС Словацкой республики.

Актуальность исследования заключается в том, что в контексте глобальных военно-политических изменений, затрагивающих словацкий этнос, возникают совершенно новые этнические и социальные стереотипы, влияние которых на языковую картину мира социальной группы военнослужащих еще предстоит исследовать в ближайшем будущем. Их изучение и описание представляет интерес для как для практики военного перевода, так и для разработки новых рекомендаций в рамках межкультурного взаимодействия различных этносов.

Вопросами этнических и социальных стереотипов, языковой картины мира занимались как отечественные ученые: Б.Л. Бойко, А.С. Романов, Е. Бартьминский, Е.А. Степанов, О.В. Белова, Ю.Д. Апресян, так и зарубежные – Гумбольдт, У. Куастхоф, Й.Л. Вайсгербер, Э. Сепир и Б. Уорф.

Тем не менее, вопросы исследования вербализации стереотипов в языковой картине мира словацких военнослужащих практически не охвачены существующими исследованиями.

Задачи исследования:

- 1) дать общую характеристику понятия «стереотип» в контексте лингвистики, обобщив теоретические работы отечественных и зарубежных ученых по этой проблематике;
- 2) проследить и описать взаимосвязь языковой картины мира с этническими и социальными стереотипами;
- 3) проанализировать характерные отличительные особенности языковой картины мира военнослужащих в контексте общенациональной языковой картины мира;
- 4) описать процесс вербализации стереотипов языковой картины мира словацкой военной субкультуры на примере военных текстов различных жанров.

Материалом исследования послужили находящиеся в открытом доступе тексты военно-технического характера, интервью и бесед со словацкими военнослужащими, тактических и боевых документов.

В работе использовались **методы**:

- 1) целевой выборки – для направленного отбора и анализа речевого материала выступлений представителей военно-политического руководства Словацкой республики и текстов военной прессы;
- 2) контент-анализа – в целях понимания выбора военнослужащими коммуникативных стратегий и речевых средств в данных речевых ситуациях.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при повышении качества письменного и устного перевода, совершенствовании подготовки военных переводчиков с учетом современных лингвострановедческих, этносоциолингвистических особенностей военной субкультуры Словакии, а также в ходе изучения дисциплин «Теория перевода», «Стистика», «Практический курс военного перевода».

Основная часть

Современный характер этносоциолингвистических исследований в языкознании обусловлен ключевой ролью процессов межэтнической, межкультурной и межгрупповой коммуникации и взаимодействия. Таким образом, центром всех научных изысканий становится человек и все больше внимание в языкознании уделяется антропоцентрическому направлению.

Причиной таких изменений служит широкое распространение информационно-коммуникационных технологий в рамках четвертой промышленной революции, что дает каждому возможность входить во взаимодействие с представителями других этносов, культур.

Несмотря на то, что от акта межкультурной коммуникации нас отделяет всего лишь пара нажатий кнопок, мы нуждаемся не только в устойчивых разговорных и письменных навыках на иностранном языке, но и в понимании ценностей, культурных особенностей, традиций, особенностей мышления и восприятия представителей других этносов.

В подтверждение этому следует привести слова Л. Гумилева: «..мы почему-то никак не хотим признать очевидного: основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания — она в эмоциях: симпатиях, антипатиях, любви-ненависти. И направление этих симпатий-антипатий вполне обусловлено для каждого этноса...» [7, с. 300].

Идеи Льва Николаевича Гумилева находят свое практическое выражение в процессе акта межкультурной коммуникации, т.е. столкновения двух различных культур, двух отличных друг от друга культурно-специфических взглядов на мир, которые отчетливо проявляются в этнических и социальных стереотипах.

Стереотипы имеют важное значение в формировании представлений человека о мире. Они способствуют экономии интеллектуальных усилий в процессе восприятия и категоризации новой информации, играют ключевую роль в процессе коммуникации, формируют облик национальных культур и выступают в роли этнокультурного идентификатора [3, с. 5].

Этнические и социальные стереотипы, их связь с языком, культурой и ценностями

Этнические и социальные стереотипы не существуют обособлено, не возникают без причины, они тесно связаны с понятием «язык» и «культура».

Стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, опора личности в диалоге культур [9, с. 15] Одно из первых определений стереотипа в контексте лингвистики предложила Ута Куастхофф, в ее понимании стереотип – это вербальное выражение убеждений представителей определенной социальной группы. Стереотип имеет логическую форму оценочного суждения, которое в упрощенном и обобщенном виде приписывает группе те или иные свойства или модели поведения или отказывает группе в наличии тех или иных свойств или моделей поведения.

В данном определении заключены важные свойства стереотипа в контексте лингвистики:

- стереотип вербализуется, т.е. проявляется в языке через конкретные языковые средства;
- стереотип характеризует культурно-детерминированные особенности социальной группы, если речь идет о социальном стереотипе, и особенности представителей этнической группы или этноса в рамках этнического стереотипа;
- стереотип несет в себе ценностный компонент, на который опирается этническая или социальная группа в процессе своей жизнедеятельности.

Связь этнических и социальных стереотипов с языком и культурой подводит нас к мысли о том, что стереотип представляет собой неотъемлемый элемент, формирующий языковую картину мира представителя этнической или социальной группы.

Аналогичного подхода придерживается В.В. Красных, характеризуя стереотип с точки зрения структурного элемента языковой картины мира, существующего в массовом сознании. По В.В. Красных стереотип –

это некий образ-представление, некая ментальная “картинка”, некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации [8, с. 178].

Тесную связь стереотипов с языковой картиной мира отмечает Ежи Бартьминский. Однако ученый приписывает стереотипу не роль структурного элемента языковой картины мира, а его основной составляющей, в которой отражается специфичное восприятие и толкование конкретным языковым сообществом окружающего мира.

Языковая картина мира военнослужащих в контексте общенациональной языковой картины мира

Понимая тесную взаимосвязь языка, культуры и стереотипов, главенствующую роль последних в формировании языковой картины мира, можно предположить, что этнические и социальные стереотипы формируют модель восприятия мира, обуславливают ее национально-культурную специфику. Познавая суть стереотипа, мы частично познаем и языковую картину мира отдельного человека, социальной группы в рамках единого этноса.

Существует большое количество определений понятия «Языковая картина мира». Тем не менее, в данной статье автор будет придерживаться трудов Ю.Д. Апресяна, который трактует языковую картину мира как определенную «...схему восприятия действительности...». Языковая картина мира зафиксирована в языке, она специфична и передается всем носителям языка в качестве обязательного элемента [1, с. 39].

Изучение языковой картины мира этноса или отдельной социальной группы определенного этноса ведет к лучшему пониманию того, как носитель языка думает, каких ценностей придерживается, какие культурные особенности и традиции разделяет. Результаты подобных исследований могут представлять практический интерес для повышения качества межкультурного взаимодействия и перевода.

Различные особенности языковой картины мира отражаются непосредственно в языке. Особенности осмысления и оценки представителями конкретного этноса внешнего мира запечатлеваются в формах слов [6, с. 73]. Слово в языке выполняет не только номинативную функцию, но несет в себе национально-специфические языковые особенности.

Продemonстрировать данное утверждение мы можем на примере сравнения русской пословицы «*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*» с ее аналогом в словацком языке „*Bez práce nie sú koláče*“ (досл. *Без работы нет и пирогов/тортов*).

С точки зрения семантики обе пословицы выражают одинаковый смысл – *без труда и усилий не может ничего быть достигнуто*, что подтверждается наличием двух полных по лексическому значению слов: «*práca*» - *труд, работа*. Однако в качестве образной демонстрации в первом варианте используется «*рыбка*», а во втором «*koláč*».

Наличие двух разных примеров вербализации стереотипов объясняется различными историко-культурными особенностями развития двух этнических групп, несмотря на общее славянское прошлое.

Лексема «*рыбка*» свидетельствует о приоритете в повседневном быте рыбалки, как основы для обеспечения пропитания и выживания в рамках собирательства, а также трудоемкости данного процесса.

«*Koláč*» как элемент быта древних словаков отражает богатую историко-культурную традицию данного этноса. Так характеризуют роль *пирога* как элемента выпечки словацкие народные Рождественские обычаи: «*Magická moc sa pripisovala práve vianočnému pečivu. Často z upečeného pečiva dávali aj sliepkam, aby dobre znášali vajcia*» – *Рождественской выпечке приписывалась магическая сила. Часто выпечку давали также курам, чтобы они хорошо несли яйца* [13]. Данный пример отражает роль *пирога* как символа *урожайности* и успешного домашнего хозяйства.

Другой пример: «*Okrem chlebov, posúchov a opekancov sa na Vianoce pekli aj koláče z kysnutého cesta. Dostatok napečeného pečiva mal byť predzvestou hojnej úrody v nasledujúcom roku. Na Štedrý večer sa mal každý najesť dosýta*» – *Помимо хлеба, позуча и опеканца, на Рождество пекли и заварные пироги. Обилие выпечки должно было стать предвестником обильного урожая в следующем году. В канун Рождества все должны были наестся досыта* [13]. В данном примере аналогично подчеркивается роль *пирога* в качестве символа *плодородия*.

Языковая картина мира военнослужащих как отдельной социальной группы представляет собой самостоятельный элемент общенациональной языковой картины мира. Отличительные особенности картины мира военнослужащих обусловлены, в первую очередь, особым родом деятельности ее носителей, которая заключается в поддержании обороноспособности государства. Лингвистическая составляющая языковой картины мира военнослужащих обнаруживает ее «терминологическую направленность», «отсутствие оценочной составляющей» и личного отношения индивида к воспринимаемым явлениям действительности [11, с. 7].

В качестве иллюстрации автор может привести следующий пример:

Таблица 1

<p>Tank je pásové obrnené bojové vozidlo, vyznačujúce sa veľkou priechodnosťou, pancierovaním a palebnou silou, ktorá mu umožňuje likvidovať najrôznejšie ciele. Základnými vlastnosťami tanku sú palebná sila, pancierovanie, vysoká manévrovacía schopnosť, schopnosť vykonávať presuny na dlhé vzdialenosti a prekonávať prekážky. Primárnou výzbrojou tanku je obvykle kanón. Hlavná výzbroj tanku býva umiestnená v otočnej veži. (URL:https://sk.wikipedia.org/wiki/Tank_(vozidlo))</p>	<p>Танк – это гусеничная боевая бронированная машина, характеризующаяся высокой проходимостью, бронированием и огневой мощностью, что позволяет ей уничтожать широкий спектр целей. Основными характеристиками танка являются огневая мощь, бронированность, высокая маневренность, способность осуществлять движение на большие расстояния и преодолевать препятствия. Основным вооружением танка обычно является орудие, которое, как правило, расположено в башне.</p>
--	---

Отметим, что данный текст не обладает стилистически окрашенными элементами. В нем отсутствует субъективная оценка индивида. Однако в нем присутствует большое количество военных терминов, характерных для описания элементов вооружения и военной техники: «**pásové obrnené bojové vozidlo**» (*гусеничная боевая бронированная машина*), «**priechodnosť**» (*проходимость*), «**pancierovanie**» (*бронирование*), «**palebná sila**» (*огневая мощь*), «**manévrovacía schopnosť**» (*способность к маневрированию*), «**kanón**» (*орудие*).

Адекватность и эквивалентность перевода, в этой связи, будет достигаться за счет владения элементами языковой картины мира военной субкультуры в своем языке.

Действительно, военная деятельность предполагает с одной стороны широкое применение специальных терминов вооружения, военной техники, ведения боевых действий, использование специальных тактических обозначений, с другой – отличается правилами формальной коммуникации между военнослужащими в рамках уставов.

Однако мы не можем однозначно согласиться с тем, что единственная отличительная особенность языковой картины мира военной субкультуры состоит в ее терминологической направленности. В то же время, неправильно было бы утверждать, что в языковой картине мира военнослужащих полностью отсутствует такой важный этнокультурный компонент как оценочность и эмоциональность. Языковая картина мира аккумулирует знания об иной культуре, в ней накапливается и специальный слой военной лексики, выражающий реалии этой культуры элементы военного жаргона, профессионализмы, военный фольклор.

В качестве примера автор может привести отрывок из интервью со словацким военнослужащим, где присутствуют как элементы военной терминологии, так и стилистически окрашенная лексика.

Словацк. «*Chcel som rásť ako potápač, zdokonaľovať sa. V roku 2002 som absolvoval základnú vojenskú službu. Už predtým som bol držiteľom kvalifikácie Divemaster. Veľa som sa potápal, dokonca som mal za sebou určité práce pod vodou. Sám od seba by som si po základnej vojenskej službe armádu nevybral. No oslovil ma jeden major z náborového strediska, že v Sereďi je potápačská jednotka a ja by som tam mohol na základe mojich skúseností zapadnúť. Tak som sa sem ešte ako základák išiel pozrieť. Prešla okolo mňa tatra s veľkým člnom. Chytilo ma to za srdce a odvtedy som tu, v Sereďi*» [14].

Рус. *Я хотел развиваться как водолаз, совершенствоваться в этой профессии. В 2002 году я закончил курс основной военной службы. К этому времени у меня уже была квалификация дайв-инструктора. Я много занимался дайвингом, даже выполнял некоторые подводные работы. Я бы не выбрал военную службу по собственному желанию после прохождения основной военной службы. Но майор из призывного пункта сказал мне, что в Середи есть водолазное подразделение, и я могу туда поступить, учитывая мой опыт. И я поехал туда как призванный, чтобы посмотреть. Мимо меня проехала "Татра" с большой лодкой. Это тронуло меня за самое сердце, и с тех пор я здесь, в Середи.*

Отметим, что перевод данного отрывка интервью требует от переводчика знания не только терминологии, но и особенностей языковой картины мира словацкой военной субкультуры.

Представленный текст имеет терминологическую направленность, но уже в гораздо меньшей степени. Такие лексемы как «*potápač*» (водолаз), «*základná vojenská služba*» (основная военная служба), «*držiteľom kvalifikácie*» (специалист, обладающей квалификацией), «*jednotka*» (подразделение) наглядно демонстрируют, что военнослужащие даже в неформальной обстановке владеют и используют военную терминологию, как неотъемлемый элемент их быта.

Однако в тексте присутствуют и профессионализмы, которые заменяют собой военную терминологию. «*Náborové stredisko*» – *призывной пункт* или досл. *центр/пункт набора* (в качестве официального термина

используется лексема *regrutacia*). «*Základ'ák*» – досл. *основник* (в качестве официального термина используется словосочетание *vojak základnej služby* – *военнослужащий основной службы*). Данный пример аналогичен механизму образования профессионализма в русском языке: *солдат срочной службы* – *срочник*.

В тексте представлен элемент военной техник «*Tatra s veľkým člnom*» (Татра с большой лодкой). Однако такой перевод нельзя считать ни адекватным, ни эквивалентным. Под названием «*Tatra*» скрывается словацкое предприятие по производству грузовых автомобилей как гражданского, так и военного назначения, что аналогично использованию КАМАЗ в русском языке [15]. В этой связи, адекватным переводом следует считать следующий вариант: «*Грузовой военный автомобиль «Татра» с погруженной на него лодкой*».

Профессионализм «*Divemaster*» (дайв-инструктор) отражает слабо развитую военную терминологию словацкого языка и вынужденное заимствование в рамках общего военного блока НАТО. Если обратиться к толкованию данного понятия в английском языке, то мы получим следующее значение: «*A divemaster is a role that includes organising and leading recreational dives, particularly in a professional capacity, and is a qualification used in many parts of the world in recreational scuba diving for a diver who has supervisory responsibility for a group of divers and as a dive guide*» – Дайв-инструктор – это роль, которая включает в себя организацию и руководство рекреационные погружения, особенно в профессиональном качестве, и это квалификация, используемая во многих частях мира в рекреационном подводном плавании для водолаза, который несет ответственность за руководство группой водолазов и в качестве инструктора по погружениям [16].

И хотя военнослужащий использует в интервью термин «*potapač*» (водолаз), он не отражает особенностей данной квалификации и выполняемых задач.

В указанном выше отрывке текста используются и другие стилистически окрашенные элементы – фразеологизмы. Военнослужащие, будучи носителями как общей, так и специальной языковой картины мира, частотно используют фразеологизмы общего характера и военные. «*Chytilo ma to za srdce*» – *меня это тронуло за сердце* (досл. *меня это ухватило за сердце*). Указанный фразеологизм демонстрирует стереотип позитивного эмоционального отношения к военной службе, а также показывает значимость профессии для военнослужащего.

Таким образом, не понимая определенных культурно-исторических особенностей, которые вербализуются посредством стереотипов в языковой картине мира военной субкультуры, можно столкнуться с проблемами в межкультурной коммуникации и достижения адекватности и эквивалентности в переводе военных текстов.

Языковая картина мира военнослужащих отличается краткостью и лаконичностью языковых средств. Упорядоченность, согласованность действий достигается в результате употребления однозначно понимаемых речевых выражений, и способствует достижению наибольшего успеха при наименьшей затрате сил.

Изучение языковой картины мира этноса и отдельной социальной группы внутри этнических рамок может происходить только в сравнении с языковой картиной мира представителя другой этнической и социальной общности. Одни и те же реалии войны могут быть увидены представителями различных этнических культур как одинаково, так и по-разному, замечены в одной культуре и вовсе не замечены в другой» [4, с. 3].

В качестве примера приведем некоторые выдержки из учебников общевойсковой тактики словацкого и русского издания:

«*Obrana je základný, ale nie rozhodujúci druh boja vedený s cieľom odraziť alebo zmariť útok nepriateľa v stanovenom priestore a čase, spôsobiť mu straty, udržať dôležité priestory, zachovať sily a prostriedky, a tým si vytvoriť podmienky na vlastnú aktívnu činnosť*» [12, с. 205].

Перевод на русский язык: *Оборона - это основной, но не решающий вид боевых действий, ведущейся с целью отражения или срыва атаки противника в рамках определенной местности и времени, нанести потери, удержать важные районы, сохранить силы и ресурсы и тем самым создать условия для собственных активных действий.*

Помимо этого, приведем отрывок текста об обороне из русского учебника по тактике: *Оборона – вид боя. Она имеет целью отразить наступление превосходящих сил противника, нанести ему максимальные потери, удержать важные районы (объекты) местности и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление. Современная оборона должна быть устойчивой и активной, способной отразить удары противника с применением всех видов оружия* [10, с. 152].

В данном примере речь идет об обороне, как виде боевых действий. В словацком варианте обороне приписывается роль основного вида боевых действий: «*základný*» (*основной, основополагающий, базовый*). Однако подчеркивается, что ключевые результаты достигаются с помощью других видов боевых действий, а именно *наступления*: «*nie rozhodujúci druh boja*» (*не является решающим видом боевых действий*).

В русском варианте понятие «оборона» сопоставимо с понятием «наступление», оно равноценно важно для ведения боевых действий: «Оборона – вид боя». В этом примере мы можем наблюдать отсутствие оценочности по отношению к роли тех или иных боевых действий.

Словацкая военная наука предусматривает следующие цели обороны как вида боевых действий:

- *odrazit' útok nepriateľa* (отразить наступление противника);
- *zmarit' útok nepriateľa* (сорвать наступление противника);
- *spôsobit' tu stratu* (нанести потери);
- *udržať dôležité priestory* (удержать важные районы);
- *zachovať sily a prostriedky* (сохранить силы и ресурсы);
- *vytvoriť podmienky na vlastnú aktívnu činnosť* (создать условия для собственных активных действий).

Российская военная наука предполагает следующие цели, достигаемые входе обороны:

- отразить наступление *превосходящих* сил противника;
- нанести *максимальные* потери;
- удержать важные районы (*объекты*);
- создать *благоприятные* условия для *перехода в наступление*.

В ходе сравнения основных целей и задач обороны, автор отмечает, следующие различия:

- во-первых, целью обороны в словацком варианте является просто отражение наступления противника, когда в русском варианте основанием для перевода к обороне являются *превосходящие силы противника*, что может рассматриваться как особенность языковой картины мира, отражающая некоторые психологические черты русского воина – *держат оборону перед превосходящим противником*. В словацком понимании оборона должна чередоваться с наступлением в зависимости от того, какие действия предпринимает противник.

- во-вторых, оборона в языковой картине мира словацкого военнослужащего имеет целью *сорвать* наступление противника, что не отражено в русском варианте.

- в-третьих, в ходе обороны российский военнослужащий ставит перед собой цель нанести *максимальные* потери противнику, т.е. *если обороняться, то как следует*. В понимании словацкого военнослужащего мы не видим таких отличительных особенностей, ради чего организуется оборона.

- в-четвертых, в языковой картине мира словацкой военной субкультуры мы можем наблюдать черты *индивидуализма*, которые проявляются в том, что цель обороны предполагает *сохранение сил и ресурсов*, т.е. личного состава, техники, боеприпасов и т.д. Тогда как в языковой картине мира русского военнослужащего указанная особенность не находит своей актуализации. Можно предположить, что на первое место выходят ценности коллективизма, которые имеют приоритет перед индивидуальным.

- в-пятых, оборона в понимании словацкого военнослужащего – это возможность создать благоприятные условия для *активных действий* с собственной стороны, однако, в русском варианте мы видим, что ключевой результат обороны предполагает переход именно в *наступление*, а не совокупность каких-то мелких действий.

Таким образом, языковая картина мира военной субкультуры обладает следующими отличительными особенностями, в частности, она:

- обнаруживает ярко выраженную терминологическую направленность;
- отражает формальный характер межличностной коммуникации, отличается низкой степенью оценочности и эмоциональности;
- обладает культурно и исторически детерминированными элементами в форме военного жаргона, профессионализмов, военного фольклора, отличительных особенностей армейской жизни вне рамок устава.

Языковая картина мира военнослужащих имеет уникальный номинативный характер, поскольку содержит большое количество названий вооружения, военной техники и элементов военного. Военнослужащие в целом – носители как общенациональной языковой картины мира, так и специализированной военной.

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать следующие **выводы**.

1. Стереотип тесно связан с языком и культурой, выступает в роли структурного элемента языковой картины мира этноса или социальной группы, который отражает особенности исторического развития и мировосприятия, ценности и отличительные характеристики.

2. Языковая картина мира военной субкультуры, представляя собой самостоятельный элемент общенациональной языковой картины мира, обладает, с одной стороны, ярко выраженной терминологической направленностью, которая предполагает отсутствие оценочной субъективной составляющей и стилистически окрашенных средств, с другой стороны, отражает элементы военного быта,

культуры, повседневной деятельности, что актуализируется в военном жаргоне, профессионализмах, сленге, фразеологизмах.

3. Исследование особенностей языковой картины мира военнослужащих возможно только в сравнении с аналогичной языковой картиной мира в другом языке или этнической, социальной группе. Ввиду исторических и культурных различий, те или иные реалии военной службы, быта, ведения боевых действий и межличностной коммуникации могут быть по-разному отражены в языковой картине мира каждого этноса.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование / Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. 598 с.
3. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2006. 28 с.
4. Бойко Б.Л. Военный жаргон в армейских субкультурах (на материале русского и немецкого языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: «Филологические науки» 2008. № 10 (34). С. 54 – 57.
5. Бойко Б.Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) / Известия ВГПУ. М., 2008.
6. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира. К.: Логос, 2004. 284 с.
7. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Прогресс, 1992. С. 300.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: уч. пос. Минск: ТетраСистемс., 2004. 266 с.
10. Байрамуков Ю.Б. и др. Общая тактика: учебник / под общ. ред. Ю.Б. Торгованова. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 346 с.
11. Степанов Е.А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2018. 23 с.
12. Peter Spilý, Michal Hrnčiar. Vojenská taktika: vysokoškolská učebnica. Akadémia ozbrojených síl generála M. R. Štefánika, Liptovský Mikuláš, 2013. P. 274.
13. Словацкие Рождественские традиции и обычаи для детей и их родителей. URL: <https://www.sdetmi.com/podujatia/detail/65947/vianocne-zvyky-a-tradicie-na-slovensku/> (дата обращения: 27.02.2023)
14. Интервью с военнослужащим ВС СР о прохождении водолазной подготовки в США. URL: <https://www.armyweb.cz/clanek/rozhovor-s-jedynym-slovakem-ktery-uspesne-absolvoval-tvrdy-sedmimesicni-vycvik-navy-seals> (дата обращения: 21.02.2023)
15. Описание и технические характеристики военного автомобиля «Tatra». URL: <https://www.tatra.cz/nakladni-automobily/odvetvovy-katalog/armada/> (дата обращения: 26.02.2023)
16. Электронная энциклопедия. URL: <https://en.m.wikipedia.org/wiki/Divemaster> (дата обращения: 28.02.2023)

References

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. 767 s.
2. Bartmin'skij E. Bazovye stereotypy i ih profilirovanie. Stereotypy v jazyke, kommunikacii, kul'ture: sb. st. sost. i отв. red. L.L. Fedorova. M.: RGGU, 2009. 598 s.
3. Belova O.V. Jetnicheskie stereotypy po dannym jazyka i narodnoj kul'tury slavjan: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2006. 28 s.
4. Bojko B.L. Voennyj zhargon v armejskih subkul'turah (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov). Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: «Filologicheskie nauki» 2008. № 10 (34). S. 54 – 57.
5. Bojko B.L. Jazykovaja kartina mira armejskoj subkul'tury (na materiale nemeckoj i russkoj voennoj leksiki). Izvestija VGPU. M., 2008.
6. Golubovskaja I.A. Jetnicheskie osobennosti jazykovyh kartin mira. K.: Logos, 2004. 284 s.
7. Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii. M.: Progress, 1992. S. 300.
8. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.

9. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika: uch. pos. Minsk: TetraSystems., 2004. 266 s.
10. Bajramukov Ju.B. i dr. Obshhaja taktika: uchebnyk. pod obshh. red. Ju.B. Torgovanova. 2-e izd., ispr. i dop. Krasnojarsk: Sib. feder. un-t, 2017. 346 s.
11. Stepanov E.A. Jazykovaja kartina mira voennoj sfery (lingvokul'turologicheskij i terminologicheskij aspekty): avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 2018. 23 s.
12. Peter Spilý, Michal Hrnčiar. Vojenská taktika: vysokoškolská učebnica. Akadémia ozbrojených síl generála M. R. Štefánika, Liptovský Mikuláš, 2013. P. 274.
13. Slovacke Rozhdestvenskie tradicii i obyčaji dlja detej i ih roditelej. URL: <https://www.sdetmi.com/podujatia/detail/65947/vianocne-zvyky-a-tradicie-na-slovensku/> (data obrashhenija: 27.02.2023)
14. Interv'ju s voennosluzhashhim VS SR o prohozhdenii vodolaznoj podgotovki v SShA. URL: <https://www.armyweb.cz/clanek/rozhovor-s-jedynym-slovakem-ktery-uspesne-absolvoval-tvrdy-sedmimesicni-vycvik-navy-seals> (data obrashhenija: 21.02.2023)
15. Opisanie i tehničeskije harakteristiki voennogo avtomobilja «Tatra». URL: <https://www.tatra.cz/nakladni-automobily/odvetvovy-katalog/armada/> (data obrashhenija: 26.02.2023)
16. Jelektronnaja jenciklopedija. URL: <https://en.m.wikipedia.org/wiki/Divemaster> (data obrashhenija: 28.02.2023)

Chirkin I.S., Lecturer,

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Ethnic and social stereotypes as a factor in the formation of a linguistic picture of the world of a serviceman based on the material of Slovak military texts

Abstract: the article considers ethnic and social stereotypes as a factor in the formation of a linguistic picture of the world of a serviceman based on the material of Slovak military texts. The approaches of such scientists as Yu.D. Apresyan, O.V. Belova, V.V. Krasnykh, E.A. Stepanov and other researchers were used. In this article, the author is one of the first to attempt to analyze the linguistic picture of the world of the Slovak ethnos within the framework of the military sublanguage on the material of Slovak military texts of various genres. The author presents various definitions of the concept of "Linguistic worldview", features of the worldview of military personnel, as well as the linguistic component of the linguistic worldview of military personnel, which reveals its "terminological orientation", "absence of an evaluative component" and the individual's personal attitude to the perceived phenomena of reality. As an example, some excerpts from the textbooks of combined arms tactics of the Slovak and Russian editions are given. According to the author, the same realities of war can be seen by representatives of different ethnic cultures both equally and in different ways, seen in one culture and not seen at all in another.

The result of the study was a generalization and description of the characteristic distinctive features of the linguistic picture of the world of military personnel as a whole, as well as their subsequent analysis in the process of verbalization of key stereotypes of the military subculture in the military sublanguage. The results obtained can be used to improve the quality of translation and interpretation, improve the training of military translators, taking into account modern linguistic, ethnosociolinguistic features of the military subculture of Slovakia, as well as during the study of the disciplines "Theory of Translation", "Stylistics", "Practical course of military translation".

Keywords: linguistic picture of the world, military subculture, ethnic and social stereotypes, military sublanguage, the Slovak language

For citation: Chirkin I.S. Ethnic and social stereotypes as a factor in the formation of a linguistic picture of the world of a serviceman based on the material of Slovak military texts. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 107 – 114.

Экономова А.Д., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный университет Синергия

Проблема вербальной манипуляции в правовой сфере: аксиологическое освещение

Аннотация: в статье представлен анализ явления вербальной манипуляции в сфере юриспруденции. Попытки дать оценку данному явлению с позиций нравственности, а также разграничить понятия речевого воздействия и речевой манипуляции предпринимаются и по сей день. В данной работе совокупность приемов языковой манипуляции рассматривается как особая разновидность манипуляции, отличная от логической и психологической манипуляций. Специфика исследуемого явления определяется его отношением к коммуникативным постулатам Г.П. Грайса и правилам аргументации Ф. Есемерена и Р. Гроотендорстома. В статье представлен перечень приемов языкового манипулирования (буквализация, эпитроп, умолчание, агнонимы, криптолалия, речевая мимикрия, аргумент многословия, мейозис, замена конкретного названия обобщенным названием, гипотипозис и другие), рассмотрены некоторые из них: антифразис, затемнение смысла, искусственная книжность, адвокатский довод. Оценка явления вербальной манипуляции с учетом морально-нравственного критерия также является одним из вопросов, рассматриваемых в данном исследовании. В правовой сфере, как относящейся к сферам повышенной речевой ответственности, рассматриваемый вопрос обретает особую остроту и актуальность, а умение распознавать манипулятивные техники представляется в качестве неотъемлемой составляющей профессиональной компетенции юриста. Обозначаются перспективы возможного дальнейшего исследования настоящей проблемы.

Ключевые слова: вербальная манипуляция, приемы речевого манипулирования. антифразис, затемнение смысла, искусственная книжность, адвокатский довод этика, морально-нравственный критерий, юриспруденция

Для цитирования: Экономова А.Д. Проблема вербальной манипуляции в правовой сфере: аксиологическое освещение // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 115 – 118.

Аксиологический вектор жизни и деятельности каждого человека задается особенностями эпохи, в которую он живет. Сегодня мы во многом переживаем наследие эпохи постмодерна, постулирующей тотальный субъективизм, относительность и иллюзорность всего, в том числе традиционных ценностных установок. Однако, для успешного продвижения к поставленной цели в океане той или иной деятельности, в том числе и профессиональной, нельзя обойтись «без руля и без ветрил». Полагаем, что заложенная еще в античную эпоху категория этоса как совокупности морально-нравственных ценностей должна рассматриваться в качестве основы любой профессиональной деятельности.

Поскольку в основе большинства разновидностей профессиональной деятельности человека лежит коммуникация, определение системы *речевых* ценностных координат нам представляется весьма актуальным. Особенно если речь идет о тех сферах деятельности, которые определяются как сферы повышенной речевой ответственности, одной из которых является область права.

В правовой сфере одной из активно обсуждаемых проблем является проблема вербальной манипуляции. Тот факт, что сегодня вербальная манипуляция не только широко применяется как в бытовом, так и в деловом общении, но и становится предметом научных исследований, подтверждается значительным количеством публикаций по данной теме. Кроме того, феномен вербальной манипуляции как социальная проблема актуализирован в вопросе его юридикации.

В свете сказанного нам представляется весьма востребованным аксиологическое освещение проблемы манипулятивного воздействия в области юриспруденции.

В данной работе мы ставим своей целью аксиологическую оценку речевой манипуляции в правовой сфере, поскольку данная сфера (наряду с рекламой) является одной из наиболее высокоманипулятивных [4, с. 1561].

Нравственные ценности важны, потому что они помогают людям делать правильный выбор в жизни. Они также учат, как относиться к другим людям с уважением и как вести себя так, как это приемлемо в обществе. Нравственные ценности связаны с фундаментальными человеческими эмоциями и переживаниями, которые особым образом мотивируют их. Нравственные ценности – это стандарты добра и зла, которыми руководствуются действия и решения человека [4, с. 13].

Аксиологический аспект собственно *речевого* поведения конкретизируется в той части системы коммуникативных постулатов Г.П. Грайса, которая относится к характеристике качества информации («будь искренен»), а также к способу ее выражения («избегай двусмысленности») [4, с. 160]. Этим постулатам со-

звучны первые два правила аргументации, сформулированные голландскими логиками Ф. Еемереном и Р. Гроотендорстом: «1. Будь ясен (clear). Не совершай непонятных речевых актов. 2. Будь честен (honest). Не совершай неискренних речевых актов» [4, с. 160].

Обозначенные постулаты (правила) нарушаются, когда мы сталкиваемся с явлением вербальной (речевой) манипуляции. Сразу оговоримся, что в данной работе мы не будем рассматривать приемы логического и психологического манипулирования, а остановимся на некоторых приемах манипулирования языкового, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что рассматриваемое явление имеет сложную природу, необходимо содержащую не только речевой, но и логический, и психологический аспекты. К приемам языкового манипулирования относятся: *буквализация, антифразис, повтор, эпитроп, умолчание, агнонимы, скотисон, криптотолалия, искусственная книжность, речевая мимикрия, аргумент многословия, преувеличение, мейозис, замена конкретного названия обобщенным, гипотипозис* и др. Рассмотрим примеры некоторых из них.

Одним из распространенных приемов языкового манипулирования является *антифразис* – «употребление слова или выражения в противоположном значении, обычно в ироническом смысле. Иными словами, в отношении контраста в данном случае вступают внешняя форма выражения мысли (слова, словосочетания, фразы, более крупные образования) и их содержание, смысл» [5, с. 202].

Стоит отметить, что «*Столько же получила скромный завлаб Баянова, генеральный директор «Оренбургнефть» Р. Храмов и «прочие достойные лица» антифразис «прочие достойные лица»* эксперты определяют так: «...в анализируемом контексте это словосочетание взято в кавычки. Кавычками эти слова выделены для придания им иронического значения... Иронический контекст определяется самим смысловым содержанием раздела анализируемой статьи «Личные интересы», в котором названы физические лица, внесшие в уставный капитал определенные суммы: «...за 100 тысяч неденоминированных рублей тот же В. Виноградов оказался владельцем реального капитала... почти в 600 тысяч полновесных долларов» (противопоставление 100 тысяч неденоминированных рублей – 600 тысяч долларов). Таким образом, в контексте анализируемой статьи словосочетание «*прочие достойные лица*», заключенное автором статьи в кавычки, употреблено в значении «прочие недостойные лица» [12].

Другой прием – *затемнение смысла* – Н.И. Федорищева комментирует следующим образом: «Когда юрист, например, произносит термин *непроизвольная конверсия собственности*, его коллегам понятно, что речь идет об утрате собственности, вызванной воровством, несчастным случаем или конфискацией». Когда же в совершенстве владеющий терминологией юрист, находящийся на службе, скажем, у авиакомпании, подает своему руководству идею вставить выражение *непроизвольная конверсия* по отношению к потерпевшему катастрофу самолету в отчет перед акционерами, то у не владеющих профессиональным жаргоном слушателей не возникает подозрения, что авиакомпания скрыла за этой фразой простую махинацию [11, с. 13]. Вариацией рассмотренного приема является прием искусственной книжности. Использование излишне наукообразных выражений рассматривается также как один из вариантов индивидуально-личностной тактики участников судебного процесса [8, с. 17].

Стоит особо отметить несовершенство законодательных текстов, дающих повод для их вариативного толкования, в частности, для «*адвокатского довода*». По мнению М.Б. Костровой юристам известна норма Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой содержится характеристика преступления, которая в свою очередь рассчитана на применение непосредственно к единичному случаю. Описанное посредством синекдохи смысловое поле признаков не имеет препятствий к расширению. Стоит привести пример, что использованное в статье 200 понятие «обман потребителей» воспринимается в качестве совершения преступления против интересов группы лиц. Путаница единственного (документы) и множественного (награды, штампы, печати, бланки) в ст. 327 Уголовного кодекса может привести к фактической декриминализации случаев, когда производится только один из нескольких перечисленных предметов [5, с. 207].

Поскольку манипуляция вообще и речевая манипуляция в частности интерпретируется весьма разнообразно, мы считаем принципиально важным уточнить свою трактовку данного понятия с учетом ценностного компонента в его содержании.

С одной стороны, нельзя полностью игнорировать принцип этического релятивизма, подчеркивающего относительность этических вопросов.

С другой стороны, в большинстве определений термина «манипуляция» подчеркивается его пейоративная характеристика, а также «неблаговидность действий манипулятора» [10, с. 73], которая закреплена, как можно предположить, в сознании большинства носителей языка. Человек может манипулировать речью, изменяя то, что говорит цель, даже если он вообще не собирался этого говорить или говорил дольше, чем собирался [3, с. 133]. По мнению И.В. Беляевой, оказывать разрушающее влияние на общество и личность может такое негативное социально-психологическое явление как манипуляция [2, с. 12]. Манипуляция рас-

смачивается как попытка, в которой поведение и реакция объекта являются инструментом, используемым для достижения целей манипулятора. Манипулирование определенно является формой обмана, которая используется, чтобы убедить получателя в определенных идеях и убеждениях путем манипулирования правдой для достижения целей и потребностей манипулятора. Несмотря на то, что это рассматривается как форма обмана, обман и убеждение частично совпадают [1, с. 143]. Мы считаем невозможным определение речевой манипуляции в качестве ценностно-нейтрального понятия, являющегося, по мнению И.А. Стернина, не ругательным словом или морально осуждаемым [9, с. 56].

Учитывая сказанное, мы предлагаем использовать аксиологический аспект для разведения понятий «речевое воздействие» и «речевая манипуляция», подчеркивая характер последнего как не соответствующий этическому кодексу.

Поскольку форма и содержание различных видов речей в юридической практике зависит от ситуации общения, этапа и вида судопроизводства, процессуального статуса и правовой позиции его участников, а также от множества других факторов, постольку для детального исследования необходимо конкретизировать описание и оценку манипулятивных тактик для каждого вида речи, что могло бы стать основой дальнейшего исследования, учитывая также и то, что множественность коммуникативных форм манипулирования и многочисленные языковые проявления манипулятивных стратегий делают манипулирование одной из самых сложных и актуальных проблем лингвистики [2, с. 5].

По мнению исследователей, для письменных показаний характерны стратегии отбора информации, которые проявляются в подборе конструкций предложений, отражающих характер эпизодов описываемой ситуации и указывающих читателю, на какие эпизоды следует обратить внимание [4, с. 1561].

Итак, в целом соглашаясь с тем, что для юриста профессионально значимым является «сознательное и естественное стремление сформировать позицию адресата, соответствующую задаче оратора» [4, с. 1561], считаем, что фальсификация, сокрытие, искажение, преувеличение и преуменьшение, двусмысленность представляемой информации, а также существенное смещение акцентов как манипулятивные тактики, несовместимы с представлением о системе нравственных качеств представителей юридической профессии.

Умение идентифицировать манипулятивные тактики является важной составляющей профессиональной компетенции юриста. «Юридический дискурс выполняет важную функцию построения той объективности и беспристрастности, к которой стремится правовой институт» [13, с. 274]. Речевое манипулирование нивелирует объективность и беспристрастность, и поэтому, положенное в основу профессиональной деятельности юриста, разрушает ее аксиологическую составляющую.

Литература

1. Аверченко Л.К. Управление поведением в организациях. Новосибирск, 2003. 148 с.
2. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 40 с.
3. Голубева А.В., Максимов В.И. Русский язык и культура речи. М., 2008.
4. Коноваленко Т.Г., Каширская К.С. Манипулирование при межличностных установках говорящего в англоязычном судебном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1560 – 1567.
5. Кострова М.Б. К вопросу об использовании изобразительно-выразительных средств в уголовном законе // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АГУ, 2004. С. 201 – 215.
6. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 725 с.
7. Падеро Н.В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2004. 21 с.
8. Резуненко М.Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ставрополь, 2018. 19 с.
9. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж: Истоки, 2009. 178 с.
10. Сур Е.И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 3. С. 71 – 75.
11. Федорищева И.Н. Двусмысленные высказывания как фактор, препятствующий общению // Вестник Амурского государственного университета. 2000. Вып. 10. С. 13 – 14.

12. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.
13. Чжан Сяожань. Лексико-синтаксические средства воздействия в юридическом // Современное педагогическое образование. 2022. № 6. С. 274 – 278.

References

1. Averchenko L.K. Upravlenie povedeniem v organizacijah. Novosibirsk, 2003. 148 s.
2. Beljaeva I.V. Fenomen rechevoj manipuljacii: lingvojuridicheskie aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 40 s.
3. Golubeva A.V., Maksimov V.I. Russkij jazyk i kul'tura rechi. M., 2008.
4. Konovalenko T.G., Kashirskaja K.S. Manipulirovanie pri mezhlichnostnyh ustanovkah govorjashhego v anglojazychnom sudebnom diskurse. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2022. T. 15. Vyp. 5. S. 1560 – 1567.
5. Kostrova M.B. K voprosu ob ispol'zovanii izobrazitel'no-vyrazitel'nyh sredstv v ugovnom zakone. Jurislingvistika-5: juridicheskie aspekty jazyka i lingvisticheskie aspekty prava: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Pod red. N.D. Goleva. Barnaul: ATU, 2004. S. 201 – 215.
6. Moskvina V.P. Ritorika i teorija argumentacii: uchebnik dlja vuzov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 2019. 725 s.
7. Padero N.V. Formirovanie nraivnyh cennostej budushhij juristov v sisteme vysshego obrazovanija: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk. Novokuzneck, 2004. 21 s.
8. Rezunenko M.F. Strategii i taktiki rechevogo povedenija sudej, gosudarstvennyh obvinitelej i advokatov v sudebno-processual'nom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Stavropol', 2018. 19 s.
9. Sternin I.A. Osnovy rechevogo vozdejstvija: uchebnoe izdanie. Voronezh: Istoki, 2009. 178 s.
10. Sur E.I. Manipuljacija: ponjatie, osnovnye priznaki i struktura. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2012. № 3. S. 71 – 75.
11. Fedorishheva I.N. Dvusmyslennye vyskazyvanija kak faktor, prepjatstvujushhij obshheniju. Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2000. Vyp. 10. S. 13 – 14.
12. Cena слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.
13. Чжан Сяожань. Лексико-синтаксические средства воздействия в юридическом. Современное педагогическое образование. 2022. № 6. С. 274 – 278.

*Economova A.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Moscow Financial and Industrial University Synergy*

The problem of verbal manipulation in the legal sphere: axiological coverage

Abstract: the article presents an analysis of the phenomenon of verbal manipulation in the field of jurisprudence. Attempts to assess this phenomenon from the standpoint of morality, as well as to distinguish between the concepts of speech influence and speech manipulation are being made to this day. In this paper, the set of techniques of language manipulation is considered as a special kind of manipulation, different from logical and psychological manipulation. The specificity of the phenomenon under study is determined by its relation to the communicative postulates of G.P. Grice and the rules of argumentation of F. Eemeren and R. Grootendorstom. The article presents a list of language manipulation techniques (literalization, epitrope, silence, agnonyms, cryptolalia, speech mimicry, verbosity argument, meiosis, replacement of a specific name with a generalized name, hypotyposis, and others), some of them are considered: antiphrasis, obscuration of meaning, artificial bookishness, lawyer argument. The assessment of the phenomenon of verbal manipulation taking into account the moral criterion is also one of the issues considered in this study. In the legal sphere, as related to the areas of increased speech responsibility, the issue under consideration becomes particularly acute and relevant, and the ability to recognize manipulative techniques is presented as an integral component of the professional competence of a lawyer. The prospects of possible further investigation of this problem are outlined.

Keywords: verbal manipulation, speech manipulation techniques, antiphrasis, obscuration of meaning, artificial bookishness, lawyer's argument ethics, moral criterion, jurisprudence

For citation: Economova A.D. The problem of verbal manipulation in the legal sphere: axiological coverage. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 115 – 118.

*Романова Ю.Г., кандидат педагогических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Институт общественных наук,
Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Ду Хуэй,
Московский государственный институт международных отношений*

**Международная коммуникация в сфере бизнеса и права:
особенности перевода политического дискурса**

Аннотация: многие исследователи изучают политический дискурс, стратегии и тактики его влияния на общественность и избирателей. Заявления политиков могут быть обращены как к международному сообществу, так и к гражданам своих стран. Анализ речи может помочь спрогнозировать намерения политиков и определить наиболее эффективные способы воздействия на общественность, поэтому направление нашего исследования представляет особый интерес для изучения.

В рамках нашей работы, прежде всего, необходимо было определить понятие политического дискурса, в силу востребованности которого в ряде научных дисциплин, таких как лингвистика, философия, социология и других, его определение вызывает многочисленные трудности.

Данная работа посвящена выявлению особенностей перевода текстов политического дискурса в языковой паре китайский – русский, что обусловлено усилением влияния Китая на международной арене, а также расширением сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в сфере политики и экономики. В ходе исследования были проанализированы основные подходы к определению политического дискурса, а также рассмотрены основы политической риторики. Наибольшее внимание было уделено лингвистическим аспектам политического дискурса. В статье поднимается вопрос важности понимания и правильного перевода политических заявлений и доктрин каждой страны, что является одной из главных составляющих успешного международного взаимодействия. Политический дискурс рассматривается как особый инструмент урегулирования отношений между странами, служащий способом решения международных конфликтов.

Ключевые слова: политический дискурс, перевод, лингвистические особенности, коммуникативный контекст, лексика, рамочная конструкция

Для цитирования: Романова Ю.Г., Ду Хуэй Международная коммуникация в сфере бизнеса и права: особенности перевода политического дискурса // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 119 – 122.

Проанализировав работы многих ученых–лингвистов, можно прийти к выводу, что дискурс как языковое явление представляет собой сложный многокомпонентный процесс. В современной лингвистике существует множество подходов к определению данного понятия. Дискурс в целом связан с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Его главной особенностью является обязательное функционирование текста в определенном контексте, времени и пространстве.

Политический дискурс основной своей целью имеет наибольшее воздействие на адресанта, что проявляется в различных лексических, грамматических, синтаксических и смысловых особенностях политического языка.

Политический дискурс – это текст, который определяется тематикой публикации, направлен на выражение интересов политических акторов в ходе их действий в борьбе за политическое влияние и власть и оценивается в определенном коммуникативном контексте. Существует множество жанровых классификаций политических текстов, основанных на таких критериях, как принцип целеполагания, тип субъектно–адресных отношений, монологичность или диалогичность форм речи по количеству участников, объем информации и другие. Основными жанрами являются политические манифесты, постановления правительства, высказывания политических лидеров и прочее.

Поскольку главной целью политического дискурса является оказание воздействия на аудиторию с целью достижения политического влияния, это обуславливает стилистические, синтаксические, грамматические и лексические особенности политического языка.

Для политического дискурса на китайском языке характерно широкое использование общеупотребительной лексики, терминов общественно–политической сферы, топонимов и антропонимов. С точки зрения стилистического оформления политических текстов, характерно употребление таких средств выразитель-

ности, как чэньюи, эпитеты, сравнения, политические метафоры. На синтаксическом уровне можно отметить преобладание сложных распространенных предложений, призванных оказать эффект на аудиторию.

Синтаксические и грамматические трансформации при переводе текстов политического дискурса китайского и русского языков отвечают общей стилистике текста. Используя тот или иной прием перевода, необходимо ориентироваться не только на максимальное адекватное отражение смысла, но и на сохранение той степени эмоционального воздействия, что заложена в исходном тексте.

Тексты политического дискурса как в китайском, так и в русском языке, отличаются широким употреблением общественно–политической терминологии, клишированных формул, лексических единиц с положительной коннотацией, различных средств художественной выразительности, которые являются средством эмоционального воздействия на аудиторию.

Лексика политических текстов насыщена эмоционально окрашенными единицами, которые переводятся с использованием слов высокого архаичного стиля. Общественно–политические термины и клишированные конструкции политического дискурса чаще всего имеют прямой эквивалент или несколько функциональных аналогов в языке, на который осуществляется перевод. Это происходит из-за частотности употребления, необходимости разнообразить речь, различного происхождения терминов.

Одной из трудностей при переводе политического текста является обращение политических лидеров в своих выступлениях к историческим и культурным особенностям. И если в переводе с русского языка на китайский это не вызывает сильных затруднений, то для перевода с китайского языка на русский может потребоваться использование техники описательного перевода. Это обусловлено тем, что данные элементы в речи русских политиков являются повсеместно известными фактами (например: упоминание Великой Отечественной войны или аллюзивный фразеологизм «кануть в Лету»), в то время как китайские политики прибегают к упоминанию узко известных культурных реалий, не всегда понятных для несведущего в китайской культуре слушателя (например: говоря об истоках китайской нации, упоминание первопредка Фу–си, гадающего по гексаграммам, или бога–покровителя Шэньнуна, пробующего лекарственные травы).

Синтаксическая и грамматическая структура политического дискурса отличается преобладанием сложных распространенных предложений. Часто используемым приемом построения является синтаксический параллелизм. При переводе могут использоваться различные техники синтаксических трансформаций такие как, синтаксическое членение, изменение типа придаточного предложения, инверсия членов предложения, изменение грамматической формы и члена предложения.

Структура политических текстов русского языка имеет сходную характеристику. Политические лидеры России в своих выступлениях довольно часто используют сложные предложения, включающие в себя ряды однородных простых предложений. В таких случаях наиболее удобным вариантом как для перевода, так и для отражения смысла высказывания, будет использование членения.

Само понятие «дискурс» вызывает у ученых-лингвистов многочисленные трудности, ведь он представляет собой сложный многокомпонентный процесс. Рассмотрев несколько подходов к его определению и основываясь на научном труде Хурматуллина А.К. «Понятие дискурса в современной лингвистике», можно выделить социально-прагматический подход, как наиболее актуальный в настоящее время. Исходя из подхода к пониманию дискурса в целом, политический дискурс характеризуется, как тексты и выступления, произнесенные в определенных условиях для выражения политической идеологии [3].

Определить функции и цели политического дискурса в ходе исследования, оказалось немного легче, ведь в данном вопросе ученые высказывают большее единообразие. Основной целью текстов политического дискурса, независимо от их жанровой принадлежности, является оказание воздействия на аудиторию с целью достижения политического влияния.

Проанализировав подходы различных исследователей, становится возможным классифицировать политические тексты по жанрам и выявить их наиболее характерные особенности. Исходя из множества параметров и критериев, классификация по принципу целеполагания, по сферам деятельности, по характеру ведущей интенции, по типу субъектно-адресных отношений, по объему информации, а также по моноличности или диалогичности форм представляется наиболее полной.

Проведя анализ основных лингвистических особенностей политических текстов, стоит отметить на уровне лексики широкое употребление профессиональной политической терминологии, лексики торжественного и официально-делового стилей, а также слов с эмоциональной окраской и политических метафор, которые помогают политическим лидерам поддерживать их положительный образ. Помимо этого, в рассмотренных речах политиков Российской Федерации и Китайской Народной Республики нередко можно встретить существительные с абстрактными значениями [2].

Проанализировав выступления политических лидеров России и КНР, было выявлено, что на грамматическом уровне политический дискурс характеризуется широким употреблением рамочных конструкций и

прецедентных высказываний – общеизвестных в конкретной речевой культуре высказывания, на которые ссылаются многие.

На синтаксическом уровне можно отметить наличие сложных распространенных предложений с различными типами связей, рядов однородных членов. При переводе нередко приходится изменять тип связи со сложной на простую членением предложения. Помимо этого, используется инверсия и эмпфаза, что обусловлено устойчивым порядком слов в китайском языке [1].

Рассмотрев стилистические особенности, становится возможным выделить предрасположенность к построению текстов политического дискурса в соответствии с канонами, добавляя широкое употребление средств выразительности.

При осуществлении перевода выступлений Си Цзиньпина и Владимира Владимировича Путина следует ориентироваться не только на адекватное отражение смысла высказывания, но и на сохранение степени эмоционального воздействия на адресата. Для переводчика наибольшую трудность представляют обращения политиков к историческим и культурным особенностям. В настоящей работе при переводе выступлений двух политических лидеров, были затронуты как общеизвестные реалии (например, 伟大卫国战争), так и узконаправленные, понятные лишь для сведущего в данной культуре реципиента феноменами (например, 盘古开天). При переводе широко используются такие приемы как дословный перевод, экспликация и деме-тафоризация.

Подводя итог, можно констатировать достижение цели исследования относительно средств изучения характерных особенностей и основных функций политического дискурса, выявления специфических особенностей построения текстов, а также анализа основных трудностей перевода и способов их успешного преодоления.

Литература

1. Малышева Е.Л., Романова Ю.Г., Чеснокова И.В. Достижение эквивалентности при переводе с английского на русский язык речевых высказываний главного героя как ключа к пониманию его психологического образа (на примере повести Дж.Д. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" в переводе Р. Райт-Ковалевой" // Казанская наука. 2022. № 4. С. 178 – 180.
2. Суворова Е.В., Романова Ю.Г. Тактики исследования профессионального дискурса в лингвистике // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы 80-й международной научно-технической конференции, Магнитогорск, 18-22 апреля 2022 года. Т. 2. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 387.
3. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2009. Т. 151, кн. 6. С. 33.

References

1. Malysheva E.L., Romanova Ju.G., Chesnokova I.V. Dostizhenie jekvivalentnosti pri perevode s anglijskogo na russkij jazyk rechevyh vyskazyvanij glavnogo geroja kak kljucha k ponimaniju ego psihologicheskogo obraza (na primere povesti Dzh.D. Sjelindzhera "Nad propast'ju vo rzhi" v perevode R. Rajt-Kovalevoj". Kazanskaja nauka. 2022. № 4. S. 178 – 180.
2. Suvorova E.V., Romanova Ju.G. Taktiki issledovanija professional'nogo diskursa v lingvistike. Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehnik i obrazovanija: Tezisy 80-j mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii, Magnitogorsk, 18-22 aprelja 2022 goda. T. 2. Magnitogorsk: Mag-nitogorskij gosudarstvennyj tehniceskij universitet im. G.I. Nosova, 2022. S. 387.
3. Hurmatullin A.K. Ponjatie diskursa v sovremennoj lingvistike. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki, 2009. T. 151, kn. 6. S. 33.

*Romanova Yu.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Institute of Social Sciences,
Griboyedov Moscow University,
Du Hui,
Moscow State Institute of International Relations*

**International communication in the field of business and law:
features of the translation of political discourse**

Abstract: many researchers study political discourse, strategies and tactics of its influence on the public and voters. The statements of politicians can be addressed both to the international community and to the citizens of their countries. Speech analysis can help predict the intentions of politicians and determine the most effective ways to influence the public, so the direction of our research is of particular interest to study.

Within the framework of our work, first of all, it was necessary to define the concept of political discourse, due to the demand for which in a number of scientific disciplines, such as linguistics, philosophy, sociology and others, its definition causes numerous difficulties.

This work is devoted to identifying the peculiarities of translating political discourse texts in the Chinese–Russian language pair, which is due to the strengthening of China's influence in the international arena, as well as the expansion of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of politics and economics. In the course of the study, the main approaches to the definition of political discourse were analyzed, as well as the basics of political rhetoric were considered. The greatest attention was paid to the linguistic aspects of political discourse. The article raises the issue of the importance of understanding and correct translation of political statements and doctrines of each country, which is one of the main components of successful international cooperation. Political discourse is considered as a special tool for the settlement of relations between countries, serving as a way to resolve international conflicts.

Keywords: political discourse, translation, linguistic features, communicative context, vocabulary, framework construction

For citation: Romanova Yu.G., Du Hui International communication in the field of business and law: features of the translation of political discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 119 – 122.

*Гришечкина А.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Фурманова М.И., учитель,
Школа № 1, г. Брянск*

Латинские морфолого-синтаксические структуры как схема-основа для интерпретации и единого терминообразования структур с инфинитивом в современных языках

*Исследование выполнено в рамках научного проекта по хоздоговору № 11/22 от 07.02.2022 при поддержке
Некоммерческой организации "Фонд Содействия развитию науки и образования (г. Брянск)" по теме
"Лингвопрагматические и лингводидактические методы изучения романо-германских языков"*

Аннотация: *цель исследования* – определить предпосылки различного обозначения структурной языковой организации с инфинитивом *proposition infinitive/complex object* соответственно в иностранных французском и английском языках, сопоставить с *односоставным инфинитивным предложением* в русском языке, и показать значимость эмергентного подхода в сфере терминообразования для прикладной лингвистики. Разбор указанных синтаксических единиц позволяет констатировать наличие общего языкового проявления у всех названных структур с их аналогичной и лакунарной природой: в русском и французском языках при относительно совпадающих терминах, наличествуют как аналогичные, так и лакунарные конструкции; в английском языке конструкция, обозначенная как *complex object* – более уместным, на наш взгляд, термином для некоторых моделей, часто именно из-за названия не рассматривается изучающими иностранные языки в качестве коррелирующей с двумя вышеупомянутыми.

В синтетическом латинском языке имеются структуры, которые в данном контексте могут рассматриваться в качестве основы с целью формирования общей языковой картины для современных явлений, и, следовательно, способствовать унифицированию терминологического инструментария в отношении анализируемого материала. *Научная новизна* исследования заключается в обосновании появления разных терминов, обозначающих аналогичное языковое явление с инфинитивом во французском и английском языках, ввиду его различной интерпретации учеными в теории языка, в комплексном анализе структур с инфинитивом в иностранном и русском языках, и поиске приемлемого рабочего термина на основе названия соответствующей модели или схемы-основы в латинском языке.

В результате, на фоне различной трактовки обозначенных явлений в указанных языках была рассмотрена их этимологическая составляющая, отмечены аналогичные и лакунарные варианты конструкций, а также случаи их закономерного использования. Последнее важно для прикладной лингвистики, поскольку вслед за Л.В. Щербой, который не рассматривал лингвистику лишь занятием для лингвистов, полагаем, что единый термин, например, для явлений-аналогов из различных языков – это индикатор для их идентификации, более осознанной ассимиляции и, соответственно, более грамотного употребления изучающими иностранные языки.

Ключевые слова *complex object/сложное дополнение, proposition infinitive/инфинитивное предложение, аналогичные и лакунарные языковые явления, лингвистическая терминология*

Для цитирования: Гришечкина А.М., Фурманова М.И. Латинские морфолого-синтаксические структуры как схема-основа для интерпретации и единого терминообразования структур с инфинитивом в современных языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 123 – 131.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена востребованностью латинского языка при рассмотрении современных языковых фактов в этимологическом ключе, а также устойчивым интересом лингвистов и изучающих иностранные языки к аутентичным языковым явлениям в целом и к аутентичной синтаксической реальности, обозначаемой конструкциями с инфинитивом в английском, французском и русском языках, которые в зависимости от ряда факторов либо являются аналогами в рассматриваемых языках, либо определяются в качестве лакун в отношении того или другого языка из рассматриваемых. Статус лакунарности французских и английских структур *proposition infinitive/complex object* в системе русского языка, а также факт различного их обозначения, вызывает еще большее к ним внимание. Безусловно, описанием обозначенных структур занимаются лингвисты-теоретики и практики как на уровне одного языка, так и на уровне разноязычного сопоставления указанных моделей, что способствует выявлению своеобразных языковых нюансов, включая уникальные, и, как следствие, строго ситуативному, целесообразному их употреб-

лению. Мы констатируем, что сопоставлению чаще, как правило, подвергаются элементы, наличествующие в обоих языках, а интерферирующие явления и лакунарные – в несколько меньшей степени, последние остаются подчас за пределами сопоставительного анализа ввиду их отсутствия в одном из сопоставляемых языков. В то же время в грамматическом пространстве подробно рассматриваются все языковые факты. Поэтому в исследовании мы учли общеизвестный аргумент о том, что сравнительное языкознание обязано своим появлением, прежде всего, грамматике. Настаиваем также на том, что вопрос обозначений языковых явлений остается значимым не только для филологов, но и для осваивающих языки.

Для заявленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть варианты искомых конструкций с инфинитивом в изучаемых французском/английском языках и родном русском языке на предмет выявления аналогий и лакуарности; во-вторых, осуществить анализ указанных структур в этимологическом поле на основе достоверных моделей латинского языка в сопоставительном ракурсе качественных и количественных изменений в современных языках; в-третьих, обосновать появление столь различных обозначений для исследуемого языкового явления и, исходя из факта неоднозначного его восприятия теоретиками, рассмотреть возможные варианты единого термина на основе латинской схемы для формирования системной лингвистической картины у изучающих иностранные языки.

Проследить существующие межэлементные связи стало возможным благодаря таким методам исследования как анализ научной и учебной литературы на предмет использования терминов разными авторами, системный сопоставительно-синтаксический анализ, этимолого-синтаксический анализ искомых языковых единиц.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные положения теорий об использовании терминов, о языковых аналогах или эквивалентностях и лакуарности [4, 6, 9, 15 и др.], концептуальные идеи которых способствовали формированию эмергентного подхода к исследуемой проблеме.

Практическая значимость касается сферы прагмалингвистики, отвечающей за формирование у будущих специалистов осознанного взгляда на природу языковых единиц, в частности синтаксических, что помогает избегать терминологического разночтения в обучении и при создании учебных материалов в вузовской или школьной деятельности в том числе.

Основная часть

В настоящей статье затрагивается проблема, которая посвящена важной, на наш взгляд, теме, а именно: терминообразованию для обозначения языковых явлений. Несмотря на то, что данная проблема давно и широко освещена в научной литературе [5, 18 и др.], она, безусловно, продолжает оставаться дискуссионной по причине отсутствия емкого определения для самого понятия *термин*. Дополнительного рассмотрения требует вопрос использования различных терминов в качестве определения аналогичных явлений в изучаемых иностранных и родном языках. Отсутствие публикаций в отношении оценки неоднозначного обозначения структур с инфинитивом предполагает более подробное их рассмотрение в грамматическом и сопоставительном ракурсах. Считаем также, что понятие *термин* является еще более значимым для прикладной лингвистики, поскольку, с одной стороны, преподавателю необходимо обоснованно и убедительно отвечать на вопросы обучающихся, с другой – ввиду абсолютного доверия к научному слову в теоретических работах и к авторской интерпретации учебных материалов, у изучающих иностранные языки и у использующих указанные материалы в учебных целях, осознанно или неосознанно формируется вполне определенное отношение к применяемой терминологии, что, в конечном итоге, влияет и на формирование индивидуальной лингвистической картины. Опыт преподавательской деятельности позволяет утверждать, что использование разных обозначений для идентичных явлений не позволяет сразу же идентифицировать их в сознании в качестве таковых, и нередко вызывает нечто вроде путаницы в системных понятиях. Наша позиция основывается на убеждении о необходимости использования однозначной лексической единицы в качестве термина. Отмечаем также, что в лингвистических трудах чаще встречаются случаи обозначения одним термином различных явлений, что объяснимо ввиду невозможности тотальной проверки ранее используемой терминологии. Однако имеется немного случаев, когда названия языкового феномена не являются даже синонимами: *proposition infinitive/complex object*. Данная лингвистическая реальность – достаточно уникальный факт.

В решении вопроса выявления обусловленности употребления разных терминов для одного и того же явления мы апеллируем ко всем вариантам синтаксических схемообразований в рассматриваемых иностранных (французский, английский) языках, отчасти русскому языку в качестве опорного и латинскому языку в качестве базового.

Понимание сути любого из явлений на уровне изучаемого языка происходит лишь в том случае, если имеется аналог в родном языке. Если же такового не имеется, то нет и объяснения данному явлению в его системе, а описание сферы употребления лакуны производится с помощью системных средств иностранной

грамматики, что в отдельных случаях с трудом воспринимается представителями другой языковой ментальности. Подтверждений тому немало в материалах грамматик иностранных языков (см., например, Е.К. Nikolskaïa, T.Y. Goldenberg. *Grammaire Française*, 1982, p. 223: "Dans les propositions infinitives (c'est ainsi qu'on appelle un type de construction dont le prédicat est exprimé par un infinitif, et dont le sujet est le complément d'objet des verbes tels que: entendre, écouter, regarder, voir, sentir..."). Отсутствие сопоставительного начала соответствует заявленному формату грамматических пособий, в которых лишь сообщаются сведения о существующем явлении в пределах одного языка. Однако это отрицательно сказывается на усвоении системных знаний. Фраза о "подлежащем" данного типа предложений, которое есть "дополнение" глаголов *слышать, слушать* и т. д. становится бессмысленной без упоминания о том, что трансформация происходит в русском языке, то есть, при переводе на русский язык. Исходя из опыта, отмечаем, что языковая догадка на уровне синтаксиса срабатывает реже, чем в случаях с морфологическими единицами. В то же время в сопоставительной типологии, несмотря на отсутствие какого-либо из явлений в родном языке, а, следовательно, и сведений о нем, что мы объясняем лакунарностью или частичной лакунарностью в одном из сопоставляемых языков, всегда предлагается своего рода явление-заменитель для выражения искомой мысли, поскольку любая мысль любого языка передается каким-либо свойственным данному языку средством, иногда несколькими. В исследованиях по сравнительной типологии рассматриваются именно такие средства в каждом из сопоставляемых языков.

С учетом сказанного поиск ответа о различном обозначении исследуемых структур с инфинитивом был предпринят в контексте системного сопоставительно-синтаксического анализа на основе взаимодополняющих данных практической грамматики, теоретической грамматики и сопоставительной типологии.

На настоящий момент в практических грамматиках французского и английского языков [7, 12 и др.] рассмотрены едва ли не все известные случаи употребления инфинитивных структур. В отношении терминологии, используемой в практической грамматике французского языка следует уточнить, что термин *инфинитивное предложение* употребляется лишь для конструкций с глаголами восприятия: *Je l'entends chanter dans la cour. / Я слышу, как она поет во дворе.* Аналогичных конструкций в русском языке не имеется.

Анализ работ о данном явлении в английском языке способствовал пониманию того, насколько они сопоставимы с французскими явлениями. Не перечисляя всех тонкостей употребления *complex object*, отметим, что данным термином принято обозначать конструкции:

- после глаголов *восприятия*, в которых инфинитив употребляется без частицы *to* (*We saw her open the window.*);
- после глаголов, выражающих *желание, просьбу, предпочтение, приказание* (*I wanted him to be invited here.*);
- после глагола *знать* (*We know him to go home.*);
- после глаголов *make, let* (*Dont make me watch this film./ I hate it. Let the children play, the weather is wonderful.*) [1, 7].

Специалисты в области практической грамматики от английского языка также утверждают, что в русском языке не существует аналогичных конструкций, и подобные предложения следует переводить лишь с помощью дополнительного придаточного предложения, например: *Мы видели, что она открыла окно.* Действительно, это наиболее приемлемый вариант перевода практически для всех рассматриваемых выше конструкций, поскольку буквальный перевод с английского языка приобретает нелепую, несвойственную русской языковой норме конструкцию: *Мы видели ее открыть окно.* В то же время для части предложений третьего и четвертого типа существуют варианты перевода, отдельные из которых сопоставимы с нормами русского языка: *Я предпочитаю тебя увидеть. Не заставляйте меня смотреть этот фильм. Позвольте детям играть.* Более того, перевод последних вариантов с использованием союза *чтобы* менее желателен: *Не заставляйте чтобы я смотрел этот фильм.*

Таким образом, некоторые типы структур под общим названием *complex object* в английском языке имеют соответствия в русском языковом поле, и в зависимости от варианта перевода конструкции двух языков, английского и русского, могут рассматриваться как лакунарные, так и аналогичные.

В теоретических материалах о рассматриваемых синтаксических единицах языков содержится в основном информация общего характера. В грамматике Е.А. Реферовской, А.К. Васильевой данные о рассматриваемых явлениях присутствуют в разделе "Морфология и синтаксис частей речи" в параграфе *Verbes, régissant un Infinitif objectif* (Глаголы управляющие объектным инфинитивом). В работе имеется ссылка на связь данных конструкций с латинским языком [14, p. 296-301].

В сопоставительной грамматике французского и русского языков И.Н. Кузнецовой инфинитивные предложения французского языка и их структурные соответствия в русском языке также представлены на основе описания субъектно-объектных отношений [10].

Напротив, В.Г. Гак исследует интересное нас явление только в разделе "Синтаксис" и описывает инфинитив как предикативный, а не объектный. Однако в отношении обозначения структуры и ее вариантов, вслед за Е.А. Реферовской, А.К. Васильевой ученый отмечает, что во французской грамматике термин *proposition infinitive* часто предстает как традиция, восходящая к латинской грамматике: к подобным предложениям относят самые различные явления,.. даже конструкции, в составе которых глаголы движения (*on l'a envoyé acheter du pain*); инфинитив в косвенном вопросе (*Il ne sait plus quoi inventer*); инфинитивный оборот, равнозначный любому типу придаточного, например относительного (*Elle cherche une salle où fêter son anniversaire*). Цитируя Гревисса, В.Г. Гак указывает, что к *proposition infinitive* причисляются и конструкции с глаголами, требующими употребления предлога перед инфинитивом (*Il le prie d'obéir*), ... а в порождающей грамматике понятие расширяется чрезвычайно, включая глаголы согласия и несогласия (*nier de faire qch, aimer faire qch; empêcher qn de faire qch*). Таким образом, внимание акцентируется на том, что во всех конструкциях, зависящих от личной формы глагола, инфинитив, как бы он ни чередовался с данной формой, выражает зависимую, дополнительную предикацию, и нет глубоких оснований для выделения указанных конструкций в особый тип инфинитивных предложений, поскольку предложению свойственна полная предикативность, а не полупредикативность [4, с. 338].

Итак, существуют постулаты о том, что в русском языке явление подобное французскому *proposition infinitive/инфинитивное предложение* и английскому *complex object/сложное дополнение* отсутствует, то есть данную структуру принято считать лакуной. В различных пособиях и языковых сайтах это подчеркивается [3, 7, 8, 12, 16]. Однако проведенный анализ грамматических материалов иностранных языков показывает, что в теории лингвисты включают в обозначенное структурное поле большее количество вариантов, отчасти имеющих место и в русском языке. В отношении лакуны следует заметить, что к настоящему времени трудно установить конкретное количество определений, предложенных учеными для данного языкового феномена, но все лингвисты, которые занимаются проблемой лакуны, подчеркивают полное отсутствие явления в одном из сопоставляемых языков.

Итак, после глаголов, выражающих *желание, просьбу, предпочтение, приказание*, во французском языке как и в русском языке употребляются 1) конструкции с придаточным дополнительным предложением (*Je veux que tu lises ce livre. / Я хочу чтобы ты прочел эту книгу.*), проявляя тем самым лакунарность по отношению к английскому языку, в котором, как указано выше, употребляется *complex object/сложное дополнение: I want you to read this book.* 2) идентичные конструкции: *Je veux t'inviter. / Я хочу тебя пригласить.*

Семантика глаголов *знать/savoir* в русском и во французском языках в отличие от глагола *to know* в английском языке не предполагает употребление инфинитива, здесь уместны лишь придаточные предложения. В отношении английского глагола необходимо дополнительное исследование. Констатируя факты синтаксической реальности, мы можем лишь высказать предположение о том, что в английском языке семантическое поле глаголов *знать* гораздо ближе к семантическому полю глаголов чувственного восприятия. Сравните: *Вы видели это? (Вы слышали об этом?) / Вы знали это.* В любом случае, в качестве методической ремарки подобное мнение помогает преодолеть трудности, связанные с явлением лакуны в процессе ассимиляции фактов иноязычной действительности. В свою очередь во французской грамматике существуют термины *инфинитивное предложение* и *инфинитивная конструкция*. Последний используется лишь для моделей типа: *Je crois avoir compris. / Я думаю, что понял.* Как видно из примера, при переводе на русский язык подлежащее главного и придаточного предложений совпадают, следовательно, эти модели не относятся к *инфинитивным предложениям*.

Таким образом, утверждения о лакунарности в отношении каждого из рассматриваемых языков неопровержимы лишь для некоторых синтаксических моделей. В русском языке абсолютными лакунами являются конструкции с глаголами восприятия. Их перевод необходимо осуществлять с помощью придаточных дополнительных предложений. Во французском и английском языках эти же конструкции – это абсолютные аналоги. Соответственно *proposition infinitive / инфинитивное предложение* и *complex object / сложное дополнение* данных языках различаются лишь названиями.

Такое понятие как *инфинитивное предложение*, безусловно, имеется и в русском языке, хотя трактуется оно несколько иначе, нежели в европейских языках. Как известно, к инфинитивным относятся односоставные предложения с главным членом, выраженным независимым инфинитивом, образующим предикативный центр самостоятельно без вспомогательных компонентов [2, с. 131]. Однако автор цитируемой работы указывает также, что инфинитивные предложения отличаются, например, от безличных (*Пора вставать. Надо делать эту работу...*) тем, что сказуемое, образующее предикативный центр, также может быть реализовано инфинитивом, но находящимся в зависимости, примыкая к вспомогательному глаголу, причастию или словам категории состояния. Кроме того, в отличие от безличных, инфинитивные предложения выра-

жают действие, не соотнесенное с моментом речи, поэтому их основное темпоральное значение – вневременность: *Царь изволил приказать нам тебя к нему позвать* [2, с. 131].

Русским инфинитивным конструкциям посвящено много научных работ. Наше тематическое исследование требует учесть некоторые взгляды, в частности П.А. Леканта, согласно которым положение инфинитивного предложения в системе односоставных предложений современного русского языка своеобразное, исключительное: во всех других глагольных односоставных предложениях категория предикативности находит своё выражение в морфологических формах склонения, времени, лица, а форма инфинитива эти предикативные значения передавать не может. Автор, анализируя различные взгляды, подчеркивает, что независимая позиция инфинитива как главного члена односоставного предложения возлагает на него полную ответственность за выражение предикативности, поскольку инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, реализуемое дативной формой с обязательной репрезентацией субъекта действия или её значимым отсутствием. Модель *кому делать что* давно привлекает внимание ученых: все эти конструкции имеют значение долженствования и соответствуют личным предложениям, в которых дополнение становится подлежащим, а инфинитив – финитной формой глагола: *Вам не видать таких сражений. = Вы не увидите таких сражений* [11].

Рассматриваемые выше предложения с инфинитивом французского и английского языков, наоборот, представляют объект действия в форме винительного падежа, что русскому языку в большинстве случаев не свойственно: *Я хочу его читать* → *Я хочу чтобы он почитал*. Но абсолютно нормативны конструкции типа: *Я хочу ему почитать*. В этой связи анализируемая структура с прямым дополнением в европейских языках может рассматриваться в качестве сокращенного инфинитивного предложения русского языка: *Я вижу девочку, которой надо перейти улицу/Девочке надо перейти улицу*.

Возможно, стремление к сокращению языковых моделей в тех случаях, когда "и так все понятно" способствовало появлению рассматриваемых конструкций в западных языках. Подобное замечание с методической направленностью мы также относим к области прикладной лингвистики, но, отчасти, детализация элементов высказывания может найти применение в компаративистской плоскости не только в синхроническом аспекте на уровне современных иностранных и родного русского языков, но и диахроническом, с привлечением этимологической составляющей. Так, представленные выше языковые универсалии имеют место в языке-первоисточнике для европейских языков, каковым является латинский, где употребление структуры *accusativus cum infinitivo* строго фиксировано после определенных групп глаголов:

- 1) говорить, передавать/сообщать, утверждать, рассказывать, отвечать, писать, отрицать и т. п. (*dicere, nuntiare, affirmare, narrare, scribere, negare, etc.*);
- 2) думать, считать, полагать, верить, знать, надеяться, (*existimare, sentiare, credere, scire, intelligere, sperare, etc.*);
- 3) выражающих какое-либо чувство, ощущение: видеть/смотреть, слышать/слышать, чувствовать, радоваться, печалиться (*videre, audire, gaudere, dolere, etc.*);
- 4) выражающих желание (положительное или отрицательное), приказ, запрещение: хотеть/не хотеть, запрещать и т. д. (*velle, nolle, prohibere, vetare, etc.*);
- 5) при безличных выражениях: известно, важно, подобает, необходимо и т. д. (*constat, interest, decet, necesse est, etc.*).

Предлагаемый относительно полный список глаголов демонстрирует обширное количество вариантов в латинском языке, а также позволяет констатировать качественные и количественные изменения, произошедшие в современных языках.

В действующих пособиях, предназначенных для филологических факультетов, указывается, что характерное явление латинского синтаксиса представляет собой употребление инфинитива в составе двучленного оборота *accusativus cum infinitivo*, состоящего из существительного или местоимения в винительном падеже и инфинитива, которые соотносятся между собой как логическое подлежащее и логическое сказуемое. Это сложное дополнение к управляющему им глаголу соответствует по значению придаточному дополнителю предложению: *Puto fratrem dormire/Я думаю, что брат спит* [19, с. 162].

Важной информацией с сопоставительной функцией, имеющейся в учебных материалах, является указание на то, что "...происхождение *accusativus cum infinitivo* можно представить, сравнив с русскими предложениями типа: *я прошу вас прийти* (= *я прошу, чтобы вы пришли*), где от глагола зависят два дополнения (*прошу вас, прошу прийти*).". Добавим также, что для понимания факта наличия или, наоборот, отсутствия структуры в языках, следует заострить внимание на том, что, "...глагол *просить* – переходный" и поэтому "сохраняет способность управлять инфинитивом"... "Сочетание прямого дополнения с инфинитивом в русском языке встречается лишь при небольшом количестве переходных глаголов: *просить, умолять, заклинать, призывать, заставлять, принуждать*. При переходных глаголах, при которых инфинитив невозмо-

жен (*видеть, брать, держать*), исключается и подобная конструкция" [19, с. 160]. Данный факт объясняет отчасти наличие в русском языке одних конструкций, типа: *Прошу тебя пойти ...* и неприемлемость других, типа: *Вижу тебя сидеть за компьютером*.

Рассматриваемое явление занимает особое место в латинском языке, поскольку в данном языке достаточно богатая инфинитивная система. Наличие такого количества инфинитивов несвойственно ни одному из рассматриваемых современных языков. В то же время, анализ живых языков посредством языка-прародителя дает возможность наблюдать сохранившимися практически все варианты конструкций, действующих в том или другом языке до сих пор. Латинские структурные образования выступают своего рода схемами для современных языков. Идентичное морфолого-синтаксическое наполнение латинской модели и *proposition infinitive/complex object* позволяет говорить о едином их обозначении. Структура *accusativus cum infinitivo* передается как *дополнение в винительном падеже с инфинитивом*. Современные обозначения – *инфинитивное предложение* во французском языке и *сложное дополнение* в английском языке – не полностью отражают суть явления. При этом отсутствие падежей в аналитических языках не позволяет калькировать и латинский термин. В условиях устоявшихся обозначений в грамматиках французского и английского языков, имеет смысл предложить общее рабочее название лишь в методических целях. Наиболее логичным и приемлемым вариантом может служить терминологическая единица – *прямое дополнение, осложненное инфинитивом*.

В связи с решением проблемы терминообразующих факторов для структуры *proposition infinitive/инфинитивное предложение* во французском языке, *complex object/сложное дополнение* в английском языке, обозначились вопросы, рассмотрение которых способствовало более подробному изучению взглядов ученых, использующих различные подходы для интерпретации данного языкового факта, и, как следствие, по-разному его обозначающих. Были учтены некоторые нюансы:

- различие интерпретаций, отражающих своеобразие трехкомпонентных словосочетаний, тяготеющих к превращению в двучленные;
- приобретение инфинитивом при полнозначном глаголе большей самостоятельности и возможности выступать как дополнение, подобное придаточному предложению. Ср.: *On dit/cette femme riche → On dit/que cette femme est riche.// On voit/cet homme traverser la rue → On voit/que cet homme traverse la rue;*
- десемантизацию глагола, образующего единое целое с предикативом: *rendre heureux, trouver difficile, faire venir, laisser dire*, что позволяет подобные обороты рассматривать как сложное сказуемое [4].

В.Г. Гак по сути объясняет использование различных терминов для обозначения рассматриваемого явления, хотя и не говорит об этом непосредственно. Ученый отмечает тот факт, что состав одних и тех же конструкций исследователи воспринимают по-разному: "Одни авторы включают обороты типа *il le voit venir, il l'entend venir, il le fait venir, il le laisse venir* в число ОПК (объектно-предикативной конструкции). Другие, подчеркивая, что инфинитив может употребляться и при невыраженном субъекте-объекте (*j'entends chanter*), рассматривают его как часть сложного сказуемого, а конструкции с *faire* и *laisser* считают морфологическим выражением залога [4, с. 368]. Отметим, что в отличие от простого сказуемого со служебным глаголом и причастием, к сложным во французском языке принято относить сказуемое, где второй частью является инфинитив (*J'ai fait* – сложное время/простое сказуемое, *Je dois travailler* – сложное сказуемое). Таким образом, причина сложившейся лингвистической ситуации – использование разных терминов для идентичных/аналогичных конструкций – состоит в том, что филологи от разных языков занимаются, как правило, узко- и целенаправленно проблемами лишь своего языка, о чем сказано выше. В этой связи, термины предназначены также лишь для их использования в рамках одного языка.

Мы делаем вывод, что ученые и их последователи, считающие конструкции типа: *Je l'entends chanter* сложным сказуемым, относят их к инфинитивным предложениям с тождественным обозначением, что и наблюдается во французском языке. Соответственно, если за основу в данных синтаксических объединениях принимаются объектно-предикативные отношения, то конструкции получают название сложного дополнения, как в английском языке.

Заключение

Идентичное явление по-разному обозначенных конструкций *proposition infinitive/инфинитивное предложение* во французском языке и *complex object/сложное дополнение* в английском языке подвигло к изучению структур с инфинитивом в современных иностранных и родном языках на основе латинских морфолого-синтаксических конструкций. Последние рассматривались в качестве схем-основ для сопоставительного анализа, что позволило сделать выводы об их частных и общих закономерностях. Разбор различных версий структур, лингвистические трактовки на предмет их организации и системные явления латинского языка явились: 1) ключом к прочтению завуалированных, на первый взгляд, языковых реалий; 2) ответом

на вопрос, почему в одних языках структуры сохранились, в других являются лакунами; 3) обоснованием факта "присвоения" различных терминов в разных языках аналогичным морфолого-синтаксическим конструкциям с инфинитивом.

Исследование проводилось на материале сопоставительной типологии, практической и теоретической грамматик, и таким образом подразумевало не только межаспектную связь в рамках изучаемых иностранных языков, но также междисциплинарную, с опорой на данные русского языка и древнего латинского. Необходимость рассмотрения такого количества аспектов вызвана тем, что в грамматиках констатируется наличие явлений и правила их употребления (практическая грамматика), поясняется их суть (теоретическая грамматика), в сопоставительной типологии рассматриваются корреляты или явления-заменители в сопоставляемых языках.

Благодаря знанию инструментарию смежных предметов и сопоставительному анализу были выявлены:

- аналогичные и лакунарные структуры с инфинитивом в рассматриваемых языках;
- истоки терминологических различий аналогичных структур во французском и английском языках.

Обращение к междисциплинарному плану позволило также осуществить:

- сопоставительный анализ указанных структур в этимологическом поле на основе достоверных моделей латинского языка в ракурсе качественных и количественных изменений в современных языках;
- поиск общей возможной формулировки/рабочего термина для рассматриваемых аналогичных структур в изучаемых (английский, французский) языках;
- обоснование роли терминологии в прикладных целях с привлечением внимания обучающихся к своеобразным языковым явлениям даже в условиях нецелесообразной замены терминов ввиду их общеупотребительного статуса.

Перспективы дальнейшего исследования

Изучение конкретных конструкций, аналогичных в содержательном плане, но различающихся по наименованию и трактовкам, показал возможность дальнейших исследований с целью установления более конкретных соответствий и систематизации структур в сопоставляемой плоскости обозначенных языков.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: 3-е изд. М.: Физматлит, 2005. – 232 с.
2. Водясова Л.П. Инфинитивные предложения как средство вербализации эмоциональности в художественном тексте // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11. № 4 (44).
3. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: 3-е изд., М.: Просвещение, 1989. 288 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
5. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., Высшая школа, 1987. 103с.
6. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990.
URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001582091?ysclid=lc5v0i8uf398031303>
7. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка: в 2-х т. Киев: Методика, 2003. Т. 2. 304 с.
8. Козлова Л.А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Репр.изд. М.: Альянс, 2013. 250, [3] с.
10. Кузнецова И.Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. *Grammaire contrastive du français et du russe*. М.: "Изд-во "Нестор Академик", 2009. 271 с.
11. Лекант П.А. Модальный арсенал русского инфинитивного предложения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 25 – 30.
12. Никольская Е.К., Гольденберг Т.Я. Грамматика французского языка: 4-е изд., испр. М.: Высшая школа. 1982. 367 с.
13. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. 1. Морфология и синтаксис частей речи. (На фр. яз.: *Essai de grammaire française / coursthéorique*). 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1982. 400 с.

14. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. 2. Синтаксис простого и сложного предложений. (Нафр.яз.: Essai de grammaire française/cours théorique). М.: Просвещение, 1983. 334с.
15. Сорокин А.Ю. Теория лакуарности: Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю.А. Сорокин; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 190 [2] с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001392295?ysclid=lc5vtux8g9678255651>
16. Томашпольский В.И. Сравнительная типология французского и русского языков: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 280 с.
17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
18. Яковлева А.А. К вопросу о понятии "Термин" в современной лингвистике / Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-termin-v-sovremennoy-lingvistike?ysclid=lfjytfmiaf273536128>
19. Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык / Под ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. 5-е изд., стер. М.: Высшая школа, 1998. 384 с.

References

1. Arakin V.D. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov: 3-e izd. М.: Fizmatlit, 2005. – 232 s.
2. Vodjasova L.P. Infinitivnye predlozhenija kak sredstvo verbalizacii jemocional'nosti v hudozhestvennom tekste. Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2020. Т. 11. № 4 (44).
3. Gak V.G. Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov: 3-e izd., М.: Prosveshhenie, 1989. 288 s.
4. Gak V.G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. М.: Dobrosvet, 2000. 832 s.
5. Golovin B.N., Kobrin R.Ju. Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah. М., Vysshaja shkola, 1987. 103s.
6. Karlinskij A.E. Osnovy teorii vzaimodejstvija jazykov. Alma-Ata: Gylym, 1990. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001582091?ysclid=lc5v0i8uf398031303>
7. Kachalova K.N., Izrailevich E.E. Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka: v 2-h t. Kiev: Metodika, 2003. Т. 2. 304 s.
8. Kozlova L.A. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov. Barnaul: AltGPU, 2019. 180 s.
9. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty). Repr.izd. М.: Al'jans, 2013. 250, [3] s.
10. Kuznecova I.N. Sopotavitel'naja grammatika francuzskogo i russkogo jazykov. Grammaire contrastive du français et du russe. М.: "Izd-vo "Nestor Akademik", 2009. 271 s.
11. Lekant P.A. Modal'nyj arsenal russkogo infinitivnogo predlozhenija. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2018. № 51. S. 25 – 30.
12. Nikol'skaja E.K., Gol'denberg T.Ja. Grammatika francuzskogo jazyka: 4-e izd., ispr. М.: Vysshaja shkola. 1982. 367 s.
13. Referovskaja E.A., Vasil'eva A.K. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. Ch. 1. Morfologija i sintaksis chastej rechi. (Na fr. jaz.: Essai de grammaire française. coursthéorique). 3-e izd., ispr. М.: Prosveshhenie, 1982. 400 s.
14. Referovskaja E.A., Vasil'eva A.K. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. Ch. 2. Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozhenij. (Nafr.jaz.: Essai de grammaire française/cours théorique). М.: Prosveshhenie, 1983. 334s.
15. Sorokin A.Ju. Teorija lakunarnosti: Jetnopsiholingvistika. отв. ред. Ju.A. Sorokin; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 190 [2] с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001392295?ysclid=lc5vtux8g9678255651>
16. Tomashpol'skij V.I. Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov: Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. 280 s.
17. Shherba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. 2-e izd., stereotip. М.: Editorial URSS, 2004. 432 s.
18. Jakovleva A.A. K voprosu o ponjatii "Termin" v sovremennoj lingvistike. Interjekspo Geo-Sibir'. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-termin-v-sovremennoy-lingvistike?ysclid=lfjytfmiaf273536128>
19. Jarho V.N., Loboda V.I. Latinskij jazyk. Pod red. V. N. Jarho, V. I. Lobody. 5-e izd., ster. М.: Vysshaja shkola, 1998. 384 s.

*Grishechkina A.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Furmanova M.I., Teacher,
School No. 1, Bryansk*

**Latin morphological and syntactic structures as a scheme-the basis for the interpretation
and unified term formation of structures with an infinitive in modern languages**

Abstract: *the purpose of the study* is to determine the prerequisites for different designations of a structural linguistic organization with the infinitive *proposition infinitive/complex object*, respectively, in foreign French and English, to compare with *a single-compound infinitive sentence* in Russian, and to show the importance of an emergent approach in the field of term formation for applied linguistics. Analysis of the above syntactic units allows us to state the presence of a common linguistic manifestation in all of these structures with their similar and lacunary nature: in Russian and French, with relatively identical terms, there are both similar and lacunary constructions; in English, a construction designated as *complex object* is, in our opinion, a more appropriate term for some models, often precisely because of the name, are not considered by foreign language learners as correlating with the two aforementioned ones.

In the synthetic Latin language there are structures that, in this context, can be considered as a basis for the formation of a common linguistic picture for modern phenomena, and, consequently, contribute to the unification of terminological tools in relation to the analyzed material. *The scientific novelty* of the study lies in the justification of the appearance of different terms denoting a similar linguistic phenomenon with an infinitive in French and English, due to its different interpretation by scientists in language theory, in a comprehensive analysis of structures with an infinitive in foreign and Russian languages, and the search for an acceptable working term based on the name of the corresponding model or scheme-basis in Latin.

As a result, against the background of different interpretations of the designated phenomena in these languages, their etymological component was considered, similar and lacunary variants of constructions were noted, as well as cases of their regular use. The latter is important for applied linguistics, because after L.V. Scherba, who did not consider linguistics only an occupation for linguists, we believe that a single term, for example, for analogous phenomena from different languages, is an indicator for their identification, more conscious assimilation and, accordingly, more competent use by students of foreign languages.

Keywords complex object, proposition infinitive/infinitive sentence, analogous and lacunary linguistic phenomena, linguistic terminology

For citation: Grishechkina A.M., Furmanova M.I. Latin morphological and syntactic structures as a scheme-the basis for interpretation and unified term formation of structures with an infinitive in modern languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 123 – 131.

Тугулова О.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Хайдапова М.Б.-О., кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Женский голос поэзии рабочих-мигрантов: тематика и художественные особенности творчества

Аннотация: в статье исследуются тематические и художественные особенности поэтического творчества женщин из среды китайских рабочих-мигрантов. За последние десятилетия КНР совершила огромный скачок в развитии, представляя к настоящему времени одну из самых сильных экономик в мире. Свободные рыночные отношения Китая привели к небывалому доселе росту промышленного производства. Особая экономическая ситуация реформирующегося Китая породила особые условия жизни рабочих, для которых поэзия стала единственной возможностью рассказать о своих надеждах и разочарованиях, мечтах и страданиях. Так возник феномен поэзии рабочих-мигрантов, отражающей настроения низовой прослойки китайского общества. Тоска по родине, отчужденность, одиночество, безысходность жизни в поточном конвейере, социальная критика определяют тематический диапазон, специфическая «промышленная» лексика, локативы формируют поэтический язык данного направления. Результаты исследования восполняют общую картину современной поэзии, углубляют понимание духовных трансформаций, переоценки ценностей китайского социума в транзитивный период, намечают перспективы дальнейшего изучения поэзии рабочих-мигрантов, а также литературного процесса Китая в целом, могут быть использованы при чтении лекций по литературе и культуре Китая, проведении социальных и социологических исследований.

Ключевые слова: китайская поэзия, поэзия рабочих-мигрантов, женская поэзия, Чжэн Сяоцун, Ван Сюэин, У Ся, социальная критика, тема родины

Для цитирования: Тугулова О.Д., Хайдапова М.Б.-О. Женский голос поэзии рабочих-мигрантов: тематика и художественные особенности творчества // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 132 – 136.

Многомерная структура поэтического пространства современного Китая представляет собой сколь сложный, столь и актуальный объект исследования. Изучение китайской поэзии через рассмотрение творческих практик поэтических групп, объединяющих поэтов единством эстетических воззрений, дает возможность проследить духовные трансформации китайского общества, происходящие на фоне политики «реформ и открытости». Особое место среди направлений и групп занимает поэзия рабочих-мигрантов, как непосредственный результат и поэтическое свидетельство экономического расцвета Китая.

Для поэзии рабочих-мигрантов периода 1980-1990-х гг. характерны простые образы, прямое изображение чувств. Основные темы составляют тоска по родине и любовная лирика. Общим для поэзии рабочих-мигрантов 1990-х гг. и начала XXI в. является тезис «писать – как жить», что является верным и для женской рабочей поэзии. Несмотря на значительное переосмысление статуса женщины в обществе, доля женского присутствия в поэзии значительно меньше преобладающего мужского. Таким образом, изучение творчества женщин-поэтов позволяет не только обобщить особенности поэзии рабочих-мигрантов, но и определить особенности феномена женской поэзии, а также восполнить картину развития китайской поэзии в реформенный период.

К первому поколению поэтов из среды рабочих-мигрантов относится **Аньцзы 安子**, приехавшая в Шэньчжэнь в 1984 г. [подробнее об истории возникновения и развития поэзии рабочих-мигрантов см.: 6, С. 413]. Аньцзы, создавая образ Шэньчжэня, описывает родину (Мэйчжоу провинции Гуандун), юношеские грезы и представления о будущей жизни: «В одном стихотворении случайно встретила Шэньчжэнь / Эти землячки, судачащие о житейском / Словно по земле разливающийся аромат / В их болтовне клеймо дыхла-нья юга и безысходности / Кто скажет, чужеземная ночь / Как далека от дыма очага родного» («在一首诗中邂逅深圳 В одном стихотворении случайно встретила Шэньчжэнь», перевод стихотворений наш – О.Т., М.Х.).

Однообразие дней, заполненных лишь рутинным трудом на поточном производстве, и одиночество в чужом городе как вечные спутники неизменно присутствуют в контенте поэзии рабочих мигрантов, отражая их безысходную повседневность: «В однообразную спецовку / Не завернуть разноцветные мечты... осень / Ты вытянула одинокий длинный вечер / До финиша, которого не видно, и скрылась» («给秋天 Осени»).

Затем в поэтическом настроении Аньцзы можно заметить значительные изменения, обусловленные са-

мообразованием, успешным открытием бизнеса: *«Начиная с сегодняшнего дня / Становлюсь шэньчжэньской / Каждой возведенной высоте / Дам теплое имя / Небо и землю крестьянских рабочих / Приберу чисто / Подарю морю, что напротив, пожелания счастья / Съемной комнате и конвейерной линии / Диалекты из разных концов / Плетут счастье весенней поры»* («深圳农民工 Шэньчжэньский рабочий из крестьян»). Стихотворение, написанное в подражание известному стихотворению Хайцзы (1964-1989) «У моря в цветении весны», преисполнено идеалистического пафоса и энергии, выражает желание девушки-рабочей стать частью города и ее решимость воплотить мечты, а также представляет Шэньчжэнь как город больших возможностей.

Рабочие в городе чувствовали свое состояние «без корней», которые по-прежнему находились там, где они родились и выросли. Физически они находились на заводе, а мысли их были на родине, тоска по дому становится основным лейтмотивом поэзии рабочих-мигрантов того периода. Деревня, поля, реки, деревья, пруды, названия местности, мать, отец становятся основными поэтическими образами. Тоска по родине, чувство привязанности заполняют мысли почти каждого поэта. Поэтесса Ван Сюэин 汪雪英, в 1987 г. приехавшая в Дунгуань на заработки, в поэтическом цикле «鄱阳湖 Озеро Поянху» стремилась «поселиться в садах и полях поэзии». В простых строках *«лебедя и полынь», «белый журавль летит», «и вода прекрасна, и земля плодородна», «на берегу пастбища, стадо коров, старики, дети хлопочут»* разворачиваются пейзажи из детских воспоминаний. В тесной и полной конкуренции городской жизни каждая гора и каждый ручей, каждая травинка и каждое дерево родины дают утешение душе поэтессы; образ прекрасной деревенской жизни становится метафорой тоски от разлуки с пожилыми родителями и детьми, оставшимися дома.

Некоторые поэтессы, обращаясь к теме родины, описывают превратности судьбы и страдания, как например, в стихотворении Лицзы 利子: *«Спустя годы, я уйду из жизни / как и прабабушка / с безмятежностью на лице / <...> Спустя годы, внуки / по этой земле, где крепко я сплю / тихонько пройдут».*

(«若干年后 Спустя годы»). Стихотворение отражает готовность женщин к принятию своей судьбы и самопожертвованию – так же, как прабабушка, соблюдать общественные моральные принципы, безмятежно принимать трудности человеческого существования, *«жить, чтобы умереть».*

У Лю Лихуа 刘丽华 родина уже не прекрасна, она не есть возвращение к истокам, она – разрывающая в клочья, страдающая, огромная боль: *«Я словно увидела, как удрученный отец / Придавленную зимним ветром голову, опускает всё ниже и ниже / <...> Кукуруза в земле, уже пуста / Она уже отдала все что есть / Качается на ветру, чуть не падает / Слово мать, закрыв лицо, плачет от горя»* («审判 Суд»). Лю Лихуа через воспоминания соединяет нелегкие судьбы пожилых родителей в деревне и тяжелую участь рабочих-мигрантов в городе, в сложном переплетении разнообразных чувств и философских размышлений – отдельные штрихи, обрисовывающие лишь контуры работы на заводе: *«Однажды, она неожиданно упала в обморок на станок / Была обнаружена опухоль кровеносных сосудов печени и легких / На третий день, ее выпнули с завода / Лишь ветер завывает, мы ни звука не произнесли».* В поэме, оплакивающей трудные судьбы двух поколений, отца и дочери, определяется цена, заплаченная за «социализм с китайской спецификой».

Китайский поэт Чи Мошу отмечает, что «для женщин из среды рабочих-мигрантов нет “поэзии и дальних далей” (обр. романтики, мечты о прекрасном), они свыклись с трудностями, смирились с судьбой» [1, С. 238]. Это замечание справедливо в отношении подавляющего большинства женщин данной социальной прослойки, что находит отражение и в поэзии. Тем не менее, в женской поэзии рабочих-мигрантов есть место и мечтаниям, и теплым чувствам. Так, в стихотворении Чжэн Сяоцун 郑晓琼 «黄麻岭 Хуанмалин», описывающем хорошо известную всем поколениям рабочим-мигрантам деревню в округе Дунгуань провинции Гуандун, где располагаются промышленные предприятия, лирическая героиня на фоне тонко переданных чувств одиночества и неуверенности ищет на чужбине немного *«согревающего»* тепла и света в *«зажженных огнях», «каплях фонарей»*: *«В сумерках, зажженные огни освещают / Эту южную деревню, капли фонарей / Согревают дрожащее на ветру сердце чужеземца / Любовь, листы железа, боль, акцент, они / Скрываются в моих шагах, в листе личжи / Они качаются, дрожат, мерцают, / Как тот усталый приезжий, осторожный и трусливый / Ты никогда не видел такого пугливого человека / Как скрывающийся в густой тени деревьев огонёк».*

Поэзия Чжэн Сяоцун также объемлет «поэзию и дальние дали», в ней среди серых заводов и фабрик проступают *«светлые и нежные чувства»*: *«Я люблю эту земную жизнь, суетливый серый Хуанмалин / Ветер, расправив крылья, обдувает завод металлических изделий, шерстоткацкую фабрику / Завод пластмасс... Дует всегда, обдувает растрескавшиеся зимой ладони / Обдувает любовь скитальцев, проступившую в свете фонарей / Слова любви их напомнили и мне в кружащем вихре жизни / О светлых нежных чувствах, губы мои безмолвные / Дрожат, эти огни, эти жизни заполняют / С головы до ног,*

похлопывая по плечу / “Люби эту спокойную жизнь!”».

Высокой степенью символичности отличается поэзия У Ся 鄂霞, вводящей в своих произведениях мелочи, незначительные, на первый взгляд, детали из повседневной жизни рабочих-мигрантов. Так, стихотворение «吊带裙 Сарафан», определяющее статус женщины-рабочей, позволяет в маленьком эпизоде из жизни одной женщины увидеть мир всех женщин-рабочих, составляющих значительную прослойку современного китайского общества, их упорство и прилежание, внутренние переживания и стремления, надежды и разочарования, их нелегкую судьбу.

Большую смысловую нагрузку несет образ сарафана, предмет женского гардероба, недоступный героине, У Ся противопоставляет ему свою «пропитавшуюся потом робу». Учитывая, что смена рабочих составляла по 16-18 часов, рабочая спецодежда становилась их второй кожей, и сарафан предстает как узловая деталь стихотворения, вводящая саму тему рабочей деятельности, и выступающая, вместе с тем, символом другой, свободной, жизни: «чтобы ты на берегу озера или на лугу / ждала дуновения ветра / если хочешь, беги но / обязательно, чтобы подол выгнулся дугой».

Подобное символическое использование образа «платья» встречается в стихотворении «туманного» поэта Ван Сяони «假日 湖畔 随想 Выходной. На берегу моря. Размышления» [2], написанном в начале 1980-х гг. Созданное в период «туманной поэзии» [о магистральном поэтическом направлении конца 1970-х – первой половины 1980-х гг. см.: 3, 4, 5] произведение становится актом самопознания, самоопределения представителя поколения молодых людей, чье личностное становление пришлось на годы идеологического дискурса «культурной революции» (1966-1976). Нивелирование личности выражалось, в том числе, в выборе одежды – серой мешковатой униформы, прически – короткой стрижки, стирающих не только индивидуальные, но и гендерные различия: «На берегу озера такой сильный ветер / Возможно, мне не стоит юбку надевать. / Ветер, зачем же ты ее раздуваешь?».

Предпосылки творчества У Ся и Ван Сяони абсолютно различны – первая представляет поэзию рабочих из низов, вторая относится к поколению образованной молодежи *чжицин*. Однако обе поэтессы стремятся выйти за строгие рамки, установленные жесткой конкуренцией в условиях рыночной экономики в первом случае, или идеологическим диктатом во втором. Платье, таким образом, становится не только символом индивидуальности, но и женственности, свободы выбора и самовыражения.

Для творчества У Ся также характерно особое отношение к труду рабочих, ее лирическая героиня вкладывает душу в свою работу: «вобравший моих рук тепло» (утюг), «сначала я должна отутюжить лямки / чтобы на твои плечи не давили больно они». Она не утратила полета фантазии, в изматывающих условиях производства мечтает о любви: «затем с талии гладить начну / какая прелестная талия / можно представить белоснежную руку на ней / что на аллее / обнимает нежную свою любовь». В следующих строках она возвращается в свою реальность, где снова посредством приема контраста противопоставляет мир рабочих, ограниченный границами треугольника «я – производство – общежитие», и внешний мир, где есть улицы, магазины, возможность одеваться и выглядеть по своему желанию, иначе говоря, быть собой, а не частью поточной линии: «вот и моя смена закончилась / я буду стирать пропитавшуюся потом робу / уже сложила ее упаковала / сарафан его увезут в цех / для отправки на какой-нибудь рынок в какой-нибудь модный магазин».

В стихотворении У Ся нет картин, непосредственно воссоздающих производственные процессы, шум и грязь завода, ежедневный изнурительный труд, наоборот, таким уже традиционным для поэзии рабочих образам она противопоставляет «модный магазин», романтическую атмосферу «на берегу озера или на лугу», с одной стороны, отражая стремление к лучшей жизни и надежды на исполнение мечтаний, связанные, кстати, в том числе, и с литературным творчеством, а, с другой стороны, поэтессе с помощью контраста удается показать огромную пропасть, разделяющую мир низовых рабочих и остальной мир.

Подводя итог, можно отметить, что локализация массового промышленного производства в южной провинции Гуандун определила характер женской поэзии рабочих-мигрантов. Прежде всего, определяющим является род занятий, отчего их поэзия отличается обилием «промышленных» образов: железа, чертежей, промзоны, схемной платы, станка, механизмов, конвейерной линии, заводов и т.п. Женщины-рабочие находят новые поэтические смыслы в предметах, составляющих окружающую их действительность. Кроме того, можно отметить выраженный региональный колорит этой поэзии, который придают ей слова типа «южная деревня», «шэньчжэнька», «Гуандун», «Хуанмалин», «дыханье юга», «акцент» и другие. В этой поэзии сильны мотивы тоски по родине, одиночества, страха и потерянности, боли, почти всегда лирическая героиня стихотворения – чужеземка, приезжая. Родина, дым очага, деревня, родные, железнодорожный вокзал, незнакомый город, промзона, уличный фонарь, общежитие, цех, механизм, сломанный палец, плач, производственная травма, трудности, смерть, жизнь, чувство чужеродности, чувство беспомощности,

скитания, боль, театральность, абсурдность, трусость, напряжение, унижение, одиночество, растерянность, местный говор, тревога, осуждение, безысходность, болезнь, судьба, рабы, молодость, любовь, мечты, ностальгия – ключевые слова женской поэзии рабочих-мигрантов, воплощенные в тезисе «писать – как жить», лаконично характеризующем как тематику, так и художественное своеобразие их творчества. Эти стихи – своего рода «литературное досье» эпохи стремительного роста производства и урбанизации в Китае, в котором запечатлена оборотная сторона медали китайского «экономического чуда».

Литература

1. Чи Мошу. 词语的色彩: 当代女性诗歌散论 (Оттенки слов: рассуждения о современной женской поэзии). Ухань: Изд-во «Чанцзян вэньи», 2017. 264 с.
2. 王小妮. 假日 湖畔 随想. Ван Сяони. Выходной. На берегу моря. Размышления. URL: <http://www.menglongshi.com/000148.html> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Тугулова О.Д. Китайская поэзия «нового периода» (1980-е гг.): смена художественных парадигм. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. 162 с.
4. Хайдапова М.Б.-О. История формирования и развития китайской «туманной поэзии» // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. Востоковедение. Вып. 8. Улан-Удэ, 2010. С. 122 – 128.
5. Хайдапова М.Б.-О. Поэтическое творчество Шу Тин в контексте развития китайской «туманной поэзии» (вторая половина 70-х – середина 80-х гг. XX века): автореферат дис. ...канд. филолог. наук. Москва, 2011. 21 с.
6. Хайдапова М.Б.-О., Тугулова О.Д. К вопросу об истории китайской поэзии рабочих-мигрантов // Банзаровские чтения: Материалы Международной научной конференции (Улан-Удэ, 30-31 марта 2022 г.). Ч. 2. С. 412 – 415.

References

1. Chi Moshu. 词语的色彩: 当代女性诗歌散论 (Ottenki slov: rassuzhdenija o sovremennoj zhenskoj poezii). Uhan': Izd-vo «Chanczjan vjen'i», 2017. 264 s.
2. 王小妮. 假日 湖畔 随想. Van Sjaoni. Vyhodnoj. Na beregu morja. Razmyshlenija. URL: <http://www.menglongshi.com/000148.html> (data obrashhenija: 20.01.2023).
3. Tugulova O.D. Kitajskaja poezija «novogo perioda» (1980-e gg.): smena hudozhestvennyh paradigm. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2015. 162 s.
4. Hajdapova M.B.-O. Istorija formirovanija i razvitija kitajskoj «tumannoju poezii». Vestn. Burjat. un-ta. Ser. Vostokovedenie. Vyp. 8. Ulan-Udje, 2010. S. 122 – 128.
5. Hajdapova M.B.-O. Pojeticheskoe tvorcestvo Shu Tin v kontekste razvitija kitajskoj «tumannoju poezii» (vtoraja polovina 70-h – sredina 80-h gg. HH veka): avtoreferat dis. ...kand. filolog. nauk. Moskva, 2011. 21 s.
6. Hajdapova M.B.-O., Tugulova O.D. K voprosu ob istorii kitajskoj poezii rabochih-migrantov. Banzarovskie chtenija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ulan-Udje, 30-31 marta 2022 g.). Ch. 2. S. 412 – 415.

*Tugulova O.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Khaidapova M.B-O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dorji Banzarov Buryat State University*

The female voice of migrant workers' poetry: themes and artistic features of the work

Abstract: this article explores the thematic and artistic characteristics of female Chinese migrant workers' poetry. In recent decades, the PRC has made a huge leap in development, representing by now one of the strongest economies in the world. China's free market relations have led to a hitherto unprecedented growth in industrial production. The special economic situation of reforming China has created special conditions for workers, for whom poetry has become the only way to tell their hopes and frustrations, their dreams and suffering. This is how the phenomenon of migrant worker poetry emerged, reflecting the sentiments of the lower strata of Chinese society. Homesickness, alienation, loneliness, hopelessness of life in the flow line, and social criticism determine the thematic range, specific "industrial" vocabulary and locatives form the poetic language of this trend. The results of the study complete the overall picture of modern poetry, enrich the understanding of spiritual transformations, the re-valuation of values in Chinese society in a transitional period, outline the prospects for further study of migrant workers' poetry, as well as the Chinese literary process as a whole, and can be used in lectures on Chinese literature and culture, social and sociological research.

Keywords: chinese poetry, migrant workers' poetry, women's poetry, Zheng Xiaoqiong, Wang Xueying, Wu Xia, social criticism, theme of homeland

For citation: Tugulova O.D., Khaidapova M.B-O. The female voice of migrant workers' poetry: themes and artistic features of the work. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 132 – 136.

*Холстинина Т.В., кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет просвещения,
Холстинина А.Н.,
Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет),
Поройков А.В., аспирант,
Государственный университет просвещения*

Важность разработки комплексного междисциплинарного подхода к изучению феномена полилингвизма в нейро- и социолингвистическом аспектах

Аннотация: целью данной работы является изучение и анализ существующих результатов исследований по вопросу влияния полилингвизма на эволюцию языка, социально-демографические факторы и особенности когнитивных процессов в различных возрастных группах. Учитывая возростание международной мобильности, обуславливающей усиление роли межкультурной коммуникации, а также прогнозируемое превосходство потенциальных протективных эффектов многоязычия над доступными фармакологическими методами лечения нейродегенеративных заболеваний и задержек развития, дальнейшее изучение феномена мультилингвизма остается актуальной проблемой и требует модификации дизайнов исследований, проработки критериев включения и оценки данных, интеграции междисциплинарного подхода, повышения статистической мощности и значимости результатов исследовательских работ. В статье авторами делается вывод о том, что разногласия в интерпретации результатов проводимых исследований указывают на необходимость разработки комплексного междисциплинарного подхода для моделирования эволюционной динамики многоязычных популяций и понимания сложных социальных изменений в современном обществе. Особое внимание уделяется изучению представлений о роли полилингвизма в модификации механизмов исполнительного контроля, его влиянии на резервные и адаптивные возможности головного мозга, когнитивную пластичность, а также потенциальное изменение толерантности когнитивных функций к возрастным дегенеративным процессам.

Ключевые слова: полилингвизм, социолингвистический, нейролингвистика, многоязычие, междисциплинарный, мультилингвизм, когнитивный

Для цитирования: Холстинина Т.В., Холстинина А.Н., Поройков А.В. Важность разработки комплексного междисциплинарного подхода к изучению феномена полилингвизма в нейро- и социолингвистическом аспектах // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 137 – 141.

В условиях глобализации современного общества полилингвизм или многоязычие становится все более распространенным явлением, играющим уникальную роль в сохранении мирового языкового и культурного разнообразия. Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных вышеупомянутому феномену, отсутствие или недостаточное применение междисциплинарного подхода на сегодняшний день обуславливают ряд ограничений в научных исследованиях, в частности отсутствие консенсуса относительно комплексного влияния многоязычия на особенности когнитивных процессов и социальные взаимодействия между различными языковыми и этническими группами, а также разногласия в подходах к междисциплинарным позициям к созданию моделей эволюционной динамики в популяциях полилингвов и интерпретации результатов исследований с оценкой значимости каждого элемента.

Язык является важнейшим социокультурным компонентом, воздействующим на процессы познания, поведения и как следствие во многом определяющий особенности функционирования и развития общества. В последние годы увеличивается количество работ, научным фокусом которых является изучение эволюционных изменений языка, в частности в группах полилингвов. Уникальность одного из последних исследований обусловлена новизной подхода в интерпретации взаимодействия двух моделей языковой эволюции у многоязычного населения - языковой конкуренции и социальной интервенции, включающей в себя изменения в развитии и степени доминирования того или иного языка под влиянием государственной политики, семейных обстоятельств, особенностей образовательного процесса [2]. Важным выводом данной работы является обоснование возможности стабильного сосуществования различных языков в сообществах полилингвов при выборе соответствующих интервенционных стратегий. Таким образом, результаты приведенного исследования противоречат устоявшимся представлениям о неизбежном доминировании одного языка и постепенном вытеснении другого при их использовании на сбалансированном уровне языковой компетенции длительное время в многоязычных группах, однако наличие в моделях ряда лимитирующих факто-

ров, о которых упоминают авторы, подчеркивает актуальность дальнейшего изучения эволюционной динамики языка в мультилингвистических когортах.

Немаловажным фактором, определяющим успех мультикультурных взаимодействий в условиях современной интернациональной мобильности, является толерантность индивидов к этнически чужим группам. Согласно результатам исследования, проведенного в Нидерландах в 2018 году – одной из стран с самым высоким процентом населения в Европе, говорящим на нескольких языках, полилингвы склонны придерживаться менее этноцентрического взгляда на мир, лучше подготовлены к принятию социокультурного разнообразия и открыты для альтернативных аргументов и точек зрения [3]. Авторы связывают данный феномен с более высокой когнитивной гибкостью полилингвов, обуславливающей их значительный адаптационный потенциал в понимании и представлении информации в рамках различных социоллингвистических задач. Ограничивающим фактором, потенциально искажающим результаты данного исследования, является влияние расширения знаний индивида о культуре, ассоциируемой с изучаемым языком, что как следствие может приводить к большей идентификации себя с этнически чужой группой, и стимулировать повышение уровня социальной толерантности за счет переоценки мировоззрения, а не развития когнитивной гибкости. Таким образом, многоязычие может рассматриваться с междисциплинарных позиций в качестве инструмента, позволяющего улучшить межэтнические отношения и предложить комплексное и обоснованное решение возникающих проблем во всех сферах жизни общества, однако для подтверждения данной концепции требуется проведение дальнейших исследований.

Развитие технологий и научных разработок в области нейро- и психоллингвистики способствуют расширению представлений о строении и функционировании нейронных коррелятов в головном мозге, связанных с семантической обработкой и воспроизведением речи. Особенности когнитивных процессов у полилингвов давно являются предметом научных дискуссий. Распространено представление о том, что владение несколькими языками приводит к усилению исполнительного контроля, играющего определяющую роль в подавлении языкового конфликта, который возникает вследствие одновременной активации нейронных паттернов, составляющих различные уровни вербальной обработки языков [4].

Механизм взаимодействия системы исполнительного контроля и лингвистических сетей остается важнейшим, но малоизученным вопросом нейролингвистики. Как показывают современные исследования, одной из особенностей билингвов является поддержание активности обоих языков даже в моноязычных контекстах, что обуславливает усложнение проблем выбора и управления вниманием у полилингвов и требует соответственно улучшения процессов контроля и устранения помех в сравнении с одноязычными группами [5]. Таким образом, многоязычие часто рассматривается в качестве фактора, способствующего развитию пластичности когнитивных систем и модификации их структуры посредством появления более сложных, “разветвленных” и эффективных взаимодействий нейронных сетей [6]. Результатом вышеупомянутых изменений в головном мозге мультилингвов является увеличение так называемого когнитивного резерва, объем которого наряду с неврологическим резервом во многом определяет степень толерантности когнитивных функций к возрастным дегенеративным процессам. Предполагается, что улучшение механизмов исполнительного контроля у полилингвов, способствуя совершенствованию резервных, компенсаторных и адаптивных возможностей мозга, опосредует отсроченное проявление клинической картины деменции, в том числе болезни Альцгеймера, у мультилингвов по сравнению с монолингвами и тем самым благотворно влияет на когнитивное здоровье в старших возрастных группах [7, 8]. Болезнь Альцгеймера и другие виды дегенеративных заболеваний уже долгое время остаются одной из приоритетных проблем всемирного здравоохранения, поскольку на сегодняшний день отсутствуют эффективные методы лечения и профилактики данных патологий. Актуальность изучения полилингвизма обусловлена его потенциально протективными свойствами в отношении развития деменции. Согласно результатам ряда исследований в группе билингвов проявление клинической симптоматики когнитивных нарушений, несмотря на большую степень дегенерации нейронов по данным инструментальных методов диагностики, выявлялось позже, чем в моноязычных группах [9,10]. Однако все чаще появляются научные работы, ставящие под сомнение достоверность сделанных ранее выводов относительно влияния билингвизма на задержку развития деменции и улучшение когнитивных способностей, отмечая несовершенство дизайна исследований и методологии экспериментальных составляющих, что не позволяет однозначно рассматривать мультилингвизм в качестве профилактического или терапевтического фактора дегенеративных заболеваний [11-13]. Следует отметить, что на сегодняшний день большинство исследований, направленных на изучение полилингвизма в нейронаучном аспекте, имеют существенные ограничения, такие как низкая статистическая мощность, что как следствие снижает значимость полученных результатов; отсутствие четких единых критериев включения в группу моно- и полилингвов и объективных методов оценки когнитивного статуса, а также обоснования

роли более позднего проявления заболевания в качестве положительного прогностического эффекта на дальнейшее течение болезни.

Дискутабельным также остается вопрос о влиянии многоязычия на развитие когнитивных способностей в детском возрасте [14-17]. Аргументом в пользу положительного эффекта полилингвизма у детей, как и в случае со взрослыми, является потенциальное улучшение исполнительного контроля, увеличение когнитивного резерва и вербальной пластичности мозга у мультилингвов. Однако более высокие результаты тестов, оценивающих когнитивные способности, были отмечены лишь в некоторых исследованиях, где проводилось сравнение групп детей, говорящих на одном и нескольких языках [1, 18, 19]. В качестве ограничения ряда работ, помимо вышеупомянутых недостатков в методологической составляющей, рассматривают отсутствие информации об акушерско-гинекологическом анамнезе матери, детали которого, в частности сроки рождения ребенка, могут являться важным источником данных для учета при формировании групп сравнения. Так, в одном из исследований был проведен анализ результатов когнитивных тестов у 3 групп детей возраста 2 и 5 лет, родившихся недоношенными [20]. Первая группа была представлена монолингвами, говорящими только на голландском языке, дети из второй и третьей групп были отнесены к мультилингвам, которые отличались тем, что дети из второй группы говорили дома и на голландском, и на одном или нескольких иностранных языках, в то время как представители третьей группы обращались к голландскому языку только вне дома, например, в учебных учреждениях. В ходе исследования полилингвы показали менее успешные результаты в когнитивных тестах, оценивающих вербальные способности, по сравнению с детьми, использующими только один язык, но при этом результаты заданий, позволяющих анализировать скорость обработки информации и невербальные параметры мышления, не показали существенных межгрупповых отличий. Авторы делают вывод о том, что многоязычные дети более подвержены информационной перегрузке, обусловленной необходимостью постоянного разрешения когнитивного языкового конфликта, которая в дальнейшем может приводить к задержкам развития у детей. Полученные результаты иллюстрируют необходимость учета фактора полилингвизма при проведении будущих исследований и интерпретации данных, а также демонстрируют важность применения междисциплинарного подхода при проработке критериев включения в группы сравнения, в частности при сборе информации о течении беременности и сроках рождения.

Таким образом, отсутствие научного консенсуса не позволяет на сегодняшний день сделать однозначных выводов о характере и степени влияния полилингвизма на когнитивные, социально-демографические, эволюционные процессы жизни человека. Многоязычие представляет собой комплексное понятие, полноценное изучение аспектов которого требует междисциплинарного подхода.

Литература

1. Твардовская А.А., Габдулхаков В.Ф., Новик Н.Н. Билингвизм и регуляторные функции у дошкольников: обзор исследований // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1-2. С. 87 – 100.
2. Wu Z. Why multilingual, and how to keep it – An evolutionary dynamics perspective // PLoS One. PLOS, 2020. Vol. 15. № 11. P. e0241980
3. Mepham K.D., Martinovic B. Multilingualism and Out-Group Acceptance: The Mediating Roles of Cognitive Flexibility and Deprovincialization // J Lang Soc Psychol. SAGE Publications. 2018. Vol. 37. № 1. P. 51.
4. Mukhtoriyevna Z.S., Salimakhon M. Psycholinguistics and Neurolinguistics of Bilingualism // Spanish Journal of Innovation and Integrity. 2022. Vol. 6. P. 387 – 391.
5. Bialystok E., Craik F.I.M. How does bilingualism modify cognitive function? Attention to the mechanism // Psychon Bull Rev. Psychon Bull Rev, 2022. Vol. 29. № 4. P. 1246 – 1269.
6. Hayakawa S., Marian V. Consequences of multilingualism for neural architecture // Behav Brain Funct. BioMed Central. 2019. Vol. 15. № 1. P. 0157-z.
7. Sengoku R. Aging and Alzheimer's disease pathology // Neuropathology. John Wiley & Sons, Ltd, 2020. Vol. 40. № 1. P. 22 – 29.
8. Voits T. et al. Beyond Alzheimer's disease: Can bilingualism be a more generalized protective factor in neurodegeneration? // Neuropsychologia. Pergamon, 2020. Vol. 147. P. 107593.
9. Brini S. et al. Bilingualism Is Associated with a Delayed Onset of Dementia but Not with a Lower Risk of Developing it: a Systematic Review with Meta-Analyses // Neuropsychol Rev. Springer, 2020. Vol. 30. № 1. P. 1.
10. Sala A. et al. Lifelong bilingualism and mechanisms of neuroprotection in Alzheimer dementia // Hum Brain Mapp. John Wiley & Sons, Ltd, 2022. Vol. 43. № 2. P. 581 – 592.
11. Anderson J.A.E., Hawrylewicz K., Grundy J.G. Does bilingualism protect against dementia? A meta-analysis // Psychon Bull Rev. Springer, 2020. Vol. 27. № 5. P. 952 – 965.

12. Jones S.K., Davies-Thompson J., Tree J. Can Machines Find the Bilingual Advantage? Machine Learning Algorithms Find No Evidence to Differentiate Between Lifelong Bilingual and Monolingual Cognitive Profiles // *Front Hum Neurosci*. *Front Hum Neurosci*, 2021. Vol. 15.
13. McCormack C. Exploring the Impact of Bilingualism on Dementia: A Comprehensive Review // *GSU Research Day*. 2022. URL: https://opus.govst.edu/research_day/2022/sessions/4/ (дата обращения: 14.03.2023)
14. Gunnerud H.L. et al. Is bilingualism related to a cognitive advantage in children? A systematic review and meta-analysis // *Psychol Bull*. American Psychological Association, 2020. Vol. 146. № 12. P. 1059 – 1083.
15. Fox R., Corretjer O., Webb K. Benefits of foreign language learning and bilingualism: An analysis of published empirical research 2012-2019 // *Foreign Lang Ann*. John Wiley & Sons, Ltd, 2019. Vol. 52. № 4. P. 699 – 726.
16. Poulin-Dubois D. et al. Effect of bilingualism on infants' cognitive flexibility // *Bilingualism: Language and Cognition*. Cambridge University Press, 2022. Vol. 25. № 3. P. 484 – 497.
17. Guo W., Yao S. Cognitive Benefits of Being Bilingual for Young Children: A Literature Review // *Proceedings of the 2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021)*. Atlantis Press, 2022. Vol. 631. P. 654 – 660.
18. Beaudin K., Poulin-Dubois D. Testing the Bilingual Cognitive Advantage in Toddlers Using the Early Executive Functions Questionnaire // *Languages* 2022. Vol. 7. P. 122. Multidisciplinary Digital Publishing Institute, 2022. Vol. 7. № 2. P. 122.
19. Blom E. et al. Cognitive advantages of bilingual children in different sociolinguistic contexts // *Front Psychol*. Frontiers Research Foundation, 2017. Vol. 8. № APR. P. 552.
20. van Veen S. et al. Multilingualism was associated with lower cognitive outcomes in children who were born very and extremely preterm // *Acta Paediatr*. Wiley-Blackwell, 2019. Vol. 108. № 3. P. 479.

References

1. Tvardovskaja A.A., Gabdulhakov V.F., Novik N.N. Bilingvizm i reguljatornye funkcii u doskol'nikov: obzor issledovanij. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. T. 164. № 1-2. S. 87 – 100.
2. Wu Z. Why multilingual, and how to keep it – An evolutionary dynamics perspective. *PLoS One*. PLOS, 2020. Vol. 15. № 11. P. e0241980
3. Mepham K.D., Martinovic B. Multilingualism and Out-Group Acceptance: The Mediating Roles of Cognitive Flexibility and Deprovincialization. *J Lang Soc Psychol*. SAGE Publications. 2018. Vol. 37. № 1. P. 51.
4. Mukhtoriyevna Z.S., Salimakhon M. Psycholinguistics and Neurolinguistics of Bilinguism. *Spanish Journal of Innovation and Integrity*. 2022. Vol. 6. P. 387 – 391.
5. Bialystok E., Craik F.I.M. How does bilingualism modify cognitive function? Attention to the mechanism. *Psychon Bull Rev*. *Psychon Bull Rev*, 2022. Vol. 29. № 4. P. 1246 – 1269.
6. Hayakawa S., Marian V. Consequences of multilingualism for neural architecture. *Behav Brain Funct*. BioMed Central. 2019. Vol. 15. № 1. P. 0157-z.
7. Sengoku R. Aging and Alzheimer's disease pathology. *Neuropathology*. John Wiley & Sons, Ltd, 2020. Vol. 40. № 1. P. 22 – 29.
8. Voits T. et al. Beyond Alzheimer's disease: Can bilingualism be a more generalized protective factor in neurodegeneration? *Neuropsychologia*. Pergamon, 2020. Vol. 147. P. 107593.
9. Brini S. et al. Bilingualism Is Associated with a Delayed Onset of Dementia but Not with a Lower Risk of Developing it: a Systematic Review with Meta-Analyses. *Neuropsychol Rev*. Springer, 2020. Vol. 30. № 1. P. 1.
10. Sala A. et al. Lifelong bilingualism and mechanisms of neuroprotection in Alzheimer dementia. *Hum Brain Mapp*. John Wiley & Sons, Ltd, 2022. Vol. 43. № 2. P. 581 – 592.
11. Anderson J.A.E., Hawrylewicz K., Grundy J.G. Does bilingualism protect against dementia? A meta-analysis. *Psychon Bull Rev*. Springer, 2020. Vol. 27. № 5. P. 952 – 965.
12. Jones S.K., Davies-Thompson J., Tree J. Can Machines Find the Bilingual Advantage? Machine Learning Algorithms Find No Evidence to Differentiate Between Lifelong Bilingual and Monolingual Cognitive Profiles. *Front Hum Neurosci*. *Front Hum Neurosci*, 2021. Vol. 15.
13. McCormack C. Exploring the Impact of Bilingualism on Dementia: A Comprehensive Review. *GSU Research Day*. 2022. URL: https://opus.govst.edu/research_day/2022/sessions/4/ (data obrashhenija: 14.03.2023)
14. Gunnerud H.L. et al. Is bilingualism related to a cognitive advantage in children? A systematic review and meta-analysis. *Psychol Bull*. American Psychological Association, 2020. Vol. 146. № 12. P. 1059 – 1083.

15. Fox R., Corretjer O., Webb K. Benefits of foreign language learning and bilingualism: An analysis of published empirical research 2012-2019. *Foreign Lang Ann.* John Wiley & Sons, Ltd, 2019. Vol. 52. № 4. P. 699 – 726.
16. Poulin-Dubois D. et al. Effect of bilingualism on infants' cognitive flexibility. *Bilingualism: Language and Cognition.* Cambridge University Press, 2022. Vol. 25. № 3. P. 484 – 497.
17. Guo W., Yao S. Cognitive Benefits of Being Bilingual for Young Children: A Literature Review. *Proceedings of the 2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021).* Atlantis Press, 2022. Vol. 631. P. 654 – 660.
18. Beaudin K., Poulin-Dubois D. Testing the Bilingual Cognitive Advantage in Toddlers Using the Early Executive Functions Questionnaire. *Languages 2022.* Vol. 7. P. 122. Multidisciplinary Digital Publishing Institute, 2022. Vol. 7. № 2. P. 122.
19. Blom E. et al. Cognitive advantages of bilingual children in different sociolinguistic contexts. *Front Psychol.* Frontiers Research Foundation, 2017. Vol. 8. № APR. P. 552.
20. van Veen S. et al. Multilingualism was associated with lower cognitive outcomes in children who were born very and extremely preterm. *Acta Paediatr.* Wiley-Blackwell, 2019. Vol. 108. № 3. P. 479.

*Kholstinina T.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor
State University of Education,
Kholstinina A.N.,
Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Poroikov A.V., Postgraduate,
State University of Education*

The importance of creating a comprehensive interdisciplinary approach to the study of the phenomenon of polylinguism in neuro- and sociolinguistic aspects

Abstract: the purpose of this study is to investigate and analyze the existing research results on the influence of polylinguism on the evolution of the language, socio-demographic factors and features of cognitive processes in various age groups. Taking into account the increasing international mobility, which causes the strengthening of the role of intercultural communication, as well as the predicted superiority of the potential protective effects of multilingualism over the available pharmacological methods of treating neurodegenerative diseases and mental retardation, further study of the phenomenon of multilingualism remains a critical issue and requires modification of research designs, elaboration of criteria for inclusion and evaluation of data, integration of an interdisciplinary approach, increasing the statistical power and significance of research results. In the article, the authors conclude that discrepancies in the interpretation of the research results indicate the need to develop a comprehensive interdisciplinary approach for modeling the evolutionary dynamics of multilingual populations and understanding complex social changes in modern society. Particular attention is paid to the study of ideas about the role of multilingualism in the modification of executive control mechanisms, its impact on the reserve and adaptive capabilities of the brain, cognitive plasticity, as well as the potential change in the tolerance of cognitive functions to age-related degenerative processes.

Keywords: polylingualism, sociolinguistic, neurolinguistics, multilingualism, interdisciplinary, cognitive

For citation: Kholstinina T.V., Kholstinina A.N., Poroikov A.V. The importance of creating a comprehensive interdisciplinary approach to the study of the phenomenon of polylinguism in neuro- and sociolinguistic aspects. *Philological Sciences Bulletin.* 2023. 3 (3). P. 137 – 141.

**Шишигина В.Р.,
Огорокова В.Б., доктор филологических наук, профессор,
Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ**

Художественные особенности документального романа Харысхала «Дорогами минувших лет»

Аннотация: в статье предлагается попытка рассмотрения художественных особенностей документального романа народного писателя Якутии В.Васильева-Харысхала «Дорогами прошлых лет» (2021). Он – автор многих исторических драм, которые ставятся на сцене театров республики. Автор свои драмы создавал на основе документов об истории нашей страны начала XX века. Его новое произведение, также основанное на архивных документах, воспоминаниях, письмах героев и др. доподлинно документален. Но вместе с тем это роман, так как в нем преобладает художественное начало, выразившееся прежде всего в лирическом повествовании и образе главного героя произведения. Роман писателя интересен читателю новизной тематики, особенностью жанра и своими художественными достижениями. Но произведение Харысхала еще не нашло своей оценки в критике. Харысхал – плодотворный и известный писатель республики, прозаик, драматург. Но в целом по его творчеству нет и литературоведческих исследований. Писатель внес огромный вклад в развитие исторического и документального жанров в современной якутской литературе.

Ключевые слова: документальная проза, якутский писатель, прозаик, характер, герой романа, эпистолярный жанр, мемуары, архивные материалы

Для цитирования: Шишигина В.Р., Огорокова В.Б. Художественные особенности документального романа Харысхала «Дорогами минувших лет» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 142 – 147.

В якутском литературоведении документальные произведения не изучены, как художественное явление. Также не определены и их жанровые границы. В данной статье ставится задача определения жанра и основных художественных особенностей произведения народного писателя Якутии В.Васильева-Харысхала (1950-2020) «Дорогами минувших лет» (2021).

Харысхал, увлекшись историей якутской эмиграции и судьбой известных людей Якутии, работал как настоящий исследователь-историк. «Харысхал с головой погрузился в историческую тематику, объездил много стран, работал в архивах Китая, Японии, США, Австралии, Финляндии... Собрал уникальный материал и на его основе создал цикл историко-документальных драм» [2, с. 12-13]. Автор статьи жанр драм Харысхала определяет как историко-документальное произведение. Свое последнее произведение в прозе «Дорогами минувших лет» писатель назвал «документальным романом».

Под документальной прозой традиционно понимается литературный жанр, создающийся в основном на документах, воспоминаниях, письмах очевидцев. Сюжетная линия документальной прозы строится на реальных событиях с редкими вкраплениями художественного вымысла, а авторская точка зрения проявляется чаще всего в отборе и структурировании событий. Образцами документальной прозы являются страноведческие описания, биографии выдающихся личностей, истории каких-либо событий, расследования громких преступлений, путевые наблюдения и др. Отмечается, что документальная проза не имеет строгой жанровой структуры. Граница между документальной прозой (дневники, письма, мемуары, эссе, автобиографии, рассказы о путешествиях) и публицистикой (очерки, заметки, хроники, отчеты) также несколько размыта. Но они прежде всего различаются как жанры художественной литературы и журналистики. Когда сам автор становится очевидцем описываемых событий или выступает собирателем материалов о событиях, усиливается лирическое начало повествования, он становится главным действующим лицом и двигателем сюжета произведения. Также, согласно одной из теорий, документальная проза отличается от публицистики тем, что охватывает большой период времени, объем описываемых событий. В данном случае стоит согласиться с мнением исследователя: «Документальные произведения окончательно «равняются» в правах с другими жанрами, и признают их произведениями литературы, достойными внимания» [1, с. 206].

Особенность документального произведения состоит в том, что в нем используются подлинные документы различного характера. Что означает слово «документ»? В «Толковом словаре русского языка» даются следующие определения: «документ – коммерческий документ, подтверждающий какой-либо факт или право на что-либо»; «свидетельство, официальный документ, удостоверяющий личность владельца»; «документальное свидетельство какого-либо исторического события, факт» [7, с. 172]. Для произведения, особенно для исторических, писатели используют документы государственного значения – постановления, указы, приказы и т.д. Писатели, ищущие факты прошлых лет, особое внимание уделяют архивным матери-

алам. Также имеют значение и «человеческие документы». Л. Гинзбург относила к «человеческим документам» дневники, письма, воспоминания участников исторических событий, записанные на бумаге, звукозаписи [6, с. 81].

В чисто документальном произведении автор ограничен в своей фантазии и вымысле. Потому Г.Б. Хусаинов, говоря о роли документа в произведении, писал: «В историческом произведении, в хронике нет ни вымысла, ни утопии, ни пустой фантазии. Если автор позволяет себе это, значит, он изменяет законы жанра и нарушает законы истории. Ничто не производит такого впечатления, как сами исторические документы» [9, с. 11-13].

Если в документальной прозе допускается авторское вмешательство – его домыслы, отсылки, лирические отступления и т.д., то в нем усиливается художественное начало, разграничивающее произведение от чисто документальных жанров. А.А. Галич отмечает, что «одна из важнейших жанровых особенностей документально-биографической прозы в искусстве основана на конкретных образных изображениях жизни и творчества реальных исторических деятелей» литературы своего времени, обогащённой домыслами автора, с глубоким проникновением в его внутренний мир» [5, с. 181].

Таким образом, термины «документальный жанр» и «документальная проза» являются собирательными терминами для «изучения исторических событий и явлений общественной жизни путем анализа документального материала, воспроизводимого целиком, частично или в изложениях» [4, с. 234]. Предметом изображения документального произведения становятся исторические личности и их подлинные судьбы, исторические события, воссозданные на основе документов.

Документальная литература в якутской литературе начала развиваться с 30-х годов XX века в жанре художественного очерка, когда настала необходимость освещать трудовые будни героев стройки новой жизни. Затем стали появляться повести и романы. Например, повесть И. Никифорова «Солдаты» (1951) о событиях Великой Отечественной войны, участником которых был сам автор. Интересно и то, что другой автор – С. Никифоров также написал повесть «Судьба солдата» (1983) о своем боевом прошлом как участника войны. Документальный роман-эссе «Судьба моя» (1994) написал Далан, в котором он воссоздает события репрессии, тяжести которой испытал в те трудные времена.

Также основываясь на исторических документах, Далан, Н. Лугинов написали исторические романы: первый – «Глухой Виллой» (1984), «Тыгын Дархан» (1993), второй – трилогию «По велению Чингисхана» (1998). В своих романах писатели показали драматические моменты истории, когда великие личности создавали свои империи. Их произведения признаны как вершинные достижения современной якутской литературы. В них документы используются для создания сюжета, образов и черт их реальной эпохи. Но в целом писатели создали художественные произведения, ставшие плодом их фантазии, вымысла и отражающие их концепции о человеке и мире.

В последнее время в якутской литературе наблюдается процесс переосмысления прошлого, скрытого «за ускользающей далью древних бедственных лет», так и ближней истории, которая сокрыта в воспоминаниях современников, в семейных преданиях и бумагах, в архивах других городов, иных стран. Писатели имеют реальную цель – вернуть народу забытые достойные имена, раскрыть подлинную, настоящую подоплёку исторических событий. Такой исследовательской деятельностью занимаются в XXI веке современные писатели – Елена Слепцова-Куорсуннаах и Василий Васильев-Харысхал.

Заметным явлением в современной якутской литературе стал роман В.Е. Васильева-Харысхала «Дорогами минувших лет» («Ааспыт кэм аартыктарынан»), привлёкший внимание читателей. Но в критике роман автора еще не получил достойной оценки. Харысхал интересовался историей якутских эмигрантов с конца 80-х годов XX века, со времени «перестройки и гласности» и стал автором широко известных исторических драм об известных людях якутского народа, которые в свое время были признаны врагами советской власти и, став эмигрантами, оказались на чужбине. Писатель создал художественные произведения, в которых оживил характеры своих героев. Драммы исторические, так как автор не только создает характеры исторических личностей, но и передает атмосферу общества начала XX века, показывая такие исторические события, как революция, гражданская война и т.д.

Харысхал в своем романе рассказывает о тех же своих героев, что и в своих драмах, но в его историко-документальных драмах фантазия и вымысел автора выходит на первый план, а роман создан строго на документальной основе. Харысхал прежде всего сам проехал по тем местам, куда направились его земляки в 20-х годах XX века, спасаясь от гражданской войны, репрессии – в Японии, Китае, Америке, Финляндии, Австралии и т.д.

Свой путь он начинает с Китая. В Харбине, называвшемся тогда русским городом и где обосновалось большое количество эмигрантов из Якутии, ему не удалось найти их документов. Оказалось, что они вывезены в Японию и Америку. Он здесь встречается с несколькими очевидцами и узнает, как жила эмиграция.

В романе рассказывается о тяжёлой доле якутских эмигрантов, бывших известных людей Якутии, которые свою жизнь посвятили служению народу. Это были богачи, купцы, представители интеллигенции, политические деятели, участники белого движения в гражданской войне и др., признанные «врагами» советской власти. Эти люди возлагали большие надежды на преобразования в государственном устройстве России. Февральскую революцию либеральная якутская интеллигенция встретила восторженно. Но сторонники военного коммунизма в лице секретаря Губ. бюро РКП (б) Георгия Лебедева, председателя губчека Андрея Агеева, командующего вооружёнными силами губернии Алексея Козлова быстро развеяли их иллюзии, и они восстали. После подавления восстания многие его участники уехали за границу. Амнистия выманила большинство из них обратно, чтоб предать их репрессии и расстрелять. Это были заблудшие люди, не знающие куда примкнуть и что делать в той ситуации. Самые стойкие противники власти остались за границей, потому что они реально осознавали опасность для себя и своей семьи. Но при этом они знали и то, что их ждет на чужбине. Им пришлось выбирать одно из двух зол. Харбин в 20-30-х годах в Азии был центром жизни российских эмигрантов: здесь были крупные купцы-торговцы, которые организовали Русско-Азиатский банк, ученые-профессора открывшие высшее учебное заведение с двенадцатью факультетами и разные образовательные учреждения, работали предприятия. Кипела жизнь творческих людей – литературные кружки писателей, общества художников, деятелей искусств, печатались газеты и журналы, издавались книги, здесь на сценах театров выступали Ф.Шаляпин, А.Павлова, А.Вертинский и др. Но с окончанием Второй мировой войны, в которой советские войска разгромили японцев и образовалась Китайская Народная республика, эмиграция была вконец разогнана и уничтожена. Следы многих затерялись бесследно. Были закрыты и уничтожены архивы русских эмигрантов, часть из них было передано советскому государству. Так что Харысхалу пришлось искать сведения о своих земляках в архивах Владивостока и Хабаровска. И он радуется маленькой толике сохранившихся документов об якутах, но следы которых окончательно теряются с 1946-1948 годов. Например, таковой оказалась судьба крупнейшего якутского купца-промышленника Гавриила Васильевича Никифорова, первого якутского миллионера, построившего на родине несколько магазинов, школ и занимавшегося благотворительностью. Он впервые внедрил в Якутию электричество, первым привез автомобиль «Форд». Когда началась первая мировая война, пушные аукционы в Германии закрылись, цены на мех на Нижегородской и Ирбитской ярмарках рухнули, Никифоров скупил там всю пушнину и в 1915 году, продал почти в пять раз дороже в Лондоне. Все состояние он вложил в золотые прииски, открытые им в Нимане, Нелькане и Югорёнке, служившие потом при советской власти основой для создания и развития горной промышленности [8Б с. 41-42].

Асклепидот Рязанский – до революции сын главы Амгинского улуса, будучи образованным, начал работать над учебной литературой для якутских школ. Советская власть выставяла его бандитом, так как он был в короткое время начальником штаба Ленского добровольческого отряда. Эмигрировал в Китай, после хождений по мукам, благодаря своему упорству, целеустремленности стал крупным журналистом, освещал вопросы политики, экономики и культуры на английском языке. Затем со своей семьей обосновался в Австралии. Он был центром якутской эмиграции и держал связь с друзьями, живущими в Финляндии, Америке, Китае. Размышляя о судьбе Якутии, Асклепидот Рязанский писал, что ее будущее неразделимо с судьбой России, и думать об ее отделении от советского государства не нужно. Как все герои этого романа он оставался до конца жизни верным своим идеалам, мечтал вернуться когда-то и быть полезным родине [8, с. 237-238].

Крупнейший купец Кушнарев, до революции договорившийся о постройке железной дороги в Якутии и мечтавший об ее развитии, по воспоминаниям дочери, сокрушался о том, что его богатство послужило не родине, а Китаю и Америке [8, с. 109].

В Японии в связи с труднодоступностью архивов и в силу незнания языка, писатель также находит скудное количество документов.

Харысхал был наслышан об архиве своего земляка М.З.Винокурова. По его следам он летит в Америку и, к своей радости, находит его архив в Национальной библиотеке Аляски. В архиве Винокурова оказалось много документов, переписок с земляками. В частности, его волнует история вызволения из тюрьмы силами эмигрантов своих земляков, сбежавших из концентрационного лагеря СЛОН в Финляндию.

В архивах Карелии Харысхал находит дела многих репрессированных земляков. В Финляндии он встречается с дочерью М.Ф.Корнилова и уже находит много писем, которые копирует. Писатель с волнением рассказывает о судьбе трех смелых, храбрых якутов, сосланных в Соловки, но сумевших сбежать из лагеря в 1931 году в Финляндию. Все трое: Михаил Федорович Корнилов, Семен Константинович Старостин и Егор Егорович Старостин были осуждены по делу конфедералистов в 1927-28 годах и сосланы на 5-10 лет в концлагерь СЛОН. После побега несколько лет отсидели в тюрьме Финляндии и, благодаря хлопотам друзей-эмигрантов, кое-как обустроились, получили гражданство Финляндии [8, с. 218]. Обо всем стало из-

вестно из переписок А.А. Рязанского (Австралия), Г.В. Никифорова (Китай), М.В.Винокурова (США) с друзьями из Финляндии и др. их документов. Писатель привез оттуда копии их писем, написанных на английском, русском и якутском языках. В них открывается бесконечная любовь к родине, вера в светлое будущее родного народа, желание служить отечеству и раскрываются такие черты их характера, как преданность и бесконечная любовь к родине, человечность, доброе сердце, стремление помочь каждому, кому трудно и плохо. Писатель с волнением приводит и письма эмигрантов, в которых бьется их израненное сердце. Они волею судеб оказавшись отброшенными далеко от родины, не потеряли ни чести, ни благородства, даже находясь в нечеловеческих условиях эмиграции, унижительном положении чужестранцев. Писатель гордится своими земляками, которые до конца жизни тосковали по родине, верили в свое возвращение, любили ее и были полны стремлением служить своему отечеству.

Но все же дороги его снова приводят в Америку, так как все документы, архивы мира, оказывается, стекаются в Институт Гувера.

Таким образом, Харысхал в своем романе использует прежде всего документы, составленные БРЭМ (Бюро русской эмиграции), подчиненной японской разведке. В них скрупулезно даются все сведения об эмигрантах, также ими заполняются анкеты. Используются и документы, протоколы допросов репрессированных, составленные сотрудниками НКВД. В романе исторические события как таковые не описываются, но именно они стали причиной их скитаний и страданий – революция, гражданская война и репрессии.

Харысхал создает роман как свои путевые заметки, проставляя даты пребывания в той или иной стране. Читатель вместе с ним идет по следам своих земляков. В своем повествовании писатель увлекает читателя интересным ходом своих открытий, размышлений, он глубоко лиричен и волнителен, полон переживаний так, что слышится биение его сердца. Также он дает характеристику и странам, где оказывается, описывая уклад и образ их жизни. Каждый раз, вступая на новую для него землю, писатель здоровается со страной, городом, затем уезжая прощается с ними. Как человек, пребывающий в незнакомых местах и волнующийся о предстоящей своей работе, он совершает обрядовые действия и просит благословения.

Таким образом, главным героем романа становится сам автор и он становится двигателем сюжета произведения. Как сам автор говорит, его путь похож на детектив, он в поисках документов ездит по всему миру. Как энтузиаст, взявшийся за дело в одиночку, Харысхал описывает, как он в этих странах испытывал разные трудности, часто оказывался и без денег. В городах этих стран писатель в основном работал в архивах и библиотеках. Он встречается с разными людьми, знакомится с удивительными представителями интеллигенции, научного мира. Также читатель узнает характер самого писателя – это увлеченный человек, ставящий цель восстановления истины, переживающий из-за испытаний, через которые прошли его герои. Не везде и не всегда документы доступны, но Харысхалу в силу своей обаятельности, общительности и везучести удается все же достучаться до сердец служителей и работать с документами. Многие документы не разрешают копировать, и ему приходится многое держать в своей голове. Харысхал предстает перед читателем как сын своей родины и как истинный патриот, непоколебимый борец за восстановление справедливости.

Долгие десятилетия дело эмиграции замалчивалось, и об их судьбе ничего не было известно. Харысхал прошел по их путям-дорогам, скрупулезно собирая хотя бы скудные материалы о жизни эмигрантов. Времени было много упущено, очевидцев найти было трудно. Но он сумел восстановить их жизненный путь.

Говоря о проделанной работе писателя, дала ей высокую оценку член Союза писателей России, доцент Литературного института имени А.М. Горького» А.Е.Шапошникова: “Народ саха его знал и любил по пьесам, по поисковой работе героев по обе стороны окопов гражданской войны, выяснению судеб людей, оказавшихся в эмиграции. Василий Харысхал совершил невозможное – восстановил ее основную канву, главных героев периода смены эпох и вернул их потомкам” [10, с. 52].

Л.И.Винокурова кандидат исторических наук, зав. отделом истории и этнологии ИГИиПМНС СО РАН также высоко оценила работу писателя: «Во избежание «повторения пройденного» новая российская государственность должна исключать противоправность, опираться только на легитимность и общечеловеческие гуманитарные ценности. Многонациональная Россия, пережившая потери и потрясения, должна научиться быть государством для своих граждан, а не орудием против них. А честность перед прошлым – одно из неперемных условий взаимного доверия власти и общества» [3, с. 52].

Харысхал впервые в якутской литературе показал историю репрессии 20-30-х годов, создал галерею образов-мучеников, воссоздал истину об их трагической судьбе в своем документальном романе «По дорогам минувших лет». Также писатель собрал много материалов по их жизни и показал образец работы с документами в произведении. Это строго документальное произведение, рассказывающее об исторических личностях и их судьбе и опирающееся на достоверные факты, где вымысел сведен к минимуму. Вместе с тем «Дорогами минувших лет» – художественное произведение, роман, созданный по путевым запискам его

главного героя. Таким образом, благодаря своей эстетической цельности, все материалы, найденные Харысхалом, организуются в документально – художественное произведение. Если бы жизнь писателя не оборвалась так рано, то из его дневниковых записей и личных архивов Г.В. Никифорова, предоставленных его правнуком, а также мемуаров Асклепиодота Рязанского, привезенных писателем из Австралии, материалов архива Михаила Зиновьевича Винокурова, эмигрировавшего в Америку, написан был бы еще не один роман.

Литература

1. Балашова Т.В. Активность реализма: литературно-художественные дискуссии на Западе. М.: Искусство, 1982. 206 с.
2. Бурцев А.А. В.Е.Васильев-Харысхал как прозаик и драматург // Вестник СВФУ. Серия: “Вопросы национальной литературы”. Якутск, 2021. № 1. С. 5 – 18.
3. Винокурова Л.И. Народ саха от века к веку: Очерки истории // ИЛИН. 2004. № 4 (39). С. 35 – 39.
4. Документальное и документальная проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. С. 234.
5. Галич А.А. Современная художественная документально-биографическая проза // Проблемы развития жанров: дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1984. 181 с.
6. Гинзбург Л. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62 – 91.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 172.
8. Харысхал. Ааспыт кэм аартыктарынан (Дорогами минувших лет). Якутск: ИЦ “Түһүлгэ”, 1921. 367 с.
9. Хусаинов Г.Б. Литература и наука // Избранные труды. Уфа: Гилем, 1998. С. 13.
10. Шапошникова А. Он вернул потомкам главных героев // Наш друг Харысхал. Якутск: Алта, 2022. С. 49 – 53.

References

1. Balashova T.V. Aktivnost' realizma: literaturno-hudozhestvennyye diskussii na Zapade. M.: Iskusstvo, 1982. 206 s.
2. Burcev A.A. V.E.Vasil'ev-Haryshal kak prozaik i dramaturg. Vestnik SVFU. Serija: “Voprosy nacional'noj literatury”. Jakutsk, 2021. № 1. S. 5 – 18.
3. Vinokurova L.I. Narod saha ot veka k veku: Oчерki istorii. ILIN. 2004. № 4 (39). S. 35 – 39.
4. Dokumental'noe i dokumental'naja proza. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. pod red. A.N. Nikoljukina; In-t nauch. inform. po obshhestv. naukam RAN. M.: Intelvak, 2001. S. 234.
5. Galich A.A. Sovremennaja hudozhestvennaja dokumental'no-biograficheskaja proza. Problemy razvitija zhanrov: dis. ... kand. filol. nauk. Doneck, 1984. 181 s.
6. Ginzburg L. O dokumental'noj literature i principah postroenija haraktera. Voprosy literatury. 1970. № 7. S. 62 – 91.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskijh vyrazhenij. RAN. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1997. S. 172.
8. Haryshal. Aaspyt kjem aartyktarynan (Dorogami minuvshih let). Jakutsk: IC “Түһүлгэ”, 1921. 367 s.
9. Husainov G.B. Literatura i nauka. Izbrannye trudy. Ufa: Gilem, 1998. S. 13.
10. Shaposhnikova A. On vernul potomkam glavnyh geroev. Nash drug Haryshal. Jakutsk: Alta, 2022. S. 49 – 53.

*Shishigina V.R.,
Okorokova V.B., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation*

Artistic features of Kharyshal's documentary novel "The Roads of Bygone Years"

Abstract: the article offers an attempt to consider the artistic features of the documentary novel by the People's writer of Yakutia V.Vasilyeva-Kharyshala "The Roads of Bygone Years" (2021). He is the author of many historical dramas that are staged on the stage of theaters of the republic. The author created his dramas based on documents about the history of our country at the beginning of the twentieth century. His new work, also based on archival documents, memoirs, letters of heroes, etc., is truly documentary. But at the same time it is a novel, since it is dominated by the artistic principle, expressed primarily in the lyrical narrative and the image of the main character of the work. The novel of the writer is interesting to the reader by the novelty of the subject, the peculiarity of the genre and its artistic achievements. But the work of Kharyshal has not found its appreciation in criticism yet. Kharyshal is a fruitful and well-known writer of the republic, novelist, playwright. But in general, there are no literary studies on his work. The writer made a huge contribution to the development of historical and documentary genres in modern Yakut literature.

Keywords: documentary prose, Yakut writer, novelist, character, hero of the novel, epistolary genre, memoirs, archival materials

For citation: Shishigina V.R., Okorokova V.B. Artistic features of Kharyshal's documentary novel "The Roads of Bygone Years". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 142 – 147.

*Бородулина Е.С., аспирант,
Государственный университет просвещения*

Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи)

Аннотация: в данной статье поднимается вопрос об отсутствии и неразработанности единых критериев оценки качества перевода художественной литературы. Качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны, но и способность переводчика создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Различия в переводах также объясняются экстралингвистическими факторами и принадлежностью переводчиков к различным эпохам, что оказывает существенное влияние на текст перевода. Научная новизна статьи заключается в детальном изучении соответствия оригиналу не только с точки зрения адекватности и эквивалентности, но и языковой оформленности художественного текста с позиций переводческих стратегий и гендерной лингвистики. Материалом для исследования послужили произведения Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и Джейн Остен «Гордость и предубеждение» и их переводы на русский язык. Проблематика исследования находится в поле междисциплинарного синтеза. В соответствии с задачами нашего исследования мы применяли метод сравнительного анализа (с целью рассмотрения двух вариантов перевода), метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального, компонентного и сопоставительного анализа. Также мы использовали метод семантической интерпретации. Материалом для исследования послужили произведения Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и Джейн Остен «Гордость и предубеждение» и их переводы на русский язык.

Ключевые слова: переводческие стратегии, художественный перевод, лингвокультурология, оценка качества перевода, гендерная лингвистика, адекватность и эквивалентность

Для цитирования: Бородулина Е.С. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 148 – 153.

Лингвистической дисциплиной, тесно связанной с культурой, сознанием и мышлением человека, является наука о переводе (переводоведение, традуктология). Как междисциплинарная сфера, переводоведение пересекается по терминологии и предмету исследования со многими другими дисциплинами, где в той или иной мере задействован перевод. Следовательно, требует от человека разбираться во многих сферах человеческой деятельности. При этом, несмотря на многогранность перевода и переводоведения как научной дисциплины и ее многовековую историю, многие ее проблемы до сих пор не получили однозначного объяснения. К данной категории относится оценка качества перевода. Вопрос об оценке качества перевода рано или поздно поднимает каждый профессиональный переводчик. Отметим, что четкая система критериев оценки переводного текста отсутствует.

Особую трудность доставляет художественный перевод. Любое художественное произведения представляет собой фактор культуры. «Перевод – это высшая форма понимания иного языка, иной культуры, иной жизни, инобытия в целом», как важнейшего средства межкультурной коммуникации и «самого благородного» вида «межнационального и межлитературного сотрудничества» [16]. Изучение литературного творчества весьма многогранно и привлекает внимание не только филологов, но и лингвистов, психологов и философов. Перевод требует обширных экстралингвистических (фоновых) знаний. Переводчику, соответственно, необходимо не только свободно владеть иностранным языком, но и дополнительными сведениями о стране изучаемого языка: географии, истории, нравах, традициях, обычаях, идиомах и т.д. [5]. Художественный текст как многоуровневая коммуникативная структура представляет собой довольно сложный объект для лингвистического анализа на любом уровне. В данную категорию переводческой компетенции входят как языковые (грамматика, семантика), так и неязыковые знания (контекст и ситуация). Отдельного внимания заслуживает качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны, но и способность создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Исследователи указывают на трудности при передаче экстралингвистической информации с одного языка на другой. И.Г. Жирова отмечает: «язык не просто отражает внутренний мир человека и его культуру, он, несомненно, является хранителем этой культуры, источником знаний о национальном характере и менталитете народа» [8].

Рассмотрим существующие критерии оценки качества перевода.

В первую очередь, критерием оценки являются соответствие перевода оригиналу, т.е. эквивалентность и адекватность. Данные категории неоднократно рассматривались учеными-лингвистами. Перевод привязан к оригиналу и не может быть обособленным. Упомянем тот факт, что единая теория перевода была разработана в середине прошлого века. При этом переводоведы высказывают совершенно противоположные точки зрения. Переводческую эквивалентность и адекватность подробно рассматривали советские теоретики перевода – Н.К. Гарбовский, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров и т.д. Согласно им, данные термины не являются идентичными. Эквивалентный перевод не может быть адекватным. В.В. Сдобников и О.В. Петрова предлагают объединить данные термины: «перевод либо адекватен, либо неадекватен» [15]. Однако не стоит при этом забывать, что достижение полной тождественности переводного текста оригиналу невозможно. В связи с этим, вопрос о поиске наиболее полного соответствия все еще актуален и вызывает немалое количество споров среди исследователей.

В данной статье мы предлагаем рассматривать в качестве критериев оценки качества перевода не только соответствие оригиналу не только с точки зрения адекватности и эквивалентности, но языковой оформленности художественного текста с позиций переводческих стратегий и гендерной лингвистики. Викторианские женские романы представляют собой сочетания жанровых особенностей социально-психологического и автобиографического романа, который можно назвать вымышленными мемуарами, так как описываемые события не происходили в жизни авторов. Писательницы Викторианской эпохи, Джейн Остин и Шарлотта Бронте, обладают оригинальными индивидуальными стилями и не менее оригинальными переводами, которые, как мы считаем, нуждаются в научном осмыслении с позиций вышеуказанных позиций. При восприятии русскоязычных переводов романов ощущается разрозненность.

Жанровое и стилевое соответствие – один из критериев качества перевода. Значительный интерес представляет для нас языковая оформленность текста с позиций переводческих стратегий – доместикации и форенизации, а также трансформаций и деформаций. Языковая оформленность текста наиболее четко выявляет так называемую языковую асимметрию. Каждый язык по-своему членит действительность. И при переводе зачастую искажаются заложенные автором смыслы. С развитием скопос-теории в прошлом веке ключевым аспектом становится цель перевода, которая полностью определяет его качество. Переводчик представляет собой центральную фигуру межкультурной и межъязыковой коммуникации, он делает выбор, принять ли нормы иной культуры, или, наоборот, их отвергнуть.

Адаптация текста, может быть вызвана социокультурными особенностями иной страны, которые, в свою очередь, могут приводить к значительным трудностям в создании переводного текста. Форенизация появляется позднее, начиная с середины 20 века, но не в чистом виде. Она сосредотачивается на ценности языка перевода в рамках лингвокультурологии, первостепенными становятся языковые и культурные особенности оригинального текста. Сознательно может быть использование переводческой деформации. Переводческая деформация не является противоположностью трансформаций и в то же время не является ошибкой. Данная стратегия – нередкое явление, и совсем не правильным будет негативно оценивать ее. Деформации, как трансформации, проявляются на всех лингвистических уровнях.

Рассмотрим наиболее интересные примеры.

“Read the New Testament, and observe what Christ says, and how he acts; make his word your rule, and his conduct your example” [19] – религиозное оригинальное высказывание.

В.О. Станевич: «Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает» [4]. Вариант незначительно отличается от высказывания, предложенного И.Г. Гуровой: «Читай Новый Завет, вдумывайся в слова Христа и Его деяния, сделай Его слова законом для себя, а Его поступки – примером» [3].

У И.И. Введенского перевод высказывания отсутствует. Стратегия, используемая И.И. Введенским – переводческая деформация. Стоит отметить, что она проявляется у переводчика на всех языковых уровнях: лексическом, синтаксическом, стилистическом и т.д. Поскольку художественному тексту принадлежит эстетическая функция, мы можем рассуждать о том, что деформация, применяемая И.И. Введенским, представляет собой потери не только языкового характера, и деформирует эстетическую функцию оригинального текста. Это оказывает значительное влияние на качество перевода. Но и применение данной стратегии может быть вполне оправдано, поскольку переводной текст был создан в 19 веке и опубликован в журнале «Отечественные записки». Для публикации в журнале значительно изменился (деформировался) композиционный строй художественного произведения: роман был не только поделен на несколько частей, но и претерпел существенные сокращения.

В.О. Станевич тоже использует переводческую деформацию. В этом случае деформация носит социокультурный характер. Перевод текста сделан в 1950 году, времена, обусловленные исторической обстанов-

кой России в середине прошлого столетия. Происходит и нейтрализация высказывания, которое, на самом деле, достаточно эмфатично.

Переводной текст И.Г. Гуровой ближе к оригиналу. Переводчице удается передать не только эмоциональность собеседника, но и индивидуальный стиль Шарлотты Бронте. Роман «Джейн Эйр» изобилует религиозными высказываниями. Большое интерес представляет и это высказывание, содержащее религиозное сравнение. В оригинале оно звучит так:

“I thought sometimes I saw beyond its wild waters a shore, sweet as the hills of Beulah; and now and then a freshening gale wakened by hope, bore my spirit triumphantly towards the bourne...” [18]

В.О. Станевич предлагает такой вариант: «Минутами мне казалось, что я вижу по ту сторону кипящих вод какой-то берег, сладостнее рая, и время от времени освежающий ветерок пробуждал мои надежды и торжествующе нес мою душу к этому берегу...» [4].

И.Г. Гурова: «Иногда мне чудилось, будто за бушующими валами виднеется берег, прекрасный, как Земля Обетованная, и ласкающие порывы ветра надежды победно уносили мой дух туда...» [3].

И.И. Введенский пропускает религиозное сравнение и применяет деформацию на синтаксическом уровне, используя многочисленные добавления (так называемую «отсебятину»), из-за которых высказывание выглядит громоздким и отчасти трудным для восприятия: «Иногда, за бурными волнами, видѣла я отдаленный берег съ его зелеными и цвѣтистыми холмами, и сердце мое, окриленное надеждой, радостно порывалось впередъ къ счастливой пристани; но противный вѣтеръ поднимался снова, буря бушевала, и легкій челнъ мой опять и опять уносился назадъ къ невѣдомымъ областямъ» [2]. Кроме того, лексическая единица “spirit” у переводчика неожиданно приобретает значение «челн».

Перевод религиозного сравнения у каждого переводчика выглядит по-разному. Сравнение “the hills of Beulah” содержит прямую отсылку на Библию, в частности, оно встречается в Книге пророка Исайи. Beulah – библейское название Израиля, т.е. “the hills of Beulah” – Земля Обетованная. Деформация у В.О. Станевич объясняется политической ситуацией в СССР. Перевод И.Г. Гуровой можно назвать качественным переводом, так как переводчица в точности передает на русский язык авторский замысел и образность.

Можно сделать следующий вывод: стилевое соответствие является одним из критериев качества перевода. Правильный перевод – качественный перевод – подразумевает не только владение языком, но и знание переводчиком культуры иной страны и обычаев. Деформации, встречающиеся в художественных текстах, связаны с экстралингвистическими факторами, но при этом они преломляют эстетическое воздействие художественного текста на восприятие читателя. Такой подход нельзя именовать правильным, поскольку он приводит к опущениям и потерям.

Следующий критерий, рассматриваемый нами – перевод с точки зрения гендерных различий. Изучение особенностей перевода в зависимости от гендера представляет собой новое, еще досконально не изученное направление в лингвистике. Гендер в языкознании подразумевает рассмотрение коммуникативного поведения женщин и мужчин, предпочтения в выборе определенных лексических единиц, синтаксиса, спецификой говорения (мужского или женского).

Гендерный подход получил широкое распространение в художественной литературе, потому что именно здесь наиболее отчетливо воплощаются женский и мужской взгляд на мир. В Викторианских романах самой популярной и доминирующей является женская тема – положение женщины в обществе, ее обязанности и права. Писательницы раскрывали новые темы, приемы и мотивы, их произведения уникальны и занимают отдельное место в мировой литературе. Женскому творчеству свойственно частично-религиозное, природное начало. Психике мужчины и женщины свойственны определенные отличия в восприятии окружающей действительности. Результатом перевода, выполненного тем или иным гендером, будет вариант, воплощающий специфику литературного творчества автора-женщины или автора-мужчины. А.В. Кирилина считает, что гендерные стереотипы могут быть как стабильными, так и изменчивыми, и данный аспект в разных языках может не совпадать [11]. Оценке качества перевода подвергнутся все языковые уровни – отметим, что различия между женской и мужской речью как в фонетике, так и в лексике, грамматике и синтаксисе. Отдельное внимание уделяется и переводу эмоционально окрашенной лексики.

Как сильно влияет гендер на качество перевода? Рассмотрим некоторые наиболее интересные примеры из книги Ш.Бронте «Джейн Эйр» и Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Оригинальное предложение: “You have no business to take our books; you are a dependent, mama says; you have no money; your father left you none” [18].

И.И. Введенский: «Тебѣ нѣтъ дѣла до нашихъ книгъ, негодная тварь. Маменька говорить, что ты намъ неровня.» [2].

И.Г. Гурова: «Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты приживалка; у тебя нет денег, твой отец тебе ничего не оставил» [3].

Вариант И.И. Введенского излишне эмфатичен. Регистр высказывания значительно повышает лексика эмоционально-оценочного, можно сказать, оскорбительного характера – «негодная тварь». Лексическая единица вызывает диссонанс при восприятии текста читателем. Вероятно, целью переводчика было вызвать сочувствие у получателей перевода. Второе слово И.И. Введенского – «не ровня» – стилистически нейтральное, оценочное. В варианте И.Г. Гуровой лексема “dependent” получает значение «приживалка». Данное слово можно считать гендерлектом. Оно эмоционально оценочно, а женщины более склонны употреблять лексические единицы такого типа. Отметим и различия в синтаксисе. Вариант И.Г. Гуровой представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, богатую лексикой, что усиливает экспрессивность высказывания. Переводчица обогащает текст и сохраняет смысл, не нарушая норм русского языка. Несмотря на это, вариант читается достаточно легко, и качество перевода ни в коем случае не понижается.

Интересно оценивать регистры эмоциональных высказываний в переводе. Предлагаем отрывки, взятые из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

И.Г. Гурова: «— Моя душенька Лидия! — вскричала она. — Вот уж восхитительное известие, так восхитительное! Она выходит замуж! Я снова ее увижу! Выходит замуж в шестнадцать лет! Мой добрый заботливый братец! Я знала, он все уладит. Как мне не терпится увидеть ее, да и милого Уикхема тоже! Но платья! Она теперь будет замужней дамой! Я тотчас отпишу об этом сестрице Гардинер. Лиззи, душечка, беги к твоему папеньке и спроси, сколько он даст ей денег. Нет, погоди, погоди! Я пойду сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я мигом оденусь. Моя голубка, моя душенька Лидия! Как будет весело, когда мы опять будем вместе!» [13]

И.С. Маршак: «- Лидия, девочка моя! – восклицала миссис Беннет. – Как это чудесно! Она будет замужем! Я скоро ее увижу! Выйдет замуж в шестнадцать лет! Добрый, хороший братец! Я была убеждена, что так кончится, - он должен был все устроить! Если бы вы знали, как мне хочется ее видеть! И душеньку Уикхема тоже! Но как же быть с туалетами? Что же делать со свадебным платьем? Надо сейчас же написать сестре Гардинер. Лиззи, голубушка, сбегай вниз к папе и разузнай у него, сколько он на это может дать денег. Ах, нет, постой! Я лучше схожу к нему сама. Китти, позвони, чтобы пришла Хилл. Я сию же минуту оденусь. Лидия, милочка моя! Вот будет праздник, когда она к нам придет!» [14]

И.Г. Гурова делает акцент на лексических повторах. Данный способ объясняется желанием подчеркнуть главное стремление, идею-фикс миссис Беннет – во что бы то ни стало выдать замуж всех дочерей. Обилие простых предложений свидетельствует о сильных эмоциях. Примечательно, что в одночасье всех окружающих миссис Беннет называет *my dear* (душечка / голубка / милочка и т.д.). Отметим, что женскому варианту перевода свойственно богатство и насыщенность речи при описании эмоций и чувств. Лексика и перевод И.С. Маршака в основном нейтральны и даже сдержаны, что можно объяснить гендером переводчика. Особое внимание стоит уделить передаче лексической единицы *would*: глагол опускается в первом случае, поскольку он представляет собой вспомогательный глагол, обозначающий действие в будущем, воспринимаемым из прошлого. Это придаёт высказыванию оттенок уверенности. Во втором случае *he would* (он должен был) принял оттенок долженствования.

Итак, гендерный анализ показывает, что женский вариант перевода отличается эмфатизацией, постоянным употреблением оценочных слов и словосочетаний и богатством при вербализации чувств и эмоций. Мужской вариант перевода нейтрален, характеризуется однообразной передачей чувств и эмоций. Гендерный аспект является важным условием создания качественного перевода художественного произведения с сохранением стилистики оригинала.

Заключение

Оценка качества перевода является одной из самых неоднозначных и сложных проблем современного переводоведения. Оценивать качество перевода художественного текста весьма сложно, поскольку необходимо учитывать множество дополнительных факторов неязыкового характера. С изменением эпохи меняется подход к переводу, появляются новые варианты, которые требуют внимания со стороны филологов и лингвистов. Рассмотрев критерии оценки качества перевода, необходимо сделать следующий вывод: самым главным показателем качественно выполненного художественного перевода является интерес к нему исследователей и желание читателей неоднократно перечитывать его. Если перевод удовлетворяет современным требованиям (как читателей, так и ученых), значит, он выполнен качественно.

Практическая значимость данного исследования, подтвержденная в ходе апробации, состоит в предложении перечне наиболее эффективных критериев оценки качества художественного перевода

Литература

1. Аксенова Н.С., Епифанцева Н.Г., Жирова И.Г. Интертекстуальность как лингвистический феномен межкультурного диалога (на материале сакрально-мистических текстов). М.: ИД «Академия Естествознания», 2018. 96 с.
2. Бронте Шарлотта «Дженни Эйръ» (Перевод И.И. Введенского). http://az.lib.ru/b/bronte_s/text_1847_jane_eyre-oldorfo.shtml
3. Бронте Шарлотта «Джейн Эйръ» (Перевод В.О. Гуровой) [Электронный ресурс]. <https://adebiportal.kz/upload/iblock/d7c/d7c7dc6d64c91526b5defb935d9707a6.pdf>
4. Бронте Ш. «Джен Эйръ». М.: СП «Внешиберика», 1992. 514 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
6. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. 544 с.
7. Жирова И.Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов «Вестник Московского государственного областного университета». Сер.: Лингвистика. 2013. № 5. С. 60 – 66.
8. Жирова И.Г., Савченко Е.П. Отражение меняющейся картины мира в русском и английском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2014. №4. С. 167 – 169.
9. Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: Изд-во «Грамота», 2016. № 1 (55). С. 111 – 115.
10. Жирова И.Г. Межкультурный творческий диалог между М. Ю. Лермонтовым и Дж. Байроном. Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения. Коломна. Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ). 2019. С. 59 – 60.
11. Кирилина А.В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., МГЛУ. 2001. С. 32 – 47.
12. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 452 с.
13. Остен, Джейн. «Гордость и предубеждение». М.: Гелеос, 2008. 416 с. (перевод И.Г. Гуровой)
14. Остен, Джейн. «Гордость и предубеждение». <http://lib.ru/INOOLD/OSTEN/gord.txt> (Перевод И.С. Маршака)
15. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: Флинта, МПСИ, 2006. 416 с.
16. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Канонизация переводов в свете этики политкультурности // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 9 (695). С. 191 – 202. <https://docplayer.ru/50408244-Kanonizaciya-perevodov-v-svete-etiki-polikulturnosti.html>
17. Austen Jane. Austen J. Pride and Prejudice. <https://www.gutenberg.org/files/1342/1342-h/1342-h.htm>
18. Brontë, Charlotte “Jane Eyre”. Retrieved from: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>

References

1. Aksenova N.S., Epifanceva N.G., Zhirova I.G. Intertekstual'nost' kak lingvisticheskij fenomen mezhkul'turnogo dialoga (na materiale sakral'no-misticheskikh tekstov). M.: ID «Akademija Estestvoznaniya», 2018. 96 s.
2. Bronte Sharlotta «Dzhenni Jejr#» (Perevod I.I. Vvedenskogo). http://az.lib.ru/b/bronte_s/text_1847_jane_eyre-oldorfo.shtml
3. Bronte Sharlotta «Dzhejn Jejr» (Perevod V.O. Gurovoj) [Jelektronnyj resurs]. <https://adebiportal.kz/upload/iblock/d7c/d7c7dc6d64c91526b5defb935d9707a6.pdf>
4. Bronte Sh. «Dzhen Jejr». M.: SP «Vneshiberika», 1992. 514 s.
5. Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj literatury. M.: Goslitizdat, 1959. 656 s.
6. Garbovskij N.K. Teorija perevoda: uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 2007. 544 s.
7. Zhirova I.G. O probleme perevoda jekstralingvisticheskikh komponentov «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta». Ser.: Lingvistika. 2013. № 5. S. 60 – 66.
8. Zhirova I.G., Savchenko E.P. Otrazhenie menjajushhejsja kartiny mira v russkom i anglijskom jazykah. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika. 2014. №4. S. 167 – 169.
9. Zhirova I.G. Ot slova k znacheniju slova i konceptu. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. M.: Izd-vo «Gramota», 2016. № 1 (55). S. 111 – 115.
10. Zhirova I.G. Mezhkul'turnyj tvorcheskij dialog mezhdru M. Ju. Lermontovym i Dzh. Bajronom. Aktual'nye problemy sovremennogo jazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii jazyka i metodiki obuchenija. Kolomna. Nacional'noe obshhestvo prikladnoj lingvistiki (NOPriL). 2019. S. 59 – 60.
11. Kirilina A.V. Osobennosti i tendencii razvitija gendernyh issledovanij v rossijskoj lingvistike. Gender: jazyk, kul'tura, kommunikacija. M., MGLU. 2001. S. 32 – 47.

12. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*. M.: JeTS, 2002. 452 s.
13. Osten, Dzhejn. «Gordost' i predubezhdenie». M.: Geleos, 2008. 416 s. (perevod I.G. Gurovoj)
14. Osten, Dzhejn. «Gordost' i predubezhdenie». <http://lib.ru/INOOLD/OSTEN/gord.txt> (Perevod I.S. Marshaka)
15. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. *Teorija perevoda*. M.: Flinta, MPSI, 2006. 416 s.
16. Chajkovskij R.R., Lysenkova E.L. *Kanonizacija perevodov v svete jetiki politkul'turnosti*. Vestnik MGLU. 2014. Vyp. 9 (695). S. 191 – 202. <https://docplayer.ru/50408244-Kanonizaciya-perevodov-v-svete-etiki-polikulturnosti.html>
17. Austen Jane. *Austen J. Pride and Prejudice*. <https://www.gutenberg.org/files/1342/1342-h/1342-h.htm>
18. Brontë, Charlotte “Jane Eyre”. Retrieved from: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm>

*Borodulina E.S., Postgraduate,
State University of Education*

Evaluation of the quality of translation of a literary text: the main criteria and their theoretical justification (based on the material of translations of British women's novels of the Victorian era)

Abstract: this article raises the issue of absence and underdevelopment of common criteria for assessing translation quality of fiction. The translation quality implies not only a high knowledge of the language and culture of another country, but also the ability of the translator to create the most accurate and close in meaning, as well as lexically commensurate meaning of the original. Differences in translations are also explained by extralinguistic factors and the belonging of translators to different eras. This aspect has a significant impact on the text of the translation. The scientific novelty of the article lies in a detailed study of the correspondence to the original not only in terms of adequacy and equivalence, but also the linguistic design of the literary text from the standpoint of translation strategies and gender linguistics. The material for the study was the work of Charlotte Bronte “Jane Eyre” and Jane Austen “Pride and Prejudice” and their translations into Russian. The problem of research is in the field of interdisciplinary synthesis. In accordance with the objectives of our study, we used the method of comparative analysis (in order to consider two translation options), the method of comparative-translational analysis, the method of contextual, component and comparative analysis. We also used the method of semantic interpretation. The material for the study was the work of Charlotte Bronte "Jane Eyre" and Jane Austen "Pride and Prejudice" and their translations into Russian.

Keywords: translation strategies, literary translation, cultural linguistics, translation quality assessment, gender linguistics, adequacy and equivalence

For citation: Borodulina E.S. Evaluation of the quality of translation of a literary text: the main criteria and their theoretical justification (based on the material of translations of British women's novels of the Victorian era) *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 148 – 153.

*Васильева Н.М., кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*

Орфографирование русских заимствований в современной якутоязычной прессе

Аннотация. Современная якутоязычная пресса выполняет функции первоисточника русских заимствований в якутском языке, что подтверждается участвовавшими случаями использования в публикациях средств массовой информации заимствованных слов, не содержащихся в современном «Орфографическом словаре якутского языка», изданном в 2015 году. В свою очередь, этим обусловлено допущение несоблюдения правил написания (орфографирования) заимствованных из русского языка слов. Этим объясняется сохранение актуальности проблемы адаптированного применения и правописания заимствований с соблюдением орфографических норм современного якутского языка и её научного исследования. В данной статье отражены основные результаты анализа правописания заимствованных слов в материалах республиканских газет на якутском языке.

Ключевые слова: якутский язык, якутоязычные СМИ, якутоязычная пресса, якутская орфография, русские заимствования, заимствованные слова

Для цитирования: Васильева Н.М. Орфографирование русских заимствований в современной якутоязычной прессе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 154 – 157.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что негативное влияние процессов языковой глобализации коснулось и якутского языка, проявляясь в излишнем, несоразмерном использовании иноязычных заимствований, не адаптированных к правилам якутской орфографии. В такой ситуации очень важно, чтобы якутские журналисты использовали заимствованные слова в полном соответствии с правилами якутской орфографии.

Основным, базовым словарем, нормализующим и упорядочивающим правописание фонетизированных заимствованных слов, является «Орфографический словарь якутского языка» 2015 года (далее – ОСЯЯ) [6]. В нем не охвачены все широкоупотребительные заимствованные из русского языка, что обусловило отличия в фонетизации заимствований в якутских газетных публикациях слова. Анализ и описание особенностей фонетизации, правописания заимствований представляют интерес для разработки новых рекомендаций в правописании заимствованных слов в якутском языке.

Настоящая статья посвящена проблеме орфографирования заимствованных слов, не регламентированных ОСЯЯ.

Целью исследования является выявление и анализ состояния орфографирования заимствований из русского языка в якутоязычных средствах массовой информации (далее – СМИ). Для достижения цели реализованы задачи анализа отбора русских заимствований, не регламентированных ОСЯЯ, анализа правописания русских заимствований в газетных материалах.

Теоретическая и практическая значимость данной работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблем якутской орфографии и фиксации фонетизированных заимствований в базе данных, необходимой в дальнейшей актуализации ОСЯЯ.

Материалы и методы

Материалом для исследования служат республиканские газеты на якутском языке «Кыым» и «Саха сирэ» за 2022-2023 годы. Было проанализировано 75 номеров данных изданий и выявлено более 60 русских заимствований, не регламентированных ОСЯЯ. Основными методами исследования являются контент-анализ, описательный и сравнительный методы. Методология исследования включает также метод сплошной выборки, методы анализа и интерпретации материала. Для выявления частоты употребления в письменной речи нерегламентированных русских заимствований используется статистический метод. Терминология работы включает традиционные, общеупотребительные понятия языкознания.

Основная часть

Заимствование слов – естественный процесс, который отражает отношение между народами в разные периоды их истории. В данной статье мы придерживаемся следующего определения понятия: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых» [4, с. 158]. Как отмечает А.В. Суперанская, при

процессе перехода слова из одного языка в другой происходит его перекодирование на фонемно-графемном уровне и состоит из нескольких этапов: 1) анализ написания иноязычного слова в языке-источнике; 2) чтение иноязычного написания; 3) определение фонемного состава иноязычного слова и перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка; 4) запись иноязычного слова в принимающем языке [7, с. 103]. В якутском языке заимствованные слова одновременно утрачивают свои грамматические признаки, которыми они обладают в русском языке, и подводятся под единые лексико-морфологические нормы и модели якутского языка: а) утрачивают родовые признаки, так как в якутском языке отсутствует грамматическая категория рода; б) утрачивают признаки грамматического числа; в) слова одной части речи могут быть заимствованы в значении другой части речи [3, с. 24]. При этом фонетическое переоформление слов носит строго закономерный характер, совершается в соответствии с требованием фонетической системы якутского языка.

Русские заимствования, пополнившие и продолжающие пополнять якутский язык, все чаще обращают внимание на проблему их орфографирования. С этой проблемой пишущий сталкивается всякий раз, когда необходимо передать на письме русское слово в фонетизированном виде, несмотря на наличие кодифицированных орфографических правил и словаря. Поэтому этот вопрос требует специального исследования.

В настоящее время в якутоязычных СМИ все чаще используются заимствованные из русского языка слова, не регламентированные ОСЯЯ. Нами исследованы тексты якутоязычных республиканских газет «Кыым» (К) и «Саха сирэ» (СС). В ранее проведенных исследованиях автора [1; 2] отмечалось, что, в целом, редакции газет соблюдают правила якутской орфографии в написании исконно якутских слов, но допускают нарушения при правописании заимствованных слов.

Контент-анализ собранного материала из вышеназванных периодических изданий позволил выявить следующее:

1) Большинство нововведенных в письменную речь заимствованные слова оформляются согласно фонетическим законам якутского языка и основному правилу якутской орфографии о правописании основ русских слов в фонетизированном (якутизированном) виде (правило №43 1.) [6, с. 460]. Например: *акадьыамыйа* 'академия', *арыанда* 'аренда', *аспырантыыра* 'аспирантура', *бассаан/батсаан* 'ватсап', *биридимийэ* 'предмет', *бириштэп* 'пристав', *бороссодуура* 'процедура', *ботуогурап* 'фотограф', *бөлөсүөпүйэ* 'философия', *бүрүкүрээтийэ* 'бюрократия', *бэлииссийэ* 'полиция', *бэликилинньикэ* 'поликлиника', *дэпэртээмэн* 'департамент', *дыссэртээссийэ* 'диссертация', *импийэсийэ* 'инфекция', *инбэлиидинэс* 'инвалидность', *ипэтиэкэ* 'ипотека', *кириминээл* 'криминал', *консултаан* 'консультант', *културалыагыя* 'культурология', *кырамаатыка* 'грамматика', *лабаратыарыйа* 'лаборатория', *либэрээл* 'либерал', *литэрэтиирэ* 'литература', *маргынаал* 'маргинал', *мэдиисинэ* 'медицина', *мэхэньиисим* 'механизм', *үнүбэрсийэ* 'университет', *хааныдыра* 'кафедра', *хаптыталыһым* 'капитализм', *хоруона (хамсыга)* 'коронавирус', *эриэйттин* 'рейтинг', *эрэпэтиитэр* 'репетитор', *эспийэр* 'эксперт', *эспэртиисэ* 'экспертиза' и т.д. (К); *аппаратуура* 'аппаратура', *аэропурт* 'аэропорт', *биридимийэ* 'предмет', *бырактыкаан* 'практикант', *бырапыыска* (ОСЯЯ: бэрэпийскэ) 'прописка', *бэтэринээрийэ* 'ветеринария', *инбэстииссийэ* 'инвестиция', *кубуота* 'квота', *куйаар-куод* 'куар-код', *литэрэтиирэ* 'литература', *миэдик* 'медик', *мэдиисинэ* 'медицина', *саарык* 'шарик', *усулуобунас* 'условность', *ыстаапка* 'ставка', *энэргэтиикэ* 'энергетика', *эриэйттин* 'рейтинг', *эрэсимийэр* 'размер', *эспийэр* 'эксперт' и др. (СС).

В других якутоязычных СМИ данная группа слов в основном употребляется в русской форме начертания, кроме, например, слов *мэдиисинэ* 'медицина', *литэрэтиирэ* 'литература', которые в печатных и электронных изданиях повсеместно пишутся в фонетизированном виде.

В современном якутском языке используются новые фонетизированные заимствования, традиция письменного употребления которых еще не сформировалась (в основном это касается иноязычных слов и терминов, заимствованных через русский язык). И это не является нарушением правил орфографии, так как словарная кодификация тесно связана с процессом письменного освоения новых заимствованных слов, орфографирования с учетом практики их употребления. По мнению И.В. Нечаевой, можно допустить предварительное нормирование в написании новых слов, которое привело бы к постепенному оздоровлению узуса, избавлению от заведомо неправильных и непоследовательных написаний [5, с. 237].

2) В газете «Саха сирэ» обнаруживаются варианты написания заимствованных слов, нарушающие фонетические законы якутского языка, например, *едициэ* 'единица' (3.02.2022), *бааза* 'база' (3.02.2022; 16.02.2023), *авиабааза* 'авиабаза' (СС, 3.03.2022), *куонкурс* 'конкурс' (ОСЯЯ: куонкурбус) (9.02.2023), *курс* 'курс' (ОСЯЯ: куурс) (17.02.2022) и т.д. Такое написание является нарушением орфографических норм якутского языка и не должно допускаться в письме.

3) В новом издании ОСЯЯ вариативность была устранена. Однако все же в газетах заимствованные слова используются в двух вариантах, например: *декада/дэкээдэ, почта/буоста, рейс/эриэйсэ, санкция/саангыйа, трасса/тыраасса* и т.д.

4) Основы русских заимствований, написание которых регламентировано ОСЯЯ в фонетизированном виде, в газетных материалах даются в русской форме начертания, что является нарушением орфографических правил и словаря: *абзац* (апсаас), *анкета* (анкыата), *климат* (килимэт), *командир* (хамандыыр), *наркотик* (норкуотук), *оператор* (эпэрээтэр), *почта* (буоста), *пластик* (былаастык), *профессор* (бэрэпиэссэр), *ракета* (аракыата), *режим* (эрэсиим), *реклама* (эрэкэлээмэ), *староста* (ыстаарыста), *штаб* (ыстаап), *шахта* (саахта), *экран* (экирээн), *экскурсия* (өскүүрсүйэ), *эфир* (эпиир) и др. (К); *ангина* (ангыына), *вакцина* (баксыына), *маршрут* (морсуруут), *меценат* (мэссэнээт), *поезд* (буойас), *смета* (симиэтэ), *конгресс* (кэнгириэс), *фонда* (пуонда), *электричество* (элэктэриичэстибэ) и т.д. (СС). Такие слова должны употребляться в фонетизированном виде согласно ОСЯЯ.

Заключение

Результаты исследования показывают, что заимствованные слова, не включенные в ОСЯЯ, с соответствующим орфографическим правилам якутского языка написанием наиболее часто встречаются в газете «Кыым». При этом отдельные слова (термины), например, *мэдиссиинэ, миздик, биридимит* из номера в номер используются только в фонетизированном виде, не вызывая отторжения у читателей и профессионального сообщества. Это позволяет предположить, что впоследствии такое написание может стать нормативным.

Как видно из вышеизложенного, в условиях бурного развития информационного общества, активных межъязыковых контактов продолжает сохранять свою актуальность проблема языкового регулирования. Прежде всего это связано с обоснованным использованием заимствованных слов. В якутском языке в последние десятилетия появились заимствования как исконно русских, так и англоязычных слов, проникших посредством русского языка. Это явление обуславливает остроту проблемы фонетизации и применения орфографических правил якутского языка в отношении заимствованных слов.

Литература

1. Васильева Н.М. Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет // Современный ученый. 2022. № 6. С. 175 – 182.
2. Васильева Н.М. Современные тенденции в соблюдении орфографических норм якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 86 – 92.
3. Дьячковский Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1962. 72 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 708 с.
5. Нечаева И.В. Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М.: ИЦ “Азбуковник”, 2009. С. 213 – 239.
6. Орфографический словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2015. 480 с. (на якут. яз.).
7. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 284 с.

References

1. Vasil'eva N.M. Orfograficheskie normy jakutskogo jazyka i rechevaja praktika ulusnyh (rajonnyh) gazet. Sovremennyy uchenyj. 2022. № 6. S. 175 – 182.
2. Vasil'eva N.M. Sovremennye tendencii v sobljudenii orfograficheskikh norm jakutskogo literaturnogo jazyka. Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2019. № 3 (28). S. 86 – 92.
3. D'jachkovskij N.D. O foneticheskom osvoenii zaimstvovannyh slov v jakutskom jazyke. Jakutsk: Kn. izd-vo, 1962. 72 s.
4. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2002. 708 s.
5. Nechaeva I.V. Problemy orfograficheskoj kodifikacii inojazychnyh zaimtvovaniy. Lingvisticheskie osnovy kodifikacii russkoj orfografii. M.: IC “Azbukovnik”, 2009. S. 213 – 239.
6. Orfograficheskij slovar' jakutskogo jazyka. Jakutsk: Bichik, 2015. 480 s. (na jakut. jaz.).
7. Superanskaja A.V. Teoreticheskie osnovy prakticheskoj transkripcii. M.: Nauka, 1978. 284 s.

*Vasilyeva N.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,*

Spelling of Russian borrowings in the modern Yakut-language press

Abstract: the modern Yakut-language press serves as the primary source of Russian borrowings in the Yakut language, which is confirmed by the increasing use of borrowed words in media publications that are not contained in the modern Spelling Dictionary of the Yakut language, published in 2015. In turn, this causes the assumption of non-compliance with the rules of writing (spelling) of words borrowed from the Russian language. This explains the continued relevance of the problem of adapted application and spelling of borrowings in compliance with the spelling norms of the modern Yakut language and its scientific research. This article reflects the results of the analysis of the spelling of borrowed words in the materials of republican newspapers in the Yakut language.

Keywords: Yakut language, Yakut-language media, Yakut-language press, Yakut spelling, Russian borrowings, borrowed words

For citation: Vasilyeva N.M. Spelling of Russian borrowings in the modern Yakut-language press. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 154 – 157.

*Сунь Исюань, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Анализ китайско-английского синхронного перевода дипломатического дискурса с точки зрения концептуальной метафоры (на примере выступления председателя Си Цзиньпина)

Аннотация: важность синхронного перевода дипломатического дискурса заключается в том, что он является наиболее прямым средством передачи взглядов и позиций стран и правительств. В настоящее время синхронный перевод дипломатического дискурса является актуальной темой в области лингвистики, а также объектом исследования многих ученых. Однако с точки зрения концептуальной метафоры больше исследований по письменному переводу и меньше по синхронному переводу. Видно, что исследования по синхронному переводу с точки зрения концептуальной метафоры не привлекли должного внимания.

На основе теории концептуальной метафоры, предложенной Лакоффом и Джонсоном, данная статья раскрывает стратегии работы с метафорами в процессе перевода с китайского на английский путем анализа выступления председателя Си Цзиньпина по дипломатическим поводам. Посредством анализа в статье обобщаются три основных фактора, влияющих на стратегии обработки метафор — культурный фон переводчика, влияние языка и контекста, а также переводческие требования дипломатического дискурса в международном коммуникации. В данной статье также делаются прогнозы для будущих исследований путем анализа влияния стратегий обработки метафор. В данной статье представлены справочные материалы для исследований в области синхронного перевода, а также внесены предложения по практике синхронного перевода дипломатического дискурса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, синхронный перевод, дипломатический дискурс, Си Цзиньпин, китайско-английский перевод, китайская дипломатия, китайский язык

Для цитирования: Сунь Исюань Анализ китайско-английского синхронного перевода дипломатического дискурса с точки зрения концептуальной метафоры (на примере выступления председателя Си Цзиньпина) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 158 – 161.

Теория концептуальной метафоры

Исходя из традиционного подхода, метафора является инструментом поэтического воображения и касается скорее экстраординарного, чем обыденного языка; более того, метафора обычно рассматривается как характеристика одного только языка, как вопрос слов, а не мыслей или действий [6]. Однако для ученых-когнитивистов метафора вездесуща не только в языке, но также в мыслях и действиях. Лакофф и Джонсон предлагают теорию концептуальной метафоры и определяют метафору как «понимание одной области с точки зрения другой». В частности, определенные элементы и отношения в области концептуальной метафоры отображаются в другой области; первый домен, из которого они отображаются, называется «исходным доменом», а последний домен, на который они отображаются, называется «целевым доменом» [5]. Кёвечеш резюмирует определение Лакоффа и Джонсона в более технической форме как «систематический набор соответствий или отображений между двумя областями опыта» [4].

Метафорические выражения в языке систематически связаны с метафорическими понятиями, так что люди могут использовать метафорические лингвистические выражения для изучения природы метафорических понятий и для понимания метафорической природы нашей деятельности [5]. Например, что касается концептуальной метафоры «Anger is fire», люди склонны использовать такие выражения, как «That kindled my ire / Those were inflammatory remarks / Smoke was coming out of his ears». Эти лингвистические выражения показывают, что люди систематически говорят о своих чувствах по поводу гнева с точки зрения различных аспектов «fire». Что необходимо придать большое значение, так это то, что абстрактные понятия определяются с помощью системы связанных метафор в системе понятий.

Метафоры отображают структуры из исходного домена в целевой домен, но не наоборот, что указывает на то, что метафоры являются однонаправленными [2]. Эта особенность по-прежнему остается верной, когда две разные метафоры используют одни и те же домены. В частности, даже когда две метафоры могут быть отображены в одних и тех же двух областях, каждая концептуальная метафора отличается по своей природе, поскольку они имеют разные отображения.

Самые основные ценности в культуре будут согласовываться с метафорической структурой самых основных понятий в культуре [5]. Например, что касается ориентационных метафор «up-down», люди обычно концептуализируют «More is better», что согласуется с «More is up» и «Good is up»; однако люди редко концептуализируют «Less is better», потому что это не согласуется с ними. Это ценности, глубоко укоренившиеся

еся в культуре людей. Есть два момента, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, хотя метафоры культурно согласуются, это не означает, что все культурные ценности согласуются с существующей метафорической системой, и только те, которые существуют и глубоко укоренились, могут согласовываться с метафорической системой. Во-вторых, то, какие ценности имеют приоритет, частично связано с субкультурами, в которых живут люди, а также с личными предпочтениями. Субкультуры господствующей культуры пользуются фундаментальными ценностями, но придают им другие приоритеты.

Метафорические концепции основаны на сложных эмпирических гештальтах, которые представляют собой многомерное структурированное целое, естественным образом возникающее в рамках опыта. Метафоры основаны на опыте, а метафорические концепции могут быть поняты только с точки зрения их эмпирических оснований. Следовательно, структура пространственных понятий у людей исходит из постоянного пространственного опыта людей. С одной стороны, люди имеют одинаковую психологическую и физическую основу, которая позволяет им концептуализировать что-то общим образом; с другой стороны, люди, живущие в разной природной и социальной среде, имеют разный жизненный опыт, а значит, и разные способы мышления.

Кроме того, учитывая тот факт, что метафорические понятия определяются посредством неметафорических понятий, существуют отношения следствия, параллельные отношениям для соответствующих неметафорических понятий. Конкретно говоря, за исключением индивидуальных отображений, привносимых концептуальными метафорами, дополнительные или довольно подробные знания также будут привнесены концептуальными метафорами, поскольку могут быть выведены аспекты исходной области, которые явно не указаны в отображениях. Следовательно, метафорические отображения несут следствия или богатые выводы [2].

Анализ соответствующих примеров дипломатического дискурса в китайско-английском синхронном переводе

我们要以更加开放的心态和举措，共同把全球市场的蛋糕做大、把全球共享的机制做实、把全球合作的方式做活，共同把经济全球化动力搞得越大越好、阻力搞得越小越好 [7].

*(перевод) We must have a more open mindset and take more open steps, and work together to make the pie of the global market even bigger. We need to strengthen the mechanisms for sharing benefits globally, and explore new ways of international cooperation. The goal is to give more **impetus** to economic globalization and remove **impediments** as much as we could [3].*

Слово «**动力**(дон ли)» означает различные силы, заставляющие машины работать, такие как сила воды, сила ветра, электричество, сила животных и т. д. [1, с. 313]. Здесь слово «**动力**» является метафорой силы, которая движет продвижением и развитием экономической глобализации. Слово «**阻力**(зу ли)» означает силу, препятствующую движению объекта, и является профессиональным словом, относящимся к физике [1, с. 1780]. Слово «**阻力**» здесь является метафорой внешней силы, которая препятствует развитию или прогрессу экономической глобализации.

В этом предложении «**动力**» и «**阻力**» являются ключевыми словами физической/механической метафоры. «**动力**» и «**阻力**» – исходные домены в этой метафоре, а целевые домены – «стимулирующие факторы» и «препятствующие факторы». По сути, эти слова относятся к факторам, влияющим на развитие экономической глобализации. Чтобы понять, как международное сообщество развивает глобализацию, используется физико-механическая метафора «Развитие – это машина».

我们期待各方坦诚交换意见，共同采取行动，为完善全球经济治理贡献**正能量** [7].

*(перевод) We look forward to candid exchanges that will lead to joint actions to **improve** global economic governance [3].*

Слово «**能量**(нэн лян)» используется для обозначения физической величины способности объекта совершать работу, которую можно разделить на кинетическую энергию, потенциальную энергию, тепловую энергию, электрическую энергию, световую энергию, химическую энергию, ядерную энергию и т. д. [1, с. 947]. Одна форма энергии может быть преобразована в другую форму энергии. Единицей энергии является джоуль. Слово «**正能量**(чжэн нэн лян)» является уникальным политическим термином в Китае [1, с. 1672], и здесь оно означает энергию, которая играет здоровую и позитивную роль в улучшении глобального экономического управления.

В этом примере «**正能量**» является ключевым словом физической/механической метафоры. «**正能量**» – исходный домен в этой метафоре, а «позитивное настроение» и «хорошие усилия» – целевые домены. Председатель Си Цзиньпин сделал это предложение, чтобы показать, что все стороны в международном сообществе должны сделать все возможное для улучшения глобального экономического управления с по-

зитивным настроем. В тексте используется физико-механическая метафора «Управление глобальной экономикой – это машина», чтобы легче понять процесс улучшения глобального экономического управления. Но в процессе синхронного перевода переводчик не точно выразил метафорический смысл.

营商环境是企业生存发展的土壤 [7].

(перевод) *Proper business environment provides the necessary condition for enterprises to survive and thrive* [3].

«土壤(ту жан)» представляет собой слой рыхлого материала на поверхности земли, который состоит из различных зернистых минералов, органических веществ, воды, воздуха, микроорганизмов и т. д., и на нем могут произрастать растения [1, с. 1327]. Здесь слово «土壤» означает среду, пригодную для выживания и развития предприятий.

В этом примере «土壤» является ключевым словом растительной метафоры. «土壤» является исходным доменом, а целевой домен – «средой, способствующей выживанию и развитию». В этом предложении предприятия – это растения в почве, а среда, подходящая для выживания и развития предприятий, — это почва. Хорошая деловая среда способствует выживанию и развитию предприятий, в то время как плохая деловая среда будет препятствовать и замедлять развитие предприятий и даже приводить к их закрытию. В этом предложении подчеркивается важность деловой среды для выживания и развития предприятий. Во избежание смыслового дублирования с предыдущим словом «environment» переводчик в процессе синхронного перевода перевел слово «土壤» на «the necessary condition».

Заключение

На примере выступления председателя Си Цзиньпина по дипломатическим поводам в статье анализируется китайско-английский синхронный перевод дипломатического дискурса с точки зрения концептуальной метафоры. Из анализа видно, что концептуальная метафора является сложным моментом в процессе китайско-английского синхронного перевода. Эффект перевода тесно связан с культурным фоном переводчика, влиянием языка и контекста, а также переводческими требованиями дипломатического дискурса в международной коммуникации.

Дипломатический дискурс Китая является важным носителем для распространения внешней политики, идей и позиций Китая. Точный, четкий и качественный перевод дипломатического дискурса, особенно синхронный перевод, является неизбежным требованием для достижения дипломатических целей. С точки зрения концептуальной метафоры переводчики должны полностью учитывать отображение слов из исходного домена в целевой домен в когнитивном процессе разных культур и постоянно искать всеобъемлющие и эффективные стратегии перевода.

Языковые способности являются важной частью человеческого познания. В будущих исследованиях может быть создан большой многоязычный параллельный корпус дипломатического дискурса, чтобы найти более эффективный метод распознавания метафор и обеспечить важную ссылку для синхронного перевода дипломатического дискурса.

Литература

1. Editorial Department of the Dictionary of the Institute of Linguistic Research of the Chinese Academy of Social Sciences. *Modern Chinese Dictionary (Seventh Edition)* // Beijing, Commercial Press. 2016. P. 313, 947, 1327, 1672, 1780.
2. Evens V. *Cognitive linguistics the UK: A complete guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2019.
3. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping At the Opening Ceremony of the Second China International Import Expo (Full Text). 2019. Available at: http://th.china-embassy.gov.cn/eng/gdxw/201911/t20191112_10148649.htm (accessed 23.03.2023)
4. Kövecses Z. 2017. Conceptual metaphor theory. In Semino, E., & Demjén, Zs. (Eds.), *The Routledge handbook of metaphor*. P. 13 – 27. Oxford: Routledge.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press. 1980.
6. Lakoff G., Johnson M. Conceptual metaphors in everyday language // *The Journal of Philosophy*. 1980. № 78 (8). P. 453 – 486.
7. 习近平在第二届中国国际进口博览会开幕式上的主旨演讲（全文）2019. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/05/content_5448851.htm (accessed: 23.03.2023)

References

1. Editorial Department of the Dictionary of the Institute of Linguistic Research of the Chinese Academy of Social Sciences. *Modern Chinese Dictionary (Seventh Edition)*. Beijing, Commercial Press. 2016. P. 313, 947, 1327, 1672, 1780.
2. Evens V. *Cognitive linguistics the UK: A complete guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2019.
3. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping At the Opening Ceremony of the Second China International Import Expo (Full Text). 2019. Available at: http://th.china-embassy.gov.cn/eng/gdxw/201911/t20191112_10148649.htm (accessed 23.03.2023)
4. Kövecses Z. 2017. Conceptual metaphor theory. In Semino, E., & Demjén, Zs. (Eds.), *The Routledge handbook of metaphor*. P. 13 – 27. Oxford: Routledge.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press. 1980.
6. Lakoff G., Johnson M. Conceptual metaphors in everyday language. *The Journal of Philosophy*. 1980. № 78 (8). P. 453 – 486.
7. 习近平在第二届中国国际进口博览会开幕式上的主旨演讲（全文）2019. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/05/content_5448851.htm (accessed: 23.03.2023)

*Sun Yixuan, Postgraduate,
Saint Petersburg State University*

Analysis of Chinese-English simultaneous translation of diplomatic discourse in terms of conceptual metaphor (on the example of President Xi Jinping's speech)

Abstract: the importance of simultaneous translation of diplomatic discourse lies in the fact that it is the most direct means of conveying the views and positions of countries and governments. Currently, simultaneous translation of diplomatic discourse is a hot topic in the field of linguistics, as well as an object of study for many scientists. However, in terms of conceptual metaphor, there is more research on written translation and less on simultaneous translation. It can be seen that studies on simultaneous translation from the point of view of conceptual metaphor have not attracted due attention.

Based on the theory of conceptual metaphor proposed by Lakoff and Johnson, this article explores strategies for dealing with metaphors in the process of translating from Chinese into English by analyzing President Xi Jinping's speech on diplomatic occasions. Through analysis, the article summarizes three main factors influencing metaphor processing strategies – the translator's cultural background, the influence of language and context, and the translation requirements of diplomatic discourse in international communication. This article also makes predictions for future research by analyzing the impact of metaphor processing strategies. This article provides reference materials for research in the field of simultaneous translation, as well as suggestions for the practice of simultaneous translation of diplomatic discourse.

Keywords: conceptual metaphor, simultaneous translation, diplomatic discourse, Xi Jinping, Chinese-English translation, Chinese diplomacy, the Chinese language

For citation: Sun Yixuan Analysis of Chinese-English simultaneous translation of diplomatic discourse in terms of conceptual metaphor (on the example of President Xi Jinping's speech). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 158 – 161.

*Котова И.Ю., преподаватель,
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Языковые средства выражения речевых стратегий самопрезентации и презентации в англоязычном письменном дискурсе поиска работы

Аннотация: в данной статье рассматриваются языковые средства выражения речевых стратегий самопрезентации и презентации в англоязычном письменном дискурсе поиска работы, представленном тремя ключевыми жанрами – резюме, сопроводительным письмом и рекомендательным письмом. Целью исследования является выявление, описание и сопоставление лексических и композиционных средств выражения указанных стратегий с помощью методов прагмалингвистического, семантического, и контекстного анализа. Авторами утверждается следующее: 1) во всех трех жанрах речевые стратегии презентации и самопрезентации проявляются посредством речевых тактик, основной набор которых во многом совпадает в трех исследуемых жанрах; 2) лексические средства выражения указанных стратегий и их тактик обнаруживают гораздо больше сходств, чем различий, что может быть обусловлено схожестью коммуникативных целей и содержания текстов; 3) с точки зрения композиции наблюдаются сходства в функционировании самопрезентации/презентации в сопроводительном и рекомендательном письмах и различия между этими двумя жанрами и жанром резюме. Обнаруженные композиционные различия могут быть обусловлены такими параметрами коммуникации, как адресованность-безадресность, фактичность-эмоциональность и эллиптированность-нарративность. Выводы позволяют трактовать стратегии самопрезентации и презентации как содержание текста, а жанр – как форму, зависящую от вышеперечисленных коммуникативных параметров.

Ключевые слова: речевые стратегии, речевые тактики, самопрезентация, презентация, резюме, сопроводительное письмо, рекомендательное письмо

Для цитирования: Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевых стратегий самопрезентации и презентации в англоязычном письменном дискурсе поиска работы // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 162 – 168.

В современной лингвистической парадигме большое внимание уделяется изучению речевых стратегий и тактик, функционирующих в различных видах дискурса. Одним из наиболее актуальных видов дискурса в настоящее время является поиск работы. В его рамках функционируют разнообразные речевые стратегии, наиболее важными из которых, на наш взгляд, являются самопрезентация (в письменных жанрах резюме и сопроводительного письма) и презентация (в жанре рекомендательного письма).

Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью особенностей функционирования стратегий самопрезентации и презентации в дискурсе поиска работы. Объектом данного исследования являются англоязычные резюме, сопроводительные и рекомендательные письма. Предметом выступают языковые средства выражения речевых стратегий самопрезентации и презентации.

В качестве цели было намечено следующее: выявление и описание языковых средств выражения данных стратегий и их сопоставление в рамках трех указанных жанров. Нами применялись методы прагмалингвистического, семантического, и контекстного анализа.

Феномены презентации и самопрезентации представляют собой интерес не только для лингвистики, но и для целого ряда гуманитарных наук и наук о человеке. Понятие самопрезентации «перекочевало» в аппарат лингвистики из социологии, где она является центральной категорией в концепции социальной драматургии И. Гофмана [10]. Согласно его идеям, социальное взаимодействие подобно театральному акту, в котором актеры примеряют маски и стараются произвести впечатление на аудиторию. Отголоски этой трактовки слышны и в интерпретациях самопрезентации через призму других наук, например, психологии и лингвистики.

В области лингвистики самопрезентация обычно рассматривается как речевая (в текстовой парадигме) или коммуникативная (в более широкой трактовке) стратегия. Вслед за Е. В. Клюевым, мы определяем речевую стратегию следующим образом: «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 18].

Речевые стратегии неоднородны, т. е. их можно рассматривать как «набор определенных тактик» [2, с. 79].

Самопрезентация изучается не столько как абстрактное явление, сколько как элемент дискурса, не имеющий фиксированного лингвистического статуса. При изучении разных видов дискурса самопрезентация бывает категорирована как речевая или коммуникативная (в зависимости от подхода) стратегия, тактика или даже особый жанр коммуникации. В рамках нашей работы, направленной на изучение письменного дискурса поиска работы, разумно рассматривать самопрезентацию в качестве речевой стратегии, т.к. именно присутствие диктует логику построения жанров резюме и сопроводительного письма. Таким образом, самопрезентация является коммуникативной канвой, в рамках которой адресантом подбираются речевых тактики.

Приведем определение рассматриваемого понятия: «Речь человека о самом себе, представление человеком самого себя в наилучшем свете в соответствии с конкретным коммуникативным намерением» [6, с. 7].

К феномену самопрезентации близко понятие презентации. Презентационная функция языка была подробно описана в монографии А.В. Оляничка «Презентационная теория дискурса». Автор рассматривает презентацию в качестве парадигматической основы дискурса, во многом опираясь на идеи драматургической парадигмы в социологии. Само явление он определяет следующим образом: «передача сформированного и структурированного информационного кластера партнеру по коммуникации в ходе коммуникации (взаимодействия) с целью воздействия на партнера» [9, с. 201].

Другие авторы изучают презентацию не только как одну из философских основ языка, но и в качестве коммуникативного инструментария. Подобно самопрезентации, презентация может играть роль речевой стратегии. Так, на примере политического дискурса, Д.А. Малышев предлагает следующую дефиницию: «Презентация – это сознательное, целенаправленное и активное информирование массовой аудитории о некоем политическом акторе» [8, с. 101].

Изучая дискурс поиска работы в рамках жанра рекомендательного письма, в данной работе мы сосредоточимся на презентации субъекта, оставив за рамками презентацию события.

Далее рассмотрим особенности функционирования самопрезентации и презентации в трех ключевых жанрах поиска работы – резюме, сопроводительного письма и рекомендательного письма.

Стратегия самопрезентации, на наш взгляд, выражается в текстах резюме посредством следующих речевых тактик: 1) самономинация; 2) самодескрипция; 3) презентация собственных профессиональных достижений; 4) описание собственных профессиональных обязанностей.

Под тактикой самономинации мы подразумеваем «называние субъекта самопрезентации» [3], декларация своей профессиональной принадлежности:

Accomplished QA tester with 4+ years of experience.

Самономинация составляют 5% от общих средств самопрезентации в англоязычных резюме.

Тактика самодескрипции являет собой описание кандидатом своих профессиональных качеств. Тактика самодескрипции выражена посредством мелиоративных единиц (преимущественно прилагательных): *efficient, passionate, dedicated, energetic, experienced, detail-oriented, personable, accomplished, skilled, effective, motivated, talented, with [...] years of experience* и т.д.

Detail-oriented staff accountant with 5 years of experience, skilled in financial statements and account reconciliation.

Самодескрипции составляют около 30% от общего числа средств самопрезентации.

Тактика презентации собственных профессиональных достижений проявляет себя в следующих единицах: *achieve, develop, create, maintain, implement, increase, design, identify, reduce, raise, save, excel, contribute* и т. д.:

Excelled in finance & accounting coursework.

Тактика презентации достижений является довольно распространенной в жанре резюме, 29% от средств выражения самопрезентации.

Тактика описания собственных профессиональных обязанностей выражена с помощью следующих лексических единиц: *run, develop, manage, perform, ensure, assist, provide, help, maintain, prepare, process, collaborate, conduct, supervise, operate, organize, work [with], analyze, coordinate, monitor*:

Maintained records for 70+ clients, including ledger accounts.

Указанная тактика занимает 36% от общего количества средств самопрезентации.

Отметим, что в лексических средствах выражения тактик презентации достижений и описания обязанностей наблюдаются некоторые пересечения. Однако контекстная интерпретация позволяет отнести языковую единицу к той или иной тактике.

В текстах сопроводительных писем реализуется тот же набор тактик.

Средства выражения тактики самономинии в резюме и сопроводительных письмах пересекаются. В текстах сопроводительных писем также используются названия профессий и существительные *specialist, student, (doctoral) candidate*:

I am currently employed as legislative director for Assemblywoman Nora Kiel, Chairperson of the NYS Assembly.

Самономиния занимает 12% от количества средств самопрезентации.

Средства самодескрипции также пересекаются со средствами аналогичной тактики в резюме: *licensed, certified, with [...] years of experience, passionate, experienced, competent, diligent, reliable, performance-driven, efficient, dependable, customer-focused, successful, dynamic* и т. д.:

As an experienced communications professional, I'm very interested in the position of Associate Vice President of University Campaign Communications at the University of North Florida.

Самодескрипция составляет 32% средств самопрезентации.

Самыми частотными средствами выражения тактики презентации собственных профессиональных достижений являются следующие единицы: *develop, increase, implement, design, maintain, achieve, reduce, save, win, earn, be awarded, grow, raise, create, identify, deliver, contribute, be voted*:

I also developed an encrypted database to compile results from our sampling and distillation processes that saved 5 hours per week.

23,5% средств самопрезентации относятся к тактике презентации достижений.

Тактика описания собственных профессиональных обязанностей выражена следующими единицами: *assist, maintain, train, perform, prepare, develop, work [with], manage, handle, conduct, coordinate, provide, communicate, collaborate*:

I determined staffing levels and managed the budget for events, such as trade shows, international meetings, corporate retreats, outings, conferences, and more.

Средства тактики описания обязанностей составляют 13%.

Четыре основные тактики выражения самопрезентации в текстах сопроводительных писем совпадают с тактиками самопрезентации в резюме. Однако для пятой тактики – идентификации с желаемым образом – нет прямого аналога в других жанрах. Под тактикой идентификации с желаемым образом мы подразумеваем эксплицирование качеств идеального кандидата с последующей декларацией об обладании этими качествами.

К средствам выражения данной тактики относится следующее: *perfect fit, [набор качеств и навыков] would make me a perfect/great/strong candidate (for this position), you are looking for [идеальный образ кандидата], valuable asset [to your team], right for the role*:

The posting indicated that you're looking for an experienced bank teller with excellent customer service and math skills, who won't require training. With over 10 years of experience as a bank teller, I'm pleased to say that I fit the bill perfectly.

16% средств самопрезентации относятся к средствам идентификации с желаемым образом.

Средства выражения самопрезентации в жанрах резюме и сопроводительного письма демонстрируют как значимые сходства, так и различия. Среди сходств нами были выделены следующие:

1) Самопрезентация проявляет себя посредством речевых тактик, набор которых в обоих жанрах почти полностью совпадает. Нами были выделены тактики самономинии, самодескрипции, презентации собственных профессиональных достижений, описания собственных профессиональных обязанностей;

2) Наблюдаются значимые пересечения лексических средств выражения указанных выше тактик;

Также наблюдаются важные различия:

1) Синтаксис тактик самопрезентации в резюме представлен эллиптическими конструкциями, в то время как в текстах сопроводительных писем преобладают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения;

2) В резюме каждая тактика образует отдельное композиционное единство (за исключением самодескрипции и самономинии, которые употребляются в композиционной связке). В сопроводительных письмах средства выражения разных тактик пересекаются в рамках композиционного единства;

Проиллюстрируем вышеуказанные синтаксические и композиционные различия выдержками из резюме и сопроводительного письма.

В текстах резюме раздел *Professional Summary* (или *Objective*) является единственным композиционным кластером, где используются сразу несколько тактик. Остальные композиционные единства (*Work Experience, Key Achievements, Education, Skills*) выражают одну доминирующую тактику. Также приведенный ниже пример демонстрирует эллиптированные синтаксические структуры:

Objective

Energetic and experienced licensed medical billing and coding manager with 10+ years of experience in different healthcare environments. Eager to provide Navigant and its customers with the best solutions for sustained improvements in performance and profitability. Improved revenue by 30% each year and trained over 50 employees on organizational policies and procedures.

Work Experience Medical Billing Supervisor

*Indiana University Health, Indianapolis, IN
2015–*

Oversaw daily Billing Department functions, including medical coding, charge entry, payment posting, and reimbursement management.

[...]

Key achievements:

Medical billing team posted and submitted claims within 24 hours of receipt.

Supervised a 10-member team and assisted with training new hires.

Сопроводительное письмо, напротив, характеризуется смешением разных тактик в рамках композиционного кластера и преобладанием сложных и неэллиптированных синтаксических конструкций:

Amanda Hess

Administrative Assistant/Executive Assistant [тактика самономинации]

Dear Francis,

As a long-time follower of XYZ's business activities, I was thrilled to come across an opening for an Executive Assistant position with your organization. In my current role as an Administrative Assistant with ABC, I've saved \$1+ million annually by creating a new call system to eliminate customer misunderstandings [тактика презентации собственных профессиональных достижений]. I'm sure my expertise will help with XYZ's upcoming challenges [тактика идентификации с желаемым образом].

I know that the key project for this role in the upcoming quarters will be to optimize travel arrangements and implement time-saving solutions. While working at ABC, I've collaborated with other Admin Assistants to implement a travel management process based on Agile framework [тактика описания собственных профессиональных обязанностей]. We reduced travel cost waste by 28%. Later, I used the same system to improve scheduling—that saved ABC an average 6 hours per week for four executives [тактика презентации собственных профессиональных достижений].

[...]

Sincerely,

Amanda Hess

Стратегия презентации в жанре рекомендательного письма реализуется с помощью следующих тактик: тактика дескрипции, тактика презентации достижения кандидата, тактика описания профессиональных обязанностей кандидата, тактика подчеркивания собственной «утраты», тактика эксплицитной рекомендации.

Тактика дескрипции направлена на отбор языковых средств для описания личностных и профессиональных качеств соискателя. «Носителями» тактики являются следующие единицы: *excellent [candidate], valuable [asset], leadership, organized, effective, creative, dedicated, passionate, customer service [skills], capable, communication [skills], friendly, enthusiastic, skilled, motivated, compassionate, efficient, reliable, diligent, knowledgeable, team player* и т. д.:

She is a cheerful, open-minded, caring, and optimistic person.

Тактика дескрипции является самой частотной и занимает 70% от количества единиц презентации.

Тактика презентации достижений кандидата представлена следующими единицами: *create, contribute, design, earn, develop, deliver, excel, implement, achieve, increase, save, win, be awarded, boost*:

She achieved numerous accomplishments, from increasing our social media engagement by 20%, to lowering our website bounce rate by 10%, to increasing our ROI on digital campaigns by 15%.

Данная тактика занимает лишь 7% от общего числа единиц выражения презентации.

Тактика описания обязанностей кандидата составляет 10% и представлена преимущественно глагольными единицами: *perform, maintain, assist, work [with], be responsible [for], provide, organize, ensure, train, prepare, analyze, collaborate, respond, greet*:

During that time he has maintained the Land Mobile Radios supporting Luke Air Force Base under the annual maintenance contract.

Тактика подчеркивания собственной «утраты» может быть интерпретирована как использование языковых средств для выражения сожаления по поводу ухода сотрудника. Для данной тактики нередко характерна двухчастная импликация – адресант выражает сожаление и радость от того, что сотрудник получил возможность дальнейшего профессионального развития: *sad/sorry to see [...] go/leave, miss [he/she will be sorely/greatly missed], we don't want to lose him/her*:

We are all sad to see Joseph leave and he will be sorely missed.

Тактика подчеркивания «утраты» составляет 2% и используется не более двух раз в тексте одного рекомендательного письма.

Тактика эксплицитной рекомендации представляет собой недвусмысленно выраженный совет потенциальному работодателю: *to support the application/in support of the application, [highly] recommend, [my highest] recommendation*:

I highly recommend Jefferson Adams to your firm.

11% средств презентации могут быть интерпретированы как носители этой тактики.

Набор речевых тактик самопрезентации в текстах резюме и сопроводительных писем и презентации в текстах рекомендательных писем частично совпадает. Во всех видах текста были найдены тактики описания обязанностей и презентация достижений. Можно найти параллель между самодескрипцией в резюме и сопроводительных письмах и дескрипцией в рекомендательных письмах. Роль самономинации в рекомендательных письмах крайне мала для того, чтобы выделить ее в отдельную тактику. Также в резюме и рекомендательных письмах нет аналога тактике идентификации с желаемым образом, которая используется в сопроводительных письмах. Тактики подчеркивания своей «утраты» и эксплицитной рекомендации характерны только для рекомендательных писем.

Набор лексических единиц, обслуживающих все три жанра, во многом совпадает.

Композиция презентации в рекомендательных письмах и самопрезентации в рекомендательных письмах имеет много сходств – выбор осуществляется в пользу сложных неэллиптированных конструкций. Более того, многие тактики соседствуют друг с другом в рамках композиционного единства. Жанр резюме, как было указано ранее, тяготеет к эллиптированным конструкциям и выделению большинства тактик в отдельные кластеры.

Выше были приведены отрывки из резюме и сопроводительного письма для иллюстрации их композиционных особенностей. Также приведем пример сопроводительного письма:

To whom it may concern,

I am writing this recommendation letter on behalf of Sylvia Nguyen [тактика эксплицитной рекомендации] who has worked as a physician assistant here at St. Francis Hospital and Medical Center for the past 7 years. [...] I have been a PA in this hospital for 18 years and it has been an honor to work alongside such a professional, honest, and caring individual [дескрипция].

During her first few years, Sylvia provided excellent service to patients in all departments [описание обязанностей кандидата]. Sylvia is very experienced [дескрипция] in patient care; admitting patients, performing histories and physicals, and discharging patients [описание обязанностей кандидата]. She is able to multi-task to a high degree and is able to relay numerous patient evaluations by memory [презентация достижений кандидата]. Up to the point when she was reassigned to the critical care unit, patients would often request Sylvia specifically.

Please give Sylvia your closest consideration [тактика эксплицитной рекомендации] for the position you have available at Meadowbrook Hospital. I will miss working [тактика подчеркивания собственной «утраты»] with Sylvia, but I know she's destined for greater things. Please contact me at dtcarter@gmail.com if further information is required for her application.

Sincerely,

[Signature]

На наш взгляд, различия в функционировании самопрезентации/презентации в разных жанрах обусловлено следующими параметрами коммуникации: 1) безадресность – адресованность. Сопроводительное и рекомендательное письмо эксплицитно адресованы некому лицу или, по крайней мере, имеют обобщенный образ адресата, к которому они обращаются и с которым эксплицитно устанавливают контакт. Текст резюме не имеет эксплицитного адресата; 2) эллиптированность – нарративность. Жанры деловой коммуникации, тексты которых эксплицитно адресованы одному лицу (сопроводительные и рекомендательные письма), тяготеют к нарративным структурам и избеганию эллиптизации, что нехарактерно для текстов, не адресованных одному лицу (резюме); 3) фактичность – эмоциональность. Сопроводительное и рекомендательное письмо используют не только более развернутые конструкции, но и тяготеют к более эмоциональным средствам, чем тексты резюме, для которых, тем не менее, тоже характерен определенный градус мелиоративности.

Таким образом, основой содержания трех рассматриваемых жанров является самопрезентация или презентация, диктующие выбор языковых средств. Однако форма выражения (имеется в виду прежде всего композиция) в жанрах дискурса поиска работы различается в соответствии с вышеприведенными параметрами.

Литература

1. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре // Политическая лингвистика, УрГПУ. 2011. № 1 (36). С. 96 – 101.
2. Бондарькова А.В. Самопрезентация как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1 (19). С. 78 – 91.
3. Борис А.М. Речевая стратегия самопрезентации в немецкоязычном имиджевом Интернет-дискурсе: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Северный Арктический Федеральный Университет. Архангельск, 2018. 195 с.
4. Канеева Т.Р. Речевой жанр "рекомендательное письмо": характеристики и типы: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2011. 209 с.
5. Ключев Р.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия: учебное пособие. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 320 с.
6. Кулинич Е.В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 299 (1). С. 7 – 10.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
8. Малышев Д.А. Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях (на примере материалов Первого канала, НТВ и РЕН ТВ): дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М, 2016. 214 с.
9. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
10. Goffman E. The presentation of self in everyday life. NY., 1959. 251 p.

References

1. At'man O.V. Verbalizacija strategii samoprezentacii v prezidentских predvybornyh teledebatah kak agonal'nom zhanre. Politicheskaja lingvistika, UrGPU. 2011. № 1 (36). S. 96 – 101.
2. Bondar'kova A.V. Samoprezentacija kak osobyj Internet-zhanr (na materiale russkojazychnyh blogov). Voprosy psiholingvistiki. 2014. № 1 (19). S. 78 – 91.
3. Boris A.M. Rechevaja strategija samoprezentacii v nemeckojazychnom imidzhevom Internet-diskurse: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk. Severnyj Arkticheskij Federal'nyj Universitet. Arhangel'sk, 2018. 195 s.
4. Kaneeva T.R. Rechevoj zhanr "rekomendatel'noe pis'mo": harakteristiki i tipy: dis. ... na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk. Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Volgograd, 2011. 209 s.
5. Kljuev R.V. Rechevaja kommunikacija. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstvija: uchebnoe posobie. M.: RIPOL Klassik, 2002. 320 s.
6. Kulinich E.V. Specifika samoprezentacii kak kommunikativnogo javlenija. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. Vyp. 299 (1). S. 7 – 10.
7. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITD GK «Gnozis», 2003. 280 s.
8. Malyshev D.A. Kommunikativnye strategii i taktiki prezentacii politika v telenovostjah (na primere materialov Pervogo kanala, NTV i REN TV): dis. ... na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. M, 2016. 214 s.
9. Oljanich A.V. Prezentacionnaja teorija diskursa. Volgograd: Paradigma, 2004. 507 s.
10. Goffman E. The presentation of self in everyday life. NY., 1959. 251 p.

*Kotova I.Yu., Lecturer,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky*

**Language means of expressing self-presentation and presentation
in the English-language job hunting discourse**

Abstract: this article revolves around the concept of speech strategies of self-presentation and presentation and language means of expressing those strategies in the written English-language job hunting discourse, presented by its key genres of CV, cover letters and recommendation letters. The methods of pragmalinguistic, semantic and contextual analysis were employed by the authors to identify, describe and compare lexical and compositional patterns of self-presentation/presentation speech strategies. The following conclusions can be drawn from analyzing the data: 1) in all three genres of the job-hunting discourse the strategies of self-presentation/presentation are expressed via speech tactics, which are similar for all the aforementioned genres; 2) lexical means of expressing the strategies of self-presentation/presentation reveal more similarities than differences, which might be due to the fact that all three genres share key communication goals and have similar content; 3) compositional patterns of self-presentation in cover letters and presentation in recommendation letters are very similar. The composition of both those genres differs from the composition of English-language CVs. Most differences in compositional patterns of CVs and cover/recommendation letters might be attributed to the following parameters of communication: involved addressee role vs reduced role of addressee; leaning on verifiable facts vs emotionally charged speech; focus on ellipsis vs focus on narration. The authors' interpretation of the data makes it possible to interpret self-presentation and presentation as the content-basis for the job hunting discourse. The key genres within the job-hunting discourse can be viewed as the form through which the content is expressed.

Keywords: speech strategies, speech tactics, self-presentation, presentation, CV, cover letter, recommendation letter

For citation: Kotova I.Yu. Language means of expressing self-presentation and presentation in the English-language job hunting discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 162 – 168.

*Рабеев Сафаа Кхалид Бреесам, кандидат филологических наук,
Гриднев Ю.В., кандидат филологических наук,
Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова*

Борьба американских женщин против дискриминации и расизма в истории и литературе

Аннотация: в статье особое внимание уделяется образу «американской мечты», который нельзя считать завершенным в XX веке без учета значения женщин, в частности темнокожих женщин, и их борьбы за свои права, за веру в то, что они могут стать известными лицами, занимающими положение в обществе наравне с мужчинами. Ведущие роли в борьбе за женские права занимали многие известные личности, среди них – Эбигейл Адамс, первая женщина, которая подняла тему прав женщин в своих письмах Джону Адамсу на политическом уровне. Темы, затрагивающие женские права, возникали во многих литературных произведениях. Марго Ли Шеттерли в своей книге «Скрытые фигуры» попыталась мотивировать женщин, в том числе и темнокожих женщин, к приобретению своего собственного статуса в обществе, дискриминирующем людей в зависимости от их расы и цвета кожи. Писательница стремилась положить конец страданиям темнокожих женщин, она создала своих героев только для того, чтобы выбраться из ужасных ситуаций и условий, в которых жили темнокожие женщины. В результате цель была достигнута и письменная гарантия женского равноправия закреплена в Конституции в качестве девятнадцатой поправки.

Ключевые слова: «американская мечта», равенство, женские права, право голоса, девятнадцатая поправка, гарантии

Для цитирования: Рабеев Сафаа Кхалид Бреесам, Гриднев Ю.В. Борьба американских женщин против дискриминации и расизма в истории и литературе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 169 – 172.

Одну из центральных ролей в борьбе за права женщин в Соединенных Штатах Америки сыграла жена Джона Адамса, Эбигейл (1744-1818). Во время пребывания мужа в Пенсильвании на континентальной конференции супруги обменялись несколькими письмами на политические темы. Эбигейл была первой женщиной, задумавшейся о неравном положении женщин в обществе. В своих письмах президенту (своему мужу) она подняла вопрос о справедливом для всех избирательном праве и о том, как важно повысить статус женщин в американском обществе на различных уровнях жизни, дать им некоторые привилегии для общения с мужчинами, позволить участвовать в политике. Доводы Эбигейл Адамс были довольно мощными и оказали значительное влияние на роль, которую женщины сыграли в установлении новых эпох на протяжении всей американской истории. Она обратилась к президенту с просьбой перестать относиться к женщинам, как к гражданам второго сорта. В своем письме от 31 марта 1776 года Эбигейл написала: «В новом своде законов помните о дамах, и не отдавайте такую неограниченную власть в руки мужей» [6, р. 89]. Джон Адамс ответил 14 апреля 1776 г.: «Я не могу сдержать смех. Будьте уверены, нам виднее по части отмены наших мужских систем» [1, р. 311].

Вследствие социальных условностей и норм, а также игнорирования английским общим правом самых основных юридических прав, женщинам отказывали в правах, с ними обращались неподобающим образом. В целом, женщинам было запрещено голосовать и владеть имуществом. Марго Шеттерли попыталась в своей книге «Скрытые фигуры» представить историю успеха, которая подняла проблему продолжающейся борьбы темнокожих женщин XX и XXI веков на разных уровнях жизни. М. Шеттерли дала интервью информационному источнику Space.com по поводу своей новой книги, в которой раскрывается множество проблем, вырисовывающихся в общественном сознании: «Это история широкого успеха женщин в целом, и афроамериканок в частности, в той категории должностей, которые просто предполагаются там, где они не существуют. Во времена сегрегации Джима Кроу женщинам часто даже не разрешалось иметь кредитные карты на свое имя» [7].

Женщин не поощряли заниматься профессиональной работой и даже получать серьезное образование, чтобы привнести свои идеи и стремления в молодую американскую страну. Марго Ли Шеттерли хотела, чтобы афроамериканцы, особенно женщины, имели одинаковые права, но время было другое: «В то время большинство курортов в Поконо были недоступны для афроамериканцев и даже евреев, сохранялась политика столь же негибкая, как и правовая сегрегация Юга» [4, р. 278]. Женщины, наконец, не имели право голоса до десятилетий борьбы и горячих политических действий. На первом съезде о правах женщин в Сенека-Фоллс, штат Нью-Йорк в 1848 году, широкая публика озвучила первый недвусмысленный призыв к равенству, который символизировал американский идеал в его позитивном стремлении к равенству и рас-

смотрению вопроса о гендерной дискриминации. Вместе с американской эмансипаторшей, филантропом и сторонницей прав женщин, Лукрецией Мотт (1793-1880), Элизабет Кэди Стэнтон (1815–1902) играла ключевую роль на этапе раннего развития прав женщин. В начале XIX века Лукрецию Мотт называли первой американской «феминисткой», хотя на самом деле она была сторонницей политического равноправия женщин. Элизабет Кэди Стэнтон и Лукреция Мотт представляли два поколения американской мечты в XIX и XX веках, но они боролись только за воплощение в жизнь женщинами «американской мечты», надежды, которая так и не была достигнута даже после их смерти [5].

В XX веке произошли большие изменения в жизни и мышлении женщин, поскольку они солидаризировались со многими активистками различных движений, чтобы восстановить свои права как первоклассных граждан. Они возглавили движение освобождения за прогрессивные социальные реформы и, наконец, создали достаточно массовой власти, чтобы завоевать голоса и положить конец стадии дискриминации, которая длилась веками. «Темнокожие женщины-математики, пришедшие в штат Вирджиния в 1943 году, окажутся на пересечении этих великих преобразований, их острый ум и амбиции приведут к тому, что Соединенные Штаты сочтут одной из своих величайших побед [4, p. 25].

Кэрри Чепмен Кэтт (1859-1947) – лидер женского избирательного права, боровшаяся за девятнадцатую поправку к Конституции Соединенных Штатов, открывшая женщинам США право голоса в 1920 году. Национальная американская ассоциация избирательного права женщин была конформистской силой влияния миллионов на принятие правительством закона о правах женщин [2]. Национальная женская партия во главе с Элис Стоукс Пол (1885-1977) была небольшой боевой группой, которая не оказывала давления на правительство, но также руководила маршами, протестами, гражданским неповиновением, конституционным отходом и многими забастовками. В своем комментарии, когда она представляла Поправку о равных правах в Сенека-Фолс в 1923 году, Элис Стоукс подчеркнула: «... Если бы мы не сосредоточились на федеральной поправке, сегодня мы должны были бы добиваться избирательного права... Мы не будем в безопасности, пока принцип равноправия не будет записан в рамки нашего правительства» [8]. Элис знала, что «американская мечта» не сбудется без страданий, тяжелой работы и борьбы. Страдания женщин и их партий подтолкнули правительство к признанию избирательного права женщин в Девятнадцатой поправке к Конституции Соединенных Штатов.

Девятнадцатая поправка подчеркнула право женщин голосовать и запрещала их любую дискриминацию при голосовании. Конгресс в 1919 году получил более половины необходимого подтверждения в первый же год. Затем это течение столкнулось с твердой оппозицией со стороны защитников прав штатов, торговцев и других. Свет и тьма, внешние и внутренние конфликты не давали женщинам осуществить свою мечту в полной мере. Многие политики думали, что женские мечты могут свести на нет роль мужчин, и по этой причине они считали их довольно опасными. Так что было много препятствий, которые мешали некоторым политикам проголосовать за поправку.

Судьба Девятнадцатой поправки была решена одним голосованием, голосом 24-летнего депутата Гарри Бирна, который перешел с «нет» на «да», когда его мать в сообщении попросила проголосовать за права женщин.

Таким образом, суфражистки и их защитники, верившие в права женщин, в конце концов, победили несправедливость. Письменная гарантия равных прав женщин в Конституции – девятнадцатая поправка, провозгласила: «Право граждан Соединенных Штатов голосовать не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола» [3, p. 86].

Женщины организовались, чтобы потребовать свое неотъемлемое право как граждан и личностей, и Поправка о равных правах, а не право голоса, стала центральным символом борьбы. Мечта о равенстве преследовала не только темнокожих, чтобы быть равными белым, но и женщин, чтобы иметь свои права наравне с мужчинами. Идея «американской мечты», как упоминалось ранее, была в головах иммигрантов (мужчин и женщин) задолго до того, как они приехали в Америку, но вопрос, который всегда всплывал на поверхность: была ли идея «американской мечты» все еще сильна, когда иммигранты прибыли в Америку или она изменилась, ограничившись цветом кожи?

Научно-популярная книга Марго Ли Шеттерли «Скрытые фигуры» является хорошим примером успехов темнокожих женщин и достижений «американской мечты» в 1930-х годах после нескольких лет женских побед. Эта научно-популярное произведение описывает борьбу темнокожих женщин в белом обществе, игнорирующем темнокожих в качестве граждан.

Новые независимые страны по всему миру, стремящиеся к союзам, которые поддержали бы зарождающуюся идентичность США и направили бы их по пути к долгосрочному процветанию, столкнулись с вариантом того же вопроса, который задавали темнокожие американцы во время Второй мировой войны: «Зачем черной или коричневой нации делать ставку на американскую модель демократии, когда в своих соб-

ственных границах Соединенные Штаты принуждают к дискриминации и жестокости по отношению к людям, которые выглядят точно так же, как они?» [4, p. 119].

События книги происходят в период с 1930-х по 1960-е годы. В то время женщины, и особенно темнокожие, считались более низкими по статусу, по сравнению со всем американским белым обществом: «Сам Мелвин Батлер был родом из Портсмута, через залив от Хэмптона. Ему не требовалось никакого воображения, чтобы догадаться, что некоторые из его собратьев-вирджинцев могут подумать об идее интеграции темнокожих женщин в офисы штата Вирджиния, «приходи-сюда» (так вирджинцы называли вновь прибывших в штат). В лаборатории работали темнокожие – дворники, работники столовой, помощники механиков, садовники. Но открытие возможностей для темнокожих, которые могли бы стать профессионально равными, было чем-то новым... Но он также следовал указанию: ничего, что предвещало бы прибытие темнокожих женщин в лабораторию, но и ничего, что мешало бы их прибытию.» [4, p. 24].

Тем не менее, главные героини книги Кэтрин Джонсон, Дороти Воан и Мэри Джексон обладали силой, исходящей изнутри их бунтарского духа, чтобы навязать себя белому окружению: «Их путь к продвижению мог выглядеть не столько как прямая линия, сколько как некоторые из распределений давления и орбит, которые они начертили, но они были полны решимости занять место за столом» [4, p. 191]. Они пытались добиться мечты о свободе «цветных» людей, которые были жестоко дискриминированы «белыми». Книга Шеттерли – это своего рода незабываемое воспоминание, которое прослеживает жизнь трех математиков, трех темнокожих женщин, которые работали в качестве компьютеров в НАСА для решения инженерных проблем, и эти женщины победили дискриминацию. Так что они сами по себе были «темнокожим» духом «американской мечты»: «Не было практически ни одного аспекта оборонных технологий двадцатого века, который не был затронут руками и умами женщин-математиков» [4, p. 199]. Эти исключительно талантливые афроамериканки, одни из самых ярких умов своего поколения, сначала пренебрегали преподаванием математики в отдельных государственных школах, но их призвали на службу вследствие нехватки рабочей силы во время Второй мировой войны, когда авиационная отрасль США остро нуждалась в людях, способных доставить ее на вершину. Внезапно эти забытые математические гении смогли получить шанс и работу, достойную их навыков. Хотя законы Джима Кроу в Вирджинии требовали, чтобы темнокожие были отделены от своих белых коллег, женщины из темнокожей группы «Западные компьютеры» помогли Америке достичь успехов.

В разгар эры Джима Кроу темнокожим гражданам приходилось пользоваться отдельными туалетами, бассейнами, входами в общественный транспорт, отправлять своих детей в разные школы и жить в разных районах, если они не хотели повлечь серьезные последствия. На самом деле, дискриминация сыграла значительную роль в существовании Вирджинии и прочно укоренилась в истории страны. Даже когда эти дамы приходили в лабораторию, их сопровождал расизм. Для новых «компьютеров», для темнокожих женщин была выделена отдельная часть учреждения под названием «Западные компьютеры». Традиционно на юго-востоке США рабочие регулярно взаимодействовали друг с другом. Однако «Западные компьютеры» были в первую очередь исключены из этой групповой среды из-за оттенка их кожи. Когда они сидели в задней части столовой, табличка с надписью «Цветные компьютеры» была очень плохо закодирована. Дамы предприняли первую попытку добиться справедливости и равенства, начав каждый день срывать знамя, рассматривая это действие как демонстрацию бунта. «Даже будучи профессионалом в интегрированном мире, я была единственной темнокожей женщиной в достаточном количестве гостиных и залов заседаний, чтобы иметь представление о «наглости», с точки зрения белых американцев, которая потребовалась афроамериканке на изолированном южном рабочем месте, чтобы сказать своим боссам, что она уверена, что ее расчеты отправят человека на Луну» [4, p. 14].

Тема расизма и прав женщин поднимается также в романе «Самые синие глаза» Тони Моррисон (1970). Это история афроамериканской девушки по имени Пекола. Героиня Моррисон Пекола представляла собой меланхоличный образ, изображающий психологический комплекс подростка, комплекс неполноценности и зависти к «белому» гражданину. Она бессознательно унаследовала искаженную мечту, придуманную обществом для «белых». Таким образом, все обстоятельства и окружение позволили ей мечтать о голубых глазах. Желание героини привело к гибели духа девушки. Ощущение несправедливости белого общества по отношению к темнокожей гражданке и предыстория, которую она уже представляла в отношении прав темнокожих женщин, привели ее к безумию.

Таким образом, можно отметить, что женская «американская мечта» была настолько недостижимой долгое время, что за нее женщины боролись, чтобы хоть как-то сравняться с мужчинами, хотя бы в избирательных правах.

С XVII до начала XX века многие женские ассоциации пытались отвоевать для женщин их права и разрушить дискриминацию по признаку пола, но им не удалось достичь своих целей. На протяжении этих столетий многие женщины-правозащитники и активистки умерли, так и не воплотив в жизнь свою «американскую мечту». Они смогли лишь слегка разглядеть «зеленый свет» «американской мечты» издали. Несмотря на то, что женщины получили право голоса в 1920 году, правительство не восприняло это всерьез.

Литература

1. Collins R.K.L. Language, history and the legal process: a profile of the reasonable man. Rutgers-Cam LJ. 1976. T. 8. P. 311.
2. Fletcher I.C., Levine P., Mayhall L.E. N. (ed.). Women's suffrage in the British Empire: citizenship, nation and race. Oxfordshare: Routledge, 2012. 276 p.
3. Fontaine D. A Spirit's Cry for Freedom, Bloomington: Xlibris Corporation, 2012. 201 p.
4. Shetterly M.L. Hidden Figures. Glasgow: William Collins, 2016. 387 p.
5. Wagner S. R. Sisters in Spirit: Haudenosaunee (Iroquois) Influence on Early American Feminists. Summertown: Native Voices Books, 2011. 128 p.
6. Vile J.R. Founding Documents of America. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2015. 357 p.
7. How 'Hidden Figures' Came Together: Interview with Author Margot Shetterly. Available at: <https://www.space.com/34486-hidden-figures-author-margot-shetterly-interview.html> (accessed: 10.03.2023)
8. The rights we have today are not guaranteed tomorrow. Available at: <https://history.as.uky.edu/rights-we-have-today-are-not-guaranteed-tomorrow-uk-expert-unpacks-history-19th-amendment> (accessed: 11.03.2023)

References

1. Collins R.K.L. Language, history and the legal process: a profile of the reasonable man. Rutgers-Cam LJ. 1976. T. 8. P. 311.
2. Fletcher I.C., Levine P., Mayhall L.E. N. (ed.). Women's suffrage in the British Empire: citizenship, nation and race. Oxfordshare: Routledge, 2012. 276 p.
3. Fontaine D. A Spirit's Cry for Freedom, Bloomington: Xlibris Corporation, 2012. 201 p.
4. Shetterly M.L. Hidden Figures. Glasgow: William Collins, 2016. 387 p.
5. Wagner S. R. Sisters in Spirit: Haudenosaunee (Iroquois) Influence on Early American Feminists. Summertown: Native Voices Books, 2011. 128 p.
6. Vile J.R. Founding Documents of America. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2015. 357 p.
7. How 'Hidden Figures' Came Together: Interview with Author Margot Shetterly. Available at: <https://www.space.com/34486-hidden-figures-author-margot-shetterly-interview.html> (accessed: 10.03.2023)
8. The rights we have today are not guaranteed tomorrow. Available at: <https://history.as.uky.edu/rights-we-have-today-are-not-guaranteed-tomorrow-uk-expert-unpacks-history-19th-amendment> (accessed: 11.03.2023)

*Rabeeah Safaa Khalid Breesam, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Gridnev Yu.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov*

The fight of American women against discrimination and racism in history and literature

Abstract: the article focuses on the image of the "American Dream", which cannot be completed in the 20th century without taking into account the role of women, in particular, black women and their struggle for their rights, for the belief that they can become famous figures, occupying positions in society on an equal footing with men. Many well-known personalities have played central roles in the fight for women's rights, among them Abigail Adams, the first woman to raise the topic of women's rights in her letters to John Adams at the political level. Themes concerning women's rights appeared in many literary works. Margot Lee Shetterly, in her book Hidden Figures, tried to motivate women, and black women in particular, to take their own position in a society that discriminates against people based on their race and skin color. The writer sought to end the suffering of black women, she created her characters only to get out of the terrible situations and conditions in which black women lived. As a result, the goal was achieved and a written guarantee of equal rights for women was enshrined in the Constitution as the nineteenth amendment.

Keywords: the "American dream", equality, women's rights, voting rights, nineteenth amendment, guarantees

For citation: Rabeeah Safaa Khalid Breesam, Gridnev Yu.V. The fight of American women against discrimination and racism in history and literature. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 169 – 172.

Салихова Э.А., доктор филологических наук, профессор,
Мурсалимова Ю.Р., кандидат филологических наук, доцент,
Кушнарёва А.В., преподаватель,
Уфимский университет науки и технологий

Десакрализация языковой картины мира: на примере библейских элементов идиоматического сектора

Аннотация: целью исследования является описание процесса утраты аксиологической значимости паремиединиц и фразеоединиц. Результаты психолингвистических экспериментов реконструируют специфику актуализации психологического значения слова в языковом сознании индивида. Перспективен такой подход и в изучении ассоциаций для фиксации активной трансформации отдельных секторов идиоматического фонда, при котором языковое членение мира соотносится с типологией ассоциативных полей. Паремиеологическая и фразеологическая картины мира отражают культурно обусловленный образ мира, зафиксированный некогда в идиоматических значениях и закреплённый в когнитивных механизмах их корреляции с ценностными доминантами русской лингвокультуры. Язык посредством устойчивых единиц аккумулирует и транслирует способы формирования и существования знаний о действительности. Совокупность последних в индивидуальном, групповом сознании представляет собой картину мира.

Модификации паремиединиц задаются прагматической целью говорящего, который вводит новую релевантную информацию в языковое пространство, что предполагает аксиологическое переосмысление высказываний. Методология исследования основана на психолингвистическом, лексикографическом, лингвопрагматическом и лингвокультурологическом методах анализа, предполагающих изучение языковых феноменов как средств организации социального опыта в процессе речевой коммуникации. Предметом анализа являются примеры фразеологических и паремиеологических трансформаций, характерных для студенческого дискурса: рефразеологизация, десакрализация, формирование новых значений идиом, лексические и структурные изменения устойчивых выражений.

Ключевые слова: десакрализация, дефразеологизация, идиома, картина мира, неопаремия, паремия, паремиеологическая картина мира, фразеоединица, языковое сознание

Для цитирования: Салихова Э.А., Мурсалимова Ю.Р., Кушнарёва А.В. Десакрализация языковой картины мира: на примере библейских элементов идиоматического сектора // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 173 – 180.

Начало XX столетия в языковедении ознаменовалось особым вниманием к человеку говорящему, к его обыденному сознанию и к повседневным речевым практикам, что остается и в наши дни исследовательской доминантой. Междисциплинарный подход к анализу общения как основной выполняемой языком роли в социуме дает возможность раскрыть его особенности [16]. Паремиеологическая и фразеологическая подсистемы языка обусловлены его коммуникативной функцией, поэтому язык способен также выражать и когнитивное, и эмоциональное содержание. Одной из важнейших семантических функций устойчивых единиц (фразеология, паремиеология в широкой трактовке Н.М. Шанского) признается их возможность «фиксировать и передавать информацию последующим поколениям» [1, с. 71]. Выполняя кумулятивную, прагматическую, императивную и роль в общении, паремиеединицы выступают «специальным языковым средством для выражения разнообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего ко всему, что происходит в его внутреннем мире или вне его» [7, с. 103]. Некоторые из основных перечисленных функций устойчивых единиц очевидным образом предопределены семантикой их компонентов. Одним из проявлений обыденного сознания в речи человека, по мнению многих лингвистов, являются такие идиоматические единицы, как паремии и фразеологизмы. По этой причине изучение идиоматического фонда языка, паремиеологической и фразеологической картин мира (далее – КМ) представляется перспективным в аспекте исследования языкового сознания не только отдельного индивида, но и целой этнокультурной общности. Присутствующее в устойчивых единицах знание основывается на повседневном опыте носителей языка, их традициях и верованиях [17].

Структура паремиеологической, фразеологической КМ как особых «лингвоментальных образований», «инструментов моделирования» КМ (Г.С. Кривошеев, Н.Н. Семенов) детерминирована культурными смыслами, паремических и фразеологических значений и «когнитивных механизмов формирования важнейших культурных стереотипов в их коррелятивной связи с определёнными ценностными доминантами русской лингвокультуры» [17].

Лексикографический, лингвопрагматический и лингвокультурологический анализ материала неопаремий и неофразеологизмов, полученного в результате проведения серии психолингвистических экспериментов и социолингвистических опросов (2012-2020 гг.) со студентами-первокурсниками УГАТУ [6; 7], слушателями мусульманских и православных образовательных учреждений Башкирии [10, 11, 12, 26] показывает активный процесс трансформации рассматриваемых языковых средств. Мы склонны полагать, что доминирующей тенденцией в этих семантических и смысловых изменениях является десакрализация устойчивых единиц библейского происхождения.

Сакрализация являет собой «универсальную метакатегорию, определяющую ценностно-смысловое существование человека в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в котором присутствует вера и доверие к Богу и миру» [18, с. 196; 24, с. 55–56]. При выполнении задания в ассоциативном эксперименте участники должны были продолжить или создать новые фразеологизированные единства (сюда включены и неопаремии) с опорой на исходную часть известной паремии / фразеологизма. При ассоциировании респонденты часто прибегали к использованию стратегии паремиологического варьирования за счет наращивания новых смыслов компонентов конструкций.

Происходящая в языке десакрализация представляет собой «утрату значимости и глубокого священного содержания в семантике слов, словосочетаний и фразеологических оборотов с целью обмирщвления понятий и их светское обесценивание в средствах массовой информации и в устной речи носителей языка, стимулирующие переориентацию на другие ценности и «святыни» и способствующие деструктивному процессу высших ценностей личности» [18, с. 197]. Десакрализация устойчивых языковых единиц библейского происхождения является результатом активизации процессов цифровизации способов коммуникации, а также следствием демократизации религиозных взглядов, присущих современному светскому обществу.

Общеизвестно, что семантика религиозных единиц важна для понимания «традиционной системы ценностей общества» [12, с. 47]. С этой точки зрения лексикографические издания разных лет оценить в сравнительном ключе степень религиозности современных россиян и жителей СССР. Предполагается, что такие словари в диахронии отражают значимые для духовной жизни социума реалии и их вербальные обозначения (подробнее в: [12, с. 18-21]). Показательны в этом отношении результаты анализа отдельных языковых единиц по словарям [2, 4, 12, 13, 14, 15, 21, 23]: все лексемы, имеющие отношение к религиозной сфере, имели пометы *рел.*, *церкв.* На наш взгляд, это является показателем разной степени и разного объема семантической «загруженности» религиозных / библейских единиц, что, могло иметь не только «религиозное» наполнение, но и общеупотребительное [12, с. 19].

Для рассматриваемой сферы нами условно были выделены религиозные, сакральные и коннотативные единицы. Первые включают лексемы с обозначением действий, явлений или предметов, имеющих отношение к религиозной сфере: для иллюстрации обратимся к лексикографической интерпретации слов «грех» («у *верующих*: нарушение религиозных предписаний, правил») [21, с. 118] или «молиться» («1. Произносить молитву, обращаться к кому-нибудь с молитвой» [21, с. 289]) и т.д. Вторые содержат в своей семантике сему «святости». Это такие слова, как, например, «Бог», «Святой Дух». В третьей из выделенных групп нами рассмотрены и описаны:

1) наименования с отсутствующим компонентом библейского происхождения, но при этом обладающие таким ассоциативным потенциалом, который в условиях психолингвистического эксперимента могут стать источником вербальных реакций испытуемого, актуализирующих указанную сему. Например, в ассоциативном ответе *читать молитву* на исходный нейтральный стимул-КНИГА или *молиться* («2. Беспредельно любить. Боготворить кого-/ что-нибудь» [21, с. 289]) – религиозное и общеупотребительное в переносном значении.

2) наименования, в семантике которых религиозный компонент ослаб или полностью утратился. Единицы показательны в аспекте рассматриваемой темы, поскольку в повседневной речевой практике современного человека используются только как «светские». Таково употребление слова «кафедра», которое в «Словаре церковных терминов» [14, с. 67] представлено как «(греч. сидение) – сидение для архиерея или священника, поставленное в алтаре на горнем месте, а также для архиерея в середине храма на архиерейском амвоне». Во второй половине XIX века В.И. Далем первым было зафиксировано «религиозное» значение этой лексемы, описываемое в его словаре как «*греч.* возвышенъе, съ котораго говорятся проповеди въ церквах; съ котораго, въ учебныхъ заведенъяхъ, преподаеть учитель, професоръ; складное седалище архиерея, во время службы» [4, Т. 2, с. 716]. В словарях первой половины XX века также сохраняется и фиксируется содержащее помету *церк.* значение с «религиозным» компонентом [3], а во второй половине двадцатого столетия словари уже отражают общеупотребительное толкование слова [21, с. 220]. Подтверждается это наблюдение и данными РАС, в котором на стимул КАФЕДРА было получено 2 отказа и 99 реак-

ций – 61 одиночных без единого ответа с «религиозной» семьей. В языковом сознании представителей современного поколения это исходное слово сопряжено с обучением в вузе и его атрибутами.

Таким образом, в лексикографических источниках нами выявлена тенденция частичного или полного исчезновения религиозной информации в семантике языковой единицы, появления в толковых словарях помет «церковное», «религиозное» или «устаревшее», которые показывают утрату подобных лексико-семантических вариантов. Сужение значения слова или его архаизации, безусловно, имеет экстралингвистический характер, ведь в лексической системе языка, в семантике его единиц находят отражение постепенный отход от соблюдения положений религии, утрата религиозных традиций, некогда соблюдаемых большинством населения.

Реанимирование религиозных праздников в последние десятилетия, возвращение к не утратившим своей актуальности среди верующих канонам стало присуще социально-культурной и религиозной жизни РФ и РБ. Итогом идеологической политики советского времени стало вытеснение религиозно маркированных единиц в архивную зону идиолексикона (пассивный словарный запас), что объективно обусловило лексическую секуляризацию. Под последней авторы имеют ввиду отражение отдельных лексико-семантических вариантов значений с религиозным компонентом в энциклопедических изданиях.

В речевой практике носителей русского языка встречаются не только отдельные единицы библейского происхождения, утратившие свое первоначальное религиозное семантическое наполнение, но и выражения – пословицы, фразеосочетания (идиомы). В рамках данной публикации остановимся на одной из таковых. Так, ветхозаветная поговорка *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* предостерегает человека от совершения недобрых поступков в отношении других людей. В.М. Мокиенко приводит следующее значение данной поговорки: «Не делай зла другому человеку, это зло обязательно вернется к тебе. Так говорят, желая предотвратить дурное дело, дурной поступок, или констатируя факт свершившегося возмездия» [8, с. 405]. Сходные выражения встречаются у Эзопа и Цицерона и других писателей античности, что свидетельствует о её фольклорном характере с морализаторской установкой. Пословица известна многим издревле и восходит к представлению об охотнике, копающем яму для поимки дичи [8, с. 406].

Немецкий паремиолог В. Мидер отмечает, что пословица известна в разных вариантах на восьмидесяти четырех языках по всему миру, что позволяет сделать вывод о том, что в ней выражаются универсальные общечеловеческие ценности. Автор, изучив литературные источники на немецком языке, проследил долгий путь развития данной поговорки от библейской цитаты (1602-1991 гг.), до статуса пословицы (1800 – до настоящего времени) и статуса «антипословицы» (1800 – до настоящего времени) [26, с. 392-394]. Этапы трансформации пословицы в инвариантную смысловую форму длятся более двухсот лет. В толковом словаре немецкого языка «Wahrig» [28, с. 425] отсутствует указание на библейское происхождение поговорки, согласно словарю – это «Sprichwort», т.е. пословица. В современных источниках на русском языке также отсутствует указание на библейское происхождение поговорки. Во «Фразеологическом словаре русского языка» приводится происходящий от поговорки фразеологизм *Копать (рыть) яму кому, под кого*. Данный фразеологизм отнесен к разговорному стилю речи и отмечен как выражающий презрительное отношение к собеседнику, что свидетельствует о существенной десакрализации значения [23, с. 605]. Пословица *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* используется в качестве заголовков для продуктов массовой культуры, рассчитанных на разные возрастные группы: для детей снят выпуск телепередачи «Спокойной ночи, малыши» и серия киножурнала «Ералаш» (№126, 1998 г., реж. Б.Ю. Грачевский), для взрослых – эпизод телесериала «След» (1 сезон 287 серия, 2008 г., реж. Ю.В. Харнас) и фрагмент юмористической передачи «Каламбур» (реж. Ю.А. Стычковский). В указанных передачах и фильмах приводятся ситуации, которые раскрывают смысл поговорки, но не дают отсылок к ее библейскому происхождению. Выбор заголовка свидетельствует о значительном воспитательно-прагматическом потенциале поговорки, на раскрытие которой и расшифровку пропозициональной её части рассчитывают ее создатели.

Паремиологическая картина мира соотносится с языковой картиной мира как часть целого и потому вбирает в себя принятые в лингвокультурном обществе правила поведения и нормы морали [1, с. 310]. Для иллюстрации уровня десакрализации актуального значения поговорки *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* рассмотрим результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2020 г. со студентами УГАТУ. Участникам эксперимента предлагалось придумать собственную экспрессивную поговорку / поговорку (непоговорку) на основе предложенных ключевых слов (S).

Согласно базовым положениям теории языковой личности Ю.Н. Караулова, вербально-семантический уровень отражает степень владения обыденным языком. С исследовательских позиций этот уровень интенсионен традиционным описанием средств выражения определенных понятий: его единицами являются отдельные слова, а стереотипами – словосочетания, а также представляющие инвариант языковой нормы простые предложения.

По материалам проведенного нами эксперимента вербально-семантический уровень языковой личности характеризуется наличием так называемых «блиц-реакций». При введении такого обозначения ответов нами прежде всего учитывалась скоротечность и завершенность процесса актуализации исходного стимула. Полагаем, что реакции подобного рода отражают клиповое мышление в речи и относятся к поверхностному уровню лексикона, связаны с восприятием формы исходного слова, а также с пониманием основного его значения. Фрагментарность («клиповость»), мышления обозначает мгновенную реакцию человека на поступающую извне информацию. Привычные действия мозга в условиях ускоряющихся инфопотоков не укладываются в привычный для мозга алгоритм «внимание–восприятие–мышление–память–воображение–воспроизведение». Приспосабливаясь к каждодневно увеличивающимся информационным, мышление начинает компрессировать эти процессы по сокращенной схеме «внимание–кратковременная память». Значит, «декодирование поступающего извне понятие, суждение, рассуждение и умозаключение не формируются при получении образов, фрагментов и кратких текстов» [18, с. 197]. Примерами блиц-реакций являются *НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ – забей / это тяжело / бесплатно / не трать силы / время / ты же слишком ленив для этого*. Индивидуальная стратегия реагирования заключается в стремлении дать ответ максимально быстро.

Для подтверждения специфики проявления «наивной» аксиологии, а также условий и механизмов выбора и функционирования присущих студенческому дискурсу трансформ, обратимся для сравнения к данным процессов рефразеологизации и десакрализации, формирования новых значений идиом на немецком языке. Векторы ассоциирования в русском и немецком языках различаются и связаны в первую очередь с особенностями структуры паремии: немецкий вариант *Wer andern eine Grube gräbt, der fällt selbst hinein* (нем. *Тот, кто роет другим яму, сам в нее попадет* – здесь и далее авторский перевод) – представляет собой сложно-подчиненное предложение с придаточным определительным. Немецкие «антипословицы» ориентированы в первую очередь на личность «копающего» – характеризоваться может его профессия или личные качества: *Wer andern eine Grube gräbt, ist ein Bauarbeiter / Totengräber / Grubengräber / Totengräber seines eigenen Charakters* (нем. *Кто копает другим яму, тот строитель / могильщик / копщик могил / могильщик собственного характера*) [26, с. 393]; часто обыгрывается плата за подобную деятельность: *Wer andern eine Grube gräbt, wird nach Leistung bezahlt / bekommt Lohn für seine Arbeit / wird nach Tarif bezahlt / wird selber Chef*. (нем. *Кто роет другим яму, тому платят по заслугам / получает деньги за свою работу / тому платят по тарифу / станет для себя начальником*) [там же, с. 396]. Еще одной характерной чертой немецких неопаремий является их «мрачная» коннотация. Согласно толковому словарю, основной компонент «Grube» – «яма» обозначает «могилу» (устаревшее, поэтическое слово) [28, с. 425]. *Wer andern eine Grube gräbt, der geht über Leichen / kann sich begraben lassen / möchte, dass er in der Versenkung verschwindet* («Кто роет другим яму, тот идет по трупам / может себя сам похоронить / хотел бы, чтобы другие исчезли в небытие») [26, с. 397].

В русском языке паремия представляет собой предостережение, реализуемое при помощи повелительного наклонения, поэтому основным вектором ассоциирования являются R на S – глагол «рой / копай», который требует после себя прямого дополнения: *Рой колодец – пригодится воды напиться / вскопай себе огород / лучше себе проложи тропу / рой себе погреб – продукты на зиму хранить / рой окопы, они лучше для войны / сделай себе бассейн / рой карьер*. Мы считаем важным соотносить представленные в языковом сознании респондентов образы ситуаций с выбором из некоторого множества предполагаемых значений именно то, что релевантно для понимания конструируемой единицы. В результате наложения образа реальной ситуации и образа в производимых от исходной части паремии трансформах возникает «эффект обманутого ожидания» (терминсочетание из [20]). Приведенные неопаремии из студенческого дискурса коррелируют со статьей из «Русского ассоциативного словаря» на S-КОПАТЬ, в которой самой частотной реакцией является *яма* (60 ответов). Во фрагментах паремиологических картин мира присутствуют аналогичные антипословицы на русском и немецком языках: *Wer andern eine Grube gräbt, der braucht erst mal einen Spaten* (нем. *Кто роет другому яму, тому нужна для начала лопата*). Сравним с русским вариантом: *не рой другому яму, лучше возьми лопату и копай*. Визуально-кинетические реакции идентичны для русского и немецкого языков: *Wer andern eine Grube gräbt, der schwitzt* (нем. *Кто роет другим яму, тот потеет*); *Wer andern eine Grube gräbt ist selbst ein Schwein* (нем. *Кто роет другим яму, тот сам свинья*). Сравним с вариантами, предложенными студентами УГАТУ: *не рой другому яму, грязным станешь – мыться придется / перед народом некрасиво*.

Как видно, возникаемые отношения между исходной частью паремии и производной трансформой отражают действие когнитивных механизмов, представляющих типовую ситуацию изменения её общепринятого облика в процессе ассоциирования в условиях эксперимента. Эта логико-синтаксическая связь актуализируется темой (*не рой другому яму*) – тем, что слушающим / читающим известно, и ремой (все R) – тем

новым, что привносится производителем трансформы в продолжение предлагаемого фрагмента. Отличительным признаком паремии, как известно, является её нечленимость, что предполагает единство темы и ремы в ней при вхождении в состав другого высказывания. Тема-рематиические отношения внутри фразы тоже установлены, так как коммуникативная сущность устойчивых выражений, как правило, зафиксирован культурой. Результаты предпринятого исследования иллюстрируют потенциал идиом занять в высказывании рематическую позицию. Демонстрируют это положение следующие примеры: *не рой другому яму, пока тебе не заплатили / попроси в начале аванс / найми гастарбайтеров / найми экскаватор / найми рабочих*. Студенты в своих ответах трактуют «процесс создания ямы для ближнего» как работу, при этом коммуникативный смысл формируется параллельно с соответствующими конструируемому образу компонентами, транслирующими прямое значение связанных с рытьем ямы физических усилий. Исходное значение идиомы утрачивается. Конвенциональная идиома передает новые смыслы, актуализируемые в теме выражения – яме и связанной с ней физическими действиями: оценочное суждение в позиции ремы отражает компенсацию за потраченные усилия. В неопаремиях на русском языке отчетливо проступает оппозиция «Я и другие», выражающая ценный для исследователя прагматический смысл. Ориентация «на себя»: *займись своей жизнью / лучше о себе позаботься / а то поясницу надорвешь / перенапряжешься – сессию не сдашь*.

Положительное отношение к другим людям и к коллективной работе отражено в следующих неопаремиях: *Рой третьему с любовью / рой с другим / вдвоем веселее / роите вместе*. О негативной установке по отношению к другим людям свидетельствуют неопаремии: *Не рой другому яму, убей морально / кремировать дешевле*.

Описанные трансформации, связанные с десакрализацией, дефразеологизацией (последствия последней становятся основой для рефразеологизации – вхождения в паремиологический фонд трансформ исходных фразеоединиц), являются следствием возникаемых изменений у человека представлений об окружающем, которые отражаются как в форме, так и в содержании «новой» идиомы [19, 24].

В проанализированных нами случаях итогом десакрализации стало образование многоуровневой субъектно-предикатной структуры фразеологизированной единицы, неопаремии. На логико-семантическом уровне разворачиваются два сценария структурирования неопаремии: (1) ключевой фрагмент исходной единицы, выступающий в качестве стимула, «впитывает смыслы, транслируемые новой референтной ситуацией» [20, с. 107]; (2) ключевой фрагмент исходной единицы преддицирует содержание неопаремии, «встраиваясь в ее смысловую структуру в виде оценочного компонента» [19, с. 107-108]. В то же время образуемые трансформы уподобляются паремийным и / или фразеологическим компонентам, для которых обширный лингвокультурный контекст выступает в роли семантического предиката.

Идиомы (в частности, пословицы, фразеологические выражения), по мнению паремиологов, «аккумулируют специфическую информацию о типичных жизненных и мыслимых ситуациях, объектах и отношениях» [20, с. 108], трансформируясь в «инструмент концептуализации реальности, выполняя функцию знакового замещения не только самого объекта образной номинации, но и оценочного отношения к нему говорящего» [20, с. 109]. По выражению М.Л. Ковшовой, в них «как в увеличительное стекло, выпукло и емко явлена наивная этика народа, его морально-нравственные принципы и идейно-эстетические воззрения на мир» [5, с. 80].

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, 2018. 344 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Все словари: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vseslovari.com.ua/log/page/vera.39> (дата обращения: 25.02.2023)
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007.
5. Ковшова М.Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. 2013. № 3. С. 79 – 85.
6. Кушнарера А.В. Стратегии создания неопаремии // Теория и практика языковой коммуникации: материалы XII Международной научно-практической конференции. Уфа: УГАТУ, 2020. С. 136 – 141.
7. Кушнарера А.В. Ассоциативный потенциал ключевых компонентов паремии «Не в деньгах счастье» // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2021. С. 101 – 107.
8. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. 416 с.

9. Мокиенко В. М. Коммуникативный мир фразеологии. Рецензия на монографию: Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении // Филологические науки. М., 2022. № 1. С. 96 – 104.
10. Мурсалимова Ю. Р. Ассоциативное поле слова БОГ в русском языковом сознании // Теоретические и прикладные науки и образования в XXI веке. Тамбов, 2012. С. 97 – 103.
11. Мурсалимова Ю. Р. Концепт ВЕРА в языковой картине мира // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа, 2012. С. 242 – 246.
12. Мурсалимова Ю. Р. Актуализация религиозного компонента значения слова: дис...канд. филол. наук. Пермь, 2018. 223 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 23.02.2023)
14. Покровский Д. Л. Словарь церковных терминов. Sharon, Massachussets: «Izograph Studio», 2002. 166 с.
15. Русский ассоциативный словарь: в 6-ти т. / Под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина Е. Ф. Тарасова и др.: в 6-ти т. М.: «Помовский и партнёры», Институт русского языка РАН, 1994-1998.
16. Салихова Э. А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме. Уфа: Наука-Флинта, 2015. 478 с.
17. Салихова Э. А., Мурсалимова Ю. Р. Религиозное знание с точки зрения категорий «значение» и «знание» / «познание» // Вестник ВЭГУ. Сер.: Филология. Уфа, 2013. № 2 (64). С. 125 – 130.
18. Салихова Э. А., Мурсалимова Ю. Р. Ассоциативное поле слова «Бог»: трансформации значений и их смысловое искажение // Исследования по семантике. Уфа: БашГУ, 2021. С. 195 – 203.
19. Селезнева Л. В., Северская О. И. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе // Слово.ру. 2021. Т. 12. № 1. С. 96 – 109.
20. Семенов Н. Н., Кривошеев Г. С. Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 4. С. 268 – 176. URL: <http://e-kon-sept.ru/2019/195011.htm> (дата обращения: 15.02.2023)
21. Словарь русского языка С. И. Ожегова / Под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. 750 с.
22. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2012. 608 с.
23. Толковый словарь Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс]. URL: ushakovdictionary.ru (дата обращения: 20.02.2023).
24. Шкуран О. В. Десакрализация библейского фразеологизма Не хлебом единым жив человек на материале интернет-, медиадискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 54 – 63.
25. Mieder W. Spruchschlösser (ab)bauen. Wien: Praesensverlag, 2010. 465 p.
26. Salikhova E. A., Mursalimova Yu. R. Special aspects of personal linguistic identity // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1 (56). С. 173 – 179.
27. Wahrig G. Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Auflage der Neuausgabe München: KG, 2003. 1152 p.

References

1. Alefirenko N. F. Frazeologija i paremiologija: uchebnoe posobie. 3-e izd. M.: Flinta, 2018. 344 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. S. A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
3. Vse slovari: [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.vseslovari.com.ua/log/page/vera.39> (data obrashhenija: 25.02.2023)
4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: OLMA Media Grupp. 2007.
5. Kovshova M. L. Ocenochnost' idiom i naivnaja jetika paremij: lingvokul'turologicheskij aspekt issledovanija. Filologija i kul'tura. 2013. № 3. S. 79 – 85.
6. Kushnareva A. V. Strategii sozdaniya neoparemii. Teorija i praktika jazykovoj kommunikacii: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa: UGATU, 2020. S. 136 – 141.
7. Kushnareva A. V. Associativnyj potencial kljuchevyh komponentov paremii «Ne v den'gah schast'e». Teorija i praktika jazykovoj kommunikacii. Ufa: UGATU, 2021. S. 101 – 107.
8. Mokienko V. M. Davajte govorit' pravil'no. Poslovicy v sovremennom russkom jazyke. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2012. 416 s.

9. Mokienko V M. Kommunikativnyj mir frazeologii. Recenzija na monografiju: Jemirova A.M. Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticeskome osveshhenii. Filologicheskie nauki. M., 2022. № 1. S. 96 – 104.
10. Mursalimova Ju.R. Associativnoe pole slova BOG v russkom jazykovom soznanii. Teoreticheskie i prikladnye nauki i obrazovanija v XXI veke. Tambov, 2012. S. 97 – 103.
11. Mursalimova Ju.R. Koncept VERA v jazykovej kartine mira. Teorija i praktika jazykovej kommunikacii. Ufa, 2012. S. 242 – 246.
12. Mursalimova Ju.R. Aktualizacija religioznogo komponenta znachenija slova: dis...kand.filo.l. nauk. Perm', 2018. 223 s.
13. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (data obrashhenija: 23.02.2023)
14. Pokrovskij D. L. Slovar' cerkovnyh terminov. Sharon, Massachussets: «Izograph Studio», 2002. 166 s.
15. Russkij asociativnyj slovar': v 6-ti t. Pod red. Ju.N. Karaulova, Ju.A. Sorokina E.F. Tarasova i dr.: v 6-ti t. M.: «Pomovskij i partnjory», Institut russkogo jazyka RAN, 1994-1998.
16. Salihova Je.A. Modelirovanie processov ovladenija i pol'zovanija psihologicheskoj strukturoj znachenija slova pri bilingvizmu. Ufa: Nauka-Flinta, 2015. 478 s.
17. Salihova Je.A., Mursalimova Ju.R. Religioznoe znanie s točki zrenija kategorij «znachenie» i «znanie». «poznanie». Vestnik VJeGU. Ser.: Filologija. Ufa, 2013. № 2 (64). S. 125 – 130.
18. Salihova Je.A., Mursalimova Ju.R. Associativnoe pole slova «Bog»: transformacii znachenij i ih smyslovoe iskazhenie. Issledovanija po semantike. Ufa: BashGU, 2021. S. 195 – 203.
19. Selezneva L.V., Severskaja O.I. Refrejming idiom i paremij v koronavirusnom diskurse .Slovo.ru. 2021. T. 12. № 1. S. 96 – 109.
20. Semenenko N.N., Krivosheev G.S. Paremicheskaja kartina mira kak provodnik jetnokul'turnogo stereotipa. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2019. № 4. S. 268 – 176. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195011.htm> (data obrašhenija: 15.02.2023)
21. Slovar' russkogo jazyka S.I. Ozhegova. Pod red. prof. N.Ju. Shvedovoj. M., 1989. 750 s.
22. Stepanova M.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. SPb.: OOO «Viktorija plus», 2012. 608 s.
23. Tolkovyj slovar' Ushakova D.N. [Jelektronnyj resurs]. URL: ushakovdictionary.ru (data obrashhenija: 20.02.2023).
24. Shkuran O.V. Desakralizacija biblejskogo frazeologizma Ne hlebom edinyim zhiv chelovek na materiale internet-, mediadiskursa. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42. № 7. S. 54 – 63.
25. Mieder W. Spruchschlösser (ab)bauen. Wien: Praesensverlag, 2010. 465 p.
26. Salikhova E.A., Mursalimova Yu.R. Special aspects of personal linguistic identity. Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2015. № 1 (56). S. 173 – 179.
27. Wahrig G. Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Auflage der Neuausgabe München: KG, 2003. 1152 p.

*Salikhova E.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Mursalimova Yu.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kushnareva A.V., Lecturer,
Ufa University of Science and Technology*

**Desacralization of the language picture world: on the example
of the biblical elements of the idiomatic sector**

Abstract: the aim of the study is to describe the process of loss of the axiological significance of paremiological units and phraseological units. The results of psycholinguistic (associative) experiments reconstruct the specifics of the actualization of the psychological meaning of a word in the linguistic consciousness of an individual. Such an approach is also promising in the study of associations for fixing the active transformation of individual sectors of the idiomatic fund, in which the linguistic division of the world is correlated with the typology of associative fields. Paremiological and phraseological pictures of the world reflect the culturally conditioned image of the world, once fixed in idiomatic meanings and fixed in the cognitive mechanisms of their correlation with the value dominants of Russian linguistic culture. Language through stable units accumulates and translates the ways of formation and existence of knowledge about reality. The totality of the latter in the individual, group consciousness is a picture of the world. Modifications of paremiological units are set by the pragmatic goal of the speaker, who introduces new relevant information into the language space, which implies an axiological rethinking of statements. The research methodology is based on psycholinguistic, lexicographic, linguopragmatic and linguoculturological methods of analysis, involving the study of linguistic phenomena as a means of organizing social experience in the process of verbal communication. The subject of the analysis are examples of phraseological and paremiological transformations that are typical for student discourse: rephraseologization, desacralization, the formation of new meanings of idioms, lexical and structural changes in set expressions.

Keywords: idiom, world picture of the world, desacralization, dephraseologisation, neoparemia, paremia, paremiological picture of the world, phrase unit, linguistic consciousness

For citation: Salikhova E.A., Mursalimova Yu.R., Kushnareva A.V. Desacralization of the language picture world: on the example of the biblical elements of the idiomatic sector. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 173 – 180.

Юдин В.И.,
Московский государственный университет

Передача сленга при переводе фильма «Кандиша – Демон мести» с французского языка на русский

Аннотация: сленг – неотъемлемая и самая изменчивая часть любого языка, общепринято считающаяся одной из наиболее труднопереводимых, так как выходит за рамки литературных норм и, как правило, сочетает в себе большую семантическую нагрузку и краткость формы. В данной статье рассматриваются несколько частных примеров передачи сленга с французского языка на русский, взятых из собственной переводческой практики – перевода фильма ужасов 2021 года «Kandisha», который в российском прокате вышел под названием «Кандиша – демон мести». Формулируется собственное определение сленга как языкового явления, рассматриваются несколько примеров перевода, в том числе и из области этнического сленга.

Ключевые слова: сленг, перевод, аудиовизуальный перевод, французский язык, русский язык

Для цитирования: Юдин В.И. Передача сленга при переводе фильма «Кандиша – Демон мести» с французского языка на русский // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 181 – 185.

Введение

Прежде всего следует дать определение рассматриваемому в настоящей статье предмету, а именно – сленгу. Стоит сразу отметить, что даже сегодня существуют самые разные трактовки этого языкового явления, и самые авторитетные умы и источники дают определения, которые порой сильно отличаются друг от друга.

Для начала необходимо обратиться к «академическим» источникам, а именно – словарям. Так, например, О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» сленгу дается следующее определение: «Слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни» [1, с. 301]. Автор определяет сленг как «отклонение от нормы» литературного языка, который служит, однако, для обозначения совершенно обыденных предметов и явлений. Данное определение немного отличается от того, которое нам даёт Большой энциклопедический словарь: «1. То же, что и *жаргон*. 2. Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубо-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Употребляется преимущественно в условиях непринуждённого общения» [2, с. 161]. Как мы видим, здесь сленг практически отождествляется с жаргоном. Поэтому далее следует уточнить, что именно следует считать жаргоном. Для ответа на этот вопрос обратимся к Толковому словарю Ожегова: «Речь какой-н. социальной или иной объединённой общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных» [5]. Налицо явная схожесть определений сленга и жаргона, что неудивительно, ведь и в одном, и в другом случае речь идёт о некоем «специальном», «своём» языке определённой группы людей, которую что-то так или иначе объединяет. Основная проблема в классификации терминологии данного раздела лингвистики состоит в поиске ответа на этот сложный вопрос: является сленг частным случаем жаргона, либо же это жаргон – частный случай сленга? Из тех определений, к которым мы обратились, напрашивается вывод о том, что оба этих языковых явления равны между собой. Однако в данной статье мы позволим себе сделать некоторое уточнение, которое, на наш взгляд, поможет объяснить, почему оба названия («сленг» и «жаргон») продолжают мирно сосуществовать, и одно до сих пор не вытеснило другое. Дело в «оттенке», который несут эти слова. Под «жаргоном» чаще подразумевается профессиональные неологизмы, используемые людьми самых разных профессий. Под «сленгом» же обычно подразумевается в первую очередь молодёжная лексика. Именно поэтому словосочетания «инженерный сленг» и «молодёжный жаргон» звучат несколько странно – так и хочется поменять рассматриваемые нами слова местами, ведь это жаргон должен быть инженерным, а сленг – молодёжным. Исходя из этого, предлагается в дальнейшем руководствоваться именно определением словаря Ожегова как наиболее полным и точным.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные особенности передачи сленга, использованного при переводе фильма Кандиша «Демон мести» с французского языка на русский.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Дать несколько определений сленга, на основе которых сформулировать своё собственное.
2. Рассмотреть разные «виды» сленга – молодёжный, рабочий (жаргон), этнический.
3. Привести и вкратце раскрыть несколько способов перевода.

4. Выбрать лучшие способы перевода из представленных выше систем, объяснить, почему они подходят для сленга, а другие – нет.

5. Последовательно рассмотреть несколько примеров из фильма и сопоставить со своим переводом, обосновывая вывод.

Основные методы исследования – сопоставительный и контекстуальный анализ.

Основная часть

Далее необходимо сформулировать определение того «вида» сленга, который и будет рассматриваться в данной статье, а именно – этнического. *Этнический сленг* – это неформальные слова и выражения, так или иначе касающиеся этнической принадлежности человека, используемые представителями какой-либо этнической группы в общении между собой. При этом такие слова, если они употребляются человеком, не входящим в «круг», т.е. не принадлежащим к нужной этнической группе, запросто могут восприниматься как оскорбление. Наиболее ярким примером подобного «перехода» слова из элемента сленга и неформального обращение в оскорбление может послужить английское «nigger» и его сокращённая форма «nigga». Темнокожие американцы запросто могут обращаться друг к другу на «nigga», однако при употреблении этого слова человеком с белой кожей, оно мгновенное превращается в оскорбление. В английском даже существует шуточный афоризм – «Only a nigga can call a nigga nigga», призванный показать, что данное слово доступно не всем. В США столь трепетно относятся к словам, обозначающим этническую принадлежность человека, что темнокожие граждане именуются не «темнокожими» (black), а «афроамериканцами» (Afro-American или African American), чтобы лишний раз избежать употребления слов, описывающих цвет кожи.

Также не следует путать такого рода слова с самыми обычными оскорблениями на почве этнической принадлежности или, как они называются в английском, «racial slurs», которые не используются представителями этнических групп в общении. Примерами таких слов могут послужить «gook», «jew» или «round-eye». Подобные слова уходят корнями в тёмные периоды человеческой истории, и их употребление даже представителями одной и той же группы не вызовет ничего, кроме обиды. Слово «nigger» тоже имеет свою историю, восходя к рабовладельческой Америке. Так к темнокожим рабам обращались белые американцы, а впоследствии – и сами рабы друг к другу. Рабовладение осталось в прошлом, а вот обращение осталось. В наши дни оно подчёркивает дружеские, неформальные отношения с собеседником – мол, «мы с тобой в одной лодке».

Таким образом, далеко не все слова и обращения, предназначенные для конкретной этнической группы, переходят в разряд сленга внутри этой самой группы. Слово «ниггер», а также некоторые другие слова, которые мы рассмотрим далее, можно рассматривать скорее как исключения. Но если слово всё же перешло в разряд сленга, то оставаться оным оно будет ровно до тех пор, пока употребляется представителем этой самой этнической группы. Во-вторых, поскольку этнический сленг, очевидно, является далеко не самым распространённым «видом» данного лексического явления, то и интерес для нас он представляется повышенный.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к разбору примеров, хотелось бы определиться с методами перевода сленга в общем и этнического сленга, в частности. Для этого рассмотрим несколько способов перевода и выберем те, которые наиболее подойдут для рассматриваемого нами языкового явления.

Сперва обратимся к системе лексико-семантических трансформаций отечественного лингвиста и переводчика Я.И. Рецкера. Яков Иосифович предлагает нам 7 способов перевода, а именно:

1. **Дифференциация**, заключающаяся в замене слов ИЯ (исходного языка) с широкой семантикой, которые не имеют полного соответствия в ПЯ (переводящем языке). Например: «A cup of tea with you, Mrs. Forrester, is one of the richest intellectual treats which it has ever been my lot to enjoy» → «Чашка чая у вас в гостинной, миссис Форрестер, – это лучшая интеллектуальная пища, какую мне доводилось вкушать».

2. **Генерализация**, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объёмом и более сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объёмом, но менее сложным, менее конкретным содержанием [3 с. 426]. Например: «A young man of 6 feet and 2 inches» → «Молодой человек, ростом выше среднего».

3. **Конкретизация**, т.е. трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более широким объёмом и менее сложным содержанием, заключённое в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более ограниченным объёмом, но сложным, более конкретным содержанием [3, с. 433]. Например: «You could hear him putting away his toilet articles» → «Было слышно, как он убирает свои мьльницы и щётки».

4. **Смысловое развитие**, заключающееся в замене при переводе одного понятия другим, если они связаны друг с другом как причина и следствие, часть и целое. Например: «Many South African sanctuaries are

readily reached from Johannesburg» → «До многих южноафриканских заповедников рукой подать из Йоханнесбурга» [4, с. 52].

5. **Антонимический перевод**, средство достижения эквивалентности, выполняющийся по формуле двойного отрицания, двойной контрадикторности [3, с. 466]. Иначе говоря, это перевод «от противного». Например: «Невысокая стена белых тюльпанов» → «A low wall of white tulips».

6. **Целостное преобразование**, т.е. преобразование слова, словосочетания, или даже целого предложения, причём само преобразование происходит не по элементам, а целостно. Целостное преобразование определённой разновидностью смыслового развития, но, в отличие от антонимического перевода, обладает большей автономностью и обнаруживает в значительно меньшей степени логическую связь между планами выражения ИЯ и ПЯ [4, с. 60]. Например: «Well done!» → «Браво! Молодец!»

7. **Компенсация потерь**, т.е. замена непередаваемого элемента ИЯ каким-либо другим понятием, которое передаёт ту же самую информацию, причём в том же самом месте текста, что и в подлиннике. Например: «That girl ought to be follered. She might throw herself in the river» → «За этой девочкой последить бы надо. Неровен час и с моста в реку бросится» [4, с. 66].

Стоит сразу оговориться, что каждая из приведённых выше трансформаций является незаменимой. Но какая (или какие) трансформации наиболее всего подойдут для наилучшей передачи того пласта лексики, который рассматривается в данной статье, а именно – сленга? Так как сленг состоит из ёмких и напрямую практически не переводимых слов и выражений, то нам более всего подойдут те виды трансформаций, которые предлагают наиболее «комплексный» подход, то есть предлагающие переключить весь переводимый элемент «с чистого листа», подобрав и даже создав подходящий эквивалент в ПЯ. Если брать классификацию Рецкера, то такими трансформациями являются смысловое развитие, целостное преобразование и компенсация потерь. Именно эти три переводческих приёма более всего подойдут для наилучшей передачи элементов сленга в целом и элементов этнического сленга в частности, в чём мы сейчас и убедимся, рассмотрев несколько примеров перевода сленга при локализации французского фильма 2020 года «Kandisha», вышедший в российском прокате под названием «Кандиша: демон мести».

Пример первый. В одном из диалогов главная героиня говорит своей подруге: «Tu l'a dit toi-même elle est rebeu». В данной реплике нас интересует слово *rebeu*, которое в неформальной речи употребляется по отношению к людям арабской внешности. Как же я передал это слово при переводе? Очень просто: «Ты же сказала – она арабка». В русском языке нет подходящего «молодёжного» эквивалента, который служил бы обращением к людям арабского происхождения, поэтому в данном случае я решил воспользоваться никак не окрашенным существительным «арабка». Данный пример можно назвать потерей, которую никак не компенсировать, в отличие от следующего примера.

Пример второй. Та самая девушка арабского происхождения спрашивает главную героиню: «Elle te racontait quoi la grosse commère d'Irène la?». В данном случае нас интересует слово *commère*. Один из авторитетнейших энциклопедических словарей французского языка Larousse даёт следующие два определения данному слову:

- 1) “Marraine d'un enfant par rapport au parrain”.
- 2) Femme du peuple qui en impose par son allant et son langage.

Проанализировав оба эти определения, мы можем сразу отмести первое значение, так как оно никак не подходит по контексту. Остановившись на втором, понимаем, что имеется в виду простоватая женщина средних лет, не обременённая высокими манерами, речь которой изобилует просторечиями. Иначе говоря – клуша, сплетница. Приняв всё это во внимание, реплику можно передать следующим образом: «Что эта сплетница тебе тёрла?». Решено было передать *commère* словом «сплетница», а общий разговорный, молодёжный тон реплики (в слове «сплетница» нет ничего «сленгового») интерпретировано через разговорный глагол «тереть» в значении «рассказывать, говорить». Здесь мы наблюдаем чистой воды компенсацию потерь.

Третий пример. Всё та же арабская девушка говорит главной героине: «De toute façon t'as pas besoin de thunes toi! Moi c'est qui a plus papa, maman, pour remplir le frigo, payer le loyer». В данном случае нас интересует слово *thunes*. Обратимся всё к тому же словарю Larousse, который вновь выдаст нам два определения:

1. Au XVIIIe s., aumône.
2. Au XIXe s., pièce de cinq francs.

Приняв это во внимание, данная реплика была передана следующим образом: «Тебе-то денег хватает! А у меня нет мамы с папой, чтобы набить холодильник, заплатить за хату». Здесь мы вновь видим компенсацию потерь – в одном месте «убыло», в другом «прибыло». Не стоило как-то по-особенному «молодёжно» переводить слово *thunes*, хотя самым очевидным вариантом были бы «бабки». В конечном результате, оставив «деньги» «деньгами», вполне обычное словосочетание *payer le loyer* («платить за жильё», фр.) было

интерпретировано на разговорный манер – «платить за хату», чтобы сохранить «молодёжный» тон всей фразы.

Четвёртый пример. На этот раз наша знакомая всё в той же сцене говорит главной героине: «On va appeler la reublanche». Здесь нас интересует слово *reublanche*. Надо сказать, что его «не знает» даже Larousse, но даже без помощи словарей можно заметить в слове прилагательное *blanche*, что значит «белая». А учитывая, что речь здесь идёт о единственной в компании белокожей девушке, становится понятно, что таким образом героиня обозначает именно её, делая акцент на цвете её кожи. Я решил провести целостное преобразование и передал данную реплику так: «Надо позвать Белоснежку». Имя Белоснежка оказалось вполне подходящим, так как тоже делает акцент на цвете кожи, и при этом не будет звучать диковинно для русскоязычного зрителя.

Пятый пример. Всё та же девушка говорит «Белоснежке»: «Allez on va voir la noirouche la avant qu'elle bouffe toutes les chips». Данный пример интересен тем, что в нём сразу два случая использования сленга. Первый – это существительное *noirouche*, под которым имелась в виду темнокожая главная героиня, а второй – глагол *bouffer*, который именно в разговорной речи обозначает «есть, потреблять». Слово *noirouche* очень похоже на *reublanche* в том плане, что ему тоже трудно найти определение даже в авторитетных французских словарях, но при этом довольно легко понять смысл, исходя из самого контекста, ведь в данном слове присутствует прилагательное *noir*, т.е. «чёрный» (фр.), а поскольку употребляется оно по отношению к темнокожей героине, то становится очевидно, что это неформальное обозначение этой самой героини, с акцентом на цвете её кожи. Поэтому было принято решение передать данное предложение следующим образом: «Тогда пошли, а то эта сучка сожрёт все чипсы!». С глаголом *bouffer* всё просто – ему в русском языке прекрасно соответствует глагол «жрать», а вот с *noirouche* вышло немного сложнее. За неимением в русском языке слова, которое удовлетворяло бы сразу двум критериям: во-первых, полная эквивалентность переводимому слову (сленговое обозначение человека с тёмным цветом кожи), а во-вторых, привычность звучания для русскоязычного зрителя, можно было бы использовать слово «чернявка», но нам оно показалось немного «выбивающимся» из речи, недостаточно употребимым. Поэтому вновь мы перевели целостное преобразование, заменив «noirouche» на «сучку», сохранив «молодёжный» стиль высказывания, но смирившись с утратой оттенка, обозначающего цвет кожи.

Выводы

По результатам проведенного в статье сопоставительного и контекстуального анализа можно заключить следующее. Сленг – это чрезвычайно важное языковое явление, делающее речь живой и разнообразной. При переводе он требует особого, кропотливого подхода. Из всего ряда лексико-семантических трансформаций для передачи сленга наиболее подходят те, которые предлагают передавать выражение целиком. Однако важно помнить, что каждый случай индивидуален, и универсального подхода не существует и существовать не может. Поэтому добросовестный переводчик будет подбирать наиболее подходящую трансформацию для каждого конкретного случая, чтобы минимизировать потери и передать максимум смысла, сохраняя при этом стиль.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Ахманова М.: «Сов. Энциклопедия», 1966. 608 с.
2. БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание М.: «Российская энциклопедия», 1998. 685 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: «Р. Валент», 2007. 244 с.
5. Толковый словарь Ожегова (онлайн ресурс). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.03.2023)
6. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne (онлайн ресурс). URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 11.03.2023)

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: «Sov. Jenciklopedija», 1966. 608 s.
2. BJeS – Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie M.: «Rossijskaja jenciklopedija», 1998. 685 s.
3. Garbovskij N.K. Teorija perevoda. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 s.
4. Recker Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерki lingvisticheskoi teorii perevoda. M.: «R. Valent», 2007. 244 s.

5. Tolkovnyj slovar' Ozhegova (onlajn resurs). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashhenija: 10.03.2023)
6. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne (onlajn resurs). URL: <https://www.larousse.fr/> (data obrashhenija: 11.03.2023)

*Yudin V.I.,
Moscow State University*

Methods of translating slang in the movie “Candisha – The Demon of Revenge” from French into Russian

Abstract: slang is an integral and constantly changing part of any language, generally considered to be one of the most difficult to translate, as it transcends literary norms and usually combines a large semantic load and brevity of form. This article offers several examples of the translation of slang from French into Russian, taken from my own translation practice – the translation of the 2021 horror movie “Candisha – the Demon of Revenge” which was released in the Russian box office under the title of “Candisha – the Demon of Revenge”. We will formulate a separate definition of slang and examine several examples of translation, including examples of translating so-called ethnic slang.

Keywords: slang, translation, audiovisual translation, the French language, the Russian language

For citation: Yudin V.I. Methods of translating slang in the movie “Candisha – the Demon of Revenge” from French into Russian . *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 181 – 185.

*Сон Сомиа, ассистент,
Семенова А.Л., преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Когнитивно-лингвистические аспекты глаголов со значением "надевать" в русском и корейском языках

Аннотация: в этом исследовании с помощью когнитивно-лингвистического подхода изучалось исходное значение глаголов одевания «надеть» и «одеть» в корейском и русском языках. Мы проанализировали исходное значение с противоположной лингвистической точки зрения и сопоставили, как каждый язык распознает понятие «надевать (одежду)».

В результате исследования было установлено, что глагол одевания в корейском языке определяется в зависимости от цели и части тела человека, а в русском языке употребляются различные глаголы одевания в зависимости от объекта ношения. И было обнаружено, что в корейском языке понятие «надевать (одежду)» имеет значение «надевать на тело», а также «пришивать к телу». Также установлено, что русские слова «надеть» и «одеть» имеют значение «надевать или оборачивать вокруг тела». Выявлено, что глагол образовался по началу, продолжительности и способу акта ношения вне зависимости от носимой части тела человека.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительное языкознание, лингвистическая типология, когнитивная лингвистика, корейский язык, русский язык, сравнение глаголов одевания, надеть, контрастивная лингвистика

Для цитирования: Сон Сомиа, Семенова А.Л. Когнитивно-лингвистические аспекты глаголов со значением "надевать" в русском и корейском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 186 – 191.

Введение

Есть несколько глаголов, которые можно сгруппировать в понятийное слово «надевать». Эти глаголы, которые называются «глаголами одевания», являются важными словами, часто используемыми в повседневной жизни. В корейском языке в эту категорию попадают такие глаголы, как «ip-ta/입다», «ssu-ta/쓰다», «kki-ta/끼다», «cha-ta/차다», «sin-ta/신다», «twu-lu-ta/두르다», «may-ta/매다» и «kel-ta/걸다». Эти глаголы не были тщательно изучены из-за того, что они легки для понимания, поскольку они являются основными словами [7].

Глаголы одевания в корейском языке классифицируются в соответствии с областью ношения и предметом ношения. Однако, в отличие от этого у русских глаголов «надевать» и «одевать», значение отличается от объекта говорения. Следовательно, состояние ношения и условия ношения передаются с помощью различных производных префиксов, сосредоточенных на одном опорном глаголе [3].

Между тем, можно сказать, что это объективный подход, поскольку большинство предшествующих исследований глаголов одевания рассматривались в Сравнительно-сопоставительном академическом подходе. Однако углубленного обсуждения каждого отдельного слова несколько не хватало. В частности, поскольку он слишком сильно зависит от толкования словарного значения, он не является полным как конкретное обсуждение исходного значения. Глядя на исследования на данный момент, такие исследователи как Пак Соль Гё (2011), Ван Мун Рё (2017), Пэн Янг Янг (2019), Су Пэ Соне Вин (2020) и т. д. уже рассматривали это явление.

Поскольку глагол одеваться тесно связан с человеческой жизнью, его значение постоянно расширялось по сравнению с его первоначальным значением. Следовательно, через процесс понимания настоящего значения и вывода исходного значения можно будет понять процесс изменения значения языка. Кроме того, сравнительно-сопоставительный лингвистический подход к основным словам не только выявит корень одного языка, но и позволит более объективно понять его посредством сопоставления с другим языком. Мы рассмотрим исходное значение корейского и русского глагола одевания «sin-ta» 신다 с помощью когнитивно-лингвистического подхода. А анализируя его исходное значение как аспект сравнительно-историческое языковое знание, мы сравним, как корейцы и русскоязычные воспринимают концепт «sin-ta» 신다.

Исследование первоначального значения слова «sin-ta» на корейском языке

Исходное значение глагола одевания в основном используется как семантическое качество, различая носимую часть и носимый предмет. «sin-ta» представляет собой глагол со значением «одевать» на корейском языке. Согласно словарю, подробно рассматривается первоначальное значение и использование корейского глагола «sin-ta» [4].

Таблица 1

Словарь Значение и использование слова «sin-ta» в корейском языке	
Значение	Надеть на ноги туфли, посон*, носки и т.п.
вариант использования	(1) sin-ul sin-ta. 신을 신다. (2) yang-mal-ul sin-ta. 양말을 신다. (3) wun-tong-hwa-lul sin-ta. 운동화를 신다. (4) pal-mok-i si-lye twu-kke-wun pe-sen-ul sin-ess-ta. 발목이 시려 두꺼운 버선을 신었다.

Значение «sin-ta», представленное в толковом словаре Корейского национального университета (1999) представлено в табл. 1 [14]. Глядя на примеры использования в словаре, используйте обувь или существительные, близкие к обуви, в качестве объекта «sin-ta», и используйте существительные, обозначающие ноги или близкие к ногам слова, в качестве наречий, указывающих на местоположение. И можно сказать, что это глагол со значением, подобным «носить» или «пришить что-нибудь на ногу». Форма одежды, способ ношения которой немного отличается от приведенного выше примера, также может сочетаться с «sin-ta», например, «su-tha-khing/스타킹» (чулки) [5].

*pe-sen/버선: Корейские традиционные носки, надеваемые вместе с национальным корейским костюмом ханбок.

Есть много типов чулок, но чулки, которые носят только на нижней части тела, сочетаются с «sin-ta», а не с «ip-ta» глаголом, который подразумевает ношение одежды на верхней части тела. Это не означает, что слово «sin-ta» расширило свое значение до такой степени, что его можно использовать даже как одежду типа штанов. Это потому, что «su-tha-khing» распознаются только как «yang-mal» (носки). [1] Вот определение чулок.

su-tha-khing 1: Женские носки с длинной горловиной. Он сделан из нейлона, поэтому он тонкий и эластичный.

su-tha-khing 2: Длинные и толстые носки. У него нет дна, он предназначен для охвата подошв ног и носится во время игры в бейсбол, футбол или альпинизма.

Если мы посмотрим на определение чулок, мы увидим, что значение чулок больше подходит для «sin-ta», чем «ip-ta». Мы можем сравнить леггинсы, которые похожи, но без ступней, с чулками.

Леггинсы: облегающие брюки, эластичные и теплые [14].

Они бывают разной длины, а длинные бывают в виде доходящих до щиколотки и в виде петли, которую надевают на ногу. Из приведенного выше определения леггинсов видно, что леггинсы признаются типом брюк. Даже если есть леггинсы, которые надеваются через ноги, если они являются леггинсами, они признаются брюками. Если способ ношения похож или одинаков, мы понимаем, что он имеет совершенно разные свойства в зависимости от названия, которое его определяет.

Глядя на приведенное выше обсуждение, мы склонны думать, что понятие «sin-ta» означает «пришить что-нибудь на ногу» как существенное. Тем не менее, «sin-ta» также может соответствовать следующему примеру.

(1) su-khi-pwu-chu-lul men-ce sin-ko su-khi-lul sin-e-ya han-ta - сначала надеть лыжные ботинки и прикрепить лыжи к лыжным ботинкам. [스키부츠를 먼저 신고 스키를 신어야 한다.]

Лыжные ботинки отделены от лыж по форме. И мы прикрепляем лыжи и лыжные ботинки, а не так, как носим лыжные ботинки. Здесь мы видим, что не в понятии «kkwey-ta/꺾다», а в способе прикрепления также используется глагол «sin-ta». Это указывает на то, что «sin-ta» имеет значение «прикрепляться к ноге», а не означает быть надетым на ногу [8].

Основываясь на этом исследовании, мы видим, что «надевать» – это глагол, указывающий на то, что он прикреплен к стопе. Однако, чтобы прикрепиться к ступне из-за структурных особенностей органа тела, называемого ступней, необходимо было что-то привязать к ступне и продеть в нее нитку. Следовательно,

«сшивание» и «прикрепление» можно рассматривать как одно и то же. И правильно было бы рассматривать значение как расширяющееся от чего-то, пришитого к ноге, к чему-то прикрепленному к ноге [9].

Однако русские глаголы одевания не различаются по виду предмета, как в корейском языке. Можно сказать, что взаимосвязь между носимым предметом и изнашиваемым предметом важнее, чем такие факторы. Таким образом, можно признать, что значение ношения выражается сочетанием с приставкой, указывающей на положение с русским «-де-» в качестве основы.

Исследование прообраза значения русского слова «деть»

Русское слово «деть» – это глагол со значением «положить» на корейском языке, и оно используется в различных значениях посредством образования префикса. Префиксы придают значения, такие как состояние или направление, исходному значению глаголов, чтобы сделать их конкретными и использовать их по-разному. Вот пример, когда русское «деть» используется в качестве одевающего глагола, изменяя его форму через префикс [11].

Таблица 2

Состав русских глаголов одевания

Приставка	Корень	Суффикс	Использование глаголов одевания
в-	-де-	-ть	Вдеть
на-	-де-	-ть	Надеть
о-	-де-	-ть	Одеть

Предлоги в русском языке обозначают отношения между двумя предметами или действием. Для начала рассмотрим значение каждой приставки через предлоги, составляющие основу русских приставок. Давайте рассмотрим каждую приставку через предлоги «в», «на» и «о», которые специально используются по отношению к предмету ношения [10].

(2) Ручка в сумке. – pol-pheyn-i ka-pang an-ey iss-ta. [볼펜이 가방 안에 있다.]

(3) Бабушка в парке. – hal-me-ni-kkey-se-nun kong-wen-ey kyey-si-ta. [할머니께서는 공원에 계시다.]

(4) Я иду в школу в среду. – se-nun swu-yo-il-ey hak-kyo-ey kap-ni-ta. [저는 수요일에 학교에 갑니다.]

Глядя на приведенные выше примеры, можно увидеть, что предлог «в» в основном имеет значение указания места, места и времени. Семантически можно увидеть, что оно играет аналогичную роль корейской частицы «-е (-ey-se)» -에(-에서).

(5) на улице – ke-li wi-ey [거리 위에]

(6) на книге – chayk wi-ey [책 위에]

(7) На руках у него перчатки. – ku-ka son-ey sang-kap-ul kki-ko iss-ta. [그가 손에 장갑을 끼고 있다.]

Приставка «на» имеет различные значения, такие как время, размер, цель и местоположение. Поскольку «на» является абстрактным только со словарным определением, трудно объяснить его точное значение и функцию. В частности, если глагол использует предлог «на» для образования ряда фраз, значение часто оказывается неточным. Среди различных значений «на» исследуется только пространственное значение, связанное с местом, которое должно использоваться для одевания глагола. Приставка «на» имеет значение «над», как в примерах (4) и (5) позиционно. А (6) означает «рука в перчатке», и видно, что «на» используется для обозначения «в» [10].

(8) опереться о забор. – wul-tha-li-ey ki-tay-ta. [울타리에 기대다.]

(9) удариться головой о книгу. – thak-ca-ey me-li-lul pwu-tic-hi-ta. [탁자에 머리를 부딪히다.]

(10) Я говорю о путешествиях. – na-nun chayk-ey tay-hay i-ya-ki-ha-ta. [나는 책에 대해 이야기하다.]

Предлог «о» в основном используется для обозначения положения или цели. В примерах (7) и (8) предлог «о» используется в значении «находящийся в непосредственном контакте с пространством» или «прилегающий к пространству». А в примере (9) оно имеет значение «около» в абстрактном значении. Это означает, что предлог «о» охватывает все, что связано [13].

Основываясь на приведенных выше предлогах, мы можем легче понять производные префиксы. Поскольку префиксы расширяют и уточняют значение глаголов, мы сосредоточимся на значении производных префиксов, чтобы понять когнитивно-лингвистическое значение одевания глаголов.

Вдеть, надеть и одеть – это глаголы, которые всесторонне используются для обозначения более широкой концепции ношения, а также значений, связанных с ногами, такими как обувь и носки. Кроме того, есть глаголы, имеющие диахроническое значение, подобное корейскому слову «sin-ta». Однако мы хотим включить глаголы с разными формами, чтобы выявить значение «носить» по русской форме.

Приставка «в-» означает переместить что-то внутрь или поместить что-то внутрь. Рассмотрим исходное значение глагола одевания, исходя из значения предлога «в» и приставки «в-» [12].

(11) Он вдел ноги в сапоги. – ku-nun rwu-chu-ey pal-ul neh-ess-ta. [그는 부츠에 발을 넣었다.]

В примере (11) мы можем интерпретировать это так, что нога движется внутрь ботинка, а тело находится внутри ботинка.

Приставка «на-» имеет функцию подчеркивания действия, связанного с глаголом, а также может указывать на начальную точку действия. Он также указывает на пространственное расположение действия, связанного с глаголом [6]. При этом обычно указывается верхняя часть предмета, но может быть указана и внутренняя в зависимости от ситуативной интерпретации.

(12) Сегодня она надела туфли. – o-nul ku-nye-nun sin-pal-ul sin-ess-ta. [오늘 그녀는 신발을 신었다.]

В примере (12) мы можем интерпретировать «надеть» как действие, прикрывающее или закрывающее ноги какой-либо обувью. Другими словами, это означает, что носимый предмет накрывается на ноги. «надеть» – самый представительный глагол для одевания в русском языке и имеет все значения «ip-ta», «sin-ta» и «ssu-ta» в корейском языке. И именно русский язык наиболее близок к первоначальному значению корейского слова «sin-ta».

Наконец, можно видеть, что префикс «о-» используется для движений, которые распространяются на всю поверхность объекта или охватывают ее. Другими словами, оно часто используется в значении «надевать обувь на другого человека», а не «sin-ta» в значении покрытия носимого предмета обувью или обеспечения действия [2].

(13) Я одену мальчика в носки. – na-nun nam-ca-a-i-ey-key yang-mal-ul sin-kyess-ta. [나는 남자아이에게 양말을 신겼다.]

Как указывалось выше, русский язык не различает глаголы в зависимости от расположения предмета на теле носящего. Скорее, стоит отметить, что в зависимости от объекта, по отношению к которому используется элемент одежды, выбирается подходящий префикс.

Выводы

В этой статье мы обнаружили, что понятие «sin-ta» в восприятии корейцев ближе к значению «прикрепленный к ноге», а не к общепринятому «пришить что-нибудь на ногу». том смысле, что ношение «пришить что-нибудь на ногу» является лишь необходимым условием «прикрепления к ноге», но не обязательным условием, понятие «sin-ta» имеет более широкое исходное значение, чем общее понимание. Состояние, при котором субъект прикрепляется к стопе, должно включать подошву и не может быть включено в понятие «sin-ta», если оно прикрепляется только к боковой поверхности, пятке или передней части стопы, за исключением подошвы.

Понятие «sin-ta» в корейском языке полностью зависит от части тела, называемой стопой. В русском языке применяется разное понятие ношения в зависимости от способа ношения или состояния ношения предмета, а не части тела. Значение корейского глагола «sin-ta» обуславливает ношение предмета одежды, который оборачивается вокруг стопы, либо в значении помещения стопы в обувь. Кроме того, известно и распознавание значения постановки стопы по отношению к предмету одежды.

Сравнивая первоначальное значение глагола «надевать» в двух языках, можно обнаружить общее в том, что понятие носить относится к значению «пришить(прикрепить) что-нибудь к ноге», но различия можно найти в детализированной форме ношения. Это различие возникает из-за различного понимания в соответствии с базовой концепцией элементов одежды, которая появляется в двух разных языках, а не в том случае, когда один носимый предмет зависит от объекта ношения.

В корейском языке «sin-ta» – это акт ношения элемента одежды на определенной части тела, требующий предмет в качестве объекта. Он также используется, когда форма глагола развилась, и действующее лицо заставляет слушателя носить предмет одежды. Однако, поскольку в русском языке основное внимание уделяется способу ношения или состоянию поведения при ношении, в зависимости от типа состояния ношения и типа поведения при ношении используются разные глаголы одевания. И видно, что значение глагола также выражается с помощью префикса.

Результат акта «sin-ta» в корейском и русском языках одинаков, но часть распознавания акта различна, поэтому можно увидеть, что использование глагола одевания также показывает разные аспекты между

двумя языками. В результате можно увидеть, что «sin-ta», используемое в корейском языке, является глаголом, который сосредоточен на носимом предмете, необходимом для носимой части. С другой стороны, можно видеть, что русское слово «надевать» не имеет отношения к части тела, на котором носиться предмет, а является глаголом, образованным по началу, продолжительности и способу ношения.

Сравнение приведенных выше аспектов корейского и русского языков было проведено крайне осторожно, поскольку эти два языка принадлежат к разным языковым группам. В корейском языке падежи выражаются без словоизменения, путем использования адлогов. В индоевропейских языках понятие «josa» (послелог) в его корейском смысле незнакомо, но, сравнив послелоги корейского языка с предлогами, мы смогли понять общие различия языков в данном аспекте. Хотя более конкретное сравнение между классификацией послелогов в корейском языке и классификацией предлогов в русском языке в данном исследовании не проводилось, предполагается, что функциональные характеристики адлога доступны для понимания. В данной работе не было исследований с исторической точки зрения, что мы и оставляем для тем будущих работ.

Литература

1. Ким Су Мин. Семантические контрастивные учения глаголов одевания корейского и японского языков. Концентрация на глаголах «одевать, надевать» / Национальный университет Пукёнг, 2010. С. 10 – 24.
2. Ким И Чхон. Контролируемое исследование значения спряжения глаголов ношения. Немецкий язык и литература. Корейское общество немецкого языка и литературы, 2006. Т. 31. С. 49 – 72.
3. Ким Джун Ги. Изучение значений глаголов одевания, обучение корейскому языку / Исследовательская ассоциация обучения корейскому языку, 2003. С. 193 – 223.
4. Пак Соль Гё. Исследование методов обучения корейским глаголам одевания для изучающих китайский язык. Магистерская диссертация Высшей школы Университета Седжон, 2011. С. 12 – 37.
5. Ван Мун Рё. Сравнительное исследование корейских и китайских глаголов ношения / Высшая школа Университета Конкук, 2018. С. 13 – 20.
6. Чхон Ши Квон. Структурная система лексики телесной привязанности. Исследование обучения корейскому языку 15 / Ассоциация обучения корейскому языку, 1983. С. 1 – 12.
7. Чхве Юн, Войцех Любинский. Когнитивное лингвистическое исследование глаголов ношения в корейском и польском языке – с акцентом на контрасте между «sinda» и «W-, Na-, Za+ łożyc»/ Научно-исследовательский институт корейского языка и литературы, Журнал языка и литературы 29, Национальный университет Чоннам, Исследовательский институт корейского языка и литературы, 2016 г. С. 43 – 66.
8. Пэн Янг Янг. Сравнительное исследование глаголов ношения в корейском и китайском языках / Высшая школа Сеульского университета, 2018. С. 23 – 39.
9. Су Пэ Соне Вин. Исследование по сравнению глаголов одевания в корейском и бирманском языках – носить, надевать, одевать. Обучение корейскому языку как иностранному / Институт языковых исследований и образования Университета Ёнсе, Институт корейского языка, 2020. Т. 59. С. 513 – 537.
10. Арбузова И.И. Основные русские пространственные предлоги и приставки: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. 71 с.
11. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. Москва, 1994.
12. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога: синонимия и антонимия предложных единиц // Вестник МГУ. Серия 9: «Филология». М.: Изд-во МГУ, 2006. № 2. С. 18 – 37.
13. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. Ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус.яз., 2001. 640 с.
14. Толковый словарь Национального института корейского языка 표준국어대사전 [Электронный ресурс]. <https://stdict.korean.go.kr/search/searchResult.do> (дата обращения: 28.03.2023)

References

1. Kim Su Min. Semanticheskie kontrastivnye uchenija glagolov odevanija korejskogo i japonskogo jazykov. Koncentracija na glagolah «odevat', nadevat'». Nacional'nyj universitet Pukjong, 2010. S. 10 – 24.
2. Kim I Chhon. Kontroliruemoe issledovanie znachenija sprjazhenija glagolov noshenija. Nemeckij jazyk i literatura. Korejskoe obshhestvo nemeckogo jazyka i literatury, 2006. T. 31. S. 49 – 72.
3. Kim Dzhun Gi. Izuchenie znachenij glagolov odevanija, obuchenie korejskomu jazyku. Issledovatel'skaja asociacija obuchenija korejskomu jazyku, 2003. S. 193 – 223.
4. Pak Sol' Gjo. Issledovanie metodov obuchenija korejskim glagolam odevanija dlja izuchajushhij kitajskij jazyk. Magisterskaja dissertacija Vysshej shkoly Universiteta Sedzhon, 2011. S. 12 – 37.

5. Van Mun Rjo. Sravnitel'noe issledovanie korejskih i kitajskih glagolov noshenija. Vysshaja shkola Universiteta Konkuk, 2018. S. 13 – 20.
6. Chhon Shi Kvon. Strukturnaja sistema leksiki telesnoj privjazannosti. Issledovanie obuchenija korejskomu jazyku 15. Asociacija obuchenija korejskomu jazyku, 1983. S. 1 – 12.
7. Chhve Jun, Vojceh Ljubinskij. Kognitivnoe lingvisticheskoe issledovanie glagolov noshenija v korejskom i pol'skom jazyke – s akcentom na kontraste mezhdu «sinda» i «W-, Na-, Za-+ łożyć». Nauchno-issledovatel'skij institut korejskogo jazyka i literatury, Zhurnal jazyka i literatury 29, Nacional'nyj universitet Chonnam, Issledovatel'skij institut korejskogo jazyka i literatury, 2016 g. S. 43 – 66.
8. Pjen Jang Jang. Sravnitel'noe issledovanie glagolov noshenija v korejskom i kitajskom jazykah. Vysshaja shkola Seul'skogo universiteta, 2018. S. 23 – 39.
9. Su Pje Sone Vin. Issledovanie po sravneniju glagolov odevanija v korejskom i birmanskom jazykah – nosit', nadevat', odevat'. Obuchenie korejskomu jazyku kak inostrannomu. Institut jazykovyh issledovanij i obrazovanija Universiteta Jonse, Institut korejskogo jazyka, 2020. T. 59. S. 513 – 537.
10. Arbuzova I.I. Osnovnye russkie prostranstvennye predlogi i pristavki: uchebnoe posobie dlja inostrannyh uchashhihsja. SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2013. 71 s.
11. Bel'chikov Ju.A., Panjusheva M.S. Slovar' paronimov sovremennogo russkogo jazyka. Moskva, 1994.
12. Vinogradova E.H., Chekalina B.L. K voprosu o grammatike russkogo predloga: Sinonimija i antonimija predložnyh edinic. Vestnik MGU. Serija 9: «Filologija». M.: Izd-vo MGU, 2006. № 2. S. 18 – 37.
13. Vinogradov V.V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe učenje o slove). Pod. Red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. M.: Rus.jaz., 2001. 640 s.
14. Tolkovyj slovar' Nacional'nogo instituta korejskogo jazyka 표준국어대사전 [Jelektronnyj resurs]. <https://stdict.korean.go.kr/search/searchResult.do> (data obrashhenija: 28.03.2023)

*Son Somia, Assistant Professor,
Semenova A.L., Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Cognitive-linguistic aspects of verbs with meaning "to put on" in the Russian and Korean language

Abstract: this research studied the original meaning of the dressing verb 'to wear ' in Korean and Russian languages through a cognitive linguistic approach. We analyzed the original meaning from a contrasting linguistic point of view and contrasted how each language recognizes the concept of 'to put on (clothes)'.

As a result of the study, it was found that the dressing verb in Korean is determined according to the wearer's target and the wearing part of body, and various dressing verbs are used in the Russian language according to the wearer's wearing behavior. It was found that in Korean, the concept of 'to put on (clothes)' has the meaning of 'put on the body' as well as 'stitch on the body' by the wearer. Also, it was found that the Russian word 'to put on (clothes)' has the meaning of 'to put on or wrap around the body'. The revealed fact of this research is that the verb was formed according to the start, continuity, and method of the act of wearing regardless of the wearing part and the wearing target or person.

Keywords: comparative linguistics, linguistic typology, cognitive linguistics, Korean language, Russian language, comparison of dressing verbs, put on, contrastive linguistics

For citation: Son Somia, Semenova A.L. Cognitive-linguistic aspects of verbs with meaning "to put on" in Russian and Korean language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 186 – 191.

**Туфанова Ю.В., кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет**

«Человек соглашающийся» как особый тип коммуникативной личности

Аннотация: в статье представлены результаты научной работы, посвящённой изучению коммуникативной личности «человека соглашающегося», актуализирующейся в ситуации межличностного взаимодействия. Исследование проведено в рамках коммуникативно-прагматического подхода с применением комплекса теоретических и эмпирических методов, в частности, была использована методика наблюдения и интерпретации, компонентного и функционально-семантического анализа, методика теоретического моделирования. Коммуникативная ситуация согласия всегда являлась неотъемлемой частью многих аспектов человеческой жизни. Однако в настоящее время наблюдается усиление роли рассматриваемой ситуации в повседневном коммуникативном взаимодействии, что определяет возросший интерес учёных к феномену согласия. Целью данного исследования являлось выявление дифференциальных признаков коммуникативной личности «человека соглашающегося» в их языковой репрезентации. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: 1. систематизированы результаты эмпирических исследований в рамках тематики данной работы; 2. уточнён аппарат необходимых научных понятий исследования; 3. проанализированы основные характеристики коммуникативного поведения «человека соглашающегося»; 4. выявлена систематика вербальных средств репрезентации коммуникативного поведения «человека соглашающегося»; 5. рассмотрены отличительные особенности коммуникативной личности «человека соглашающегося». Полученные результаты могут быть использованы в качестве теоретической базы и иллюстративного материала на занятиях по общему языкознанию, теории и практике коммуникации, при составлении учебных пособий по русскому языку, а также при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: коммуникативная личность, ситуация согласия, «человек соглашающийся», вербальные средства, коммуникативное поведение

Для цитирования: Туфанова Ю.В. «Человек соглашающийся» как особый тип коммуникативной личности // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 192 – 197.

В современной лингвистической науке исследования, базирующиеся на формальных критериях, сменили научные работы, учитывающие человека как личность. «Самое человеческое, что есть в человеке» – это речь» [1, с. 279]. Научные исследования «Homo loquens» – человека говорящего [1, с. 12] способствуют более точному пониманию сути процесса межличностной коммуникации. Изучение условий и принципов осуществления коммуникативного взаимодействия является одной из приоритетных исследовательских задач современного языкознания.

Коммуникативная ситуация согласия всегда являлась важной частью человеческого общения. В современных условиях «политического, социального, культурного, межличностного, коммуникативного диссонанса» [2, с. 104], усиливается роль ситуации согласия в повседневном коммуникативном взаимодействии. Возникает необходимость её всестороннего изучения, поскольку коммуникативное согласие способствует поддержанию бесконфликтных отношений между собеседниками. Однако, несмотря на интерес исследователей к феномену согласия (Алифанова О.Г., Норман Б.Ю., Полякова Т.В., Felemban F.H., Reich W. и др.), некоторые аспекты данной коммуникативной ситуации до сих пор остаются малоизученными. В частности, до настоящего момента не проводилось комплексных лингвистических исследований, посвящённых изучению особенностей коммуникативного поведения человека как личности в ситуации согласия.

Таким образом, *актуальность* выбранной темы обусловлена общей тенденцией современной лингвистики к изучению проблем коммуникативного поведения человека; значимостью согласия в ситуациях межличностной коммуникации; недостаточной изученностью проблем коммуникативного взаимодействия собеседников в ситуации согласия. *Объектом* научного исследования является коммуникативная личность «человека соглашающегося». *Предметом* исследования являются прагматические особенности вербальных средств репрезентации коммуникативного поведения личности «человека соглашающегося».

Целью данной работы является выявление дифференциальных признаков коммуникативной личности «человека соглашающегося» в их языковой репрезентации. Для достижения поставленной цели используется комплекс теоретических и эмпирических *методов* исследования (методика наблюдения и интерпретации, компонентного и функционально-семантического анализа, методика теоретического моделирования).

Научная новизна данного исследования заключается в системном научном рассмотрении коммуникативной личности «человека соглашающегося»; в осуществлении комплексного анализа прагматических

особенностей средств репрезентации коммуникативного поведения личности «человека соглашающегося»; в разработке общей теоретической коммуникативной модели личности «человека соглашающегося»; в уточнении научного представления о коммуникативной ситуации согласия в целом.

Материалом исследования послужили тексты художественной литературы русскоязычных авторов XX – XXI веков. Исследовательский корпус составил около 1000 примеров диалогической речи.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что она вносит определенный вклад в разрешение проблем современной лингвистики. Выявление дифференциальных признаков коммуникативной личности человека «соглашающегося» в их языковой репрезентации позволяет расширить научные представления о специфике взаимодействия коммуникантов в ситуации согласия. *Основная теоретическая проблема*, решаемая в работе, заключается в выявлении особенностей коммуникативного поведения личности в исследуемой ситуации.

Понятие личности – это очень широкое и неоднозначное понятие. Философия определяет личность как инвариант опыта, субъективное осознание себя, отличное от других наблюдаемых объектов. В социологической науке личность является постепенно пополняющейся сущностью, которая есть целостность всех аспектов её поведения [11, с. 582]. В психологии принято рассматривать развитие личности человека в окружающей его социальной среде, которая способствует формированию определённых качеств личности, обусловленных этой средой. С течением времени склонность к определённому типу коммуникативного поведения становится неотъемлемой частью личности человека. В частности, таковой может стать склонность к согласию в ситуациях межличностного взаимодействия. Таким образом, каждая личность обладает особым индивидуальным стилем коммуникативного поведения, который является отражением его внутренних психических характеристик. В. В. Красных полагает, что личность – «реактивная система во всем многообразии ее проявлений, <...>, инвариантная совокупность опыта, как индивидуального, так и социального», она обладает неизменной сущностью, однако, развиваясь, может претерпевать и некоторые изменения [6, с. 41-42].

Согласно Ю.Н. Караулову, человек говорящий – это языковая личность, которая структурно состоит из трёх уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического [5, с. 3]. Эти уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены, каждый из них может отражать тот или иной аспект личности человека. Так, существуют разнообразные вербальные способы выражения согласия в современном русском языке. Они, по мнению Б. Ю. Нормана «не просто многочисленны: они стилистически разнообразны и ярко характеризуют языковую личность» [7, с. 311]. Однако, в данном исследовании представляется более уместным использовать термин «коммуникативная личность», поскольку мы рассматриваем коммуникативную ситуацию согласия с прагматической точки зрения, именно в процессе её функционирования здесь и сейчас. Стоит отметить, что согласие может являться характерной доминантой не только для коммуникативной ситуации, но и для конкретной коммуникативной личности. Под коммуникативной личностью, вслед за В. В. Красных, мы понимаем «конкретного участника конкретного коммуникативного акта, реально действующего в реальной коммуникации» [6, с. 50].

Коммуникативная личность, в том числе личность «человека соглашающегося», в полной мере проявляет себя в ситуациях межличностного общения. Под типом коммуникативной личности понимается некий абстрактный конструкт, смоделированный в результате анализа коммуникативного поведения человека. Модельная личность является типичным представителем определенной социальной группы, выделяемой по специфическим особенностям её вербального и невербального поведения, а также ценностным ориентациям. Моделью коммуникативной личности является прототипный образ, границы которого весьма вариативны [12, с. 24-26].

На наш взгляд, существует особый коммуникативный типаж личности – личность «человека соглашающегося», которая представляет собой сложное многоаспектное образование. Поскольку коммуникативное поведение человека является отражением его психических характеристик, то на основе анализа выбора человеком того или иного варианта коммуникативного поведения возможно охарактеризовать особенности коммуникативной личности «человека соглашающегося».

Обращаясь к изучению личности «человека соглашающегося», необходимо обозначить суть понятия «согласие». Проведенный анализ словарных дефиниций показывает, что «согласие» в русском языке имеет несколько значений. Так, согласно С. И. Ожегову, согласие – это: 1. «Разрешение, утвердительный ответ на просьбу»; 2. «Единомыслие, общность точки зрения»; 3. «Дружественные отношения, единодушные» [8, с. 729]. Инвариантное значение согласия, характерное для всех единиц этого функционально-семантического поля, возможно определить «как признание чего-либо хорошим, правильным, как подтверждение своего единомыслия, общей точки зрения с кем-либо или чем-либо, то есть согласием является речевое поведение, направленное на принятие, поддержку или одобрение чего-либо» [10, с. 76].

Коммуникативная ситуация согласия возникает в диалоге, в котором адресат («человек соглашающийся») утвердительно реагирует на реплику адресанта. В диалоге «человек вступает с себе подобным в некое отношение, и в этом акте совместно принимает участие все компоненты его психологии и его общественной природы, какие только могут найти выражение в данной ситуации» [1, с. 225]. С точки зрения поведения в межличностной коммуникации «человека соглашающегося» можно определить как «недоминантного собеседника» [3, с. 97], который демонстрирует доброжелательное отношение к партнеру по общению, подстраивается под него, старается сохранять положительную тональность общения. В ситуации реального или потенциального конфликта «человек соглашающийся» готов отказаться от своих целей общения, так как склонен к компромиссу и сотрудничеству (кооперации), для него очень важны правила вежливости и психологический комфорт в целом. Исследуемый коммуникативный типаж возможно охарактеризовать как кооперативный, поскольку поведение «человека соглашающегося» отличается приоритетной установкой на собеседника и стремлением к сохранению коммуникативного равновесия. Иначе говоря, коммуникативно-прагматические установки человека оказывают свое влияние на его готовность к согласию.

Использование речевых формул согласия способствует снижению категоричности всего высказывания. Стремление к некатегоричности, смягчению высказываний обычно считается характерным для китайского, японского, английского и некоторых других национальных характеров. При этом, существуют исследования, отмечающие наличие подобных характеристик и в русскоязычном межличностном общении. В традиционной русской лингвокультуре присутствуют такие черты, как сочувствие, сострадание, терпение, стремление к взаимопониманию, взвешенное отношение к слову [12, с. 22-23]. Исходя из этого, следует отметить, что коммуникативная личность русского «человека соглашающегося» может обладать мягкостью и некатегоричностью, наличием эмпатии как готовности «принять точку зрения и эмоциональный мир говорящего», выражающейся в умении сопереживать и сочувствовать [7, с. 306].

Считается, что «первой реакцией на коммуникативное поведение адресанта является эмоция» [16, р. 94]. По В.И. Шаховскому, эмоция – это ядро языковой личности. Эмоции опосредуются языком и проявляются в конкретных языковых единицах [14]. Иначе говоря, эмоциональная сфера психики в той или иной степени трансформирует вербализацию интенций человека. Возникновение коммуникативной ситуации согласия определяется, в том числе, особым эмоциональным состоянием «человека соглашающегося». Кроме того, то насколько склонен человек к согласию, определяется набором его индивидуальных психических качеств. Существуют люди, которые чаще других соглашаются. Они, как правило, заинтересованы в сохранении хороших взаимоотношений с собеседником. Б.Ю. Норман считает, что согласие выполняет «зонтичную» функцию, выступает «как доминирующая психологическая установка, определяющая общий настрой говорящего, тональность его общения» [7, с. 306].

Корпус проанализированных примеров диалогической речи позволил отнести личность «человека соглашающегося» к типу «интровертов» [15]. Психическая энергия такого человека направлена преимущественно на явления его внутреннего мира, он склонен к рефлексии. Он не стремится изменить окружающий мир, скорее подстраивается под него. «Человек соглашающийся» самодостаточен, застенчив, часто стремится к уединению, в стрессовых ситуациях бывает нерешителен.

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что коммуникативное поведение «человека соглашающегося» зависит от психических характеристик его личности, с одной стороны, а также от коммуникативно-прагматических намерений – с другой. Вместе эти факторы влияют на его выбор определённых вербальных средств выражения согласия, принадлежащих к различным уровням современного русского языка.

Наше исследование подтверждает мнение Т.В. Поляковой о том, что «согласие бывает полным или частичным; расширенным в зависимости от новизны повторяемой информации; уверенным/неуверенным в зависимости от характера модального слова; ограниченным/неограниченным в зависимости от факторов этого ограничения» [10, с. 79]. Чаще всего для вербального выражения согласия используются повторы, подтверждения, модальные слова и др., как показано в следующих примерах (1) и (2).

(1) Г 1: Ты как моя мама, – сказал Ясик. – Она тоже уверяет: «Мой сын идеальный!»

Г 2: Так и есть, – согласилась Анджела [13, с. 14].

В примере (1) диалог происходит между двумя молодыми людьми в неофициальной обстановке. Рассматриваемая ситуация характеризуется примерно равными (симметричными) статусными-ролевыми характеристиками коммуникантов. В ответ на реплику первого говорящего (Г1) второй говорящий (Г2) выражает согласие, используя распространённую формулу подтверждения (*Так и есть*), что придаёт ситуации общения кооперативный характер. Применение подтверждения косвенно свидетельствует о желании второго говорящего (Г2 – «человека соглашающегося») сохранить психологический комфорт и положительную тональность общения.

(2) Морковин с хозяином кабинета переглянулись.

Г 1: Ты вывеску на нашей конторе видел? – спросил хозяин. – «Институт пчеловодства»?

Г 2: Видел, – сказал Татарский [9, с. 220].

Во втором примере (2) разговор происходит между двумя мужчинами в неофициальной обстановке. Первый говорящий (Г1) задаёт вопрос (*Ты вывеску на нашей конторе видел?*). Использование ты-формы обращения объясняется неофициальностью обстановки общения и равными статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов, а также конфликтным намерением первого говорящего. Однако коммуникативное поведение второго говорящего (Г2) является кооперативным – он подстраивается под собеседника, выражает согласие имплицитным способом, используя повтор (*Видел*), что приводит к сохранению коммуникативного равновесия и ситуация из потенциально конфликтной перерастает в кооперативную.

Итак, дифференциальными признаками коммуникативной личности «человека соглашающегося» являются доброжелательность, мягкость, неконфликтность, нерешительность, некатегоричность, скромность, склонность подстраиваться под собеседника, стремление к компромиссу, психологическому комфорту, установка на позитивную тональность общения с приоритетной ориентированностью на собеседника, желание показать свои добрые намерения, стремление следовать нормам и правилам вежливого поведения. Данные признаки проявляются в коммуникативном поведении «человека соглашающегося» и находят своё отражение в выборе им конкретных вербальных средств выражения согласия в современном русском языке.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.
2. Алифанова О.Г. Вариант коммуникативной ситуации согласие как модель успешного коммуникативного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 103 – 109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variant-kommunikativnoy-situatsii-soglasie-kak-model-uspeshnogo-kommunikativnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 28.01.2023)
3. Добрович А.Б. О психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 159 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 221 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 256 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. Норман Б.Ю. Согласие и несогласие в свете теории речевых актов // Коммуникативные исследования. 2020. № 2. С. 300 – 315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-i-nesoglasie-v-svete-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 28.01.2023)
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // РАН. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. Пелевин В.О. Generaton П.М.: Эксмо, 2021. 352 с.
10. Полякова Т. В. Функционально-семантическое поле согласия в коммуникативном аспекте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-semanticheskoe-pole-soglasiya-v-kommunikativnom-aspekte> (дата обращения: 28.01.2023).
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / ред. и пер. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
12. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 38 с.
13. Токарева В. Внутренний голос // Рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2022. 208 с.
14. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 1998. № 2. С. 59 – 65.
15. Юнг К. Г. Психологические типы. М.: Университетская книга, 1998. 720 с.
16. Halperin E., Tagar M. R. Emotions in conflicts: understanding emotional processes sheds light on the nature and potential resolution of intractable conflicts // Current Opinion in Psychology. 2017. Vol. 17. P. 94 – 98.
17. Felemban F. H. Building up Learners' Communicative Competence: the Politeness Principle // Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 46. P. 70 K 76.
18. Reich W. The cooperative nature of communicative acts // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. Issue 5. P. 349 – 365.

References

1. Azhezh K. Chelovek govoryashhij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki: per. s fr. 2-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2006. 304 s.
2. Alifanova O.G. Variant kommunikativnoj situatsii soglasie kak model' uspehnogo kommunikativnogo vzaimodejstvija. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2015. № 10. S. 103 – 109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variant-kommunikativnoy-situatsii-soglasie-kak-model-uspehnogo-kommunikativnogo-vzaimodeystviya> (data obrashhenija: 28.01.2023)
3. Dobrovich A.B. O psihologii i psihogigijene obshhenija. M.: Prosveshhenie, 1987. 159 s.
4. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: GNOZIS, 2004. 221 s.
5. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 1987. 256 s.
6. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhijh»: mif ili real'nost'? M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 375 s.
7. Norman B.Ju. Soglasie i nesoglasie v svete teorii rechevyh aktov. *Kommunikativnye issledovanija*. 2020. № 2. S. 300 – 315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-i-nesoglasie-v-svete-teorii-rechevyh-aktov> (data obrashhenija: 28.01.2023)
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyk. RAN. Institut rus. jaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.
9. Pelevin V.O. *Generaton P.M.: Jeksmo*, 2021. 352 s.
10. Poljakova T. V. Funkcional'no-semanticheskoe pole soglasija v kommunikativnom aspekte. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Filologija i iskusstvovedenie*. 2018. № 1 (212). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-semanticheskoe-pole-soglasija-v-kommunikativnom-aspekte> (data obrashhenija: 28.01.2023).
11. Sepir Je. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii*. red. i per. A.E. Kibrika. M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1993. 656 s.
12. Tahtarova S.S. Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2010. 38 s.
13. Tokareva V. *Vnutrennij golos. Rasskazy*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Atikus, 2022. 208 s.
14. Shahovskij V.I. Jazykovaja lichnost' v jemocional'noj kommunikativnoj situatsii. *Filologicheskie nauki*. 1998. № 2. S. 59 – 65.
15. Jung K. G. *Psihologicheskie tipy*. M.: Universitetskaja kniga, 1998. 720 s.
16. Halperin E., Tagar M. R. Emotions in conflicts: understanding emotional processes sheds light on the nature and potential resolution of intractable conflicts. *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 17. P. 94 – 98.
17. Felemban F. H. Building up Learners' Communicative Competence: the Politeness Principle. *Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 70 K 76.
18. Reich W. The cooperative nature of communicative acts. *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Is-sue 5. P. 349 – 1365.

*Tufanova Yu.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

«Consenting person» as a special type of communicative personality

Abstract: the article presents the results of a scientific work devoted to the study of the communicative personality of a «consenting person», which is actualized in a situation of interpersonal interaction. The study was carried out within the framework of a communicative-pragmatic approach using a complex of theoretical and empirical methods, in particular, the method of observation and interpretation, component and functional-semantic analysis, and the method of theoretical modeling were used. The communicative situation of consent has always been an integral part of many aspects of human life. However, at present, there is an increase in the role of the situation under consideration in everyday communicative interaction, which determines the increased interest of scientists in the phenomenon of consent. The purpose of this study was to identify the differential features of the communicative personality of a «consenting person» in their linguistic representation. To achieve the goal of the study, the following tasks were performed: 1. the results of empirical studies within the scope of this work were systematized; 2. the apparatus of the necessary scientific concepts of research was specified; 3. the main characteristics of the communicative behavior of a «consenting person» were analyzed; 4. the systematization of verbal means of representing the communicative behavior of a «consenting person» was revealed; 5. the distinctive features of the communicative personality of a «consenting person» were considered. The results obtained can be used as a theoretical base and illustrative material in classes on general linguistics, theory and practice of communication, in the preparation of textbooks in the Russian language, as well as in writing term papers and theses.

Keywords: communicative personality, situation of consent, «consenting person», verbal means, communicative behavior

For citation: Tufanova Yu.V. «Consenting person» as a special type of communicative personality. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 192 – 197.

Чжао Мэйцзюань,
Сибирский федеральный университет

Внутриязыковая лакунарность и ее проявление в словообразовательной системе русского языка

Аннотация: в предлагаемой статье анализируется проблема внутриязыковой лакунарности с позиции словообразовательной системы современного русского языка. Внутриязыковым лакунам по сравнению с межъязыковыми свойственна высокая степень латентности, что затрудняет их обнаружение в силу разных причин. Поэтому внутриязыковой тип лакунарности мало изучен в лингвистической науке. Одним из эффективных путей обнаружения внутриязыковых лакун признается изучение устройства словообразовательных единиц, так как явление лакунарности демонстрирует системность русского словообразования. Эта особенность проявляется на уровне устройства всех комплексных единиц словообразования – от словообразовательной пары до лексико-словообразовательного гнезда.

В статье явление внутриязыковой лакунарности демонстрируем при помощи дериватов лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «голова», наполняющих группу слов, образованных по номинативной модели «наименование цвета + голова», и функционирующих в литературной подсистеме русского национального языка. Основная задача проведенного исследования состоит в выявлении лакун на уровне словообразовательных пар, словообразовательных цепей, словообразовательных парадигм и словообразовательных моделей (типов), единицы которых функционируют в одном лексико-словообразовательном гнезде. Под словообразовательной лакуной понимаем ячейки словообразовательной системы, которые оказались незаполненными производными узуальными и потенциальными языковыми единицами.

Ключевые слова: внутриязыковая лакуна, словообразовательная лакуна, лексико-словообразовательное гнездо, словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма, соматические дериваты

Для цитирования: Чжао Мэйцзюань. Внутриязыковая лакунарность и ее проявление в словообразовательной системе русского языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 198 – 202.

Согласно типологии системно-языковой принадлежности языковые лакуны разделяются на межъязыковые и внутриязыковые. Межъязыковые лакуны, незаполненные ячейки, обнаруживаются при сравнении разных языков. Изучение таких лакун способствует выявлению лингвокультурной специфики языка [1, 16], что нашло отражение в теории и практике перевода и лингводидактике [5, 19, 21]. Описанию этого типа лакунарности в лингвистике уделено много внимания [4, 6, 13, 14], выработаны разные классификации межъязыковых лакун, см. об этом в статье [10], чего нельзя сказать о другом типе лакунарности – внутриязыковом.

Внутриязыковые лакуны выявляются в одном языке, когда в нем отсутствует, например, лексема для обозначения какого-либо понятия, при этом для существования такой единицы не наблюдается языковых ограничений. То есть потенциально такая единица могла бы существовать в языковой системе, но она не обнаруживается. Внутриязыковым лакунам по сравнению с межъязыковыми свойственна высокая степень латентности, что затрудняет их обнаружение в силу разных причин. Возможно именно поэтому специальные исследования явления внутриязыковой лакунарности значительно меньше. Внутриязыковые лакуны обнаруживаются на всех уровнях языковой системы – от фонетической до синтаксической. Среди системных лакун Г.В. Быкова предлагает различать лексические и словообразовательные, отмечая, что преобладающее число «белых пятен» в обследованном ею лексемном пространстве приходится на системные (потенциальные) словообразовательные лакуны [3]. Этому типу внутриязыковых лакун посвящено данное исследование, основная цель которого – продемонстрировать явление лакунарности в словообразовательной системе русского языка. Эта системность наглядно проявляется в устройстве лексико-словообразовательного гнезда – одной из основных комплексных единиц словообразования. Ведущие задачи исследования: выявить лакуны в устройстве одного гнезда, функционирующего в одной языковой подсистеме – литературной.

Основным материалом исследования выступили литературные дериваты, наполняющие в лексико-словообразовательном гнезде с вершиной «голова» группу слов, образованных по номинативной модели «наименование цвета + голова». Эмпирический материал был почерпнут из современных словообразовательных словарей А.Н. Тихонова [17], И.А. Ширшова [20], толковых словарей русского языка [2, 15, 18].

В качестве исследовательского метода в работе выступил метод сравнительно-сопоставительного анализа в сочетании с отдельными приемами его структурной и смысловой интерпретации.

Изучения внутриязыковой лакунарности русского языка посвящены единичные работы [4, 7, 10, 11, 12]. В исследовании под словообразовательной лакуной понимаем «те ячейки словообразовательной системы, которые оказались незаполненными производными узуальными и потенциальными» единицами [7, с. 169].

Словообразовательную систему русского языка формируют единицы разного порядка: элементарные – производящие слова и форманты, простые – производные слова, комплексные – словообразовательные типы, словообразовательные категории и словообразовательные гнезда. Устройство словообразовательных гнезд характеризуется сложной иерархической структурой, куда включаются пары, цепочки, парадигмы. Именно гнездо однокоренных слов демонстрирует системное устройство словообразования, т. к., во-первых, в нем взаимодействуют все деривационные единицы, во-вторых, наглядно проявляющееся в гнезде явление лакунарности на уровне разных комплексных единиц, позволяет высветить такие пустоты, которые заполняются (либо потенциально могут быть заполнены) в языке дериватами других гнезд или языковыми единицами иных систем – лексической, фразеологической.

Лексико-словообразовательное гнездо являет собой совокупность упорядоченных однокоренных производных слов, выводимость которых происходит с учетом семантики производящих, наполняющих конкретное гнездо, с учетом установления смысловых связей между производящим и производным словами, которые формируют простейшую комплексную единицу словообразования – словообразовательную пару (далее – СП). Несмотря на то, что СП является простейшей из комплексных единиц дериватологии, эта единица имеет важное значение в системе словообразования, т.к. на уровне СП происходит установление формально-смысловых отношений дериватов – определение словообразовательного значения и способа словообразования производного слова, что способствует точному отнесению производных слов к комплексным единицам более сложного порядка, чем СП.

Анализируя понятие термина «словообразовательная пара», И.В. Евсеева формулирует вопросы: «как связаны между собой два однокорневых слова отношениями словообразовательной мотивации (выводимости), какими формальными свойствами обладает двуместное отношение "быть словообразовательной парой" / "входить в словообразовательную пару" <...> является ли отношение производящего и производного слов в СП симметричным» [9, с. 190], которые, среди прочего, позволили понимать термин СП как «формальную и семантическую соотнесенность двух однокоренных слов, из которых первым компонентом пары считается производящее слово, а вторым – производное; производное слово всегда сложнее своего производящего ровно на один формант. Здесь важным является то, что производящее и производное в СП имеют разные отношения, т.е. могут быть нетранзитивными и транзитивными» [8, с. 81]. Нетранзитивность в СП наблюдаются при выполнении условия: если <а, в> – СП, <в, с> – СП, то <а, с> – СП быть не может, а транзитивность – если <а, в> – СП, <в, с> – СП, то и <а, с> – тоже СП.

В производной соматической лексике русского языка обнаруживаются лакуны на уровне СП. Так, например, в словообразовательном гнезде с вершиной «голова» лакунарность проявляется в устройстве дериватов, образованных по номинативной модели «наименование цвета + голова». Отметим, что согласно Большому толковому словарю русского языка С.А. Кузнецова [2], вокабула *голова* имеет 8 значений, из которых нас интересует только первое – Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела позвоночного животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека (или морды у животного). С опорой на это значение от слова *голова* образованы следующие производные единицы русского литературного языка, в семантике которых сема «цвет головы» является определяющей: *белоголовый, желтоголовый, зеленоголовый, красноголовый, синеголовый, черноголовый, а также русоголовый и пегоголовый* (см. словарь [17, с. 236-237]). Нет в указанном словообразовательном словаре (и современных толковых словарях) образований *сероголовый, оранжевоголовый, голубоголовый, фиолетовоголовый* и многих других потенциально возможных единиц, указывающих на цвет головы. О том, что некоторые из данных единиц являются не просто потенциализмами, а претендуют на вхождение в словарь, говорят общедоступные в интернет-сети контексты: *Оранжевоголовый таракан; Геофагус оранжевоголовый (рыба) в природе обитает в нижнем бассейне реки Тапажос; Голубоголовые губаны – рыбы, которые обитают в небольших стаях на коралловых рифах в Карибском море; Фиолетовоголовый клаус (лат. *Klais guimeti*) – птица семейства колибри, выделяемая в монотипный род Колибри-клаисы*. Однако не будем сейчас рассматривать потенциальные возможности единиц типа *сероголовый, фиолетовоголовый* и под., остановимся на тех словах, которые включены в словари русского литературного языка.

Представленные в словаре прилагательные, восходящие к словосочетаниям, построенным по номинативной модели «наименование цвета + голова», образованы смешанным способом – сложением с нулевой суффиксацией и не имеют формальных ограничений на продолжение процесса словопроизводства. Однако одни из этих слов выступают производящими, демонстрируя развитие процесса словопроизводства в гнезде, другие – нет. Так согласно словарю А.Н. Тихонова [17], от дериватов *белоголовый, зеленоголовый, пего-*

головый и русоголовый в современном русском языке нет производных слов. Остальные же дериваты такие слова образуют: *желтоголовый* – *желтоголовка*, *красноголовый* – *красноголовик*, *красноголовка*, *синеголовый* – *синеголовник*, *черноголовый* – *черноголовка*, *черноголовник*.

Отметим, что не все перечисленные выше слова, включенные А.Н. Тихоновым в словообразовательный словарь, нашли отображение в толковых словарях. Так, толковые словари не фиксируют прилагательные *зеленоголовый*, *красноголовый*, *синеголовый* и *пегоголовый* при реальном функционировании этих единиц в русском языке, что демонстрируют многочисленные контексты, представленные в открытом доступе в сети интернет (*Зеленоголовая танагра – птичка размером 13-14 см и весом 18-20 гр.*; *Красноголовый нырок – нырковая утка средней величины*; *Синеголовый красногузый попугай*; *Иногда, очень редко, встречаются соболи пегие, с белыми отметинами: пегоголовые, пегоногие, пегохвостые*.). Контекстуальное окружение приведенных слов позволяет утверждать, что значение этих производных единиц, равно как и включенных в толковые словари дериватов *белоголовый*, *желтоголовый*, *русоголовый* и *черноголовый*, соответствует семантической модели «имеющий волосы (о человеке) или голову/шерсть на голове (о представителе животного или растительного мира) определенного цвета». От каждой из этих единиц, кроме *пегоголовый*, в русском национальном языке есть производные слова, образованные от исследуемых прилагательных при помощи формантов *-к(а)*, *-ик / -ник* и функционирующие не только в диалектной подсистеме, но и в разных профессиональных сферах, преимущественно биологической и зоологической. Так, в сети были обнаружены слова *белоголовник* и *белоголовка* (*Белоголовник обладает множеством целебных свойств*; *Клевер горный или белоголовка отличается стройностью стебля*.), *зеленоголовник* и *зеленоголовка* (*В Тенг Сайяде обитают такие птицы, как аист, цапля, зеленоголовник и другие*; *зеленоголовка – сорт моркови*), *русоголовик* и *русоголовка* (*А времечко-то летит, махонькие русоголовики наши уж подрастать начали, бегают по мягким сельским травам да по тёплым пыльным дорожкам...*; *Ах ты, милая русоголовка, Упустил я когда-то дни, ...*). Это подтверждает наличие регулярной модели словопроизводства в русском языке, демонстрирующей транзитивные отношения в процессе формально-смысловой зависимости производного и производящих слов. Сравните: дериват *желтоголовка* может мотивироваться как *желтоголовый*, так и сочетанием *желтая голова* (небольшая птица с *желтой головой* из семейства трясогузковых; *желтоголовая трясогузка*), а также *красноголовик* (*красноголовый* гриб и гриб с *красной головой*) и др. дериваты этой же группы.

Таким образом, выше был представлен анализ образованных по номинативной модели «наименование цвета + голова» дериватов, включенных в словарь А.Н. Тихонова [17]. Этот анализ позволил выявить лакуны в литературной языковой подсистеме на уровне словообразовательных пар и, как следствие словообразовательных моделей (типов). Рассмотрение дериватов лексико-словообразовательного гнезда позволяет проследить наличие лакун и на уровне словообразовательной цепи, где может отсутствовать дериват на любой ступени производности (ср.: *красный/голова* – *красноголовый* – *красноголовик* и *пегий/голова* – *пегоголовый* – $\emptyset$) и на уровне словообразовательной парадигмы. Парадигма может быть нулевой и деривационно выраженной. Нулевая парадигма устанавливается по сравнению с деривационно выраженной, которая, в свою очередь, может быть полной или не полной. Например, в гнезде с вершиной «голова» дериваты рассматриваемой группы формируют либо нулевые парадигмы (от дериватов *белоголовый*, *зеленоголовый*, *пегоголовый*, *русоголовый*, согласно словарю А.Н. Тихонова, нет производных, что демонстрирует наличие лакун в гнезде), либо неполные, ср.: *желтоголовый* – *желтоголовка*, $\emptyset$ (нет единицы желтоголовик), $\emptyset$ (нет единицы желтоголовник); *красноголовый* – *красноголовик*, *красноголовка*, $\emptyset$ (нет единицы красноголовник); *синеголовый* – $\emptyset$ (нет единицы синеголовка), $\emptyset$ (нет единицы синеголовник), *синеголовник*; *черноголовый* – *черноголовка*, $\emptyset$ (нет единицы черноголовик), *черноголовник*.

Обращение к деривационному материалу лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «голова», формирующему номинативную модель «наименование цвета + голова», позволило обнаружить лакуны на уровне словообразовательных пар, моделей (типов), цепей и парадигм.

Литература

1. Андреева Я.Е. Лингвокультурные лакуны в художественном тексте и способы их элиминирования: на материале переводов произведений Г.Ш. Яхиной на китайский язык: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2022. 215 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Быкова Г.В. «Белые пятна» русского семантического пространства (к проблеме внутриязыковой лакунарности) // Вестник Амурского государственного университета. 1998. № 3. С. 41 – 45.

4. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / М-во образования Рос. Федерации, Благовещ. гос. пед. ун-т. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 276 с.
5. Габдреева Н.В., Маршева Т.В. Лакуны и перевод // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 2 (90). С. 26 – 35.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Эдиториал URSS, 2006. 288 с.
7. Голев Н.Д., Фаломкина И.П. Словообразовательный тип в аспекте его лексической реализации (к проблеме лакунарности словообразовательной системы русского языка) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 166 – 182.
8. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Кемерово: КемГУ, 2012. 430 с.
9. Евсеева И.В. Комплексные единицы словообразовательной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 188 – 194.
10. Евсеева И.В., Чжао М. Лакуны и их типы в лексико-словообразовательном гнезде // Сибирский филологический форум. 2023. № 1 (22). С. 35 – 49.
11. Ивлиева И.В. Особенности семантики лакун-модификаций. К идее создания словаря лакун (на материале глаголов звучания) // Интерактивная наука. 2020. № 6 (52). С. 57 – 70.
12. Котцова Е.Е. Гипонимы в системе лексических лакун русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 564 – 567.
13. Муравьев В.Л. Лексические лакуны: На материале лексики французского и русского языков. Владимир: Владимир. пед. ин-т, 1975. 97с.
14. Огурцова О.А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. тр. Кубан. ун-та. Вып. 3. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. С. 77 – 83.
15. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.: АН СССР, Институт русского языка, 1948-1965.
16. Стернин И.А. Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления // Языковая семантика и образ мира: тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета, Казань, 07-10 октября 1997 года. Книга 1. Казань: Казанский государственный университет, 1997. С. 62 – 64.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 2. Словообразовательные гнезда. Р-Я. 886 с.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2007. 1175 с.
19. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20. М.: 1995. 355 с.
20. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ 2: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.
21. Юань Л. Проблема классификации лексических лакун в лингвокультурологическом аспекте (на примере китайского и русского языков) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 144 – 147.

References

1. Andreeva Ja.E. Lingvokul'turnye lakuny v hudozhestvennom tekste i sposoby ih jeliminirovaniya: na materiale perevodov proizvedenij G.Sh. Jahinoj na kitajskij jazyk: dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen': FGAOU VO «Tjumenskij gosudarstvennyj universitet», 2022. 215 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998. 1536 s.
3. Bykova G.V. «Belye pjatna» russkogo semanticheskogo prostranstva (k probleme vnutrijazykovoj lakunarnosti). Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 3. S. 41 – 45.
4. Bykova G.V. Lakunarnost' kak kategorija leksicheskoi sistemologii. M-vo obrazovaniya Ros. Federacii, Blagoveshh. gos. ped. un-t. Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2003. 276 s.
5. Gabdreeva N.V., Marsheva T.V. Lakuny i perevod. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva. 2016. № 2 (90). S. 26 – 35.
6. Gak V.G. Sravnitel'naja tipologija francuzskogo i russkogo jazykov. M.: Jeditorial URSS, 2006. 288 s.
7. Golev N.D., Falomkina I.P. Slovoobrazovatel'nyj tip v aspekte ego leksicheskoi realizacii (k probleme lakunarnosti slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka). Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2020. № 2. S. 166 – 182.
8. Evseeva I.V. Kognitivnoe modelirovanie slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka (na materiale kompleksnyh edinic): dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. Kemerovo: KemGU, 2012. 430 s.

9. Evseeva I.V. Kompleksnye edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3 (47). S. 188 – 194.
10. Evseeva I.V., Chzhao M. Lakuny i ih tipy v leksiko-slovoobrazovatel'nom gnezde. Sibirskij filologicheskij forum. 2023. № 1 (22). S. 35 – 49.
11. Ivlieva I.V. Osobennosti semantiki lakun-modifikacij. K idee sozdaniya slovarja lakun (na materiale glagolov zvuchaniya). Interaktivnaya nauka. 2020. № 6 (52). S. 57 – 70.
12. Kotcova E.E. Giponimy v sisteme leksicheskikh lakun russkogo jazyka. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4-2. S. 564 – 567.
13. Murav'ev V.L. Leksicheskie lakuny: Na materiale leksiki francuzskogo i russkogo jazykov. Vladimir: Vladimir. ped. in-t, 1975. 97s.
14. Ogurcova O.A. K probleme lakunarnosti. Funkcional'nye osobennosti lingvisticheskikh edinic: sb. tr. Kuban. un-ta. Vyp. 3. Krasnodar: Izd-vo Kuban. un-ta, 1979. S. 77 – 83.
15. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. pod red. V.I. Chernysheva. M.: AN SSSR, Institut russkogo jazyka, 1948-1965.
16. Sternin I.A. Leksicheskaja lakunarnost' i nacional'naja specifika myshleniya. Jazykovaja semantika i obraz mira: tezisy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 200-letiju Kazan'skogo universiteta, Kazan', 07-10 oktjabrja 1997 goda. Kniga 1. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 1997. S. 62 – 64.
17. Tihonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2-h t. M.: Rus. jaz., 1985. T. 2. Slovoobrazovatel'nye gnezda. R-Ja. 886 s.
18. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov. pod red. N.Ju. Shvedovoj. M.: RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2007. 1175 s.
19. Hajrullin V.I. Lingvokul'turologicheskie i kognitivnye aspekty perevoda: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.20. M.: 1995. 355 s.
20. Shirshov I.A. Tolkovyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: Kompleksnoe opisanie russkoj leksiki i slovoobrazovaniya. M.: AST 2: Astrel': Russkie slovari: Ermak, 2004. 1022 s.
21. Juan' L. Problema klassifikacii leksicheskikh lakun v lingvokul'turologicheskom aspekte (na primere kitajskogo i russkogo jazykov). Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. T. 7. № 4 (25). S. 144 – 147.

*Zhao Meijuan,
Siberian Federal University*

Intra-linguistic lacunarity and its manifestation in the word-formation system of the Russian language

Abstract: the proposed article analyzes the problem of intra-linguistic lacunarity from the perspective of the word-formation system of the modern Russian language. Intra-linguistic lacunae are characterized by a high degree of latency in comparison with interlanguage ones, which makes it difficult to detect them for various reasons. Therefore, the intra-linguistic type of lacunarity is little studied in linguistic science. One of the effective ways to detect intra-linguistic gaps is the study of the structure of word-forming units, since the phenomenon of lacunarity demonstrates the system of Russian word formation. This feature manifests itself at the level of the device of all complex units of word formation – from a wordbuilding pair to a lexico-derivational nest.

In the article, we demonstrate the phenomenon of intra-linguistic lacunarity using derivatives of a lexical-word-formation nest with the vertex "head", filling a group of words formed according to the nominative model "name of color + head", and functioning in the literary subsystem of the Russian national language. The main objective of the study is to identify gaps at the level of wordbuilding pairs, wordbuilding chains, wordbuilding paradigms and wordbuilding models (types), the units of which function in one lexico-derivational nest. Under the word-formation lacuna, we understand the cells of the word-formation system, which turned out to be unfilled with derivatives of the usual and potential linguistic units.

Keywords: intra-linguistic lacuna; word-formation lacuna; lexico-derivational nest; wordbuilding pair; wordbuilding chain; wordbuilding paradigm; somatic derivatives

For citation: Zhao Meijuan Intra-linguistic lacunarity and its manifestation in the word-formation system of the Russian language. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 198 – 202.

*Гарбави Захра Саад Халлави, аспирант,
Волгоградский государственный университет*

Реклама в современном медийно-информационном пространстве

Аннотация: в статье речь идет о значимости рекламы в современном цифровом ландшафте. В условиях роста цифровых технологий, любой компании необходимо использование инновационных тактик и стратегий для продвижения своих товаров и услуг. В рамках исследования, рассмотрены понятие, инструменты и особенности рекламы в современном цифровом ландшафте.

Проанализированы ее положительные и отрицательные функции, влияющие на современное общество, его мышление и концепцию поведения.

Отмечено, что продвижение в Интернете, создает атмосферу высокой отзывчивости, и способствует значительному вовлечению пользователей.

В отличие от традиционных СМИ, при использовании Интернета люди могут не только поглощать информацию, но и взаимодействовать, выбирая материалы и ресурсы. Также данное продвижение не требует дорогостоящего технического оборудования и его может получить любой человек, имеющий ограниченный бюджет и знания того, как его настроить. Несмотря на острую конкуренцию, фирмы в той или иной форме пытаются привлечь внимание потенциальных покупателей к своим товарам и пользуются всеми возможными инструментами.

Выявлены различные алгоритмы передачи информации в социальных сетях, которые имеют определенные особенности. Обоснован тот факт, что для создания эффективной рекламы в интернет пространстве, важно учитывать индивидуальность своего бренда, который должен соответствовать потребностям и ожиданиям клиентов. С учетом данных особенностей, необходимо правильное сочетание креативных сообщений и целевых платформ доставки, формирование которых дадут возможность компаниям, стать более успешными и экономически эффективными в этом постоянно меняющемся ландшафте.

Ключевые слова: реклама, интернет, медийная реклама, информационное пространство, цифровые технологии, инновации, рекламодатели

Для цитирования: Гарбави Захра Саад Халлави Реклама в современном медийно-информационном пространстве // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 203 – 208.

Реклама существует с начала времен, но с появлением новых медиа и информационных пространств реклама приобрела совершенно новую форму. Сегодняшний цифровой мир полон возможностей для компаний достичь потенциальных клиентов и повлиять на их решения о покупке. От социальных сетей до поисковой оптимизации (SEO) и кампаний по электронной почте – рекламодатели постоянно находят новые способы донести свое послание [6].

Сила рекламы в современном медийном и информационном пространстве неоспорима. Ее можно использовать для создания узнаваемости бренда, формирования лояльности клиентов, увеличения продаж и даже формирования общественного мнения. Хорошо составленная реклама может быть чрезвычайно эффективна в достижении целевой аудитории и своевременном донесении своего послания [1].

Однако рекламодателям важно помнить, что не все рекламные приемы будут работать для каждой компании или продукта. Важно, чтобы они учитывали цели своей кампании и подбирали соответствующий подход. Например, кампания по электронной почте может быть более эффективной, чем телевизионная реклама, если она нацелена на определенную демографическую группу или сегмент рынка. Аналогичным образом, методы SEO могут лучше подходить для охвата потенциальных клиентов, которые активно ищут в Интернете конкретные продукты или услуги.

Помимо того, что рекламодатели должны помнить о том, какие каналы они используют для рекламы своих товаров или услуг, они также должны стремиться к созданию контента, который вызывает отклик у целевой аудитории в информативном и в то же время позитивном ключе. Люди плохо реагируют, когда им кажется, что им что-то продают; вместо этого им нужен контент, который даст им полезные знания или представление о рекламируемом продукте или услуге. Сочетая креативные сообщения с точными данными и соответствующими визуальными эффектами, маркетологи могут создавать привлекательную рекламу, которая привлечет внимание людей и одновременно передаст важную информацию о продвигаемом продукте или услуге [7].

Реклама в современном цифровом ландшафте может быть невероятно мощной, если она сделана правильно; однако компаниям важно понимать, как лучше использовать различные каналы, чтобы

эффективно достичь желаемой аудитории и при этом предоставить информативный, но позитивный контент о своем продукте или услуге.

Современное медийно-информационное пространство представляет собой пространство, которое образовано физическими и электронными средствами коммуникаций.

Реклама в современном медийном и информационном пространстве – это постоянно растущая и развивающаяся отрасль. Возможности интернета позволили компаниям создавать и доносить свои рекламные кампании до более широкой аудитории, чем когда-либо прежде. Сейчас компании используют различные методы для достижения целевой аудитории, включая социальные сети, поисковую оптимизацию, контент-маркетинг и многое другое. Благодаря развитию технологий и наличию таких платформ, как YouTube, Instagram и Facebook, компании теперь могут продвигать свои товары и услуги такими способами, которые были невозможны всего несколько лет назад [10].

Реклама в медийно-информационное пространство больше не ограничивается традиционными средствами массовой информации, такими как телевидение и радио. С развитием цифрового маркетинга компании получили возможность ориентироваться на конкретную аудиторию, настраивать свои сообщения и оценивать эффективность своих кампаний в режиме реального времени. Это позволяет компаниям создавать более целенаправленные и эффективные кампании, отвечающие конкретным потребностям клиентов. Кроме того, цифровой маркетинг позволяет компаниям отслеживать эффективность своих кампаний, что дает им возможность вносить коррективы и оптимизировать их для достижения лучших результатов.

Реклама в современном медийном и информационном пространстве стала неотъемлемой частью любого успешного бизнеса. Теперь компании могут использовать данные, основанные на анализе информации, для создания более эффективных кампаний, охвата большего количества людей и, в конечном счете, увеличения продаж. Поскольку технологии продолжают развиваться, компаниям придется идти в ногу с новейшими тенденциями и технологиями, чтобы оставаться впереди своих конкурентов. Используя возможности Интернета и цифрового маркетинга, компании смогут охватить большую аудиторию и создать более успешные кампании, чем когда-либо прежде [3].

С развитием цифровых медиа реклама стала неотъемлемой частью информационного и медийного пространства. С развитием технологий расширяются и возможности компаний по охвату целевой аудитории с помощью эффективных рекламных стратегий.

Реклама в информационном и медийном пространстве – это сложный процесс, требующий глубокого понимания того, как люди потребляют информацию. Важно учитывать, как люди взаимодействуют с различными типами контента и какие сообщения вызывают у них отклик. Кроме того, компании должны понимать нюансы различных платформ и технологий, используемых для передачи информации. Это включает в себя понимание того, как работают алгоритмы в социальных сетях, поисковых системах и других цифровых каналах, которые могут быть использованы для целевых кампаний. Помимо понимания этих сложностей, при создании эффективной рекламной кампании в этом пространстве компаниям также важно учитывать индивидуальность своего бренда. Важно, чтобы все сообщения соответствовали ценностям и целям бренда, а также соответствовали потребностям и ожиданиям клиентов. Правильное сочетание креативных сообщений, целевых платформ доставки и тщательного анализа может помочь компаниям создать кампании, которые будут успешными и экономически эффективными в этом постоянно меняющемся ландшафте [11].

По своей сути реклама в информационном и медийном пространстве – это связь с клиентами на эмоциональном уровне и предоставление ценности через значимые сообщения. Профессиональный подход к рекламе в этом пространстве, учитывающий, как технологические достижения, так и настроения клиентов, позволяет компаниям создавать кампании, которые помогут им достичь желаемых целей, попутно выстраивая отношения с клиентами.

Медийная реклама – это вид онлайн-рекламы, в которой обычно представлены текст, логотип, фотографии и другие элементы, а также ссылка на сайт рекламодателя или дополнительный источник информации [2].

В настоящее время Интернет является основным источником информации и общения. В прошлом люди в основном получали информацию из газет, радио и телевидения. Но сегодня почти все материалы находятся в Интернете. Этой передовой технологией пользуются миллионы людей во всем мире, и ее преимущество заключается в том, что она ориентирована на более молодых и состоятельных людей [3].

Маркетологи, профессионалы, изучающие желательность производимых товаров и рынки, на которых они будут продаваться, увидели в цифровой сфере удивительную площадку для обмена товарами и доходами. В настоящее время реклама в Интернете стала одним из самых прибыльных видов бизнеса на

планете. Она превзошла другие методы продвижения товаров, и в ближайшем будущем не ожидается ее снижения [4].

Обобщив мнения разных экспертов, можно выделить следующие особенности рекламы в информационно-медийном пространстве:

1. Интерактивность.

Интернет создает атмосферу высокой отзывчивости, что способствует значительному вовлечению пользователей. В отличие от традиционных СМИ, при использовании Интернета люди могут не только поглощать информацию, но и взаимодействовать, выбирая материалы и ресурсы, соответствующие их желаниям и интересам, общаясь с другими пользователями и т. д.

Интерактивный характер рекламы в Интернете отличает ее от других видов СМИ. Увидев объявление, зритель может изучить более подробную информацию о товаре или услуге. Достаточно нажать на объявление, и зритель попадает на сайт рекламодателя. Здесь они могут получить доступ к информации или выполнить любое задание рекламодателя. Именно эта интерактивность выделяет рекламу в Интернете среди других.

2. Аудитория.

В процветающих странах подавляющее большинство людей имеют доступ к Интернету, и количество пользователей Интернета примерно такое же, как и количество телезрителей. Некоторые демографические группы проводят больше времени в Интернете, чем за просмотром телевизора. Эта бурно развивающаяся интернет-популяция является центром внимания для многих маркетологов, поскольку она состоит из заинтересованных, информированных и, как правило, обеспеченных людей. Однако некоторые рекламодатели могут столкнуться с проблемой ограниченности аудитории исключительно среди интернет-пользователей. Это связано с тем, что пользователь должен не только иметь связь с интернетом, но и обладать базовыми знаниями, необходимыми для взаимодействия с ПК и интернетом в частности. Поэтому в России это препятствие все еще изолирует большую часть населения от интернета. Эта проблема является большим препятствием для некоторых маркетологов, особенно если их рекламные кампании направлены на эту часть населения.

3. Таргетинг.

Методы таргетинга позволяют выбрать из всего интернет-населения только тех, кто соответствует определенному набору критериев, и затем показать им рекламу. Обычно мы разделяем эти методы на два типа: прямой и косвенный таргетинг. Прямой таргетинг нацелен на поиск людей, которые активно интересуются предлагаемыми услугами или продуктами. С другой стороны, косвенный таргетинг направлен на поиск групп, которые, скорее всего, будут заинтересованы в товарах, связанных с предлагаемыми. Интернет позволяет более точно сфокусировать рекламные данные на целевых группах на основе различных параметров, в том числе вплоть до отдельного пользователя [5].

Реклама в сети может быть ориентирована на концентрированные группы пользователей в зависимости от двух ключевых критериев:

- географическая зона (таким образом, рекламодатель может ограничить свои объявления определенным населенным пунктом);

- время показа (реklamодатель может определять время показа рекламы по дням и часам).

Рекламодатели могут разграничивать показ своих объявлений в зависимости от интересов и склонностей пользователей. Они также могут устанавливать ограничения на основе социально-демографических атрибутов, таких как возраст, пол, зарплата и т. д. Кроме того, могут быть учтены и технические характеристики.

Объем рекламы может быть настроен таким образом, чтобы дать каждому определенное количество рекламных объявлений. Таргетинг может быть осуществлен с помощью других стандартов, но для получения актуальной информации о пользователях Интернета требуются дополнительные исследования (например, опросы).

4. Возможность изучения результатов [8].

Оценить успех традиционной рекламы гораздо сложнее, чем в сети. Проводятся опросы покупателей, чтобы выяснить, какой вид рекламы был для них наиболее привлекательным. В зависимости от результатов принимаются решения об эффективности рекламных акций. Кроме того, успех компании обычно определяется ростом ее доходов, количеством людей, заинтересованных в рекламируемых товарах или услугах, и другими показателями. Интернет позволяет более точно изучить поведение потенциальных покупателей, что дает более точные результаты для оценки успешности промоакции [9].

В настоящее время с помощью специализированных инструментов отслеживания можно легко получить точное представление о том, как люди реагируют на определенную маркетинговую стратегию. Эти

инструменты регистрируют количество просмотров рекламы в сети, количество кликов, уровень вовлеченности, навигацию клиентов по сайту и многие другие показатели. Собранные данные затем обрабатываются с помощью таких программ, как «bannersnack», «canva», «snarra» и т. д., и используются для создания целевой маркетинговой кампании в Интернете. Просматривая отзывы и поведение клиентов, рекламодатели могут немедленно отслеживать успех как всей кампании, так и ее отдельных компонентов. Таким образом, они могут быстро вносить необходимые изменения в кампанию (заменять неподходящий рекламный контент, изменять рекламу, увеличивать или уменьшать интенсивность рекламы на определенных сайтах, переключать фокус и другие настройки) [12].

Главным отличием интернет-рекламы от любой другой является возможность отслеживания каждого рекламного соединения, что делает интернет лучшим способом для рекламодателя с точки зрения качества контакта с потребителем. Поэтому главным преимуществом интернет-рекламы является ее ориентация на вероятного клиента. В пространстве не только рассеивается информация о товаре или услуге, но и учитываются предпочтения и действия каждого отдельного пользователя. Впечатления производятся только для тех пользователей, которые с наибольшей вероятностью воспользуются предложением.

Продвижение в Интернете не требует сложного и дорогостоящего технического оборудования; его может получить любой человек, имеющий ограниченный бюджет и знания о том, как настроить такое продвижение. Главный минус маркетинга в Интернете – сильная конкуренция. С ростом количества сайтов, социальных сетей, мессенджеров и видеохостингов растет и количество рекламы.

Большинство людей либо включают блокировщики рекламы, либо просто не видят баннеры. Несмотря на острую конкуренцию, фирмы в той или иной форме пытаются привлечь внимание потенциальных покупателей к своим товарам.

Таким образом, можно сделать вывод, что реклама – это всепроникающая и даже угнетающая черта современного общества. Ее сила заключается не в ее содержании, а в символах, которые она передает. Она, как инквизитор, требует от нас определенных реакций. Она способна завладеть нашими чувствами и мыслями, и в этом причина ее влияния [13].

Рекламные объявления умеют доминировать над волей человека. Чем больше они преобладают в этом, тем больше они контролируют людей с помощью навязанного видения. Так они «отбирают» сущность человека, оставляя ему лишь мираж, поскольку содержание существует лишь для того, чтобы создать приятный фасад, который в конечном итоге лишен реальной сути. Реклама – это форма систематической доктрины, разработанная для удовлетворения потребностей рынка. Это инструмент, используемый для построения общества потребления, предоставляющий не только материальные предметы с методами соблазна и контроля, но и совместимый образ жизни, доставляющий людям удовольствие и радость. С одной стороны, она одобряет желания и амбиции, а с другой – порождает новые желания, чтобы направить людей к гедонистическому образу жизни.

Литература

1. Гуревич П.С. Социология и психология рекламы: в 2 т. Т. 2: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 236 с.
2. Виды рекламы в интернете: особенности, как ее выбрать и измерить эффективность. [Электронный источник]. URL: <https://blog.calltouch.ru/kakie-est-vidy-reklamy-v-internete/> (дата обращения: 01.03.2023)
3. Виды интернет-рекламы. [Электронный источник]. URL: https://webcom.academy/articles/internet_marketing/v_idyi_internet_reklamyi/ (дата обращения: 01.03.2023)
4. Виды рекламы в интернете. [Электронный источник]. URL: <https://postium.ru/vidy-reklamy-v-internete/> (дата обращения: 01.03.2023)
5. Жильцова О.Н., Синяева И.М., Жильцов Д.А. Рекламная деятельность: учебник и практикум для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 233 с.
6. Коноваленко М.Ю., Ясин М.И. Психология рекламы и PR: учебник для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 393 с.
7. Попова А.В., Бородачева Н.В. Влияние рекламы на психику современного человека // Юный ученый. 2019. № 3.1 (23.1). С. 80 – 81.
8. Как реклама влияет на людей [Электронный источник]. URL: <https://interesko.info/kak-reklama-vliyaet-na-lyudej/> (дата обращения: 01.03.2023)
9. Влияние рекламы на сознание человека [Электронный источник]. URL: <https://salesuper.ru/article/vliyanie-reklamy-nasoznanie-cheloveka/> (дата обращения: 01.03.2023)

10. Влияние рекламы на человека с точки зрения психологии [Электронный источник]. URL:<https://sunmag.me/sovety/17-03-2014-psikhologiya-reklamy-priemy-vozdejstviya-reklamyna-cheloveka.html> (дата обращения: 01.03.2023)
11. Влияние рекламы [Электронный источник]. URL:<https://www.grandars.ru/student/marketing/vliya-nie-reklamy.html> (дата обращения: 01.03.2023)
12. Информационно-справочный портал «Индустрия рекламы» [Электронный источник]. URL:<http://adindustry.ru> (дата обращения: 01.03.2023)
13. Николаева Ю.Д., Агаджанова К.Э. «Влияние рекламы на психику человека» журнал «Новая наука: от идеи к результату» [Электронный источник] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27329166> (дата обращения: 01.03.2023)

References

1. Gurevich P.S. Sociologija i psihologija reklamy: v 2 t. T. 2: uchebnoe posobie dlja vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izd-vo Jurajt, 2020. 236 s.
2. Vidy reklamy v internete: osobennosti, kak ee vybrat' i izmerit' jeffektivnost'. [Jelektronnyj istochnik]. URL: <https://blog.calltouch.ru/kakie-est-vidy-reklamy-v-internete/> (data obrashhenija: 01.03.2023)
3. Vidy internet-reklamy. [Jelektronnyj istochnik]. URL: https://webcom.academy/articles/internet_marketing/v_idyi_internet_reklamyi/ (data obrashhenija: 01.03.2023)
4. Vidy reklamy v internete. [Jelektronnyj istochnik]. URL: <https://postium.ru/vidy-reklamy-v-internete/> (data obrashhenija: 01.03.2023)
5. Zhil'cova O.N., Sinjaeva I.M., Zhil'cov D.A. Reklamnaja dejatel'nost': uchebnik i praktikum dlja vuzov. Moskva: Izd-vo Jurajt, 2020. 233 s.
6. Konovalenko M.Ju., Jasin M.I. Psihologija reklamy i PR: uchebnik dlja vuzov. Moskva: Izd-vo Jurajt, 2020. 393 s.
7. Popova A.V., Borodacheva N.V. Vlijanie reklamy na psihiku sovremennogo cheloveka. Junyj uchenyj. 2019. № 3.1 (23.1). S. 80 – 81.
8. Kak reklama vlijaet na ljudej [Jelektronnyj istochnik]. URL: <https://interesko.info/kak-reklama-vlijaet-na-lyudej/> (data obrashhenija: 01.03.2023)
9. Vlijanie reklamy na soznanie cheloveka [Jelektronnyj istochnik]. URL:<https://salesuper.ru/article/vliyanie-reklamy-nasoznanie-cheloveka/> (data obrashhenija: 01.03.2023)
10. Vlijanie reklamy na cheloveka s točki zrenija psihologii [Jelektronnyj istochnik]. URL:<https://sunmag.me/sovety/17-03-2014-psikhologiya-reklamy-priemy-vozdejstviya-reklamyna-cheloveka.html> (data obrashhenija: 01.03.2023)
11. Vlijanie reklamy [Jelektronnyj istochnik] URL: <https://www.grandars.ru/student/marketing/vliya-nie-reklamy.html> (data obrashhenija: 01.03.2023)
12. Informacionno-spravocnyj portal «Industrija reklamy» [Jelektronnyj istochnik]. URL:<http://adindustry.ru> (data obrashhenija: 01.03.2023)
13. Nikolaeva Ju.D., Agadzhanova K.Je. «Vlijanie reklamy na psihiku cheloveka» zhurnal «Novaja nauka: ot idei k rezul'tatu» [Jelektronnyj istochnik] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27329166> (data obrashhenija: 01.03.2023)

*Garbavi Zahra Saad Hallavi, Postgraduate,
Volgograd State University*

Advertising in the modern media and information space

Abstract: the article deals with the importance of advertising in the modern digital landscape. With the growth of digital technologies, any company needs to use innovative tactics and strategies to promote its products and services. Within the framework of the study, the concept, tools and features of advertising in the modern digital landscape are considered.

Its positive and negative functions affecting modern society, its thinking and the concept of behavior are analyzed.

It is noted that promotion on the Internet creates an atmosphere of high responsiveness, and contributes to significant user engagement.

Unlike traditional media, when using the Internet, people can not only absorb information, but also interact by choosing materials and resources. Also, this promotion does not require expensive technical equipment and can be obtained by anyone with a limited budget and knowledge of how to set it up. Despite the intense competition, firms in one form or another are trying to attract the attention of potential buyers to their products and use all possible tools.

Various algorithms for transmitting information in social networks have been identified, which have certain features. The fact is substantiated that in order to create effective advertising in the Internet space, it is important to take into account the individuality of your brand, which must meet the needs and expectations of customers. Taking into account these features, it is necessary to have the right combination of creative messages and targeted delivery platforms, the formation of which will enable companies to become more successful and cost-effective in this constantly changing landscape.

Keywords: advertising, Internet, media advertising, information space, digital technologies, innovations, advertisers

For citation: Garbavi Zahra Saad Hallavi Advertising in the modern media and information space. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 203 – 208.

*Тимирящева К.Р.,
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы*

Система ценностей «Добро» в антипословицах русского и английского языков

Аннотация: в статье автором рассматривается такой актуальный вопрос, как система ценностей «Добро» в антипословицах русского и английского языков. В настоящее время пословицы занимают особое место в изучении языка и культуры в целом. Автор подчеркивает, что это обуславливается тем аспектом, что культурные и национальные традиции, записанные в пословицах, передаются из поколения в поколение, а значит, представляют собой некие пласты жизни. Антипословицы при этом представляют собой такие суждения, которые основаны на традиционных пословицах с измененным значением. Иными словами, в отличие от пословиц, антипословицы показывают стремление индивида выделиться из толпы, подчеркнуть свою индивидуальность, блеснуть своим остроумием и неординарностью мышления, утвердить собственное «я». Как правило, антипословицы представляются в виде сатирических, иронических, саркастических или юмористических преобразований традиционных пословиц. В завершении автор приходит к выводу, что преимущественное большинство трансформированных фразеологизмов выступает в качестве средства создания экспрессивности, что в свою очередь направлено на привлечение внимания со стороны читателя к определенному материалу. По причине того, что антипословицы затрагивают наиболее актуальные для современного общества темы, то, по мнению автора, исследователям в дальнейшем следует провести более глубокое и всестороннее изучение данного вопроса.

Ключевые слова: паремия, пословица, антипословица, трансформация, трансформированная пословица

Для цитирования: Тимирящева К.Р. Система ценностей «Добро» в антипословицах русского и английского языков // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 209 – 212.

Введение

Язык каждого современного общества представляет собой довольно открытую и динамичную структуру. Стоит отметить, что семантические рамки упомянутой структуры постоянно подвергаются расширению. Но, несмотря на данное обстоятельство, все время «изобретать» новые слова и речевые обороты не представляется возможным. Именно по этой причине возникает актуальный вопрос, который касается рационального использования уже имеющихся в языке ресурсов. Наиболее универсальным средством упомянутого выше подхода, применяемым к любому языку, считается трансформация языковых единиц, которые уже имеются в его арсенале. Иными словами, универсальное средство – это «вторичное» использование существующих языковых единиц. В большинстве своем, упомянутый выше способ применяется в отношении пословичных единиц.

Особое место в изучении языка и культуры занято пословицами, так как культурные и национальные традиции, записанные в них, передаются из поколения в поколение. Как известно, пословицы – это пласты жизни и отражают народную мудрость в виде лаконичной сентенции. Иными словами, пословицы представляют собой одну из главных составных частей культуры каждого народа мира. Это обуславливается тем аспектом, что именно в пословицах отражается история того или иного народа, его менталитет и отношение к жизни в целом. Также они позволяют понять дух, состояние и эмоции людей, которые говорят и думают на другом языке. Следовательно, пословицы являются выражением мудрости, которые передаются из поколения в поколение и содержат в себе краткое красноречивое отражение острой мысли, окружающей действительности, установленного порядка. Подчеркивается, что пословицы не теряют популярности в современном мире, хотя в основном были придуманы много веков назад.

Ценности, отраженные во многих пословицах (например, семья, дружба, работа и т. д.), по-видимому, вечны, и народная мудрость учит нас правильному отношению к этим установкам. Однако мир не стоит долго на одном месте, он меняется, меняется и отношение человека к жизни, что по-прежнему отражается в языке. Это подтверждают паремии нового поколения – антипословицы – суждения, основанные на традиционных пословицах с измененным значением.

Основная часть

Пословицы, по определению А.В. Кунина, «являются афористически сжатыми изречениями с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» [5, с. 339]. Пословицы содержат в себе перечень правил и норм поведения, руководство к действиям, поучения, наставления. В итоге пословица – это мудрость народа, облаченная в повествование. Каждая народность чувствует, ощущает, осознаёт окружающую

действительность по-своему. Поэтому и пословицы каждая народность передаёт по своему, вкладывая в них свой, присущий только ей смысл:

Кто рано встает, тому Бог подает; Не буди лихо, пока оно тихо; All is well that ends well (букв. Все хорошо, что хорошо кончается); *An apple a day keeps the doctor away* (букв. Яблоко в день, и доктора вы не увидите)

Подчеркивается, что с каждым годом у человека меняется отношение к познаваемому им миру в целом и отдельным его элементам в частности. Это связано с тем, что на него оказывают влияние различные факторы: политические, экономические и другие. Результаты подобного познания отражаются в антипословицах, лексемах, паремиях и т.д. Как правило, наиболее наглядную трансформацию в структуре и соответствующих значениях можно наблюдать у паремий. В дальнейшем, они уже преобразуются в антипословицы, иными словами в новые языковые формы.

Антипословицы демонстрируют стремление каждого отдельного человека выделиться из своего окружения, утвердить свое собственное «я», проявить остроумие, а также наглядно продемонстрировать неординарность и нестандартность мышления [6, с. 86-90].

Понятие «антипословица» произошло от немецкого слова «Antispruchwort». Данный термин был введен В. Мидером. Стоит отметить, что он считается одним из наиболее известных, в современной филологической деятельности, специалистом в паремиологии.

Исследователь В.М. Мокиенко под рассматриваемым термином понимает такие пословицы, которые выступают в качестве смысловых антиподов уже устоявшихся паремий [3, с. 8]. В свою очередь О.Н. Антонова понимает под данным понятием трансформированные паремии, которые претерпели различные изменения на всевозможных существующих уровнях: лексический, морфологический и другие [1, с. 18]. Исследователь А. А. Константинова под рассматриваемым термином понимает то, что они выступают в качестве совершенно новых паремических единиц, которые формируются, основываясь на уже имеющихся пословицах и поговорках [4, с. 98].

Антипословицы – это, как правило, сатирические, иронические, саркастические или юмористические преобразования традиционных пословиц [7, с. 17-46]. Как и пословицы, антипословицы могут затрагивать ряд тем. Материала для создания антипословиц очень много. При этом нет никаких правил их образования. Чаще всего антипословицы основаны на юморе и требуют от своего исполнителя удачного использования: *Человеческая душа всегда тянется к добру, особенно – к чужому, «Добро побеждает зло», – так и не ясно, кто кого побеждает, Good folks are scarce, make much of one*. Они могут быть порой юмористическими, даже оскорбительными и агрессивными по отношению к различным социальным группам и могут усилить стереотипы: *Самый неблагодарный труд тот, за который получаешь только благодарности, Charity covers a multitude of sins* (букв. *Благотворительность прикрывает множество грехов*).

Сначала, как и традиционные паремии, они существовали устно или встречались в литературе, в том числе как авторские афоризмы. Но в последнее время из-за появления Интернета преобразования изменились с устной на письменную форму, что облегчило их фиксацию и исследование. Трансформации можно найти на различных онлайн-форумах, в заголовках СМИ. Преобразования используются на телевидении, в статьях, дискуссиях, преследуя ту же цель, что и пословицы – убедить читателей, зрителей или собеседников в правильности любого суждения с минимальными языковыми затратами [8, с. 206]. В этом случае антипословицы являются даже более эффективными. Это обуславливается тем аспектом, что антипословицы, как показывает практика, являются более конкретными в отличии от их прототипов; более того, автор сам может изменить исходное выражение в нужной области, тем самым создав его новую версию, наиболее актуальную для конкретной темы.

Материалом для исследования послужили паремии, связанные с семантикой «добро», взятые из словарей антипословиц английского и русского языков.

Вопрос классификации антипословиц в современной лингвистике до сих пор не решен: существует несколько попыток классифицировать антипословицы. В нашем исследовании мы отталкивались от классификации, разработанной на основе классификации модифицированных фразеологизмов, предложенной А.Н. Божко [2, с. 102]. Согласно разработанной классификации, существуют структурно-семантические преобразования (включающие в себя замену компонента; контаминацию; расширение фразеологизма; эллипсис) и семантические преобразования (двойная актуализация; буквализация).

По результатам анализа структурно-семантических модификаций традиционных пословиц позволил выявить наиболее частотные приемы преобразований фразеологизмов. Таким образом, самыми часто используемыми моделями в русском языке являются добавление (*Человеческая душа всегда тянется к добру, особенно – к чужому, Добро обязательно победит зло. Поставит на колени. И зверски убьет*). Но стоит отметить, что в данных двух случаях добавление компонентов влечет за собой семантические преобразова-

ния в антипословицах, а именно, двойную актуализацию) и замена (*Ни одно доброе дело не остается без наказанным*). В английском языке также, на первом месте добавление нового компонента (*Always forgive your enemies – but never forget their names*), далее замена (*Success covers a multitude of blunders*). В английском языке также обнаружен случай эллипсиса – сокращения традиционной поговорки (*All is well that ends*). В русском языке не было обнаружено случаев эллипсиса и контаминации.

В ходе исследования было обнаружено, что многие антипословицы выражают идею, противоположную «традиционной» паремии: *All good things come to those who have money, Учеба и труд до добра не доведут, Сделай доброе дело и оно тебя достанет!*

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования, посвященному вопросу системы ценностей «Добра» в антипословицах, удалось определить и выделить отличительные особенности при использовании таких приемов, как преобразование уже имеющихся фразеологических единиц. Нами определено, что преимущественное большинство всех преобразованных фразеологизмов выступает в качестве основного средства и способа по формированию экспрессивности, что в свою очередь способствует привлечению особого внимания к тому или иному материалу со стороны читателя. В связи с тем, что антипословицы затрагивают актуальные для современности темы, существует потребность в продолжении изучения данного вопроса с научной точки зрения.

Литература

1. Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 175 с.
2. Божко А.Н. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2015. 198 с.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
4. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке. Москва: Юрайт, 2012. 377 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для университетов и фак. иностранных языков. Москва: Высшая школа, 1996. 381 с.
6. Тарбеева О.В. Деформация пословиц как реализация когнитивного принципа вариативной интерпретации действительности // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 86 – 90.
7. Mieder W. Anti-proverbs and mass communication: The interplay of traditional and innovative folklore // Acta Ethnographica Hungarica. 2007. № 52/1. P. 17 – 46.
8. Litovkina A. – Mieder, Wolfgang: Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs. Burlington: The University of Vermont – Veszprém: The University of Pannonia, 2006. 396 p.

References

1. Antonova O.N. Funkcional'nye svojstva paremij-transformov v anglojazychnom publicisticheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012. 175 s.
2. Bozhko A.N. Individual'no-avtorskie preobrazovanija frazeologicheskikh edinic v jazyke hudozhestvennoj prozy (na materiale proizvedenij V. Tokarevoj): dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2015. 198 s.
3. Val'ter H., Mokienko V. Antiposlovicy russkogo naroda. Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom «Neva», 2005. 576 s.
4. Konstantinova A.A. Kognitivno-diskursivnye funkcii poslovic i pogovorok v raznyh tipah diskursa na anglijskom jazyke. Moskva: Jurajt, 2012. 377 s.
5. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka: ucheb. dlja universitetov i fak. inostrannyh jazykov. Moskva: Vysshaja shkola, 1996. 381 s.
6. Tarbeeva O.V. Deformacija poslovic kak realizacija kognitivnogo principa variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2008. № 4. S. 86 – 90.
7. Mieder W. Anti-proverbs and mass communication: The interplay of traditional and innovative folklore. Acta Ethnographica Hungarica. 2007. № 52/1. P. 17 – 46.
8. Litovkina A. – Mieder, Wolfgang: Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs. Burlington: The University of Vermont – Veszprém: The University of Pannonia, 2006. 396 p.

*Timiryashcheva K.R.,
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University*

The value system "Good" in Russian and English antiproverbs

Abstract: in the article the author considers such a topical issue as the value system of "Good" in the antiproverbs of the Russian and English languages. Currently proverbs occupy a special place in the study of language and culture as a whole. The author emphasizes that this is due to the aspect that cultural and national traditions, recorded in proverbs, are transmitted from generation to generation, and therefore represent certain layers of life. Antiproverbs in this case are such judgments that are based on traditional proverbs with a changed meaning. In other words, unlike proverbs, anti-preparations show the desire of an individual to stand out from the crowd, to emphasize his individuality, to shine with his wit and uncommon thinking, to assert his own "self". As a rule, anti-proverbs are presented in the form of satirical, ironic, sarcastic or humorous transformations of traditional proverbs. In conclusion, the author concludes that the vast majority of the transformed phrases act as a means of creating expressiveness, which in turn is aimed at attracting the attention of the reader to a particular material. Due to the fact that anti-preemies touch on the most urgent topics for modern society, then, in the author's opinion, the researchers should conduct a more profound and comprehensive study of this issue in the future.

Keywords: paremia, proverb, anti-proverb, transformation, transformed proverb

For citation: Timiryashcheva K.R. The value system "Good" in Russian and English antiproverbs. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 209 – 212.

**Валипур Алиреза, доктор филологических наук, профессор,
Салехи Мохаммади Хабиб, кандидат филологических наук,
Тегеранский университет, Иран**

Ассимиляция фонем в русском и персидском языках

Аннотация: в данной работе автор изучает фонетический процесс ассимиляции гласных и согласных фонем в русском и персидском языках. Задачей данной работы является сравнительно-сопоставительный анализ фонетического процесса ассимиляции русских и персидских гласных и согласных фонем. Одновременно автор статьи будет изучать сходства и отличия фонетического процесса ассимиляции гласных и согласных фонем в русском и персидском языках. Автор будет точно анализировать как процесс ассимиляции будет встречаться в фонетике данных языках и какие именно его происхождения при произношении слов. Ещё одним из важных вопросов, который будет тщетно изучать автором в данной работе, является условия появления фонетического процесса ассимиляции в русском и персидском языках. Результаты данной работы будет применяться при обучении русского языка как иностранного в иранских вузах для студентов учащихся русский язык как иностранный. Литературы, которые автор использовал при изучении фонетического процесса ассимиляции были выбраны в русских и персидских книгах и журналах по фонетике и фонологии. Все вопросы и проблемы, касающиеся нашей работы раньше не изучали подробно и с точки зрения новизны, данная работа является наиболее оригинальной.

Ключевые слова: фонетический процесс, ассимиляция, согласный, гласный, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Валипур Алиреза, Салехи Мохаммади Хабиб Ассимиляция фонем в русском и персидском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 213 – 217.

Так как звуки речи произносятся не изолированно, а в звуковой цепи связной речи, то звуки могут, во первых, влиять друг на друга, особенно соседние, когда рекурсия предыдущего звука взаимодействует с экскурсией последующего, и, во-вторых испытывать влияние общих условий произношения (влияние начала и конца слова, характера слога, положения под ударением или в безударном слоге) [1, с. 195-196].

Влияние звуков друг на друга вызывает комбинаторные изменения, осуществляющиеся в фонетических процессах аккомодации, ассимиляции, диссимиляции, диерезы, эпентезы, гаплогонии и др. [1, с. 196].

В целом фонологические процессы можно разделить на три основные категории:

а) Ассимиляция

б) Процессы слогаобразования, которые рассматриваются в связи со соотношением морфем и распределения фонем в слове.

в) Нейтрализация фонемной оппозиции [4, с. 58].

Напоминается, что большинство фонологических процессов наблюдается во всех языках. Фонетические исследования разных языков показывают, что некоторые фонологические процессы в них протекают одинаково.

Ассимиляция или уподобление, это приспособление одних звуков к другим, состоящее в приспособлении рекурсии предшествующего звука к экскурсии последующего. Есть разные виды фонетического процесса ассимиляции:

1) Полная и неполная (частичная) ассимиляция: Ассимиляции (уподобления) возникают между звуками того же рода, т.е. у гласных с гласными, у согласных с согласными (подробнее ниже), и поэтому могут быть полными, т.е. два различных звука в результате ассимиляции могут уподобиться нацело и стать одинаковыми [1, с. 204], например в русском языке:

сбить > [з'б'ит'];

лодка > [лоткА];

отдых > [о'ддых] > [о'д:ых];

сшить > [шшыт'] > [ш:ыт'];

бывает > **бываат** [быва':т]

Примеры в персидском языке:

/ʔaz/ + /sar/ → (полная ассимиляция) [ʔassar]

/šanbe/ → [šambe] (неполная или частичная ассимиляция), где губно-губной смычный носовый согласный [m], который только по месту образования ассимилируется согласному [b], но по способу образования остаётся сонорным.

2) *Прогрессивная и регрессивная ассимиляция*: Ассимиляции, основаны на почве приспособления рекурсии предшествующего звука и экскурсии последующего с возможностью преобладания первого звука, тогда ассимиляция прогрессивная, и преобладания второго, тогда ассимиляция регрессивная; это относится к направлению ассимиляции [1, с. 204]:

сбить > [з'б'ит'];
лодка > [лоткА];
отдых > [о'ддых] > [о'д:ых];
сшить > [шшыт'] > [ш:ыт'];
бывает > **бываат** [быва':т]

Прогрессивная ассимиляция в персидском языке существует, например, когда переднеязычный смычный шумный согласный [t] находится после переднеязычного щелевого однофокусного шумного согласного [s], он (согласный /t/) утратит свой смычный признак и приобретает фрикативный признак:

/daste/ → [dasse]

Регрессивная ассимиляция в персидском языке:

/sad/ + /tâ/ → [sattâ];

/bad/ + /tar/ → [battar];

/šanbe/ → [šambe]

3) *Контактная и дистактная ассимиляция*: Взаимодействовать могут как соседние звуки (тогда это **контактная ассимиляция**), так и звуки на расстоянии (из соседних слогов, или же вообще разделенные другими звуками, это **дистактная ассимиляция**); данные определения показывают отстояние членов ассимиляции друг от друга [1, с. 204], например:

сбить > [з'б'ит'];
лодка > [лоткА];
отдых > [о'ддых] > [о'д:ых];
сшить > [шшыт'] > [ш:ыт'];
бывает > **бываат** [быва':т]

Наконец, ассимиляция может затрагивать тот или иной признак звука; для согласных – это признаки способа и места образования твердости и мягкости, голоса (ассимилятивное оглушение и озвончение); для гласных – это признаки ряда, подъема, лабиализации [1, с. 204].

Из наблюдения за фонетическим процессом ассимиляции в персидском языке видно, что фонемы влияют друг на друга в некоторых фонетических контекстах, в результате которых они как-то меняются. Другими словами, в некоторых случаях, фонетические характеристики звука распространяются на предыдущий или следующий соседний звук, и это приводит к тому, что на фонему влияют соседние фонетические характеристики, в зависимости от конкретного фонетического контекста, в котором он применяется, произносится с особым изменением. Например в персидском языке, глухой смычный согласный в начале слога, особо, перед задним гласным /u/ произносится взрывным:

/tup/ → [t^hup]

/pur/ → [p^hur]

/kur/ → [k^hur]

Также зубный согласный /n/ перед небных согласных произносится через нёбо, например: /sang/ → [saŋg], /rang/ → [raŋg].

Как уже видно, все аллофоны одной фонемы именно образуются через фонетические процессы. Фонетические процессы существуют во всех языках.

Следует помнить, что фонетическое различие фонем важно и правомерно с точки зрения сохранения самобытности и нормального произношения диалектов любого языка. То есть, если в разных языковых формах не просматриваются фонетические характеристики звуков, то ясно, что их произношение отклоняется от нормальной формы [3, с. 107].

Фонологические процессы представляют собой взаимосвязь фонетических особенностей языка и фонологического уровня. То есть как фонетически реализуется абстрактная форма фонетической цепочки слов и морфем, например фонетическая цепочка /xâne-e-man/, которая фонетически произносится [xâne-ye-man] [3, с. 108].

1. **ассимиляция согласного гласному**: Иногда гласный влияет на согласный перед ним и передает ему свои характеристики.

Характеристики гласного могут быть распространены на соседний согласный. Например, в персидском языке два небных согласных /k/ и /g/ произносятся с передней части неба, когда они появляются перед предшествующей гласной, и с задней части неба, когда они используются перед гласной заднего ряда. На самом деле переднеязычные и заднеязычные характеристика этих двух согласных зависит от гласной после них.

Таблица 1

Первая категория	Вторая категория
[gâri]	[gari]
[gune]	[gine]
[guni]	[gire]
[gur]	[gir]
[gonâh]	[gerdu]
[kâri]	[kari]
[kâm]	[kam]
[kušeš]	[kif]
[koštan]	[ketâb]

Легко заметить, что в словах /gir/, /gine/, /kari/ и /kam/, согласные «к» и «г» появляются перед передними гласными /i/ и /a/, и поэтому они произносятся переднеязычно. В то время как в словах /gur/, /gune/, /kâri/ и /kâm/, где упомянутые согласные стоят перед гласными заднего ряда /u/ и /â/, они образуются в задней части неба.

В персидском языке, например, гласный [e] после небных согласных [š, ž, č, j], которые в сравнении с [e] произносятся закрыто, утратят свой полужакрытый признак и получают полнозакрытый признак, так как, /šekâr/ → произносится [šikâr]; /šeš/ → [šiš] и /jegar/ → [jigar] [5, с. 154].

Ассимиляция [e] с [j] в персидском языке является обязательным, например, /be/ + /?â/ должен произнести [bijâ], здесь используется эпентезный согласный [j] и произношение [bejâ] недопустимо по фонологической системе персидского языка. Также в речевых цепочках типа [rou] в сравнении с [ravam] и [šou] в сравнении с [šavam] и также в словах типа /houz/ и /mouz/ есть сложный процесс: сначала [v] в слове /ravam/ переносит в [u], в следствии получится неправильная форма [rau] по фонологической системе персидского языка, далее [a] при помощи регрессивной ассимиляции утратило свои передний и открытый признаки, и получило от [u] задние и огубленные признаки и в конце концов получились словоформы [rou], [šou], [houz] и [mouz] [5, с. 154-155].

2. ассимиляция гласного согласному: Иногда согласная влияет на стоящую перед ней гласную и передает ей свои характеристики. Это происходит с носовым согласным /n/, в результате этого процесса происходит назализация гласных перед носовыми согласными. Это означает, что обычно рядом с носовым согласным появляется гласный с носовым характером, как в приведенных ниже примерах в персидском языке:

/tang/ → [tāŋg]
 /rang/ → [rāŋg]
 /zang/ → [zāŋg]
 /?enqelâb/ → [?ēŋqelâb]
 /jang/ → [jāŋg]
 /man/ → [mān]
 /bon/ → [bōn]

В данных словах носовая характеристика «н» также переносится на предыдущий гласный.

Встречается ещё ассимиляция [w] гласному в персидском языке:

row → [ravân]; dow → [davân]; now → [novin]

3. ассимиляция согласного согласному: Глухой согласный воздействует на предшествующий ему звонкий согласный и делает его глухим и подобным себе, при условии, что обе фонемы являются знаменателями. Одним из наиболее частых явлений при ассимиляции согласных звуков является ассимиляция звонких и глухих. В персидском языке обычно особенность глухоты затрагивает звонкий согласный и делает его глухим. Например, в просторечии в следующих примерах из двух вокальных и невокальных согласных со одним местом артикуляции, которые появляются друг за другом, вокальный согласный появляется как невокальным согласным.

/badtar/ → [battar]; /?azsar/ → [?assar]; /?âbpaz/ → [?âppaz]

Другим примером однородности согласного с согласным в персидском языке является лабиализация согласного /н/ в конце слога и перед губными или зубо-губными согласными, в результате чего фонема /н/ становится звуком [m], Это явление часто наблюдается в разговорной (просторечие) речи.

/ʔanvâr/ → [ʔamvâr]; /ʔnbâr/ → [ʔambâr]; /ʔenbesât/ → [ʔembesât]; /ʔenfesâl/ → [ʔemfesâl]; /tanbih/ → [tambih]; /ʔin mâh/ → [ʔim mâh]; /ʔin pâ/ → [ʔim pâ]

Ассимиляция по признаку места образования «лабиализованный»:

В одном слоге: /janb/ → [jamb]

Стыка между двумя слогами: /šanbe/ → [šambe]; /panbe/ → [pambe]

Стыка двух морфем: /jânbâz/ → [jâmbâz]

Стыка двух слов: /ʔin bâr/ → [ʔimbâr]

Ассимиляции /t/ и /d/ щелевым согласным /s/ и /z/:

/daste/ → [dasse]; /peste/ → [pesse]; /dozdi/ → [dozzi]; /nazdic/ → [nazzic]

4. ассимиляция гласного гласному: Иногда гласный второго слога влияет на гласный предыдущего слога в слове и делает его похожим на себя. Гласный одного слога может быть гомогенизирована с соседней гласной. В персидском языке обычно гласный предыдущего слога гомогенизируется с гласной следующего слога. Это явление называется «сингармонизм». Некоторые из следующих примеров используются только в просторечии (разговорной) речи, а некоторые используются как в разговорной речи, так и в официальной речи:

/bekon/ → [bokon]

/bedow/ → [bodow]

/bexor/ → [boxor]

/berow/ → [borow]

/bahâr/ → [bâhâr]

/nahâr/ → [nâhâr]

/čehâr/ → [čâhâr]

Многочисленные примеры явления сингармонизма можно наблюдать в различных диалектах персидского языка.

В фонологии персидского языка фонетический процесс ассимиляции гласного гласному часто встречается.

В персидском языке, гласные /a,e,o/ ассимилируются гласному /â/ перед /-ʔâ/ или /-hâ/:

a → â: /nahâd/ → [nâhâd]; /lahâf/ → [lâhâf]

e → â: /ʔemtehân/ → [ʔemtâhân]; /dehât/ → [dâhât]

o → â: /mohâbâ/ → [mâhâbâ]; /moʔâfi/ → [mâʔâfi]

Ассимиляции:

o → u и e → i:

/bolur/ → [bulur]; /nofuz/ → [nufuz]; /sorud/ → [surud]

/ševîd/ → [šivîd]; /sefid/ → [sifîd]; /belit/ → [bilit]

Выводы

1. фонетический процесс ассимиляции встречается в русском и персидском языках.
2. Ассимиляция как другие фонетические процессы в языке является неотъемлемая часть фонологической системы того и одного языка.
3. В фонетическом процессе ассимиляции расширяются дифференциальные признаки.
4. У фонетического процесса ассимиляции есть свои правила и ограничения в русском и персидском языках.
5. Ассимиляции по способу образования сводится к полной ассимиляции.
6. Ассимиляции реализуется шаг за шагом.
7. все аллофоны одной фонемы именно образуются через фонетические процессы.
8. Фонетические процессы существуют во всех языках.

Литература

1. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 195 – 196, 204.
2. Ахманова О.С. словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. С. 57 – 58.
3. Мешкотоддини М. Звуковая конструкция персидского языка, Мешхед: издательство университета Фердовси, 1986 г. С. 107 – 108.

4. Абумахбуб Ахмад, Конструкция персидского языка, Издательство Митра, 1983 г. С. 58.
5. АлиМухамад Хагшинас, Фонетика. 10-е изд. Издательство Агах, 2006. С. 154 – 155.

References

1. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie. pod red. V.A. Vinogradova. M.: Aspekt Press, 1998. S. 195 – 196, 204.
2. Ahmanova O.S. slovar' lingvisticheskikh terminov. 2-e izd., ster. M.: Izd-vo «Sovetskaja jenciklopedija», 1969. S. 57 – 58.
3. Meshkotoddini M. Zvukovaja konstrukcija persidskogo jazyka, Meshhed: izdatel'stvo universiteta Ferdovsi, 1986 g. S. 107 – 108.
4. Abumahbub Ahmad, Konstrukcija persidskogo jazyka, Izdatel'stvo Mitra, 1983 g. S. 58.
5. AliMuhamad Hagshinas, Fonetika. 10-e izd. Izdatel'stvo Agah, 2006. S. 154 – 155.

*Valipur Alireza, Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Salehi Mohammadi Habib, Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
University of Tehran, Iran*

Phonological procees assimilation in Russian and Persian languages

Abstract: in this paper, the author studies the phonetic process of assimilation of vowel and consonant phonemes in Russian and Persian languages. The objective of this work is a comparative analysis of the phonetic process of assimilation of Russian and Persian vowels and consonant phonemes. At the same time, the author of the article will study the similarities and differences in the phonetic process of assimilation of vowel and consonant phonemes in Russian and Persian languages. The author will analyze exactly how the process of assimilation will occur in the phonetics of these languages and what exactly its origin is in the pronunciation of words. Another important issue that the author will study in vain in this work is the conditions for the appearance of the phonetic process of assimilation in the Russian and Persian languages. The results of this work will be applied in teaching Russian as a foreign language in Iranian universities for students who are studying Russian as a foreign language. The literature that the author used in the study of the phonetic process of assimilation was selected from Russian and Persian books and journals on phonetics and phonology. All questions and problems concerning our work have not been previously studied in detail and in terms of novelty, this work is the most original.

Keywords: phonological process, assimilation, consonant, vowel, Russian language, Persian language

For citation: Valipur Alireza, Salehi Mohammadi Habib Phonological procees assimilation in Russian and Persian languages. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (3). P. 213 – 217.

*Шушунов Н.С., аспирант,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Коммуникативно-дискурсивные характеристики текстов парламентских дебатов (на материале протоколов заседаний Бундестага)

Аннотация: в данной статье исследуются коммуникативные и дискурсивные характеристики текстов парламентских дебатов. Целью данного исследования является выявление и описание присущих текстам парламентских дебатов имманентных характеристик. Исследование проводилось с помощью когнитивно-дискурсивного метода и компонентного анализа. Результаты исследования показывают, что парламентские дебаты обладают уникальными коммуникативными и дискурсивными характеристиками, которые отличают дебаты от других форм коммуникации. Среди прочих, в статье описываются такие особенности дебатной коммуникации как её институциональность, то есть принадлежность участников диалога к определённым государственным или социальным структурам, стремление к намеренному урезанию понятных лишь специалистам фактов с целью сделать текст доступным для широкого круга слушателей, неявная ориентированность коммуникации и аргументации на массового адресата, ритуальность и эзотеричность политических дебатов, заключающиеся в вовлечении фоновых знаний слушателя и использовании прецедентных фактов, отказ от стандартизации речи в пользу эмоционального и экспрессивного компонентов с намерением сделать речь яркой и образной и тем самым сильнее вовлечь в политическую дискуссию граждан страны. Полученные результаты подчеркивают важность дальнейшего изучения коммуникативно-дискурсивных характеристик дебатов и основных коммуникативных стратегий, используемых в контексте политического противостояния. Выводы, сделанные по итогам исследования представляются очень важными для будущих исследований, связанных с функционированием аргументативного и агрессивного компонентов в политической коммуникации. Практическая ценность исследования заключается в том, что описание и осмысление имманентных характеристик парламентских дебатов может помочь улучшить прозрачность, подотчетность и эффективность демократических процессов принятия решений.

Ключевые слова: парламентские дебаты, политический дискурс, коммуникативно-дискурсивные характеристики, дискурсивные особенности, когнитивно-дискурсивный метод, компонентный анализ.

Для цитирования: Шушунов Н.С. Коммуникативно-дискурсивные характеристики текстов парламентских дебатов (на материале протоколов заседаний Бундестага) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 3. С. 218 – 223.

В настоящее время политическая коммуникация и политический дискурс являются одними из самых актуальных областей для лингвистического исследования. Происходящие в нашей стране и в мире события зачастую имеют под собой политические основания, политики высших эшелонов власти сегодня являются ответственными за курс государства и его будущее. В этой связи, изучение особенностей функционирования политического языка как социально-психологического феномена представляет большой интерес и несёт особую значимость. В данной работе будут рассмотрены коммуникативно-дискурсивные характеристики парламентских дебатов, проходящих в Бундестаге ФРГ. Описание и изучение ключевых характеристик дебатной коммуникации и особенностей когнитивно-дискурсивной парадигмы, на наш взгляд, являются важными составляющими в понимании процессов работы парламента, который является частью политического аппарата большинства развивающихся и развитых стран. **Объект** настоящего исследования – политический дискурс парламентских дебатов, **предметом** исследования являются коммуникативно-дискурсивные характеристики текстов парламентских дебатов. **Цель настоящей работы** заключается в описании основных имманентных характеристик политического дискурса парламентских дебатов. Для выполнения поставленных задач и анализа материалов были использованы методы сплошной выборки, когнитивно-дискурсивный и компонентный анализ.

В современной лингвистике существует ряд определений парламентских дебатов. Наиболее подходящим для данной работы мы считаем определение А.В. Косовцевой, которая называет парламентские дебаты «совокупностью последовательно разворачивающихся и пересекающихся друг с другом различных коммуникативных действий, основной целью которых является обоснование или опровержение некоторого положения (точки зрения) для восприятия и адекватного понимания его коллективным реципиентом, что в итоге приводит к совместной выработке и принятию определенного рационального решения относительно некоторого факта или явления объективной действительности» [3, с. 87]. Парламентские дебаты являются

одним из многих жанров политического дискурса. Исследователь теории дискурса А.П. Чудинов определяет дебаты как средний диалогический жанр устной речи, а Е.И. Шейгал наделяет дебаты свойством «первичности», то есть непосредственной отнесенности к основе политической деятельности. Она же по характеру ведущей интенции причисляет жанр политических дебатов к агональным жанрам. Агональность (соперновательность) заключается в диалоге и спорах по различным политическим вопросам. Парламентские дебаты устроены по принципу «ситуация – реакция» и служат для обсуждения актуальных тем политики государства, принятия законопроектов, планирования стратегий государства, следовательно, принцип соперновательности является в них одним из основополагающих для утверждения своей точки зрения по определенному вопросу и проявления превосходства над политическими противниками. Агональность является онтологическим свойством политического дискурса, из этого следует, что понятие агональности неразрывно связано с парламентскими дебатами, в которых происходит состязание двух или более точек зрения, а победа составляет главную цель общения [6].

Лингвистами выделяются релевантные характеристики дебатного дискурса, который наделяется «антропоцентричностью, демократизмом, диалогичностью, экспрессивностью, импровизацией» [1, с. 4]. Также к отличительным признакам дискурса парламентских дебатов относят его публичность, структурированность, заранее определенный круг тем, ориентированность на ближнюю (парламентарии) и дальнюю (электорат) коммуникацию, степень подготовленности парламентариев [4, с. 7].

Каждый тип дискурса обладает присущими ему уникальными коммуникативно-дискурсивными характеристиками. Так, например, видный исследователь политического дискурса А.П. Чудинов в своей статье предлагает номенклатуру, которая, по нашему мнению, позволяет наиболее точно выделить и описать коммуникативно-дискурсивные характеристики политических дебатов [5]. В рамках исследования было решено выбрать данную классификацию за основу и применить её на рассматриваемом материале. В данной номенклатуре выделяются следующие характеристики:

- Авторство – кто является автором текста;
- Адресность – для кого предназначен текст или высказывание;
- Форма речи – монологичность или диалогичность текста или высказывания;
- Эзотеричность – доступность текста для понимания, его ориентированность на узкий круг специалистов или на массового адресата;
- Персональность – соотношение личностного и институционального компонентов в тексте или высказывании; – Информативность – склонность к редукционизму или полноте освещения информации в тексте;
- Ритуальность – соотношение в тексте фатического и информативного компонентов;
- Экспрессивность – стремление к использованию средств выразительности или напротив, к стандартизации текста или высказывания;
- Оценочность – выражение субъективного отношения автора к транслируемым в тексте или высказывании фактам;
- Агрессивность – соотношение в тексте или высказывании компонентов агрессивности и толерантности.

В качестве материала для исследования были выбраны стенограммы заседаний Бундестага ФРГ, датированные 25 и 26 января 2022 года. В протоколируемых заседаниях обсуждались релевантные темы внешней и внутренней политики Германии, такие как поставка танков «Леопард» в Украину, поддержка свободомыслия в Беларуси, критика торгового соглашения между странами ЕС и рынком стран Южной Америки и др.

Одной из основных дискурсивных характеристик текста является его авторство. Существуют следующие варианты авторства над текстом или высказыванием:

- Личность автора и личность создателя текста совпадают;
- Личность автора не совпадает с личностью создателя текста;
- Формальное отсутствие авторства над текстом;
- Коллективный (институциональный) автор.

Как пишет А.П. Чудинов в своей статье: «В политическом дискурсе тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором» [5]. Тексты политических дебатов по своей сути являются набором высказываний депутатов, представляющих различные политические силы. За редким исключением, парламентская речь является индивидуальным речевым произведением конкретного политика. Таким образом, в немецкой парламентской речи личность создателя текста и автора текста, на которого ложится полная ответственность за сказанное, совпадают. Одной из имманентных дискурсивных характеристик политической коммуникации является институциональность политической речи, то есть принадлежность автора к тем

или иным политическим и социальным институтам и роль в этих институтах. Являясь представителем определённой парламентской силы, депутат Бундестага олицетворяет свою партию, фракцию или коалицию, которая, в свою очередь, действует в интересах избирателей.

Следующей дискурсивной характеристикой является адресность текста. Она определяет, кто является адресатом речи – отдельный человек, группа людей или широкие массы. В случае парламентских дебатов мы легко приходим к выводу, что конечным адресатом коммуникации в первую очередь является народ, осуществляющий избирательскую деятельность в отношении депутатов. Парламентарий, выступая на пленарном заседании, дебатировать с политическими оппонентами, но переубедить пытается именно политически ангажированное население страны. Важную роль в процессе вовлечения масс в политические прения играют агональность и театральность политических дебатов, о которых пишет в своей работе Е.И. Шейгал [7]. Приветствия перед началом речи «*Sehr geehrte(r) Herr/Frau Präsident/-in, Liebe Kolleginnen und Kollegen*» подчёркивают факт обращения политика именно к коллегам по парламенту. Обращения к народу «*Liebe Landsleute, Sehr geehrte Gäste hier im Haus*» сближают говорящего со сферой лично-ориентированного дискурса, но встречаются значительно реже, в основном, в обсуждениях вопросов, касающихся социальной и экономической жизни государства. С этими сферами массовый слушатель сталкивается ежедневно, и поэтому обращение непосредственно к населению имеет больший потенциал склонить слушателей на свою сторону. Таким образом, формальными адресатами коммуникации в политических дебатах являются участники заседания, но главной целью речевого воздействия является население страны.

По своей форме, парламентские дебаты, несомненно, представляют собой диалогический тип коммуникации. Речь идёт, в первую очередь, о характере взаимодействия непосредственных участников коммуникации. Как правило, в начале заседания с докладом выступает федеральный канцлер, министр или председатель той или иной партии. Вслед за выступлением проводится т.н. «*Fragestunde*», на котором политики имеют возможность задать выступающему вопрос, не обязательно касающийся его предыдущей речи. В рамках т.н. «*Aktuelle Stunde*» парламентарии в порядке очереди представляют свои доклады по определённой теме. В ходе выступления депутата, его оппонент имеет право задать встречный вопрос — «*Zwischenfrage*», который, тем не менее, может быть отклонён говорящим. По этой причине парламентарии нередко прибегают к т.н. «*Zwischenruf*», то есть выкрикам с места. Выкрики с места представляются нам ценным объектом для дальнейшего исследования, так как они, в противовес выступлениям за трибуной, отличаются неподготовленностью и являются экспрессивной моментальной реакцией на сказанное политическим противником.

Не менее важной характеристикой дискурса является категория эзотеричности или доступности текста для массового адресата. Следует отметить, что для понимания полного смысла каждого высказывания в рамках дебатов адресату требуется знание определённых экстралингвистических факторов. Это несколько затрудняет восприятие речи у аполитичных слоёв населения, которые могут быть не осведомлены о принятых ранее политических решениях, ключевых событиях, личности политика, имидже его партии и т.п. Тексты дебатов бывают полны отсылок, аллюзий и прямых упоминаний фактов действительности, о которых хорошо известно самим участникам заседания, но которые могут быть неизвестны людям, не интересующимся политикой. Политической коммуникации присуща эзотеричность как имманентная характеристика. Особенно ярко эта черта проявляется в парламентских дебатах, где каждая реплика может быть воспринята по-разному разными слушателями. Делая заявление или отвечая оппоненту на критику, депутат осознанно или неосознанно утаивает детали, важные для понимания полного смысла сказанного.

Важной дискурсивной характеристикой по А.П. Чудинову является соотношение в тексте ритуальности и информативности. В парламентских дебатах явно обнаруживается приверженность участников коммуникации определённым ритуальным ролям. На этот фактор влияет политический спектр партии, к которой принадлежит депутат, его персональные политические воззрения, личные качества и др. В зависимости от программы заседания и участия с докладами определённых политиков, можно успешно прогнозировать ход дебатов и предугадывать аргументы, которые будут высказаны тем или иным парламентарием. По нашему представлению, парламентские дебаты, как неотъемлемая часть политической жизни в демократическом государстве, представляют собой во многом ритуальный жанр коммуникации. Регулярные заседания Бундестага являются политической традицией и объектом пристального интереса многих немецких граждан. В ходе дебатов политики не только обсуждают, критикуют и договариваются, но и устраивают своего рода «политическое шоу», направленное на завоевание голосов электората. Таким образом, в текстах парламентских дебатов по классификации профессора А.П. Чудинова ритуальный аспект превалирует над информативным.

Следующим пунктом в номенклатуре коммуникативно-дискурсивных характеристик текста является соотношение личностного и институционального компонентов. Политический дискурс парламентских деба-

тов весьма однозначно можно причислить к институциональному типу дискурса. В дебатном общении на высоком парламентском уровне существуют регламентированные правила коммуникации, каждый из заседателей является представителем определённой политической партии, фракции или коалиции, в связи с чем высказывания конкретного лица непосредственно соотносятся с общим имиджем и политической программой его единомышленников. В работах учёных, занимающихся изучением дискурса, институциональный дискурс понимается как «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [7, с. 43]. В.И. Карасик отмечает, что институциональный дискурс — это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [2, с. 292]. Каждый из участников дебатов является представителем своей фракции, партии, коалиции или напрямую представляет своих избирателей, многие из политиков занимают позиции важных функционеров государства, являясь высокопоставленными должностными лицами. Таким образом, статусы и политические роли коммуникантов жестко закреплены и имеет место утверждение о том, что в текстах политических дебатов институциональный аспект явно превалирует над личностным.

Выше было упомянуть о категории информативности, которая имеет связь с взаимоотношением в тексте редуционизма и полноты информации. Как пишет А.П. Чудинов «степень редуционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов». Излишняя запутанность, сложность текста делает его малопривлекательным для широких масс населения, на которые и хотят в итоге повлиять парламентарии в ходе дебатов. По этой причине текстам парламентских дебатов присуща тенденция к редуционизму, намеренному исключению фактов, доступных для понимания лишь узкопрофильным специалистам. Склонность к редуционизму, на наш взгляд, сближает тексты парламентских дебатов с популярно-политическими жанрами коммуникации, такими как политическая статья или фельетон.

В номенклатуре коммуникативно-дискурсивных характеристик текстов парламентских дебатов особенно стоит выделить тесно взаимосвязанные категории экспрессивности и оценочности. Дискурс парламентских дебатов характерен отказом от стандартизации речи в угоду экспрессивности и стилистической привлекательности для стороннего слушателя. Яркую эмоциональную окрашенность текстам политических дебатов придаёт обилие оценочной лексики как с позитивной, так и с негативной коннотацией, распространённое использование морфологических, грамматических и стилистических средств выразительности, экспрессивного синтаксиса, окказиональных слов и т.д. Преобладание явной оценочности над скрытой является неотъемлемым свойством политических дебатов как агонального жанра коммуникации. Стандартизация высказываний, предельная толерантность к оппонентам и сухость политического языка сделали бы парламентские дебаты крайне непопулярным явлением среди широких масс населения, а ведь именно простые граждане, в конечном итоге, осуществляют избирательную деятельность, делая возможным функционирование парламента.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы об основных коммуникативно-дискурсивных характеристиках текстов парламентских дебатов ФРГ:

— В качестве автора высказывания в дебатах Бундестага выступает сам парламентарий, на которого и ложится полная ответственность за сказанное. Личность формального и номинального автора текста однозначно установить невозможно, она может не совпадать, так как текст выступления может быть создан или отредактирован сопартийцами выступающего.

— Конечным адресатом парламентских дебатов является всё политически ангажированное население страны. Дискуссия в парламенте нацелена, в первую очередь, на изменение мнения не политических оппонентов, которые имеют устоявшуюся и сформированную позицию по определённому вопросу, а электората, избирающего депутатов в парламент.

— Парламентские дебаты могут принимать различные формы (вопросы, обсуждения, комментарии), но характер коммуникации всегда остаётся диалогическим.

— Эзотеричность является неотъемлемой характеристикой как для политической коммуникации в целом, так и для парламентских дебатов в частности. Речи политиков ориентированы на широкие массы слушателей, но для понимания полного смысла высказывания нередко требуются определённые фоновые знания, так как тексты дебатов полны отсылок, аллюзий и указаний на прецедентные феномены.

— В текстах политических дебатов ФРГ преобладает ритуальность, заключающаяся в традиционном распределении ролей участников коммуникации, в соответствии с их политической ориентацией и статусом.

— В рассматриваемых текстах ярко выражен институциональный компонент, непосредственно следующий из приверженности политиков своим партиям, фракциям, коалициям, министерствам или

департаментам. Элементы личностно-ориентированного дискурса проявляются чаще в речах беспартийных политиков, представляющих своих избирателей напрямую, а также в текстах выступлений на социально-политические, экономические, культурные темы, как наиболее приближенные к сферам ежедневной жизни населения страны.

— Дебаты, как жанр политической коммуникации, отличаются тенденцией к редукционизму, то есть намеренному урезанию фактов действительности, понятных лишь узкому кругу специалистов. Конечным адресатом политических дебатов является народ, потому стремление к упрощению речи позволяет политикам охватить более широкий круг слушателей.

— Дискурс парламентских дебатов характеризуется отказом от стандартизации речи в пользу эмоционального и экспрессивного компонентов. Путём использования эксплицитных средств выражения положительной и отрицательной оценки, а также речевых средств выразительности на всех уровнях, участники дебатов поддерживают театральную функцию политической коммуникации. Данная функция заключается в манипуляции общественным сознанием с целью сделать как можно большее количество граждан страны участниками проходящих в стране политических процессов и склонить избирателей на свою сторону.

— Агрессивность является имманентной характеристикой парламентских дебатов как агонального жанра коммуникации.

Литература

1. Волошина Н.В. Дебаты как речевой жанр в профессиональной деятельности учителя: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 180 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Косовцева А.В. Дискурс британских парламентских дебатов, его системообразующие признаки // *Lingua Mobilis*. 2012. № 4 (37). С. 82 – 88.
4. Сапрыкина Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ: автореф. дис. ... к. филол. н. Уфа, 2007. 19 с
5. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2012. № 2. С. 53 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 04.03.2023)
6. Шамне Н.Л., Карякин А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2011. № 1-13. С. 204 – 208. <https://cyberleninka.ru/article/n/rehevaya-agressiya-kak-narushenie-ekologichnosti-politicheskogo-diskursa> (Режим доступа: свободный, дата обращения: 01.05.2022)
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Российская государственная библиотека: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 440 с.

References

1. Voloshina N.V. Debaty kak rechevoj zhanr v professional'noj dejatel'nosti uchitelja: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 180 s.
2. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
3. Kosovceva A.V. Diskurs britanskih parlamentskih debatov, ego sistemoobrazujushhie priznaki. *Lingua Mobilis*. 2012. № 4 (37). S. 82 – 88.
4. Saprykina E.V. Sposoby reprezentacii rechevogo dejstvija «obvinenie» v parlamentskom diskurse: na materiale parlamentskih debatov bundestaga FRG: avtoref. dis. ... k. filol. n. Ufa, 2007. 19 s
5. Chudinov A.P. Diskursivnye harakteristiki politicheskoi kommunikacii. *Politicheskaja lingvistika*. 2012. № 2. S. 53 – 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (data obrashhenija: 04.03.2023)
6. Shamne N.L., Karjakin A.V. Rehevaja agressija kak narushenie jekologichnosti politicheskogo diskursa. *Vestnik VolGU. Serija 2: Jazykoznanie*. 2011. № 1-13. S. 204 – 208. <https://cyberleninka.ru/article/n/rehevaya-agressiya-kak-narushenie-ekologichnosti-politicheskogo-diskursa> (Rezhim dostupa: svobodnyj, data obrashhenija: 01.05.2022)
7. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: RGB, 2005. 440 s.

*Shushunov N.S., Postgraduate,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

**Communicative and discursive characteristics of parliamentary
debate texts (based on Bundestag meeting protocols)**

Abstract: this article examines the communicative and discursive characteristics of parliamentary debate texts. The aim of this study is to identify and describe the inherent intrinsic characteristics of parliamentary debate texts. The research was conducted with the help of cognitive-discursive method and component analysis. The results of the study show that parliamentary debates have unique communicative and discursive characteristics, which distinguish debates from other forms of communication. Among others, the article describes such features of the debate communication as its institutional nature, i.e. the belonging of the participants of the dialogue to certain state or social structures, the deliberate reduction of the facts clear only to specialists in order to make the text accessible to a wide range of listeners, the implicit orientation of communication and argumentation towards the mass recipient, the ritual and esoteric nature of political debate, which lies in involving the listener's background knowledge and using precedent facts. The obtained results emphasize the importance of further study of the communicative and discursive characteristics of debates and the main communicative strategies used in the context of political confrontation. The conclusions drawn from the study are very important for future research related to the functioning of argumentative and aggressive components in political communication. The practical value of the study is that the description and comprehension of the immanent characteristics of parliamentary debates can help to improve the transparency, accountability and efficiency of democratic decision-making processes.

Keywords: parliamentary debates, political discourse, communicative and discursive characteristics, discursive features, cognitive and discursive method, component analysis

For citation: Shushunov N.S. Communicative and discursive characteristics of parliamentary debate texts (based on Bundestag meeting protocols). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (3). P. 218 – 223.